

№ 19 (138) 2012
Выпуск 24

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Издатель:
НИУ «БелГУ».

Издательский дом «Белгород».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-21121 от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

О.Н. Полухин,
и.о. ректора НИУ «БелГУ», доктор
политических наук, профессор

Зам. главного редактора

И.С. Константинов,
и.о. проректора по научной
и инновационной работе НИУ «БелГУ»,
доктор технических наук, профессор

Ответственные секретари:

В.М. Московкин,
профессор кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ», доктор географических наук

О.В. Шевченко

зам. начальника УНИД НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Главный редактор серии

В.А. Шатовалов,
и.о. проректора по качеству, заочному
обучению и дополнительному
образованию НИУ «БелГУ»,
доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Н.Н. Болгов,
заведующий кафедрой всеобщей истории
и зарубежного регионоведения НИУ
«БелГУ», доктор исторических наук,
профессор

И.Т. Шапохин,

профессор кафедры российской истории
НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

В.Н. Шилов,

профессор кафедры культурологии
и политологии НИУ «БелГУ»,
доктор философских наук, профессор

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

История Политология Экономика
Информатика

Belgorod State University
Scientific Bulletin

History Political science Economics
Information technologies

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Древнегреческая героическая традиция к началу греко-персидских войн: социальный и политический аспекты.

Ю.О. Змитрякова 5

Клавдий и начало боспоро-римской войны. **А.Р. Панов 10**

К вопросу об изменении религиозных представлений варваров Северной Европы в римское время. **С.В. Ярцев 15**

Византийская Африка: исторический фон «Иоанниды» Кориппа. **К.Н. Болгов, Н.Н. Болгов 23**

Инаугурационная церемония и коронационный *ordo* Карла V 1364 г. **С.А. Польская 33**

«Сухопутная пиратская война», или «Война партизанских отрядов»: «взбунтовавшийся» горец в Шотландии в XVIII веке. **С.Г. Малкин 45**

Конфессиональный состав сикхской армии и его особенности при Махарадже Ранджите Сингхе и его преемниках.

К.А. Демичев 50

Парижская коммуна и церковь. **Е.А. Антонов, А.П. Короченский 58**

Международные аспекты Гражданской войны в Испании 1936-1939 годов в зарубежной историографии.

В.В. Малай 63

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Становление и эволюция казачьих военных формирований Брянского региона. **В.В. Дзюбан, С.А. Киселев 72**

«Должностная поэзия» М.В. Ломоносова как исторический источник. **И.С. Демаков 80**

Определение понятия «дворовые люди» в правовых актах и мемуарных источниках XIX века. **О.Н. Черкашина 85**

Правительственные проекты реформирования налогообложения в России и предпринимательские организации во второй половине XIX века. **А.Н. Мошкин 90**

Церковная интеллигенция в российской провинции во второй половине XIX – начале XX веков. **Т.А. Вепренцева 97**

Историографические аспекты проблемы развития русско-украинских отношений в великорусских губерниях юга России в пореформенный период (на примере Курской и Воронежской губерний). **А.И. Дудка 102**

Деятельность Русской Православной церкви в сфере народного образования в конце XIX – начале XX веков. **Т.Е. Житенев 109**

Ответственный секретарь

Василенко В.В.,
доцент кафедры всеобщей истории
и зарубежного регионоведения
НИУ «БелГУ», кандидат
исторических наук

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических
наук, профессор (Магнитогорский
государственный университет)

В.И. Бортников, доктор политических
наук, профессор (Восточно-Европейский
национальный университет им. Леси
Украинки, г. Луцк, Украина)

Н.А. Гаврилюк, доктор исторических
наук (Институт археологии Националь-
ной академии наук Украины)

А.В. Глухова, доктор политических
наук, профессор (Воронежский государ-
ственный университет)

М. Казански, доктор истории
(Центр изучения византийской цивили-
зации, Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии
(Университет штата Теннесси, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических
наук, доцент (Белгородский государ-
ственный национальный исследователь-
ский университет)

Е.А. Молев, доктор исторических наук,
профессор (Нижегородский государ-
ственный университет
им. Н.И. Лобачевского)

М. Плувиано, доктор истории
(Генуэзский университет, Италия)

С.И. Посохов, доктор исторических
наук, профессор (Харьковский наци-
ональный университет им. В.Н. Каразина,
Украина)

И.М. Пушкарева, доктор исторических
наук, старший научный сотрудник (Ин-
ститут российской истории Российской
академии наук)

С.Б. Сорочан, доктор исторических наук,
профессор (Харьковский национальный
университет им. В.Н. Каразина, Украина)

Н.П. Тельнов, доктор истории (Институт
археологии Национальной академии наук
Республики Молдова)

И.М. Тодоров, доктор истории, доцент
(Великотырновский университет
«Св. Кирилла и Мефодия», Болгария)

Э.М. Щагин, доктор исторических наук,
профессор (Московский государственный
педагогический университет)

Статьи представлены в авторской редакции.

Подготовка к печати *Т.Г. Лагутиной*;
оригинал-макет *И.Г. Оноприенко, В.В. Василенко,*
Н.А. Гапоненко
E-mail: vasilenko_v@bsu.edu.ru

Подписано в печать 27.12.2012
Формат 60×84/8
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 23,71
Тираж 1000 экз.
Заказ 380

Подписной индекс в каталоге агентства
«Роспечать» – 18078

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован
в Издательском доме «Белгород»
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Регулирование рождаемости, незаконнорожденные и неродные
дети в дворянских и крестьянских семьях в XIX – начале XX
веков. **Ю.В. Золотухина 114**

Память о Второй Мировой войне в современном обществе: ин-
дивидуальный дискурс в контексте властного, государственного.
И.В. Реброва 119

Православное сообщество Курского края в условиях
советской антирелигиозной политики 1920-х–1930-х годов.
А.Ю. Бунин 124

Из истории борьбы с оппозицией в партийных организациях
советской провинции в 1925-1926 гг. : «Дело группы Нечаева»
в Белгородском уездном комитете ВКП(б) Курской губернии.
Е.Ю. Прокофьева 130

Национальный вопрос в Грузии и проблема самоопределения
южных осетин в 20-е годы XX века. **У.Ш. Тедеева 135**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Эволюция российских региональных электоральных процессов
в условиях институционально оформленного доминирования
федеральных акторов в региональных политических процессах
(2005-2011 гг.). **Н.Б. Чувилина 142**

Эволюция российской партийной системы в апреле-июле
2012 года. **А.М. Максимов 150**

Некоторые аспекты управления политизацией молодежи
в России. **М.В. Данилов 155**

Спрос на информационную открытость власти в молодежной
среде. **Д.Б. Боталова 159**

Проблемы формирования культуры легального политического
действия молодежи Центрально-Черноземного регион.
Р.В. Савенков 164

Роль общественных организаций в формировании электораль-
ной культуры молодежи (на примере Воронежской области).
И.А. Зверева 168

Локальные конфликты и их влияние на формирование поли-
тической культуры советской молодежи (на основе интервью
жителей Тверского края – участников боевых действий в Афга-
нистане). **М.В. Фоменко 173**

Некоторые особенности и тенденции этнических предпочтений
и ориентаций русской молодежи Башкортостана: количествен-
ный анализ. **А.С. Щербаков 178**

Гражданская активность в Ярославской области.
А.В. Соколов 183

Анализ исторических предпосылок и особенностей формирова-
ния гражданского общества в дореволюционной России в отече-
ственном и зарубежном гуманитарном знании.
В.В. Таточенко 187

«Газовый» конфликт между Россией и Украиной:
опыт разрешения в 1992 – 1999 годах. **Е.А. Метленко 192**

Сведения об авторах 197

Информация для авторов 199

№ 19 (138) 2012
Issue 24

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education
«Belgorod National Research University»

Publisher:

Belgorod National Research University.
Belgorod National Research University Press.
The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media
ПИ № ФС 77-21121 May 19, 2005.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin,

Acting Rector of Belgorod National Research University, Doctor of Political Sciences, Professor

Deputy Editor-in-Chief

I.S. Konstantinov,

Acting Vice-Rector on Scientific and Innovative Work of Belgorod National Research University, Doctor of Technical Sciences, Professor

Assistant Editors

V.M. Moskovkin,

Professor of World Economy Department of Belgorod National Research University, Doctor of Geographical Sciences

O.V. Shevchenko,

Deputy Head of Department of Scientific and Innovative Activity of Belgorod National Research University, Candidate of Historical Sciences

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Editor-in-Chief of the Series

V.A. Shapovalov,

Acting Vice-Rector on Quality Issues, Distance and Supplementary Education
Doctor of Historical Sciences, Professor
(Belgorod National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief

N.N. Bolgov,

World History and International Area Studies Department Chair
Doctor of Historical Sciences, Professor
(Belgorod National Research University)

I.T. Shatokhin,

Professor of the Russian History Department, Candidate of Historical Sciences, Professor
(Belgorod National Research University)

Belgorod State University
Scientific Bulletin
History Political science Economics
Information technologies

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

История Политология Экономика
Информатика

CONTENTS

WORLD HISTORY

The ancient Greek heroic tradition: social and political aspects of early Greco-Persian wars. **Yu.O. Zmitriakova 5**

Claudius and the beginning of the Bosporan-Roman war.

A.R. Panov 10

To the problem of religious beliefs changes among the barbarians of the Northern Europe in Roman time. **S.V. Yartsev,**

A.A. Maslennikov 15

Byzantine Africa: historical background of Corippus' «Iohannis».

K.N. Bolgov, N.N. Bolgov 23

Inaugural ceremony and Charles V's coronation *ordo* of 1364.

S.A. Polskaya 33

«Piratical war by land», or «war of partizan parties»: «rebellious» Highlander of Scotland in the XVIII c. **S.G. Malkin 45**

Confessional character of the Sikh army and its distinctions during Maharaja Ranjit Singh rule and his heirs. **K.A. Demichev 50**

Paris Commune and the Church. **E.A. Antonov, A.P. Korochensky 58**

International aspects of the Spanish Civil War (1936-1939) in foreign historiography. **V.V. Malay 63**

RUSSIAN HISTORY

Formation and evolution of Cossack military formations of the Bryansk region. **V.V. Dzuban, S.A. Kiselev 72**

Michael M. Lomonosov's «official poetry» as a historical source.

I.S. Demakov 80

Definition of concept "servants" in law acts and memoirs of the XIX century. **O.N. Cherkashina 85**

The governmental projects of the reshaping the taxation in Russia and business organizations in the second half of XIX cent.

A.N. Moshkin 90

All-Russian tendency of municipal formations enlargement in the terms of local self-government reformation. **T.A. Veprentseva 97**

Historiographic aspects of a problem of development of the Russian-Ukrainian relations in great Russian provinces of the South of Russia during the poreformenny period (on an example of Kursk and Voronezh provinces). **A.I. Dudka 102**

The Russian Orthodox Church in sphere of the public education in late XIX – early XX centuries. **T.E. Zhitenev 109**

V.N. Shilov,
Professor of the Cultural and Political Studies Department, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Editorial Assistant

V.V. Vasilenko,
Associate Professor of the World History and International Area Studies Department Candidate of Historical Sciences (Belgorod National Research University)

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, Doctor of Historical Sciences, Professor (Magnitogorsk State University)

V.I. Bortnikov, Doctor of Political Sciences, Professor (East European National University after Lesya Ukrainka, Lutsk, Ukraine)

N.A. Gavrilyuk, Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of National Academy of Sciences of Ukraine)

A.V. Glukhova, Doctor of Political Sciences, Professor (Voronezh State University)

M. Kazanski, PhD in History (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in Political Science (Middle Tennessee State University, USA)

K.N. Lobanov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russian Federation)

E.A. Molev, Doctor of Historical Sciences, Professor (Nizhniy Novgorod State University after N.I. Lobachevskiy)

M. Pluviano, PhD in History (University of Genoa, Italy)

S.I. Posokhov, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kharkov National University after V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Pushkareva, Doctor of Historical Sciences, Senior Scientific Worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

S.B. Sorochan, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kharkov National University after V.N. Karazin, Ukraine)

N.P. Telnov, PhD in History (Institute of Archaeology of National Academy of Sciences of Moldova)

I.M. Todorov, PhD in History, Associate Professor (Velikotyrnovo University «St. Cyril and Methodius», Bulgaria)

E.M. Shagin, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow State Pedagogical University)

The articles are given in authors` editing.

Prepared for release *T.G. Lagutina*;
dummy layout by *I.G. Onoprienko, V.V. Vasilenko, N.A. Gaponenko*
e-mail: vasilenko_v@bsu.edu.ru

Passed for printing 27.12.2012
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 23,71
Circulation 1000 copies
Order 380

Subscription reference
in Rospechat` agency catalogue – 18078

Dummy layout is replicated at Belgorod National Research University Publishing house "Belgorod"
Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia, 308015

Birth-rate regulation, illegitimate and non-own children in the noble and peasants` families in the XIX – early XX cent.

Yu.V. Zolotukhina 114

Memory about the Second World War in the contemporary Russian society: individual discourse in the context of state ideology. **I.V. Rebrova 119**

Orthodox society of Kursk region in the period of Soviet antireligious policy in 1920s–1930s. **A.Yu. Bunin 124**

From the history of the fight with the underground opposition in the Party organizations of the Soviet province in 1925-1926: «The case of the Nechaev's group» in Belgorod Committee of the Kursk province. **E.Yu. Prokofieva 130**

The national matter in Georgia. Problem of South Ossetians' self-determination in the 1920s century. **U.Sh. Tedeeva 135**

POLITICAL SCIENCE

Evolution of the Russian regional electoral processes under conditions of institutionally formed dominance of federal actors in regional political processes (2005-2011). **N.B. Chuvilina 142**

The evolution of the Russian party system in April-July 2012.

A.M. Maximov 150

Some aspects of the management the politicization of youth in Russia. **M.V. Danilov 155**

The demand of government information openness among young generation. **D.B. Botalova 159**

Problems of formation of culture of legal political action of youth of Central Black earth region. **R.V. Savenkov 164**

The role of public organizations in the formation of electoral culture of youth (on the example of Voronezh region). **I.A. Zvereva 168**

Local conflicts and their influence on the formation of the political culture of the Soviet youth (on the basis of the interviews of the citizens of the Tver region – veterans of the war in Afghanistan).

M.V. Fomenko 173

Some features and trends of ethnic preferences and orientations of the Russian youth of Bashkortostan: a quantitative analysis.

A.S. Shcherbakov 178

Civic engagement in the Yaroslavl region. **A.V. Sokolov 183**

The analysis of historical preconditions and features of the civil society formation in pre-revolutionary Russia in domestic and foreign humanitarian knowledge. **V.V. Tatochenko 187**

The "gas" conflict between Russia and Ukraine: the experience of conflict resolution in 1992 – 1999. **E.A. Metlenko 192**

Information about Authors 197

Information for Authors 199

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 98 (34)

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ ГЕРОИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ К НАЧАЛУ ГРЕКО-ПЕРСИДСКИХ ВОЙН: СОЦИАЛЬНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ*

Ю.О. ЗМИТРЯКОВА*Казанский (Приволжский)
федеральный университет**e-mail: juliazmitr@gmail.com*

Рассмотрение героической традиции¹ Древней Греции классического периода в связи с социальными и политическими явлениями накануне и в самом начале Греко-персидских войн не предпринималось исследователями напрямую. Ранее изучение развития героической традиции не подразумевало непосредственный поиск причинно-следственных связей между событиями и откликом на них религиозного обычая поклоняться героям. Соответственно, анализ данных вопросов носил опосредованный характер.

Ключевые слова: культ героев, древнегреческая героическая традиция, Афины, Спарта, Греко-персидские войны, Марфонское сражение, классический период, политическое использование культа героев.

В конце VI в. до н.э. в Древней Греции произошли изменения, повлиявшие на формирование несколько иного отношения в обществе к героическому культу². Следует отметить, что культ, вероятно, в скором времени после своего возникновения и оформления, перестал быть чисто религиозным явлением и частично обрел политическую окраску. Однако изначальная причина возникновения культов, как правило, лишена политизированности. Ситуация, когда в обществе возникает потребность в обозначении высших фигур, всегда подталкивает и политическую инициативу. Обратная связь также возможна, но, тем не менее, политизированное возвышение культа того или иного героя могло проистекать только из оформления в обществе своего рода запроса. Политическая инициатива также не всегда являлась, за редким исключением, полностью преднамеренно-пропагандистской, поскольку носила отчасти характер быстрого отклика на происходившие события и скорее имела интуитивную природу.

* Статья подготовлена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Государственный контракт № 14.А18.21.0052.

¹ Под «героической традицией» в рамках данного исследования понимается часть общественного опыта, связанная с установлением характерных представлений, имеющих прямое или косвенное отношение к героическому культу и сформированных несколькими поколениями. Героическая традиция является понятием, включающим в себя культ героев и ряд связанных с ним явлений, имеющих косвенное или прямое отношение к понятию «героического».

² «Культ героев» – понятие, которое обычно характеризует ряд явлений, как религиозно-практического характера, материальную атрибутику, так и явления ментального толка. Это понятие предполагает их общность и централизуется теми или иными фигурами культового почитания.

Задаваясь вопросом о происхождении культа, исследователи неизбежно сталкиваются с преобладающей версией относительно того, что культ героев происходит из развития эпического жанра и появления гомеровских произведений. Таким образом, по мнению некоторых из них, зарождение культа героев в том виде, в каком его знали в классическую эпоху, должно было произойти в VIII в. до н.э. (согласно датировке Дж.Л. Ларсон, в XI–IX вв. до н.э.)³. Гомеровские произведения — первые свидетельства древнегреческого эпического жанра, прославляли героев-ахейцев и героев-троянцев. Вероятность того, что «Илиада» и «Одиссея» не были совершенно уникальными в своём роде произведениями того времени, довольно мала. Как известно, творчество Гесиода было более поздним. Кроме того, существуют сомнения относительно авторства Гесиода и датировки приписанных ему стихов. Тем не менее, исследователь сталкивается со строками из гесиодовых «Трудов и дней», относительно четвёртого поколения людей, которое характеризуется им как первое полностью героическое⁴ (Hesiod. Erg., 155–173)⁵. И это поколение составляли герои, осаждавшие Трою. Впрочем, мы склонны считать, что культ героев несколько более древний, чем культ гомеровских персонажей⁶. И в «Илиаде» есть свидетельства, подтверждающие это, например, явные отголоски культа Геракла, который является представителем куда более ранних слоёв мифа (Hom. Il. II, 650–680; V, 626–640; XI, 689; XIV, 245–247, 315; XV, 25, 639; XVIII, 117; XIX, 99; XX, 145; Od. VII, 224; XI, 265–271, 601–605; XX, 25–40), не говоря уже о «Щите Геракла» всё того же Гесиода. Эти свидетельства, пусть и сомнительны относительно времени происхождения текстов поэм, но всё же наталкивают на размышления, поскольку в «Илиаде» рассказывается и о том, что Геракла почитают как героя уже представители «героического» поколения, включая его сына Тлеполема, тоже героя⁷.

До VI в. до н.э. героизация недавно умерших, но, по всей вероятности, реальных личностей являлась событием, встречающимся хоть и часто, но ни в коем случае не массовым. Мифические персонажи-герои при этом оставались широко почитаемыми фигурами высшего порядка. Но к началу V в. до н.э., ещё до первых крупных сражений с армией персидских царей, в эллинском обществе наблюдается тенденция к расширению включаемых в число героев людей. Это, например, хорошо видно из того, на каком все более высоком уровне начинали почитаться ещё живые победители атлетических состязаний, впоследствии героизировавшиеся. Явным свидетельством тому являются, многочисленные сохранившиеся эпиникии Пиндара (522–448 гг. до н.э.) и других, более поздних авторов. В книге «Пиндар и культ героев» Б. Курри обозначает тех победителей, о чьём культе было известно из других источников (то есть, они были героизированы после смерти), и для кого Пиндар ещё при их жизни написал один (или более) эпиникий. Ферон (Pind. Ol. II, Ol. III; Diod. II, 53, 2), Гиерон (Ol. I; Pyth. I, II, III; Diod. II, 66, 4; Strabo. 6.2.3 268) и Батиад из Кирены (Pind. Pyth. IV, V), Аркесилай (Pyth. V. 96–97)⁸ — вот те из заказчиков Пиндара⁹, что удостоились героизации. Данные, описанные археологами, подтверждают, что героизация всех победителей происходила после их смерти. Так, например, утверждает В.Дж. Рашке: «Один и тот же образ, курос, в архаический период мог репрезентовать бога

³ Larson J.L. Ancient Greek Cults: a guide. N.Y., 2007. P. 196–208; Burkert W., Raffan J. Greek Religion: archaic and classical. Oxf., 2004. P. 204.

⁴ Р. Гарланд высказывался об этом эпизоде, как об очень важном, поскольку там представлена жизнь героев на островах блаженных, что вскрывает греческую концепцию посмертного существования героев.

⁵ Garland R. The Greek Way of Death. N.Y., 2001. P. 61.

⁶ Дж. Уитли: «... Культы поименованных героев, также героев известных из эпической поэзии, скорее редкость в период Архаики. На самом деле, есть только одно эпиграфическое доказательство, что «эпические» герои были почитаемы до 500 г. до н.э.: героин Елены и Менелая (так называемый Менелайон) в Терапе под Спартой. Хотя есть также votivные подношения на Агамемнонейон в Микенах и пещера на Итаке, датируемая восьмым, седьмым и шестым веками, нет конкретных доказательств, что храм восьмого века был связан с Агамемноном или Одиссеем, до классического или эллинистического периода. Из всех эпических героев, только Геракл, похоже, был широко почитаем в архаическое время и Геракл-бог, более чем герой» (Whitley J. The archaeology of Ancient Greece. Cambridge, 2003. P. 153).

⁷ Мы уже говорили о том, что дети великих героев мифа, сами нередко считались героями, даже при отсутствии у него одного из родителей божественного происхождения, и Тлеподем, сын Геракла, лишнее тому подтверждение.

⁸ Currie V. Pindar and the Cult of Heroes. Oxf., 2010. P. 3.

⁹ Батиада и Аркесилай сам Пиндар упоминает, как героизированных.

и героизированного человека, статус «героя» достигался либо через успех на поле атлетики или благодаря преждевременной смерти, в контексте традиционного восприятия того, что это было наиболее почётно — умереть на пике своих сил, в расцвете мужественности (см. «Клеобис и Битон» в Дельфах, которые в награду за то, что доставили повозку своей матери, жрицы Геры, к Героону в Аргосе, умерли в час своего триумфа)¹⁰. И хотя приводимая в доказательство история не относится напрямую к состязаниям, мы поддерживаем утверждения относительно полной героизации победителей только после их кончины. Мы также склонны считать, что героизировались (опять-таки, после смерти) практически все, кому удавалось получить венок (знак победы и победителя) в состязаниях подобного рода. Что касается более мелких, не общеэллинических состязаний, мы не считаем, что героизация была возможна во всех случаях.

Уже упомянутый здесь Б. Курри также пишет, обобщая выводы нескольких исследователей, что в архаический и классический периоды каждый павший в битве был героизирован¹¹. Впрочем, с этим его утверждением можно более чем успешно поспорить, поскольку доказательств этому недостаточно. Даже если учесть обстоятельства захоронения многих воинов, погребённых на месте сражений и впоследствии героизированных, мы не можем говорить о том, что подобное явление носило поголовный характер в силу состояния источников. Впрочем, Греко-персидские войны (500–449 гг. до н.э.), которые в V в. до н.э. оказали мощное влияние на общество, фокусируют огромную часть нашего внимания на подтипе героя-воина. Мы можем только предполагать, был ли культ предков, который, по сути, стал базовым элементом для культа героев, также изначально связан с почестями павшим воинам или охотникам. Скорее всего, почитание героев-воинов — это довольно ранняя составляющая культа героев и, пожалуй, именно смерть на войне и участие в войне — одна из самых часто встречающихся в источниках причин, по которой тот или иной человек мог быть героизирован. Но едва ли это делало героизацию обязательной.

С началом Греко-персидских войн культ обретает политическую окраску более яркую, чем это было ранее. Но его «демократизация» или более широкое применение героизации, как мы уже обозначили, к тому времени уже проявились достаточно чётко. Таким образом, события Греко-персидских войн послужили не столько началом для процессов дальнейшей демократизации и политизации культа героев, сколько катализатором или усилителем этих процессов.

В начале V в. до н.э. состоялось сразу несколько сражений, которые стали знаковыми не только для древнегреческой истории, но и для общемировой. Среди них Марафонская битва (490 г. до н.э.), Фермопильское сражение (480 г. до н.э.), Саламинское сражение (480 г. до н.э.), битва при Платеях (479 г. до н.э.) и т.д. И, пожалуй, именно они послужили не только источником вдохновения древнегреческих авторов к описанию силы эллинов, но и базисом для политической пропаганды. Немаловажную роль в пропагандистском использовании этих событий сыграл и культ героев. Как правило, к политическому использованию культа героев обращаются реже, чем к религиозной стороне культа¹². Отчасти это можно объяснить не таким уж богатым (по сравнению со второй тематикой, по крайней мере) источниковым материалом. Впрочем, работы по этой теме есть. В 2004 г. С.М. Дауни была защищена докторская диссертация по философии — «Политическое использование культа героев в Олимпии и Дельфах»¹³.

Примечательно, что многие события Греко-персидских сражений служили подобным целям (в качестве политического инструмента) и довольно продолжительное время после того, как были оставлены позади не только они, но и другие важные этапы древнегреческой истории, о чём мы судим, в частности, из свидетельств Павсания (II в. н.э.)¹⁴. Че-

¹⁰ Raschke W.J. The archaeology of the Olympics: the Olympics and the other Festivals in Antiquity. Madison, 1988. P. 39.

¹¹ Currie V. Pindar and the Cult of Heroes. Oxf., 2010. P. 88. Курри ссылается на мнение ряда учёных, таких как Л.Р. Фарнелл, Д. Борингер, П. Конолли и И. Малкин. Но Курри несколько обостряет постановку вопроса. О поголовной героизации всех павших в сражениях именно в этот период речь не идёт.

¹² Однако, под «политическим использованием», на наш взгляд, можно понимать совершенно разные моменты от обоснований территориальных претензий до идеологической мотивации к началу войны.

¹³ Downie S.M. The political Uses of Hero Cult at Olympia and Delphi. Ottawa, 2004.

¹⁴ «Описание Эллады» Павсания датируют 160 г. н.э.

рез семь веков после окончания Греко-персидских войн, писатель уделял огромное внимание памятникам, которые были посвящены сражавшимся в различных битвах. Например, говоря о могилах всем афинянам, павшим в морских и сухопутных боях, он особо выделяет, что памятник участникам битвы при Марафоне установлен на том месте, где они сражались (Paus. I. 19. 4). Повествует он и о том, что марафоняне почитают всех павших в этой битве как героев (Paus. I. 32. 4). Кроме того, Павсаний описывает, что на месте Марафонского сражения каждую ночь можно слышать ржание лошадей и видеть сражающихся воинов (Paus. I. 32. 3). Описаны им и находящиеся в почёте могилы беотийских платейцев и даже рабов, которые бились вместе с элинами против захватчиков, а также могила Мильтиада (Paus. I. 32. 2). Мильтиад, сын Кимона назван славным героем означенного сражения, что подтверждается и более ранним свидетельством Геродота, где он говорит о почестях этому герою, победителю при Марафоне, и об играх, устраиваемых в его честь (Herod. VI. 38). И это, несмотря на обвинение в неудачах Мильтиада под Паросом (Herod. VI. 136). Мильтиад был оправдан, благодаря заслуге при Марафоне.

Из этих свидетельств можно сделать очевидный вывод о серьёзном значении для афинян Марафонского сражения, которое повлекло за собой такую, по сути, массовую героизацию участвовавших в нём греков. Как пишет Дж. Уитли об этом сражении: «В какое-то более позднее время «Марафономахи» (афинские гоплиты, которые сражались и погибли при Марафоне) стали почитаться как герои. Мы не знаем точно, когда это произошло, но это, конечно, согласуется с моделью культов нового героя, который был характерен для новой демократии»¹⁵.

Таким образом, к 490 г. до н.э. героизация, вероятно, приобретает массовый характер, а героическая традиция без существенных изменений своих канонов обретает более яркое политическое значение, поскольку благодаря героизации павших воинов повышалась ценность борьбы с врагом. Последовавшие за Марафонской битвой Фермопильское и Саламинское сражения также довольно ярко отражены у современников Греко-персидских войн Симонида Кеосского (556–468 гг. до н.э.), Эсхила (525–456 гг. до н.э.), Геродота (484–425 гг. до н.э.). Спартанский царь Леонид, равно как и все павшие в Фермопильском ущелье, были героизированы (Paus. III. 14. 1). О героизации фермопильских воинов сказано и у Геродота (Herod. VII. 225–233), благодаря описанию нескольких отрывков из фермопильских надписей. В этом же отрывке Геродот упоминает о погребении всех сражавшихся греков на месте битвы, а надписи косвенно свидетельствуют об их почитании. Некоторые из этих надписей в честь павших спартанцев должны были обозначить скорее славу Спарты, а вместе с ней и славу отдельных воинов. Таково мнение Дж. Мулинё¹⁶, и мы склонны согласиться с ним.

Кроме того, иногда, упоминания в источниках (в связи с тем или иным сражением) имен широко почитавшихся героев также считают не всегда случайными. Вот, что пишет по этому поводу Дж. Педли: «Мифические полубожественные герои пользовались давно подтвержденным благоговением. Геракл, например, чьи подвиги были известны по всей Греции и стали предметом поклонения, и нам известно об алтарях, посвящённых ему. Хорошо известен пассаж у Геродота (VI. 116), где описано, что афинская армия остановилась на отдых у его святилища на Марафоне перед величайшей битвой 490 г. до н.э. и после битвы, возвращаясь в Афины другим путём, рядом с другим его святилищем на берегу Иллисса»¹⁷. Впрочем, по нашему мнению, не стоит каждое упоминание связывать с неким влиянием почитаемого героя на исход различных битв. Скорее, в данном случае, значение имеет топографический фактор, и с помощью подобных обозначений античные авторы помогали сориентироваться на местности своему читателю.

Незадолго до начала Греко-персидских войн эллинское сознание в отношении культа героев совмещало сразу две тенденции: мифические герои по-прежнему были в почете, и их легендарное прошлое воспринималось элинами как собственная история. Наряду с этим, все более широкое распространение носила героизация современников конца VI и начала V вв. до н.э., а героические доблести с успехом приписывались не только умершим, примером чего, в определенном смысле, служат эпиникии. С началом мас-

¹⁵ Whitley J. The archaeology of Ancient Greece. Cambridge. 2003. P. 365.

¹⁶ Molyneux J.H. Simonides. A historical study. Wauconda, 1992. P. 186.

¹⁷ Pedley J. Sanctuaries and The Sacred in the Ancient Greek World. Cambridge, 2005. P. 35.

штабных столкновений с армией персидских царей широко практикуется героизация воинов-эллинов, павших в битвах с персами. В надписях они восхваляются на манер древних легендарных героев. Отчасти подобный поворот служил целям подготовки к дальнейшим сражениям, отчасти имел пропагандистский характер. Героизируя сражавшегося воина, полис, тем самым, всё сильнее политизировал религиозный культ, поскольку каждое действие в условиях постоянной персидской угрозы начинало приобретать более широкое значение, чем относительно привычные религиозные обряды или общественные акты.

THE ANCIENT GREEK HEROIC TRADITION: SOCIAL AND POLITICAL ASPECTS OF EARLY GRECO-PERSIAN WARS

Yu.O. ZMITRIAKOVA

Kazan' (Volga Region) Federal University

*e-mail:
juliazmitr@gmail.com*

Research of the heroic tradition of ancient Greece on the classical period in connection with social and political events before and at the beginning of the Greco-Persian Wars were not taken directly by researchers. Earlier studies of the heroic tradition does not contain an search for cause and effect between events and response on them religious custom to worship to heroes. Accordingly, the analysis of these issues bore indirect, not direct nature, off the rare exceptions.

The article presents the results of the sources and the literature on the subject.

Keywords: hero cult, the ancient Greek heroic tradition, Athens, Sparta, the Greco-Persian Wars, Marathon battle, the classical period, the political use of the cult of heroes.

КЛАВДИЙ И НАЧАЛО БОСПОРО-РИМСКОЙ ВОЙНЫ

А.Р. ПАНОВ

*Арзамасский государственный
педагогический институт
им. А.П. Гайдара*

e-mail: panov_alexandr@mail.ru

В статье исследуются обстоятельства начала боспоро-римского конфликта в 40-х гг. I в. н.э. Наиболее подробно автор останавливается на интерпретации сведений Тацита, в том числе, дает анализ употребления римским историком понятия *iniuria* в тех случаях, когда речь идет о взаимоотношениях зависимых правителей с Римом. По мнению автора, вина царя Митридата Боспорского могла заключаться во вмешательстве в римскую область компетенции, а именно в нарушении установлений Рима относительно распределения властных полномочий на Боспоре. Как полагает исследователь, Митридат ущемил права своей матери Гипеширии, ранее признанные Римом, что и стало формальным поводом для того, чтобы его брат Котис обратился за помощью к Клавдию. Обращение Котиса повлекло вмешательство Рима в дела Боспора, и на боспорском престоле Митридат был заменен более лояльным по отношению к Риму Котисом.

Ключевые слова: Рим, Боспор, Клавдий, Митридат.

Боспоро-римская война в 40-х гг. I в. н.э. представляла собой достаточно масштабный конфликт Рима с Боспорским царством, и потому интерес к ней со стороны представителей как античной, так и современной¹ историографии не случаен. Общий ход военных действий на Боспоре излагается Тацитом (Ann. XII. 15-21), но относительно предыстории и начальной фазы конфликта информация наших источников весьма отрывочная. Сохранилось лишь сообщение Диона Кассия (Dio Cass. LX. 28. 7), согласно которому царь Митридат, «замыслил изменить политику и стал готовиться к войне с римлянами», но после бегства матери, которая не одобряла его планы, «решив скрыть свои замыслы, отправил своего брата Котиса послом к Клавдию с поручением передать ему дружественные заверения. Тот же выполнил посольские обязанности недобросовестно, все рассказав (императору), и так сделался царем вместо Митридата (ὅτι ἐνεωτέρισε, καὶ παρεσκευάζετο εἰς τὸν κατὰ τῶν Ῥωμαίων πόλεμον... βουλόμενος ἐπικαλύψαι τὸ σπουδαζόμενον, αὐτὸς μὲν παρεσκευάζετο, πέμπει δὲ Κότιν τὸν ἀδελφὸν εἰς πρεσβείαν, φίλους λόγους τῷ Κλαυδίῳ κομίζοντα. ὁ δὲ παραπρεσβεύσας πάντα αὐτῷ κατεμήνυσε, καὶ βασιλεὺς Ἰβηρίας ἀντὶ Μιθριδάτου γίνεται)». Данный пассаж сохранился только в изложении Петра Патриция, причем Митридат ошибочно назван иберским, а не боспорским царем, но в остальном названные исторические детали кажутся вполне правдоподобными. В таком случае Дион Кассий виновником войны, безусловно, считал боспорского правителя, чьи антиримские планы не были поддержаны его же ближайшим семейным окружением, так что передача трона от вероломного Митридата преданному интересам Рима Котису с последующей военной поддержкой последнего выглядит вполне логичной.

К сожалению, более надежный письменный источник по рассматриваемым событиям отсутствует: одиннадцатая книга «Анналов» Тацита, где говорилось о начале войны, утрачена, хотя в последующем повествовании есть несколько намеков, проливающих свет на предшествующие события. С одной стороны, Тацит, говоря об отношении Митридата к Котису, использует для последнего определение «предатель (proditor)» (Tac. Ann. XII. 18), что является косвенным подтверждением версии Диона Кассия о том, что Котис предал

¹ Например, см. специальные исследования: Зубарь В.М., Шмалько А.В. Римско-боспорская война и Херсонес // Древности степного Причерноморья и Крыма. IV. Запорожье, 1993. С. 225-230; Пуздровский А.Е. Римско-боспорская война и этнополитическая ситуация в Крымской Скифии в середине I в. н.э. // Боспорский феномен: колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Ч. 2. СПб., 2001. С. 212-217; Горончаровский В.А. Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н.э. // Вестник древней истории. 2003. № 3. С. 161-170; Он же. Боспор и Рим в правление Митридата VIII // Античное государство: Политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб., 2002. С. 197-206.

своего брата, представив его в неблагоприятном свете перед Клавдием. С другой стороны, римский историк, рассказывая о раздумьях Клавдия относительно прекращения войны на условиях царя аорсов Эвнона, выступившего в роли покровителя побежденного Митридата и просившего сохранить тому жизнь и избавить от участия в триумфальной процессии, упоминает о том, что к продолжению борьбы императора «толкала горечь нанесенных обид и жажда мести (*hinc dolor iniuriarum et libido vindictae adigebat*)» (Тас. *Ann.* XII. 20).

Здесь показательно, прежде всего, использование термина *iniuria*, который мог иметь достаточно четко очерченное правовое содержание, правда, с преимущественным использованием в сфере частного права, а в общем смысле *iniuria* означала любое нарушение права². Применительно к внешнеполитической сфере это понятие имело широкий спектр значений каких-либо несправедливых, насильственных действий, каковые обычно исходили от римских противников. Как показывает практика употребления данного понятия античными авторами, *iniuria* воспринималась как законный повод к войне, причем большую роль играл не прямой материальный ущерб от противоправных действий, а их несправедливость, неправомочность, так что *iniuria* требовала обязательной мести³. Поведение же римлян, как правило, лишённое какой-либо несправедливости, напротив, изображалось как резко контрастирующее с тем, что позволяют себе противники Рима. К примеру, Август в своей автобиографической надписи заявляет, что умиротворил Альпы, «ни с одним народом не ведя войну несправедливо (*nulli genti bello per iniuriam inlato*)» (RgdA. 26. 3).

В данном случае, контекст приведенной формулировки и анализ имеющейся в нашем распоряжении информации о взаимоотношениях Клавдия с Митридатом не позволяют с полной уверенностью определить, что скрывалось за этой обидой, потребовавшей мести. Насколько известно, предшественник Клавдия Калигула имел свои планы в отношении Боспора и, вероятно, намеревался передать его Полемону II в обход наследников боспорского царя Аспурга, что, впрочем, не помешало Митридату занять отцовский трон⁴. Приход к власти Клавдия способствовал улучшению боспоро-римских отношений, поскольку, как сообщает Дион Кассий, одним из первых деяний этого принцепса было то, что он «Митридату, ведшему свой род от знаменитого Митридата Евпатора, подарил Боспор, а Полемону дал взамен одну область Киликии» (Dio Cass. LX. 8. 1–2).

Нумизматические и эпиграфические данные подтверждают, что Митридат закрепился на Боспоре, и в его чеканке, к тому же, прослеживаются черты большей самостоятельности от Рима, чем в монетном деле Аспурга, что можно рассматривать как указание на то, что Митридат взял курс на избавление от римской зависимости или ослабление ее⁵. Вместе с тем, сложно согласиться с утверждением В.А. Горончаровского, что независимый курс Митридата сопровождался антиримскими акциями, например, демонстративным уничтожением памятников искусства, связанных с династией императоров⁶, поскольку нет каких-либо указаний на подобные действия, которые, конечно, могли бы рассматриваться как *iniuria*. Наоборот, отправка Котиса в Рим с заверениями в дружбе к императору должна была продемонстрировать лояльность боспорского царя, что было бы бессмысленно в случае открытого проявления перед всеми его антиримской позиции.

В качестве аналогии имеется возможность рассмотреть другие примеры использования Тацитом понятия *iniuria*, там, где речь идет о взаимоотношениях императоров с союзными правителями, одним из которых Митридат и являлся до начала военного конфликта. В «Анналах» таких примеров два, и обе ситуации имеют определенные точки соприкосновения с «делом» Митридата Боспорского.

² Steinwenter. *Iniuria* // Pauly-Wissowa-Kroll. *Real Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. 18. Stuttgart, 1916. Sp. 1555-1556.

³ Mattern S.P. *Rome and the enemy: Imperial strategy in the principate*. Berkeley, 1999. P. 185-186.

⁴ Подробнее см.: Barrett A.A. *Gaius' policy in the Bosphorus* // *Transactions of the American Philological Association*. 1977. Vol. 107. P. 1-9; Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 239-240; Dmitriev S. *Claudius' Grant of Cilicia to Polemo* // *Classical Quarterly*. 2003. Vol. 53. № 1. P. 286-291; Панов А.Р. Политика Калигулы на Боспоре // *Из истории античного общества*. Вып. 9-10. Нижний Новгород, 2007. С. 157-165.

⁵ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.–Л., 1949. С. 327; Голубцова Е.С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951. С. 128; Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 245.

⁶ Горончаровский В.А. Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н.э. С. 165.

Сначала Тацит использует слово *iniuria*, повествуя о распре между фракийскими царями Котисом и Рескупоридом, первый из которых приходился племянником второму. Будучи недоволен римским решением о разделе Фракии после смерти Реметалка, Рескупорид начал строить козни против Котиса, не остановившись перед применением вооруженной силы, и даже прямое вмешательство Тиберия не обуздало его: во время пира после заключения мирного соглашения Рескупорид заковал своего племянника. После этого, по словам Тацита, «Рескупорид написал Тиберию, что против него строились козни и он предупредил коварного злоумышленника... На это Цезарь... ответил ему, что, если он не обманывает, то может положиться на свою невиновность; впрочем, ни он сам, ни сенат, не рассмотрев дела, не могут решить, на чьей стороне право (*ius*), и кто допустил насилие (*iniuria*); поэтому пусть, передав римлянам Котиса, он выезжает в Рим, чтобы отстранить от себя возможное обвинение» (Ann. II. 65). Завершилось все это тем, что Рескупорид умертвил Котиса, за что был приговорен римлянами к изгнанию из царства (Tac. Ann. II. 66-67).

Таким образом, в данном пассаже *iniuria* представлена как четкое противопоставление *ius*, причем законность или противозаконность тех или иных действий связывалась в первую очередь с признанием решений Рима об определении границ сфер влияния между соседними правителями. Тацит прямо указывает, что Тиберий ни о чем так не тревожился, «как о том, чтобы не нарушалось установленное» (Ann. II. 65): именно это и обусловило его резкую реакцию на возникший конфликт, погасить который он постарался.

В другом случае речь идет об армянском царе Митридате Иберском, которого, кстати, Клавдий в начале своего правления освободил из заточения, куда тот попал при Калигуле, причем Дион Кассий рассказывает о благодеяниях Клавдия в отношении обоих Митридатов (как Боспорского, так и Иберского) в одном месте (Dio Cass. LX. 8. 1-2). В начале 50-х гг. интриги против Митридата Иберского стал плести его брат Фарасман, занимавший иберский трон и ранее помогавший Митридату закрепиться в Великой Армении. Фарасман использовал своего сына Радамиста, направив его властные амбиции в сторону Армянского царства: Радамисту удалось втереться в доверие к дяде, после чего иберы организовали вторжение в пределы Армянского царства (Tac. Ann. XII. 44-45). Говоря о начале иберо-армянской войны, Тацит так описывает поведение правителя Иберии: «тогда Фарасман измышляет повод к войне: сражаясь в свое время с царем альбанов, он хотел обратиться за помощью к римлянам, чему, однако, воспротивился его брат, и в отмщение за эту обиду он выступает в поход, чтобы его низложить (*interim Pharasmanes belli causas confingit: proelianti sibi adversus regem Albanorum et Romanos auxilio vocanti fratrem adversatum, eamque iniuriam excidio ipsius ultum iturum*)». Римляне и здесь вмешались в междоусобицу, добившись формального примирения между Радамистом и Митридатом, однако, как и в случае с Котисом и Рескупоридом, заключенное соглашение сразу же было попорно самым кровавым образом – правда, в отличие от исхода междоусобицы во Фракии, в Армении жертвой оказался дядя (т.е. Митридат), закованный и затем умерщвленный по приказу своего племянника (Tac. Ann. XII. 47). В конечном итоге Радамист сумел получить римское признание, но закрепиться в Армении прочно он так и не смог.

Показательно, что в разбираемом фрагменте Тацит говорит не только об *iniuria*, но и о чувстве мести (*ultum – ulciscor*), охватившем Фарасмана, причем и здесь нанесенная обида была напрямую связана со взаимоотношениями, связывавшими римлян с одним из правителей союзных государств. Правда, сложно понять обоснованность обвинений Фарасмана, поскольку его властный статус и возможность обращаться к римлянам ни в малейшей степени не зависели от действий его брата (скорее наоборот – Митридат Иберский сам временами зависел от помощи Фарасмана, особенно в ходе своего завоевания Армении и последующего возвращения на армянский престол), но, очевидно, использованная аргументация имела некую рациональную основу. Видимо, Фарасману необходимо было набросить тень сомнения на лояльность Митридата по отношению к римлянам, и для этого годились даже обвинения в попытке сорвать конкретную акцию римско-иберского сотрудничества в военной сфере, организация которой, безусловно, должна была символизировать прочность дружбы и союза Рима и Иберии.

Можно предположить, что горечь обиды и жажда мести, отмечаемые Тацитом при изложении истории боспоро-римской войны, могли не ограничиваться ощущениями

только императора Клавдия, обдумывавшего различные варианты прекращения военных действий, но охватывать также чувства Котиса, чьими усилиями, по сути, и было организовано вступление римлян в конфликт на Боспоре. Все три приведенных пассажа у Тацита объединяют определенные сходные обстоятельства: наличие семейных междоусобиц на территории союзных Риму государств, стремление одной из сторон представить своих противников как нарушителей римских установлений и соответствующее вмешательство Рима с целью прекратить конфликт и разобраться в ситуации. В условиях, когда само существование формально союзных, а фактически зависимых от Рима царств зависело от воли римлян, такие вопросы как изменение территориальных пределов или выбор престолонаследника в этих государствах требовали римской санкции. Сделанные римлянами предписания должны были восприниматься местными правящими элитами как подобие законных мер (*ius*), в то время как нарушение установленных Римом порядков трактовалось как противозаконное действие (*iniuria*), требовавшее наказания правителя, поправшего римские интересы. Разумеется, союзные цари, имея прямой выход на императора и выступая в качестве одного из основных источников информации о событиях, происходивших за пределами римских провинций, в определенной мере обладали возможностью направить гнев римлян в желательное для них самих русло. Для этого необходимо было обвинить своих соперников в нарушении римских установлений, а себя представить в роли мстителей за нанесенные Риму обиды, рассчитывая при этом, что римляне поддержат их. Из рассмотренных случаев в наибольшей степени в этом преуспел Котис Боспорский, который сумел убедить Клавдия в том, что действия Митридата являются противоправными и требуют ответной римской реакции, которая имела крайнюю форму выражения в виде решения сместить Митридата и заменить его Котисом.

Далее вернемся к вопросу, в чем именно обвинил Котис своего брата, поскольку Дион Кассий выражается по этому поводу в весьма широком смысле – «рассказал все». Если дать общую сводку основных событий, то она будет выглядеть следующим образом: в 37/38 г. н.э. боспорский царь Аспург умер, после чего непродолжительное время престол занимала его супруга Гипеирия, производившая монетные выпуски в 37/38 – 38/39 гг., затем чеканка стала вестись от имени сына Аспурга Митридата, у которого были проблемы с признанием его римской стороной, пока в 41 г. Клавдий наконец-то не закрепил Боспор за Митридатом, однако 4 года спустя разразилась боспоро-римская война, которой предшествовало бегство Гипеирии и предательство Котисом своего брата.

С учетом всех известных нам фактов, относящихся к данной истории, можно предположить, что дело, требовавшее римского вмешательства в ход событий, касалось вопросов престолонаследия. Очевидно, что после смерти Аспурга его старший сын и наиболее естественный престолонаследник Митридат не получил римского согласия на занятие трона, и своеобразным «компромиссным» вариантом стало сохранение властных полномочий за Гипеирией, которая, будучи женой прежнего царя, уже обладала царским титулом, так что ее пребывание на престоле для римлян было менее вызывающим, чем самовольное провозглашение себя царем со стороны Митридата. Последний в конце концов добился признания от Клавдия (возможно, даже и Калигулы⁷), но его мать продолжала сохранять свой высокий статус на Боспоре, доказательством чего служит выпуск меди, украшенной изображениями как Митридата, так и Гипеирии⁸. Бесспорно, Митридат являлся носителем высшей власти, поскольку на его золотых монетах нет никаких намеков на присутствие каких-либо официальных соправителей, но нельзя исключать вероятность того, что при посредничестве римлян определенные властные полномочия были закреплены за Гипеирией, которая могла рассматриваться как определенный противовес Митридату, в чьей лояльности Рим не был до конца уверен. То, что Гипеирия бежала, узнав об антиримских замыслах Митридата, означает, что это не был спор внутрисемейного значения, а действие политического характера, вызванное принципиальными разногласиями между царем и человеком, способным отстаивать свою позицию по вопросам проведения про- или антиримской политики (то есть Гипеирия не смогла настоять на своем, что и привело к резко выраженной форме ее несогласия с политикой сы-

⁷ Абрамзон М.Г. Римская армия и ее лидер по данным нумизматики. Челябинск, 1994. С. 115; Горнчаровский В.А. Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н.э. С. 162, 164.

⁸ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. Табл. 12. № 326.

на в виде бегства за пределы государства). В таком случае Котис мог в Риме не просто сослаться на некие антиримские планы Митридата, реальных доказательств которых могло и не быть, а указать на то, что был нарушен установленный римлянами порядок распределения властных полномочий на Боспоре, что было достаточно весомым аргументом для обвинения Митридата в незаконности его действий.

Разумеется, данная реконструкция имеет во многом умозрительный характер, но ближайшие аналогии подтверждают, что чаще всего вмешательство римлян в дела союзных государств вызывалось либо открытыми антиримскими акциями (доказательств их наличия на Боспоре до начала войны у нас нет), либо какими-либо внутренними распрями, последствия которых могли изменить установленный римлянами порядок управления этими царствами. Так, к примеру, британский поход, приходящийся на время правления Клавдия, был спровоцирован обращением царя Верика, изгнанного из своего царства и прибегшего к римской помощи для восстановления на троне, поскольку он уже ранее был признан римлянами в качестве законного властителя (Dio Cass. LX. 19. 1-2). Поэтому жалобы Котиса на Митридата могли иметь в качестве обоснования царские решения, которые ущемляли статус Гипепирии, ранее признанный Римом, и не исключено, что вопрос также касался позиций самого Котиса как возможного престолонаследника.

Контроль за процессом перехода власти из рук в руки и возможность проводить общее распределение властных полномочий являлись одним из важнейших способов поддержания баланса сил между Римом и зависимыми царствами. Именно это позволяло римлянам удерживать данные государственные образования в зависимом положении, останавливая любые антиримские поползновения со стороны местной правящей элиты необходимыми перестановками внутри этой элиты. При этом римское противодействие вызывали не обязательно политические и тем более военные акции открыто антиримского характера, а само вмешательство в область компетенции римлян. Так, к примеру, в рассматриваемый период нормой было не только утверждение Римом претендентов на престол, но частую и согласование с римлянами порядка престолонаследия еще при жизни того или иного монарха⁹. Именно династические споры были чаще всего причиной вмешательства Рима в дела союзных государств, и вероятно, что рассматриваемые события приобрели форму подобного конфликта, одна из сторон в котором успешно прибегла к римскому заступничеству, представив своего оппонента в виде нарушителя римских установлений. Котис сумел не только навлечь на своего брата подозрения в противоправных с точки зрения римлян действиях, но и продемонстрировать свою лояльность римским интересам и готовность следовать в фарватере политики Римской империи, что и сделало закономерным исход боспоро-римской войны: победа объединенных сил Котиса и римлян над Митридатом, и последовавшее затем общее усиление зависимости боспорского царского дома от Рима в правление Котиса I.

CLAUDIUS AND THE BEGINNING OF THE BOSPORAN-ROMAN WAR

A.R. PANOV

*Arzamas State Pedagogical
Institute*

e-mail: panov_alexandr@mail.ru

In the article circumstances of the beginning of the Bosporan-Roman conflict (40-s of I century AD) are investigated. The author interprets the Tacitus's information in detail and gives the analysis of using the term *iniuria* by this Roman historian, when it is concerned the relations between client kings and Rome. In the author's opinion, the fault of Bosporan king Mithridates could consist in the interference in the Roman area of expertise, to be more precised infringement of Rome's establishments concerning the distribution of powers in Bosporus. As the researcher supposes, Mithridates has struck the rights of his mother Gераеуrуs earlier recognized by Rome, and it became a formal occasion that his brother Cotys has addressed for the help to Claudius. Cotys' appeal has entailed Roman intervention in the affairs of Bosporus, and more loyal to Rome Cotys was installed on the Bosporan throne instead of Mithridates.

Keywords: Rome, Bosporus, Claudius, Mithridates.

⁹ Braund D. C. Rome and the Friendly King: the character of the client kingship. L.–Canberra, 1984. P.24.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ВАРВАРОВ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ В РИМСКОЕ ВРЕМЯ

С.В. ЯРЦЕВ
А.А. МАСЛЕННИКОВ

*Тулский государственный
педагогический университет
им. Л.Н.Толстого*

e-mail: s-yartsev@yandex.ru

В статье исследуется проблема изменения религиозных представлений варваров Северной Европы в первых веках нашей эры. Появление и постепенное утверждение ингумационного обряда погребения, установление северной ориентировки погребенных, исчезновение оружия из могил и возведение надмогильных каменных конструкций с загадочными знаками свидетельствуют о серьезном кризисе в религиозном сознании северных варваров. Причиной такой трансформации традиционных верований и обрядов, безусловно, стало изменение климата и начало периода миграций северных племен. На главное место в пантеоне богов, постепенно выходило женское божество плодородия. Варвары специальными магическими действиями старались добиться расположения великой богини и защитить себя ее божественной силой.

Ключевые слова: кризис, миграция, варвары, религия, кремация, ингумация.

Религиозная жизнь варваров Северной Европы римского времени, из-за малой информативности источников, известна в недостаточной степени. Однако очевидно, что именно в специфике древних верований находятся ответы на многие неясные вопросы истории этих народов.

Особенно много проблем вызывает трансформация религиозных представлений на указанной территории в римское время. Изменения в верованиях и обрядах, безусловно, были связаны с происходившими климатическими изменениями, сопровождаемыми постепенным повышением уровня моря в границах субатлантики¹, и начавшимися в это время миграционными процессами, приводившими к формированию новых культурных общностей². Однако, некоторые из варваров, по неясным причинам, еще в позднем латене стали переходить на погребальный обряд трупоположения различных видов (ингумации в грунтовых могилах, деревянных гробах, каменных ящиках)³. На фоне доминирующих в Северной Европе кремаций появление этих немногочисленных ингумационных захоронений выглядит довольно странно. Очевидно, что в основе перехода на этот обряд должны были лежать достаточно серьезные изменения в религиозных представлениях, о которых сейчас нам мало что известно. С уверенностью можно лишь сказать, что идеологическая основа ингумационных погребений, так или иначе, была связана с земледельче-

¹ Уже с конца III в. до н.э. началось наступление Балтийского моря на сушу (что вынуждало жителей некоторых прибрежных районов возводить искусственные холмы – терпы). Интенсивные осадки, наводнения и повышение уровня рек и озер приводили к заболачиванию сельскохозяйственных территорий. Постоянная распашка полей усугубляла выщелачивание почвы, терявшей кобальт, недостаток которого в растениях, в свою очередь, приводил к эпизоотиям – массовому падежу скота (См.: Glob P. Ard og plog i Nordens Oldtid // Jysk Arkaeologisk selskab skrifter. Aarhus, 1951. Vd.1. S. 136-144; Веклич М.Ф. Проблемы палеоклиматологии. Киев, 1987. С. 164. Рис. 61; Бруяко И.В. О событиях III в. до н.э. в Северо-Западном Причерноморье (Четыре концепции кризиса) // ВДИ. 1999. №3. С. 88; Бруяко И.В., Карпов В.А. Древняя география и колебания уровня моря (на примере северо-западной части Черноморского бассейна в античную эпоху) // ВДИ. 1992. №2. С. 96; Иванов В.А. Климатическая и экологическая концепции гибели Северо-Причерноморской Скифии в свете современных археологических и палеогеографических исследований // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История: Сб. статей в 2 т. Тула, 2003. Т.1. С. 220-221; Тодд М. Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура. М., 2005. С. 53-57; Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 108).

² Щукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005. С. 28-29.

³ Никитина Г.Ф. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тыс. до н.э. — перв. пол. I тыс. н.э. // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н.э. — перв. пол. I тыс. н.э. М., 1974. С. 63, 68-73; Могильников В.А. Погребальный обряд культур III в. до н.э. — III в. н.э. в западной части Балтийского региона // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н.э. — перв. пол. I тыс. н.э. М., 1974. С. 150-160, 180-182, 184-187, 192-206.

ской магией, с верой в умирающих и воскресающих богов⁴. Ведь именно культ плодородия, который уже заведомо не предполагал кремацию⁵, являлся источником идеи «обратимости» — единства рождения и смерти. Другими словами, предание тела земле являлось актом возвращения его туда, откуда происходит все живое⁶. Тацит, оставивший нам довольно подробное описание Германии интересующего нас времени, несмотря на то, что упоминает целый ряд почитаемых германцами богов, утверждает, что у довольно большой группы племен Северной Европы на первом месте в пантеоне уже безраздельно господствовало женское земледельческое божество⁷. Учитывая, что развитие языческого монотеизма в данном регионе шло по пути трансформации земледельческой религии, возникает вопрос, не могли ли подобные изменения религиозных представлений лежать в основе большинства идеологических инноваций Северной Европы?

Смена трупосожжения трупоположением невозможна без веры в бессмертие души и идущей отсюда необходимости сохранения тела умершего для будущей жизни⁸. Именно с отдельным представлением о душе и теле, которое требовалось сохранить для жизни после смерти, связан запрет кремации тела⁹. То, что германцы еще при Цезаре «...презирали смерть, вследствие надежды на воскресение» (App. IV, 3), говорит о том, что среди них были распространены подобные религиозные представления. Причем продолжение жизни после смерти представлялось по-разному, в прямой зависимости от применяемого вида погребального обряда. В «Саге об Инглингах» «Круга Земного» Снорри Стурлусона¹⁰ подробно описывается идеологическая сущность двух погребальных обрядов — кремации и ингумации. Сожжение здесь связывается с воинским культом Одина, в результате чего умерший отправляется в Вальгаллу вместе с тем добром, которое было с ним на костре. Погребение по обряду ингумации наоборот отождествляется с культом плодородия, с почитанием детей главного бога ванов Ньёрда Фрейра и Фрейи¹¹.

⁴ Системный кризис интенсивного земледельческо-скотоводческого хозяйства объясняет, почему в первую очередь, именно культ плодородия подвергся трансформации.

⁵ Кулаков В.И. Археологические критерии социальной истории Янтарного берега в I-XI вв. н.э. // Между певкинами и феннами. Stratum plus. СПб.; Кишинёв; Одесса; Бухарест, 2005 (2003-2004). №4. С. 279.

⁶ Зубарь В.М. Боги и герои античного Херсонеса. Киев, 2005. С. 136.

⁷ Жившие вблизи океана «ингвеоны» (Tacit. Germ. 2) поклонялись «матери-земле Нерте, считая, что она вмешивается в дела человеческие и навещает их племена. Есть на острове среди Океана священная роща и в ней предназначенная для этой богини и скрытая под покровом из тканей повозка; касаться ее разрешено только жрецу. Ошугив, что богиня прибыла и находится у себя в святилище, он с величайшей почтительностью сопровождает ее, влекомую впряженными в повозку коровами... После этого повозка и покров, и, если угодно поверить, само божество очищаются омовением в уединенном и укрытом ото всех озере. Выполняют это рабы, которых тотчас поглощает то же самое озеро» (Tacit. Germ. 40). В целом данная информация подтверждается археологическими источниками. В болоте Дейбьерге (Ютландия) были обнаружены две ритуальные повозки, сделанные, возможно, кельтскими ремесленниками еще в I в. до н.э. Там же в болотах Ютландии и в ряде других мест, в слое торфа, на современный момент, найдено уже более 160 тел задушенных ремнями и веревками людей (См.: Тодд М. Ук. соч. С. 166-167; Лебедев Г.С. Ук. соч. С. 106-107; Дэвидсон Х.Э. Древние скандинавы. Сыны северных богов. М., 2008. С. 82-85).

⁸ Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. Киев, 2000. С. 52.

⁹ Это нашло свое отражение еще в философских учениях Пифагора, Эмпедокла и Платона. См.: Зубарь В.М. Ук. соч. С. 135.

¹⁰ С одной стороны, мы не можем в точности быть уверенными в адекватной картине германского язычества первых веков нашей эры, представленной в этом и ряде других, достаточно поздно записанных произведений. С другой, данные сведения почти всегда подтверждаются археологическими источниками. Более того, сообщения основных сочинений по языческой мифологии «Младшей Эдды», «Старшей Эдды» и «Саги об Инглингах» в основном совпадают, что свидетельствует в пользу сохранения в средних веках народной традиции, уходящей корнями в ранние времена. Безусловно, они содержат очень важный материал и колоссальную информацию по истории духовной культуры северных народов, по их верованиям, обрядам и обычаям (См.: Стеблин-Каменский М.И. «Круг Земной» как литературный памятник // Снорри Стурлусон Круг Земной. М., 1980. С. 594). Большинство ученых считает, что сведения из указанных источников можно и даже необходимо использовать при изучении духовного мира северных народов римского периода (См.: Мончинска М. Страх перед умершими и культ мертвых у германцев в IV-VII вв. н.э. (на основании так наз. погребений специфического обряда) // STRATUM+Петербургский археологический вестник. СПб.; Кишинев, 1997. С. 208; Щукин М.Б. Ук. соч. С. 85-87; Тодд М. Ук. соч. С. 160; Дэвидсон Х.Э. Ук. соч. С. 129).

¹¹ Все эти боги, так или иначе, связаны с почитанием богини плодородия у северных народов первых веков н.э. Имя скандинавского Ньёрда недвусмысленно напоминает имя богини Нерты, что не может быть простой случайностью (См.: Тодд М. Ук. соч. С. 166-168). Фрейр в саге об Инглингах назван вторым именем Ингви (Ynglinga saga, X), а в «Старшей Эдде», в тексте «Перебранка Локки» — «Ингунаром-Фрейром» (Loka-senna, 43), что также восстанавливается как «владыка ингвеонов» (См.: Старшая Эдда: Эпос / Пер. и ком.

Причем умерший, не подвергнутый кремации, не покидал этот мир, а превращался в посредника между ним и богами плодородия. Он оставался «жить» в своей могиле¹², обеспечивая мир и «охраняя» границы города или поселения¹³. Однако не все выглядело так просто. Было замечено, что сильная скорченность некоторых погребенных¹⁴ (возврат в «утробное» состояние?)¹⁵, может указывать на связывание умершего¹⁶. Частичное или полное перекрытие камнями захоронения¹⁷, каменный завал погребений в каменных ящиках¹⁸ и возведение над могилами каменных курганов¹⁹, похоже, также должны были воспрепятствовать выходу умершего из своей могилы. Все это явно свидетельствует о существовавшем страхе перед такими, не ушедшими в потусторонний мир мертвецами. Очевидно, что и обряд расчлененного захоронения²⁰, в какой-то степени, связан все с той же боязнью вреда, который мог нанести мертвый живым²¹. Видимо не случайно, одним из способов избавиться от живого мертвеца было отчленение его головы²². Однако в наиболее опасных ситуациях тело нужно было выкопать и сжечь. Только в этом случае мертвый будет окончательно обезврежен и уже не сможет вернуться и причинить зло²³.

Исходя из этого, будущая жизнь умершего, погребенного в земле, представлялась как воскресение во плоти (то есть в своем теле)²⁴. Однако, с верой в такое воскресение трудно согласовать ингумационный обряд в том виде, в каком он существовал в Барбарикуме. Ведь некоторая часть тел²⁵, погребенных по обряду труположения, специально уничтожалась при ритуальном вторичном вскрытии могилы. Причем инвентарь, часто имевший ценность, оставался в могиле, однако кости ломались, перемешивались, сдвигались. Нередко ямы таких перекопов, заполнялись не землей, а светло-серым песком²⁶. Все это делалось с целью окончательного удаления мертвеца из мира живых, возвращения тела матери-земле и полного освобождения его души. Мнение, что данные люди в

А. Корсуна. СПб., 2005. С. 423). Напомним, что ингвеоны — это группа племен (Tacit. Germ. 2), которая поклонялась, по словам Тацита, матери-земле Нерте (Tacit. Germ. 40).

¹² Гвин Д. Викинги. Потомки Одина и Тора. М., 2003. С. 343.

¹³ «Когда все шведы узнали, что Фрейр умер, а благоденствие и мир сохраняются, они решили, что так будет все время, пока Фрейр в Швеции, и не захотели сжигать его...» (Ynglinga saga, X).

¹⁴ Никитина Г.Ф. Ук. соч. С. 70-71.

¹⁵ Зубарь В.М. Ук. соч. С. 129-131.

¹⁶ La Vaume W. Ugeschichte der Ostgermanen. Danzig, 1934. S. 112.

¹⁷ Могильников В.А. Ук. соч. С. 152, 186.

¹⁸ Он же. С. 193.

¹⁹ Он же. С. 200-201. Каменные надмогильные сооружения различных форм сооружались не только над погребениями с ингумацией, но и над останками трупосожжения. Это свидетельствуют о том, что данные места, в первую очередь, являлись местом совершения ритуальных действий в основе которых, безусловно, лежало желание упорядочить отношения с потусторонним миром.

²⁰ Данный обряд, в это время хорошо известен не только в Северной Европе, но и на Боспоре, и Кавказе (См.: Могильников В.А. Ук. соч. С. 159; Емец И.А., Масленников А.А. Новые данные о религиозных представлениях сельского населения античного Боспора // Российская археология. 1992. № 4. С. 36; Бакушев М.А. Погребальный обряд населения Дагестана албано-сарматского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Ростов н/Д., 2008. С. 94-110). Возможно, такие действия являлись отголосками древних оргиастических женских культов Восточного Средиземноморья. Именно для них было характерно почитание отрубленной человеческой головы (См.: Иванов В.И. Дионис и прадионисийство. СПб., 1994. С. 120; Антонова Е.В. О характере религиозных представлений неолитических обитателей Анатолии // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979. С. 18; Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII-IV вв. до н.э.). СПб., 2007. С. 115-117). В саге об Инглингах говорится, что Один всегда советовался с отрубленной, набальзамированной головой, которая говорила с ним и открывала многие тайны других миров. Это было возможно из-за того, что голова какместилище души оставалась в материальном мире, тогда как ее обладатель пребывал на том свете и знал даже то, что было неизвестно самим богам (См.: Петрухин В.Я. Загробный мир. Мифы о загробном мире: мифы разных народов. М., 2010. С. 113).

²¹ Бакушев М.А. Ук. соч. С. 104.

²² Петрухин В.Я. Ук. соч. С. 118.

²³ Мончинска М. Ук. соч. С. 209; Петрухин В.Я. Ук. соч. С. 100, 192.

²⁴ Северные саги полны рассказов о воскресших ходящих мертвецах, которые могут, как помогать, так и вредить живым. Разумеется, такая категория покойных имеет отношение только к погребенным по обряду ингумации, которые, по мнению живых, и жили в могилах. В этой связи наиболее ценным выглядит наблюдение Е.П. Картамышевой, которая в своем исследовании выявила представление об особом промежуточном пространстве — «контактной зоне», в которой мир живых и умерших оказываются взаимопроницаемыми (См.: Картамышева Е.П. Почитание предков в древнескандинавской дохристианской культуре: автореф. дис. ... к.и.н. М., 2006. С. 13).

²⁵ Выявлению ритуально разрушенных погребений мешают следы вскрытия могил с целью ограбления - явление, широко распространенное еще с древних времен (См.: Мончинска М. Ук. соч. С. 210-211).

²⁶ Могильников В.А. Ук. соч. С. 158-159.

земной жизни представляли опасность для других, и после смерти их надо было обезопасить²⁷, не объясняет причину того, почему этих людей изначально не подвергали кремации, а захоронили в земле.

Вряд ли мертвого, погребенного по обряду ингумации, можно представить исключительно «живым трупом», не имеющим души²⁸. В этом случае душа могла находиться как в потустороннем мире, так и у тела, превращая место захоронения в контактную зону между миром живых и миром мертвых. Видимо, пока сохранялось тело (плоть и кости в анатомически правильном порядке), душа еще находилась при нем, и, таким образом, продолжала оставаться в мире живых. Следовательно, труположения нужны были только для того, чтобы мертвые какое-то время «пожили» в своих могилах²⁹, как правило, до вторичного вскрытия и уничтожения скелета. Следовательно, смысл погребения по обряду ингумации состоит в намеренной задержке умершего и его души в мире живых, по причине того, что в этом случае он становится идеальным защитником и посредником между хтоническим божеством и людьми. Сакрально-охранный смысл труположений первых веков нашей эры, по нашему мнению, очевиден.

Все это хорошо согласуется с поздними северными представлениями о так называемом «страже хутора», как правило, родоначальнике или первопоселенце, погребенном в кургане и оберегающим поселение от злых сил, в том числе и от «живых мертвецов». Для такого защитника всегда держат в доме свободную постель, ему оставляют еду, особо потчуют на праздники, свято блюдут табу, связанные с запретами нарушать его покой³⁰. Другими словами, чтобы обеспечить безопасность поселения, наиболее прославленного его жителя после смерти не надо было сжигать, отправляя его безвозвратно в потусторонний мир. Ведь он вполне мог еще послужить своим сородичам. О наличии подобных верований у северных варваров еще в первых веках нашей эры свидетельствуют некоторые выявленные артефакты. Так, среди обычных погребений по обряду ингумации, нередко довольно бедных или вообще не содержащих никакого инвентаря, начинают выделяться, так наз. «княжеские» погребения. Их история уходит в I-II вв. н.э., когда появляются погребения любиншевского типа, позднее в III в. н.э. возникают захоронения «центрально-германской группы ингумаций»³¹. Нет сомнений, что данные памятники отражают социальное расслоение варварского общества и имеют прямое отношение к аристократии. Обычно, именно так и интерпретируют эти «княжеские» погребения³². С социальным фактором связаны и гипотезы, объясняющие появление ингумаций в *Varbaricum* кельтским культурным воздействием³³, северопричерноморским заимствованием³⁴ или римским влиянием³⁵. Ведь первой, кто решался на религиозные инновации, от-

²⁷ Мончинска М. Ук. соч. С. 208.

²⁸ Она же. С. 209.

²⁹ Е.П. Картамышева совершенно справедливо утверждает о временности пребывания умершего в могиле (См.: Картамышева Е.П. Ук. соч. С. 13).

³⁰ Она же. С. 24.

³¹ Данные захоронения располагались в стороне от больших могильников рядового населения, применявшего, как правило, кремацию. Их отличает сооружение камер с деревянным креплением стен, деревянные «саркофаги» и чрезвычайно богатый инвентарь, включающий в себя золотые, серебряные и бронзовые украшения, стеклянные кубки провинциально-римского происхождения, римскую металлическую посуду, римские столовые наборы для вина, бронзовые гребни, ножи и т.д. Погребения перекрывались курганами или впускались в курганы более ранних эпох (См.: Кулаков В.И. Ук. соч. С. 279-283; Щукин М.Б. Ук. соч. С. 47-48).

³² По мнению Ежи Веловойского, основной массив кремаций в древнегерманском ареале I-II в. н.э. необходимо связывать с пешими воинами, а погребения с оружием и конским снаряжением с воинской аристократией — *nobiles* римских письменных источников. «Княжеские погребения», не совсем подходящие под данную характеристику, относят или к князьям-жрецам (А. Кентлинская), или к племенным вождям (К. Мавевский, Г.Ю. Эггерс) (См.: Кулаков В.И. Ук. соч. С. 283).

³³ *Prahistoria ziem polskich*. Warszawa, 1981. T.V. S. 151; Alberctsen E. *Fynske jernaddegrare III*. *Yangre romersk jernaldex // Funskev Studier*. Odense, 1993. VII. S. 197; Клиндт-Йенсен О. Дания до викингов. СПб., 2003. С. 167.

³⁴ Stjernquist B. *Simris. On Cultural Connections of Scania in the Roman Iron Age // Acta archaeologica Lundensia, Ser. In 4°*. Bonn; Lund, 1955. № 2. S. 67.

³⁵ Последнее якобы распространялось из римских провинций на север, через германцев, возвращающихся домой после службы в римских войсках (См.: Тодд М. Ук. соч. С. 191). В этой связи, более привлекательными выглядят тесные связи с Римом изгнанников Маробода и Катувальда, нашедших прибежище в империи. «Сопровождавшие того и другого варвары, дабы их присутствие не нарушало спокойствия мирных провинций, размещаются за Дунаем» (Тас. *Ann.* II, 62-63) (См.: Щукин М.Б. Ук. соч. С. 41-48).

казываясь от обычаев предков, была воинская аристократия — достаточно сильно подверженная внешнему влиянию социальная группа.

Однако заметим, что такое объяснение очень мало дает для понимания сложных духовных процессов, происходивших в это время непосредственно внутри самого варварского общества. Уже одно то, что в «княжеских захоронениях» полностью отсутствуют предметы боевого вооружения³⁶, говорит о том, что перед нами обряд, имеющий отношение не к римским или кельтским традициям, а к собственным культурным инновациям. Именно на прибалтийской территории от Нижнего Повисленья до Ютландии в это время из погребений пропало оружие. Это отделяет данный регион как от Северной и Восточной Скандинавии с островами Готланд и Эланд, так и от территории пшеворской культуры, где оружие присутствует в захоронениях как с ингумацией, так и с кремацией³⁷. Конечно, отсутствие оружия в погребениях вовсе не означало, что умершие при жизни не были воинами или военными вождями. Это являлось следствием религиозного запрета³⁸, суть которого в источниках определенно связывается с культом ванов. Тацит поясняет, что мир матери-земли Нерты несовместим с войной и оружием³⁹. Причем подобный запрет действовал у некоторых народов (в частности у свионов), правда, на первый взгляд, без всякого религиозного обоснования⁴⁰. Правда, в последнем случае, связь с культом плодородия тоже не исключена, ведь полностью доверять словам Тацита (*interpretatio romana*) нельзя. Заметим, что в дальнейшем «Младшая Эдда», если кого и осуждала за пренебрежение оружием, так это именно ванов⁴¹.

Сложно также сказать, существует ли связь запрета на помещение в могилы оружия с традицией его массового утопления в болотах. Обычно такие действия объясняются приношением богам войны, оружия побежденных врагов⁴².

³⁶ Кроме статусных деталей снаряжения всадника, ножей, бронзовых и серебряных наконечников копий и стрел. Есть мнение, что последние предметы являлись местным воспроизведением римских воинских наград (См.: Кулаков В.И. Ук. соч. С. 283).

³⁷ Могильников В.А. Ук. соч. С. 182, 197. Данная обрядовая особенность, связанная с распространением и влиянием вельбарской культуры на континенте, впервые проявила себя еще в скандинавском Западном Вестергёталанде и Южном Богусланде. В предримское и раннеримское время были лишены находок оружия также западное побережье и провинция Сконе на юге Швеции (См.: Шукин М.Б. Ук. соч. С. 28-29, 52-53). При этом очень редко (в Ютландии гораздо чаще), но оружие в погребениях по обряду кремации (умбоны, наконечники копий и стрел) в указанной зоне все же встречается (См.: Могильников В.А. Ук. соч. С. 183, 205). Это не позволяет согласиться с предположением, что оружие передавалось по наследству и могло изыматься из собственности мертвых (См.: Мончинска М. Ук. соч. С. 212). Следовательно, основной источник верований, связанных с табу на помещение оружия в могилы, был непосредственно связан с погребениями по обряду ингумации.

³⁸ Тодд М. Ук. соч. С. 188.

³⁹ «Тогда наступают дни всеобщего ликования, празднично убираются местности, которые она удостоила своим прибытием и пребыванием. В эти дни они не затевают походов, не берут в руки оружия; все изделия из железа у них на запоре; тогда им ведомы только мир и покой, только тогда они им по душе, и так продолжается, пока тот же жрец не возвратит в капище насытившуюся общением с родом людским богино» (Tacit. Germ. 40).

⁴⁰ «Да и оружие в отличие от прочих германцев не дозволяется у них иметь каждому: оно всегда на запоре и охраняется стражем, и притом рабом: ведь от внезапных набегов врага они ограждены Океаном, а руки пребывающих в праздности вооруженных людей сами собой поднимаются на бесчинства; да и царям не на пользу вверять попечение об оружии знатному, свободнорожденному и даже вольноотпущеннику» (Tacit. Germ. 44).

⁴¹ «Странно мне, право, что такой знатный воин, как Фрейр, решил отдать меч, не имея второго, такого же ...настанет час, пойдут войной сыны Муспелля, и тогда вот бедою покажется Фрейру, что нету у него меча...Фрейр бьется в жестокой схватке с Суртом, пока не падет мертвым. А погубило его то, что нет при нем доброго меча, отданного Скирниру» (См.: Младшая Эдда / Под ред. М.И. Стеблина-Каменского. СПб., 2005. С. 36, 52).

⁴² Действительно у Тацита и Орозия есть некоторые пассажи, позволяющие сделать такой вывод (См.: Тодд М. Ук. соч. 130, 161-162). При этом Тацит поясняет, что кони, люди и все живое потерпевших поражение варваров приносилось в жертву богам Марсу и Меркурию (Tacit. Ann. XIII, 57). Однако обратим внимание, что, судя по археологическим находкам в болотах (или в «Священных озерах», заболоченных в последующее время), данный обряд был известен в Германии задолго до римского времени. Более того, находки рядом с оружием военных кораблей, жертвенных животных (лошадь, бык, свинья), золотых украшений, монет, деревянных предметов и даже одежды (См.: Лебедев Г.С. Ук. соч. С. 103, 118-119), позволяют предположить довольно сложный и устойчивый обряд, имеющий отношение к земледельческим культам. Напомним, что святилище матери-земли Нерты находилось на острове, омовение богини и последующее человеческие жертвоприношения совершались в озере, а более поздний Ньёрд повелевал еще и морской стихией (См.: Языческие божества Западной Европы / Под ред. К. Королева. М.; СПб., 2005. С. 447). Любопытно и то, что наибольшее количество

Таким образом, не исключено, что многие духовные инновации первых веков нашей эры в Северной Европе зарождались непосредственно внутри религиозного сознания варварского общества. Даже обряд ингумации мог возникнуть самостоятельно, без всяких внешних заимствований⁴³. В этой связи вопрос о таких влияниях и, в первую очередь, тезис о возрождении древних кельтских традиций, представляется принципиальным⁴⁴. На первый взгляд, связать первые ингумации Северной Европы (в пшеворской культуре) с кельтским обрядом, достаточно проблематично⁴⁵. Однако появление совершенно других типов трупоположений в Северной Европе («княжеских погребений»), отчасти может свидетельствовать в пользу кельтского следа. Во всяком случае, участие готов в союзе Маробода, домен которого находился на бывших кельтских землях, действительно могло привести к появлению в вельбарской культуре некоторых кельтских элементов, начиная от своеобразных форм украшений до собственно ингумационного обряда погребения⁴⁶. Однако даже в этом случае, влияние норм кельтского культа⁴⁷ нельзя преувеличивать и представлять простым копированием древних обычаев. Ведь любое религиозное заимствование может восприниматься лишь в той степени, насколько это не противоречит собственным убеждениям, что и приводит в итоге к формированию некоего культурного синкретизма⁴⁸. Вот почему, когда в Северной Европе в римское время относительно быстро установилось господство северной ориентировки вытянутых на спине погребенных⁴⁹, связать это только с возрождением древних кельтских традиций вряд ли будет справедливым⁵⁰.

Изменение религиозных представлений также нашло свое отражение и в устройстве надмогильных сооружений весьма разнообразных конструкций. Так, каменные круги, известные в Скандинавии еще с эпохи неолита⁵¹, в первых веках нашей эры начинают распространяться на севере Дании, Германии, Польши. Так или иначе, они связаны с погребениями (как с кремацией, так и ингумацией). Хотя под некоторыми каменными конструкциями захоронения отсутствуют, зато они встречаются в межкурганном пространстве. При этом обращает на себя внимание, что захоронения в основном отсутствуют в кругах из отдельно стоящих каменных стел, не образующих замкнутой линии⁵². По-видимому, главной функцией сплошного круга являлась маркировка границы между миром живых и миром мертвых⁵³.

жертвенных находок в болотах приходится на римское время, собственно, когда и происходила трансформация верований, связанных с культом плодородия.

⁴³ Kossinna G. Das Weichselland, ein Uralter Heimatboden der Germanen. Danzig, 1919. S. 19; Oxenstierna E.G. Die Urheimat der Goten. Leipzig, 1945. S. 151.

⁴⁴ Никитина Г.Ф. Ук. соч. С. 73.

⁴⁵ Для кельтских погребений в основном характерно вытянутое положение с головой на север (другие ориентировки встречаются лишь изредка), что противоречит первым ингумациям пшеворской культуры, скорченным и с весьма разнообразной ориентировкой (в ряде мест, с преобладанием южной) (См.: Она же. С. 63-73).

⁴⁶ Шукин М.Б. Ук. соч. С. 41-57.

⁴⁷ Кулаков В.И. Ук. соч. С. 279.

⁴⁸ Кельты в основном хоронили своих умерших в земле, считая кремацию унижением и применяя ее только в отношении преступников (См.: Роллестон Т. Мифы, легенды и предания кельтов. М., 2004. С. 24). Тело (кремированное или некремированное) они клали на четырехколесную повозку, которую помещали в бревенчатую камеру под курганом (См.: Росс Э. Кельты-язычники. Быт, религия, культура. М., 2005. С. 19). Поэтому не исключено, что возведение в римское время камер с деревянным креплением стен «княжеских погребений», как и использование в позднелатенское время в Ютландии боевых колесниц в погребальных сожжениях, в какой-то степени, действительно являлось подражанием древним кельтским традициям (См.: Лебедев Г.С. Ук. соч. С. 102, 107).

⁴⁹ Это касается как Скандинавии (См.: Могильников В.А. Ук. соч. С. 193), так и собственно территории континента (См.: Никитина Г.Ф. Ук. соч. С. 71; Могильников В.А. Ук. соч. С. 155-158).

⁵⁰ Северная ориентировка погребенных хорошо вписывается в собственное германо-скандинавское мифологическое мироздание, в котором север ассоциируется с тьмой и смертью. В горизонтальной проекции именно на севере располагалась преисподняя Нифльхель (в вертикальной она находилась внизу, у корней мирового древа Иггдрасиль). Владела Нифльхелью великанша Хель, к ней попадали люди умершие своей смертью, от болезни или от старости (См.: Языческие божества ... С. 429, 438).

⁵¹ Которые уже тогда могли восприниматься не только как солярные символы, но и как защита от враждебных сил (См.: Дэвидсон Х.Э. Ук. соч. С. 24-25).

⁵² Шукин М.Б. Ук. соч. С. 29.

⁵³ Представление о магической защитной черте, которая исключительна в своей божественной силе и не требует никаких дополнительных материальных объектов, проглядывается в рассказе Тацита о матери-

Скорее всего, эти каменные круги являлись главными святилищами, где происходил непосредственный контакт живых с хтоническими божествами. Это было место, где через общение с погребенными предками⁵⁴ осуществлялась связь поколений, ведь если через эту «дверь» умерший покидал этот мир, но через нее же мог и вернуться. Более поздние источники поясняют, что для получения ценной информации от мертвого, которому были известны тайны будущего (например, с целью исцеления, подтверждения права собственности, легитимности власти или добычи какого-либо предмета, наделенного магической силой), его необходимо было призвать из загробного мира обратно в мир живых⁵⁵.

В связи с этим, не совсем ясно, почему захоронения в таких местах иногда отсутствуют. Возможно, в этом случае, функцию посредников выполняли стелы, ориентированные на значимые точки небосклона в дни летнего и зимнего солнцестояний⁵⁶, или магические знаки, выложенные из камня внутри кругов. Особенно привлекательным выглядит крест с окончаниями в виде трезубцев, напоминающий руну Альгиз (соотносимую с защитой)⁵⁷, спроецированную на четыре стороны света⁵⁸. Подобные знаки «колеса со спицами», в том числе и в виде отдельных трезубцев, достаточно широко распространены в различных культурных традициях⁵⁹. В нашем случае, загадочный крест, возможно, выполнял функцию небесного знака⁶⁰ или символа мирового древа⁶¹. Ориентация же креста на стороны света вполне объясняется древней космогонией⁶².

земле Нерте, которую в повозке регулярно провозят по землям почитающих ее племен и возвращают обратно в священную рощу (то есть по линии-кругу, вдоль границы своей земли?) (Tacit. Germ. 40).

⁵⁴ Шукин М.Б. Ук. соч. С. 29.

⁵⁵ Тот, кто «пробуждал» мертвого, использовал словесную магию, которая наделяла умершего способностью говорить особой «навской» речью. Древнескандинавские тексты сохранили начальную формулу такого заклинания (См.: Картамышева Е.П. Ук. соч. С.22, 24).

⁵⁶ Шукин М.Б. Ук. соч. С. 29.

⁵⁷ Если говорить о футарке, то, скорее всего, он происходит от латинского или какого-то другого алфавита Северной Италии и в I в. н.э. уже существовал (См.: Тодд М. Ук. соч. С. 176-179). Тацит, рассказывая о магическом обряде гадания у германцев, упоминает ветки с нанесенными на них «особыми знаками» (Tacit. Germ. 10). Однако, использование в нашем исследовании общепринятого значения руны Альгиз вряд ли будет уместным. Популярная сегодня интерпретация многих рун достаточно поздняя, является плодом увлечения народным творчеством и не выдерживает критики (См.: Языческие божества ... С. 547).

⁵⁸ Шукин М.Б. Ук. соч. С. 32. Рис. 3.

⁵⁹ Если, по словам Н.П.Лихачева, в разное время и в разных местах могли возникать знаки одинакового рисунка, тогда и значение их у различных народов и в разные эпохи могло быть разным (См.: Соболева Н.А. Ук. соч. С. 15-66). Широкий ареал бытования некоторых знаков в культурных традициях, разделенных в пространстве и во времени, скорее всего, свидетельствует о лежащих в их основах различных, гетерогенных по происхождению фигурах (См.: Сергеева М.С. Перекрещенный круг («колесо со спицами») как символ // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2001. С. 33).

⁶⁰ На наскальном рисунке из Тегнебу, Танум, Бохуслэн в Швеции, люди с птичьими головами и топорами поклоняются какому-то небесному светилу в виде круга с выходящими из него линиями с трезубцами на концах. Сомнения Х.Э. Дэвидсон в том, что это солнце, оправданы (См.: Дэвидсон Х.Э. Ук. соч. С. 175, рис. 18). Это вполне могло быть одно из созвездий Северного неба, которые многие народы считали «неразрушимыми» и поэтому именно здесь размещали обитель умерших. В вертикальной проекции германо-скандинавского мироздания, если корни мирового древа уходят в преисподнюю, то его крона возносится к небу-Асгарду, где находится Вальхалла Одина, и где пребывают павшие смертью, «достойной война» (См.: Языческие божества ... С. 429-437). При этом в небесной сфере, куда попадают эти избранные, особо выделяется созвездие Малая Медведица, звезды которого можно представить не только в качестве ковша, но и линией с окончанием в виде трезубца. Это может объяснять, почему некоторые трезубцы изображались с изогнутой центральной линией, как например, на памятниках в Туве (См.: Соболева Н.А. Ук. соч. С. 31. Рис. 4). При этом созвездие постоянно перемещается по кругу вокруг своей крайней точки – Полярной звезды. Известно, что 5-3 тыс. лет назад, из-за прецессии земной оси, функцию Полярной звезды выполняли другие небесные объекты (См.: Рандзини Д. Космос. М., 2002. С. 179). Появление интересующего нас знака может отражать процесс приближения крайней звезды ручки трезубца к Полосу мира, замеченный древними.

⁶¹ Данная схема изображения дерева (когда от центральной линии отходят в сторону второстепенные линии), является традиционной для многих народов. В германо-скандинавском мифологическом мироздании мировое древо Иггдрасиль соединяет небо, землю и подземный мир, явно символизируя путь на тот свет (См.: Петрухин В.Я. Ук. соч. С. 138). Причем, поддерживают дерево именно три корня, как и на знаках внутри кругов, один из которых, таким образом, тянется в преисподнюю Нифльхейм (См.: Языческие божества ... С. 430).

⁶² Так, стороны света в германо-скандинавской мифологии олицетворяли четыре карлика-цверга, имена которых соответствуют «географическим координатам» (Нордри – северный, Судри – южный, Аустри – восточный, Вестри – западный). Любопытно, но в позднейшей фольклорной традиции карлики оказались не только напрямую связанными с подземным миром (они прячутся в земле и камнях, так как солнце обращает их в камень), но и с загадочным знаком. Ведь они носят плащи до пят, так как ступни у них похожи на птичьи

Иногда «птичьи лапки» на окончаниях креста превращались в каменные выкладки, напоминающие треугольники⁶³. Это вновь позволяет думать о культе женского хтонического божества, ведь треугольник у многих народов, нередко являлся олицетворением женщины⁶⁴ и символом Великой богини⁶⁵ (как например, у кельтов⁶⁶, греков⁶⁷, поздних алан⁶⁸).

В заключение отметим, что наиболее вероятной причиной появления ингумационных погребений в Северной Европе в римское время являлось не столько внешнее подражание, сколько трансформации собственных верований, связанных с культом плодородия. Как уже говорилось выше, это было вызвано изменением климата, началом миграции варваров на континент и формированием новых культурных общностей. Специальная задержка своего умершего статусного предка в мире живых стала превращаться в необходимость, причем не только для осуществления посреднических функций с хтоническим миром, но и для решения важнейших сакрально-защитных задач. Ингумации же рядовых людей выступали в роли высокоэффективных посредников в земледельческих магических ритуалах.

TO THE PROBLEM OF RELIGIOUS BELIEFS CHANGES AMONG THE BARBARIANS OF THE NORTHERN EUROPE IN ROMAN TIME

**S.V. YARTSEV
A.A. MASLENNIKOV**

*Tula State Leo Tolstoy
Pedagogical University*

e-mail: s-yartsev@yandex.ru

The article touches upon the problem of changes in religious beliefs among the barbarians of the Northern Europe in the first centuries of our era. The appearance and gradual adoption of inhumation ceremony with northern orientation, the disappearance of the arms from the graves and erection of tombstone constructions with mysterious signs indicates the serious crisis in the religious consciousness of northern barbarians. The reason of such transformations in traditional beliefs and rituals was obviously the climate changes and the beginning of the northern tribes migration. The leading position among the gods occupied the goddess of fertility. The barbarians tried to win her favour by special magic rituals to protect themselves by her mercy and power.

Keywords: crisis, migration, barbarians, religion, cremation, inhumation.

лапы (гусиные или вороньи), либо вывернутые задом наперед. Только отпечаток птичьего следа на специально рассыпанном пепле или муке может выдать такого карлика (См.: Языческие божества ... С. 429-430, 456). Возможно, перед нами поздняя попытка объяснить древний крест с окончаниями из «птичьих» лапок.

⁶³ Щукин М.Б. Ук. соч. С. 32. Рис. 3.

⁶⁴ Амброз А.К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») // Советская археология. 1965. № 3. С. 18.

⁶⁵ Голан А. Миф и символ. М.; Иерусалим, 1993. С. 83-85.

⁶⁶ Росс Э. Ук. соч. С. 59-60.

⁶⁷ Известно, что конические камни были символом плодородия во многих восточных и средиземноморских религиях древности. Пирамидальной формой был обусловлен выбор античного ткацкого грузила (помимо собственно ткачества) в качестве подношения Афине, Афродите, Деметре (См.: Носова Л.В. Греческие культы на западной окраине Ольвийского полиса // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005. С. 203).

⁶⁸ Хоружая М.В. «Рогатые» пряжки в знаковой системе салтовского населения бассейна Северского Донца // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Історія. 2009. № 852. С. 28-42.

ВИЗАНТИЙСКАЯ АФРИКА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН «ИОАННИДЫ» КОРИППА*

К.Н. БОЛГОВ
Н.Н. БОЛГОВ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: bolgov@bsu.edu.ru

В работе реконструируется исторический фон событий в бывшей Римской Африке, отвоеванной в 30-е годы VI в. византийцами, сокрушившими королевство вандалов, в связи с поэмой Крескония Кориппа «Иоаннида». Сложные взаимоотношения полководцев империи, восстание местных племен мавров и мятеж солдата Стотцы – таков фон, на котором разворачивается деятельность полководца Иоанна Троглиты.

Ключевые слова: Византия, Африка, эпос, Корипп, Иоанн.

В последнем римском эпосе – поэме Крескония Кориппа «Иоаннида» показан широкий исторический фон 1-й пол. – сер. VI в., связанный с падением королевства вандалов и утверждением византийской власти в Африке¹.

Прежде чем перейти к кампании Иоанна Троглиты, которая является главным предметом поэмы Кориппа «Иоаннида», необходимо проанализировать события, которые предшествовали этой кампании для того, чтобы поместить повествование в его исторический контекст. К счастью, история этого периода дается не только Кориппом в его поэме, но также и Прокопием в «Вандальской войне» (II.28.45-52). Сравнение сведений двух авторов будет, таким образом, необходимо, чтобы была понятной последовательность событий, их полнота, и для проверки точности Кориппа, который, кроме всего прочего, писал как очевидец, чтобы заработать императорскую благосклонность. В дополнение к Прокопию, можно привлечь достаточно большое количество других историков и хронистов, которые также помогут в определении и датировках рассматриваемых событий. В их числе Марцеллин Комит, Павел Диакон, Иордан², Виктор Тонненский³ и Марий Авентик⁴.

Наиболее раннее событие, упоминаемое Кориппом в его поэме – это первое восстание Анталы и его сородичей против престарелого короля вандалов Хильдимера. Это сообщение приведено в длинной речи римского трибуна Либерата Цецилида (Ioh. III.171 ff.). В нем мы приходим к выводу, что восстание Анталы было непосредственной причиной свержения Хильдимера. В сообщении Прокопия, однако, эта причинная связь далеко не столь очевидна. В то время как он отмечает победу Анталы над Хильдимером, историк не указывает на это как на причину свержения короля. Как сообщает Прокопий, свержение стало результатом заговора, составленного его преемником Гейламиром (Гелимером), который использовал как одно из его оправданий для узурпации трона тот факт, что Хильдимер был слишком слаб, чтобы противостоять нападению туземцев (Bell. Vand. I.9.8).

Прокопий и Корипп согласны в том, что именно в этот момент в ходе событий Юстиниан решил отправить Велизария против вандалов в надежде вернуть утраченные провинции Африки. Эта экспедиция кратко упоминается у Кориппа Либератом Цецилидом (Ioh. III.277 ff.) и дважды самим Иоанном Троглитой (Ioh. I.366-408; Ioh. III.13-34). В этих пассажах Корипп сообщает лишь, что Велизарий был командующим римскими войсками, что Гелимер был тираном вандалов, и что Иоанн, собственно герой его поэмы, пошел в эту более раннюю экспедицию в сопровождении своего брата Паппа, который погиб во время

* Работа подготовлена при поддержке Внутривузовского гранта НИУ «БелГУ» 2012 г.

¹ На русском языке только очерк и статья: Удальцова З.В. Народные движения в Северной Африке при Юстиниане // Византийский временник. Т. V. 1952. С. 15-48; Кулаковский Ю.А. История Византии. 518-602 годы. СПб., 1996. С. 130-139. См. также: Shea G. Introduction // The Iohannis or De Bellis Libycus of Flavius Cresconius Corippus. Lewiston-Queenston-Lampeter, 1998. P. 6-20.

² Romana // MGH, AA, V, pars 1.

³ MGH, AA, XI.

⁴ MGH, AA, XI.

кампании. Мы также узнаем от поэта, что римский флот занял *Caput Vadorum*⁵ и о том, что римская армия в конце концов захватила Карфаген. Его сообщение заканчивается пленением Гелимера и окончанием вандалского владычества в Африке в «сотый год»⁶.

Экспедиция Велизария против вандалов также описана и Прокопием (Bell. Vand. I.12-2.9). Он приводит много деталей, но не отличается от Кориппа в существенных фактах. По Прокопию, экспедиция была отправлена по морю весной седьмого года правления Юстиниана, т.е. в 533 г. После стоянки в Кавкане на Сицилии, флот прибыл спустя три месяца после своего выхода из Константинополя, к *Caput Vadorum*, где войско высадилось на сушу. Три месяца спустя, в декабре 533 г., римляне одержали решительную победу над вандалами при Трикамаре, в 150 стадиях от Карфагена. В этой битве Папп был одним из командиров на правом фланге и, определенно, Иоанн, возможно, герой Кориппа, командовал левым крылом. Центр римского фронта возглавляли Велизарий и Иоанн Армянин, который был убит вскоре после этого и которого поэтому не следует путать с героем поэмы. После сражения Велизарий послал одного из своих подчиненных в Цезарею с небольшими силами. Этот человек также носил имя Иоанн и, возможно, был нашим героем, который однажды назван в эпосе Кориппа как «сосед наших земель, спаситель ближних песков вдоль моря» (Ioh. I.472). Прокопий завершает свой отчет об экспедиции Велизария пленением Гелимера и возвращением римского командующего в Константинополь с его пленником.

Период между отправкой Велизария из Африки и прибытием героя поэмы Кориппа может быть разделен далее на следующие части: вторая - это восстание племен, третья - поражение римского полководца Соломона, мятеж римского воина Стотцы и его разгром Велизарием и Германом, третья восстание племен и ответ римского полководца Иоанна, сына Сисиниола, наряду с борьбой Сергия и Ариобинда, и в заключение - злоумышления Гунтариха и его попытка захватить тираническую власть.

Корипп ясно показывает, что его герой, Иоанн, остаётся в Африке после отъезда Велизария и служит под командованием преемника Велизария - Соломона, который подавил несколько мелких восстаний туземных племен (Ioh. III.291 ff)⁷. Наиболее серьезным из восстаний был бунт нумидийцев во главе с их вождем Иавдой (Яудой). Однако, даже его вызов римскому правлению имел немного успехов. Иавда был вынужден отступить к своим горным укрытиям, из которых он не смел выступать против Соломона.

Прокопий описывает это событие подробно (Bell. Vand. II.8-13) и рассказывает интересный эпизод о своеобразном пророчестве, которое побудило возобновление военных действий после ухода Велизария из Африки. Видимо, племена были предупреждены в пророчестве, что они будут уничтожены безбородым римлянином и, когда они обнаружили, что все римляне в гарнизоне были бородаты, сразу восстали. Среди их вождей, как сообщает Прокопий, был Куцина, которого мы найдем среди союзников римлян в более поздних войнах. С другой стороны, Антала, отрицательный герой поэмы Кориппа, остался лояльным к империи в этот момент; этот факт Корипп упоминает несколько раз (Ioh. II.34-35; IV.362-371).

Прочие подробности приводятся Прокопием, который подтверждает и дополняет сведения Кориппа о событиях первого переходного периода. Соломон разбивает племена

⁵ *Caput Vadorum* был, как мы увидим, местом высадки как Велизария, так и Иоанна Троглиты в его более поздней кампании. Прокопий (Bell. Vand. I.14.17) расположил их приблизительно в пяти днях пути по суше от Карфагена. Шарль Диль в «L'Afrique Byzantine» (Paris, 1896) располагает их на своей карте под отметкой 279 на берегу Бизацены и отождествляет их с современным Ras Khadidja, приблизительно в семи км от Гадрумета (совр. Sousse).

⁶ Пленение Гелимера и падение вандалского владычества в Африке упоминается также в некоторых хрониках: у Марцеллина Комита (942), Виктора Тонненского (198), Мария Авентика (235). Все датируют его единодушно под 534 годом, что соответствует и дате Прокопия. По продолжительности же вандалской власти в Африке, однако, есть некоторые разногласия. В соответствии с Кориппом, власть вандалов рухнула на «сотый год» (Ioh. III.185). В трех вышеуказанных хрониках говорится, что вандалы правили от 92-х до 97-ми лет. Если мы можем доверять Иордану, который помещает в качестве начала владычества вандалов захват ими Карфагена в 439 г., то пленение Гелимера имело место на 95-й год вандалского правления. Количество лет было, несомненно, округлено Кориппом.

⁷ Корипп специально упоминает действия при Левкаде, в которых его герой принимал участие. Об этом месте мы ничего конкретного не узнаем и можем лишь предполагать, что оно, возможно, было около Цезареи, куда Иоанн был направлен Велизарием.

Бизацены при Маммесе и Бургаоне, и они бегут к Иавде в Нумидию (Bell. Vand. II.13). Когда Иавда начал разорять Нумидию, Соломон двинулся против него, заставил Иавду отступить к горе Авразий, в крепость, против которой Соломон и его туземцы-союзники были не в состоянии начать атаку, потому что испытывали страх перед засадой (Bell. Vand. II.13). К сожалению, у Прокопия нет упоминаний о герое поэмы Кориппа.

Мятеж римского солдата Стотцы открывает цепь событий, которые представляют собой следующую фазу переходного периода, который мы рассматриваем. Эти события рассматриваются Кориппом только в 16-ти строках (Ioh. III.305-319), и его сообщение является довольно расплывчатым и запутанным. Он рассказывает нам лишь то, что Стотца развязал гражданскую войну, что он бежал от Велизария в Мембрессу⁸, и что во время похода во главе римлян находился полководец Герман. Иоанн же, герой поэмы, сражался при Scalae Veteres (у Кориппа - Cellas Vatarī) и Аутенти⁹. Мужество Иоанна, как и следовало ожидать, особо подчеркнуто в этом сообщении.

Рассказ Прокопия очень подробен и полон. Он рассказывает нам, что восстание Стотцы имело место на 10-й год правления Юстиниана (536 г.). Он дает нам в качестве причины восстания попытку Соломона отобрать земли, принадлежавшие вандалским невестам римских воинов, и жестокое обращение с арианами в римской армии (Bell. Vand. II.14.7-15). Восстание, которое быстро распространилось, было подавлено и разогнано Соломоном и возвратившимся в Африку Велизарием (Bell. Vand. II.15-17). Прокопий также сообщает, что после прибытия в Карфаген по морю из Сиракуз с бежавшим из Африки Соломоном, Велизарий преследовал повстанцев до Мембрессы, разбил их и быстро вернулся на Сицилию, не потрудившись до конца уничтожить своих противников и их лидеров. В результате, Стотце удалось бежать с остатками своей армии в Нумидию, где он смог одержать верх над значительно большим количеством римских солдат и предал их командиров смерти. Вследствие этого император послал в Африку вторую экспедицию под командованием своего племянника Германа. Герман добился успеха в возвращении к покорности восставших солдат и, тем самым, вызвал Стотцу на рискованное сражение у Scalae Veteres. Именно там Стотца был разбит во второй раз.

Самое важное расхождение между сообщениями Прокопия и Кориппа вытекает из их трактовки самого Иоанна и служит напоминанием читателю, что он должен быть осторожен относительно сведений Кориппа о делах его героя. Из сочинения Прокопия мы узнаем, что Иоанн со своими людьми начали сражение при Scalae Veteres, но не они смогли удержать свои позиции и беспорядочно бежали (Bell. Vand. II.17.16-17). Однако, в поэме Кориппа Scalae Veteres названы местом, которое Иоанн «прекрасно любил», а Аутенти смотрели на него «дикой бойней врагов» (Ioh. III.318-319); обе эти фразы косвенно указывают на этапы римского поражения.

Третьей фазе из этой серии событий предшествует отзыв Германа в Африку и возвращение власти Соломоном на 13-й год правления Юстиниана – 540 г. (Bell. Vand. II.19.1). Когда Соломон возвратился в Африку, он предпринял новую кампанию против Иавды в Нумидии и, несмотря на первые неудачи своего союзника, Гунтариха, ему удалось одолеть вождя туземных племен и заставить его отступить. Эта победа принесла мир и процветание Африке, но несколькими годами позже, приблизительно в 543 г.¹⁰, страна пострадала от великого мора, который поразил другие части империи. По

⁸ Этот город хорошо известен. По Прокопию, он находился близ реки Баграда, в 350 стадиях от Карфагена (Bell. Vand. II.15.12-13). Он также упоминается Кристофером Целлариусом в *Notitiae Orbis Antiquae* (Lipsiae, 1732; 4.4.69) и в «Певтингеровых таблицах», 293; «Итинерарии Антонина», изданном с двумя предыдущими сочинениями в издании д'Урбана «Recueil des Itinéraires Anciens» (Paris, 1845). Необходимо также указать, что Конрад Миллер в своем издании «Певтингеровых таблиц» (переиздание – Stuttgart, 1962) также его упоминает. Там это дано в виде карты и, следовательно, данное место несколько труднее найти. Поэтому упоминаем указание д'Урбана: Plate XII, seg. V.3.

⁹ Аутенти упоминается в «Итинерарии Антонина» (12), на пути из Тевис в Тебесте, в 30 милях от Суфетулы (совр. Sfait), и в ста милях от Тебесте. Cellas Vatarī (Старые Холмы) представляют собой проблему. Vatarī упоминается в «Певтингеровых таблицах» (295, plate XII, seg. IV, 3) как город в Нумидии, отождествляемый с совр. Gattar. Однако, Cellas, если не исправить на tellus, не может быть объяснено. Мы можем фактически иметь дело с ошибкой в названии. Прокопий указывает, что его герои сражаются под командованием Германа в решающей битве у Scalae Veteres (Bell. Vand. II.17.6). Возможно, что Корипп спутал эти два места, которые достаточно удалены от его родины.

¹⁰ Эту дату предлагает И. Партш (Corippi Opera, XVI).

Прокопию (Bell. Pers. II.22), эпидемия вначале вспыхнула в Египте в 542 г. Возможно, что она была занесена в западную Африку из Константинополя, где разразилась через год после своего первого появления. Моровой язвой, которая описана довольно подробно Кориппом (Ioh. III.343-390), по-видимому, страдали местные племена. Вероятно, страх перед эпидемией стал причиной отсрочки нового большого восстания лагуатанов во главе с Анталой до следующего года¹¹.

Сообщение Кориппа о восстании лагуатанов дано в длинной речи Либерата Цецилида (Ioh. III.391 - IV.218). Он говорит, что когда Соломон узнал о действиях туземцев, он двинулся на них со своими союзниками, Пелагием и вождем Куциной. В последующих сражениях его армия была вынуждена отступить из-за предательства Гунтариха, и сам Соломон был убит во время этого отступления. После этого успеха повстанцы подступили к Гадрумету, где они заманили командира фракийцев Гимера в сдавшийся город, прислав ему ложное сообщение от имени римского полководца Иоанна, сына Сисиниола. В этот момент в повествовании Кориппа акцент смещается на прибытие Ареобинда, предположительно новоназначенного римского чиновника, и далее обращается внимание на последующую борьбу за власть между двумя римскими предводителями. Он нигде точно не упоминает, что это за предводители. Единственный дополнительный факт, который он сообщает, это упоминание о последовавшей позднее битве между силами Иоанна, сына Сисиниола, и местными племенами, которые присоединились к восставшему римскому солдату Стотце, и остатки его сил дважды победили армию. В этих событиях погибли как командующий Иоанн, так и Стотца.

Сообщение Прокопия об этих событиях значительно более полно (Bell. Vand. II.21-24) и, тем самым, дополняет и уточняет отрывочный рассказ Кориппа. Он сообщает нам, к примеру, что проблемы с местными жителями начались в Триполитании, в городе Лептис Магна, где племянник Соломона, Сергей, был командующим. Именно там Сергей, после того как он убил некоторых из племенных вождей на пиру, был разгромлен на поле боя уцелевшими силами племен. После этого поражения Сергей соединился со своим дядей Соломоном, и они вместе сошлись в бою с лагуатанами в Тебесте¹². Лагуатанами в этом сражении командовал Антала. Следует также напомнить, что он - бывший римский союзник, поссорившийся с Соломоном, как сообщает нам Прокопий, из-за потери выплат, которые император обещал ему в связи с убийством его брата римлянами.

Как сообщает Прокопий, битва при Тебесте была проиграна римлянами не из-за предательства Гунтариха, как утверждает Корипп, а потому, что Соломон отказался распределять добычу, которую он взял в стычке с врагом перед битвой. Это стало причиной того, что его недовольные солдаты бежали и оставили его на верную смерть. Это также описано в совсем другом контексте Прокопием - как обман Гимера. В сообщении историка, письмо с предостережением от Иоанна, сына Сисиниола, не дошло до Гимера, который поэтому попал в засаду и был захвачен в плен. Он сам был вынужден сдать город Гадрумет в руки врага.

Кем был Ареобинд, новый персонаж на этой сцене? Прокопий дает ответ на этот вопрос. Он говорит нам, что Сергей стал командующим в Африке после смерти своего дяди Соломона, но что вскоре после этого император послал Ареобинда разделить с ним командование. Вместе с последним пришел ряд военных советников, среди них префект Афанасий и армянский командир Артабан. Кажется, что какая-то ссора возникла между Сергием и Ареобиндом, как сообщает сам Корипп. Борьба привела к более плачевным результатам, однако, как допускает Корипп, из-за того, что Сергей отказался присоединиться к Ареобинду и Иоанну, сыну Сисиниола, когда они столкнулись с маврами при последующей битве у *Sicca Veneria*¹³. Итак, с недостаточными силами, Иоанн был побежден и убит, после убийства повстанческого лидера Стотцы. Только после этого поражения

¹¹ Дата данного восстания Анталы остается весьма неясной. Виктор Тонненский (Chron., 201) дает ее под 543 годом, Марцеллин Комит (Chron., 945) - под 541 годом, а Прокопий (Bell. Vand. II.21.1) - под 17-м годом правления Юстиниана (544 г.). Дата моровой язвы предполагает, что дата Марцеллина Комита является неверной. Тот факт, что Корипп утверждает, что Африка пользуется в течение 10 лет миром после первого поражения вандалов в 534 г., показывает, что верна дата Прокопия.

¹² По Виктору Тонненскому (Chron., 201), этот бой произошел в местечке Циллий.

¹³ Виктор Тонненский (Chron. 201) помещает место этого сражения в Трацею.

император, поняв, что его план разделения власти в Африке не удался, отозвал Сергия и передал всю власть в руки Ареобинда.

Сообщение Кориппа об этих событиях любопытно в нескольких отношениях. Во-первых, он делает Гунтариха виновным за поражение Соломона, о чем нет никакого упоминания в версии Прокопия. Возможно, это - попытка поэта сделать последующий облик злодея более зловещим, а судьбу римского героя более трагичной. Далее, он, кажется, изменяет историю захвата Гадрумета, по какой причине - трудно сказать. Он, как африканец, мог иметь информацию, недоступную для Прокопия, но, конечно, ни его сообщение, ни сведения историка не должны были показывать римлян в особенно плохом свете. Наконец, борьба между Сергием и Ареобиндом умалчивается, вероятно, чтобы скрыть имперские ошибки, которые сделали необходимой кампанию кориппова героя.

Четвертому (и последнему) ряду событий, которые предшествуют кампании Иоанна Троглиты, уделяется мало внимания у Кориппа. Он сообщает лишь о том, что Гунтарих вероломно сделал себя тираном, и что его тирания была недолгой, так как армянин Артабан убил его за пиршественным столом (Ioh. IV. 219-242). Это сообщение, хотя ни в коей мере не является неточным, все же опускает многое из этого чрезвычайно сложного сюжета. Еще раз отметим, что сообщение Прокопия значительно более полное (Bell. Vand. II. 25-28). Мы узнаем от него, что после смещения Сергия Ареобинд теперь остался единственным полководцем римлян и предложил напасть на туземцев, которых возглавляли Антала, Куцина и Иавда. Он попросил Гунтариха присоединиться к нему в этом деле, но Гунтарих вместо этого вступил в тайный союз с Анталой, пообещав ему долю власти над Африкой. В то же время сам Ареобинд вступил в контрзаговор с Куциной за предательство Анталы. Ни одна из этих схем не удалась, и для Ареобинда было в конце концов желательно столкнуться с туземцами в бою. Гунтарих был поэтому вынужден сделать свой ход против Ареобинда. Он заставил его бежать, а затем убил. Его командование было, однако, также кратким из-за последовавших вскоре действий, оттолкнувших от него бывшего союзника Анталу, а также командиров Ареобинда, Афанасия и Артабана. После 36 дней тирании Гунтарих был, как сообщает Корипп, убит за своим обеденным столом¹⁴.

Несмотря на краткость своего сообщения, Корипп вносит ясность в несколько вопросов, затронутых данными событиями. Во-первых, он дает понять, что заговор против Гунтариха был фактически выдан Афанасием (Ioh. IV.232-240); этот вопрос оставлен неясным у Прокопия. Кроме того, он указывает, что Антала также являлся участником этих событий (Ioh. IV.367-369). Оба эти сообщения, вероятно, точны, ибо в сообщении Прокопия Артабан призывает на помощь Афанасия после убийства Гунтариха, и участие Анталы помогло бы объяснить его позднейшие горечь и разочарование, а также причины жестокой войны, которую он вел против римлян. Интересно, что обе эти части информации служат поэтическим задачам Кориппа: сначала он показывает Афанасия, который позднее помогает Иоанну Троглите, более сочувственно, а вторая проводит мотив отказа Анталы от предложенного Иоанном мира.

Герой Кориппа, как мы можем видеть, имел более ранний военный опыт в африканских кампаниях Велизария и Соломона. Корипп также сообщает, что он служил на Востоке до того, как он принял командование над имперскими силами в Африке и вел кампании, которые также являются предметами данной поэмы. В I песни Корипп показывает раздумья императора о подвигах Иоанна в Персии, оба из которых нуждаются в рассмотрении, прежде чем мы обратимся к событиям, описанным в «Иоанниде».

Итак, две военных операции упоминаются Кориппом. Во-первых, Иоанн говорит, что принимал участие в разгроме некоего Набеда под Нисибинном (Ioh. I.58-69)¹⁵. Это,

¹⁴ Датировка этих последних событий перед отправкой Иоанна Троглиты императором может быть легко установлена. Последнее восстание туземцев началось, в соответствии с Прокопием, в 541 г. (Bell. Vand. II.21.1). Можно полагать, что смерть Соломона произошла вскоре после этого. Битва у *Sicca Veneria* и гибель Стотцы и Иоанна, сына Сисиниола, помещены под 545 г. как Виктором Тонненским (Chron. 201), так и Марцеллином Комитом (Chron. 945). Ареобинд принял командование в Африке на следующий год, как сообщают Марцеллин Комит (Chron. 945) и Виктор Тонненский (Chron. 201), поместившие смерть Ареобинда и Гунтариха на следующий, 546 год, согласившись в этом и в продолжительности правления Гунтариха с Прокопием (Bell. Vand. II.8.41).

¹⁵ Этот известный город в северной Месопотамии был столицей округа Мигдонии. Он размещался на реке Мигдоний и был, по Прокопию (Bell. Pers. I.10.14,2.19.1-2) в 98 стадиях от Дары и дневном переходе от

кажется, тот бой, о котором Прокопий сообщает, что он состоялся в 541 г. во время кампании Велизария против парфян (Bell. Pers. II.18). По сообщению историка, два заместителя Велизария, Петр и Иоанн, которые называются просто командующими войсками в Месопотамии, послушались своего командующего, позволили своим людям приблизиться к врагу в беспорядке, и были почти полностью разгромлены. Только своевременное прибытие Велизария спасло армию. По всей видимости, из этого сообщения следует, что вопрос о героизме Иоанна у Кориппа либо искажен, либо поэт исправляет факты, поворачивая дело иначе, нежели у Прокопия, где тот предстает смелым, но проявляющим неповиновение, переходящее в храбрость.

Второе событие из упомянутых выше - то, что проводилось против персидского полководца по имени Мермерой (Ioh. I.69-109). Его сообщение включает успешную защиту городов Феодосиополь и Дара¹⁶ Иоанном Троглитой и пленение самого Мермероя. У Прокопия имеется мало свидетельств об этих событиях. Осада Феодосиополя нигде не упоминается. Битва, которая звучит как эта, в действительности произошла при Даре, но против вождя по имени Пероз (Bell. Pers. I.13-14). Это сражение имело место, однако, в 530 г., задолго до первого боевого опыта Иоанна в Африке в 533 г., когда, по Кориппу, он прибыл с Велизарием (Ioh. I.379). В результате, командующий в битве при Даре по имени Иоанн был Иоанном, сыном Никиты, которого у нас нет оснований отождествлять с героем поэмы Кориппа, имя отца которого дано в поэме как Эвант (Ioh. VIII.576). Мы можем лишь сделать вывод, что Корипп повествует о событиях, опущенных Прокопием, или что он приписывал своему герою деяния других. Возможно, он был дезинформирован о событиях, о которых он не знал лично. Это, конечно, не может быть исключено, потому что, было бы необычно, чтобы Прокопий оставил без внимания такое событие как захват персидского полководца; в других случаях историк довольно тщателен в своих сообщениях¹⁷.

Мы можем теперь приступить к рассмотрению событий, которые составляют предмет поэмы Кориппа – борьбу между имперскими силами Иоанна Троглиты и восставшими местными племенами Северной Африки¹⁸. Дату назначения Иоанна Юстинианом во-

Сизаврана. Это был важнейший военный объект, служивший в качестве пограничного поста после его захвата персами (Bell. Pers. II.18.7).

¹⁶ Мы находим в «Истории» Прокопия два города под названием Феодосиополь. Один из них – на реке Аборра (Хабур) (Bell. Pers. II.19.29), в 40 стадиях от Дары (Aed. II.2.16), а другой располагался в Армении на персидской границе (Bell. Pers. I.1018), в 42 стадиях от гор, в которых лежали истоки Тигра и Евфрата (Bell. Pers. I.17.4). Второй город находился близ крепости Болум (Bell. Pers. I.15.32), в четырех днях пути от Цифаризона (Bell. Pers. II.24.13) и в восьми днях от Дубия (Bell. Pers. II.25.1). Неясно, какой из этих двух городов имеет в виду Корипп, поскольку само событие не упоминается Прокопием. Только источники противоречивы. Прокопий говорит, что Феодосиополь в Армении было важным оплотом против персов (Bell. Pers. I.10.19), но Корипп упоминает этот город в тесной связи с Дарой (Ioh. I.70-77), который должен был говорить о первом из двух городов. Сама Дара была, по Прокопию (Bell. Pers. I.10.13-14), построена Анастасием и находилась в 88 стадиях от Нисибина и в 28 – от персидской границы.

¹⁷ Проблемы, возникающие с этой битвой на востоке, подчеркивают, как трудно определить личность героя Кориппа. Поэт идентифицирует его четырьмя способами: как брата Паппа (Ioh. I.400), как сына Эванта (Ioh. VIII.576), как отца Петра (Ioh. I.197) и как супруга царской невесты (Ioh. I.202). Выявление имени его брата является наиболее важным; Иоанна называет братом Паппа несколько раз Прокопий (Bell. Vand. II.17.16; II.28.45). Хотя его отец, Эвант, не упоминается Прокопием, его упоминание Кориппом позволило нам выделить его героя из других лиц по имени Иоанн, имеющих различные патронимы. Что касается сына Иоанна - Петра, то он не упоминается нигде, и его имя не является, следовательно, полезным нам. Ссылка на императорскую невесту вызывает дополнительные проблемы. Есть соблазн отождествить эту женщину с Юстиной, дочерью Германа, племянника Юстиниана. Юстина была на самом деле замужем за полководцем по имени Иоанн, но он упоминается Прокопием как племянник одного Вителлиана и был командующим в Италии, но не в Африке (Bell. Goth. III.39.10). На самом деле при внимательном чтении Прокопия (Bell. Goth. IV.23.4) и Марцеллина Комита (Chron. 945) видно, что этим лицом не был герой поэмы Кориппа, ибо ясно, что он был в Италии, в то время как Иоанн, брат Паппа, был в Африке. Мы должны сделать вывод, что либо Корипп ссылается на другую императорскую невесту, о которой мы ничего не знаем, либо что он спутал семейные узы двух полководцев. Упоминание героя поэмы Кориппа в других исторических сочинениях и хрониках дают лишь небольшую помощь во всем этом. В большинстве случаев он именуется просто Иоанн. Марцеллин Комит называет его Иоанн Патрикий (Chron. 945), Павел Диакон – Иоанн бывший консул (Hist. Lang., 62), Иордан – Иоанн Троглиты (Romana, 57). Последнее наименование использовал Шарль Диль в своей «Византийской Африке» (гл. 2 pass.), как после этого – и современные исследователи. Можно поддержать версию о его македонском происхождении.

¹⁸ Полную дискуссию об этих племенах см.: Riedmuller M. Die Iohannis des Corippus als Quelle Libyscher Ethnologie. Augsburg, 1919; Partsch J. Die Berbern bei Corippus // Satara Viadrina. Breslau, 1896; Barth H. Wanderungen durch die Kustenlander des Mittelmeeres. Berlin, 1849. Корипп дает имена трех из этих племен: мавры,

енным магистром в Африке сравнительно легко установить. В соответствии с данными Прокопия (Bell. Vand. II.28.42-45), Артабан стал командующим в Африке сразу после смерти Гунтариха и, недолгое время спустя, был отозван в столицу и заменен на Иоанна. Марцеллин Комит (Chron. 945) указывает, что после убийства Гунтариха в Африку был отправлен Иоанн «спустя день». Оба автора согласны в том, что лишь немного времени прошло между убийством Гунтариха и назначением Иоанна, на которое мы можем разместить эти события – между концом 546 и началом 547 г.¹⁹

Продолжительность кампании, однако, определить труднее. Прокопий сообщает, что первая победа Иоанна над туземными племенами была одержана вскоре после его прибытия в Африку (Bell. Vand. II.28.46). Затем он добавляет, что племена перешли в контрнаступление и были разбиты снова, но только после серьезного поражения римлян (Bell. Vand. II.28.47-52)²⁰. Мы должны принять во внимание тот факт, что Марцеллин Комит (Chron. 945) заявляет, что окончательная победа римлян наступила гораздо позже, и предполагаем, что война продолжалась с 549 по 551 г. Трудно объяснить это несоответствие между сообщениями Кориппа и Прокопия, когда оба они согласны, что окончательная победа пришла вскоре после того, как Иоанн вступил в командование. Возможно, конечно, что наш поэт сдвигает события нескольких лет в более короткий срок для драматического эффекта. С другой стороны, также не исключено, что после первоначальных побед, начиная с 547 г., Иоанн столкнулся с задачей подавления ряда менее серьезных восстаний²¹. Во всяком случае, можно считать, что для всех практических целей Иоанна война в Африке закончилась, по крайней мере, в 551 г., ибо в рассказе о Готской войне (Bell. Goth. IV.24.33-34) Прокопий отмечает, что он послал флот, чтобы облегчить положение Сардинии примерно в 552 г. Вряд ли он сам был вовлечен в серьезную борьбу с туземцами в то время.

Что касается общего плана войны, то Корипп и Прокопий сходятся в разделении его на две отдельные кампании. Первая происходит сразу после прибытия Иоанна в Африку, в Бизацене близ Крепости Антония (Antonia Castra)²² и заканчивается первым поражением сил племен. Вторая происходит несколько позже, но, как мы видим, не очень долго после первой победы. Вторая кампания началась на юге, и в ее первом сражении римляне были разбиты на реке в Галлике²³ и были вынуждены отступить к Ларибу²⁴. Впослед-

массилы и мазаки. Первые два названия – общие; последнее, которое фактически может быть названием одного самостоятельного племени, появляется у Плиния (HN VI.7.6.21), Лукана (Bel. Civ. IV.681) и Клавдиана (Laud. Stil. I.356). Мы можем разделить три племени на три группы, не по названиям, а по территории: те племена Бизацены, что жили близ Большого Сирта и те, чьи жилища были на западе, в Нумидии. Первая группа принадлежала к народу Анталы; это фрексы и их соседи – сильваки, наффуры, силкадинеты, сильваизаны, анакутазуры, целианы и имакла. Корипп рассказывает нам, что вторая группа пришла с «внешних берегов» (Ioh. II.85). Они населяли земли близ Большого Сирта и включали мармаридов, насамонов, лагуатанов, ифуратов, муктунианов, веланидов и баркеев. Корипп утверждает, что три группы племен пришли с «других берегов» (Ioh. II.140). Это были вполне определенно люди Иавды, и относятся они к авразитанам, потому что их родные края лежали близ горы Авразий, совр. Аврес. Короче говоря, эти кочевые племена жили на территории юга Африки Проконсульской, соприкасаясь с Большим Сиргом на востоке, дальше Малого Сирта, через горы от верховьев реки Баграда до горы Авразий на западе.

¹⁹ Марцеллин Комит (Chron., 945) не согласен с Прокопием и Виктором Тонненским в дате убийства Гунтариха – 547 г., а не 546 г. Но это не серьезное расхождение.

²⁰ Хронологическая последовательность в сообщении Прокопия затемнена разночтениями в тексте Bell. Vand. Сообщение о второй кампании в рукописях V и P начинается со слов «*chronon de hysteron*», а в рукописи O – со слов «*chronon de ou pollo hysteron*». В Bell. Goth. IV.17.21, однако, говорится, что вторая кампания началась «*ou pollo hysteron*».

²¹ Действительно, то, что говорит Прокопий – что во второй кампании Иоанна у римлян не было врагов в Ливии, – это возможно. Однако, вероятно, что было несколько стычек с туземцами на западе.

²² Птолемей в «Географии» говорит о *Castra Cornelia*, которые он помещает между Утикой и устьем Баграды. В его указании Мадзучелли находит *Castra Galbae*, *Castra Severi*, *Castra Nova*, и, также в Бизацене, *Forum Antonianum*, но мы не можем отождествить место, близ которого происходила первая кампания, с какой-либо степенью уверенности.

²³ Это место должно располагаться близ Малого Сирта. Оно упоминалось ранее в поэме (Ioh. II.77) в связи с другими местами, известными в этой области, и находится вблизи земли племени астриков, которое живет рядом с Малым Сиргом. Корипп рассказывает нам, что это недалеко от береговой линии, вдоль которой Иоанн был не в состоянии разгрузить корабли из Карфагена из-за неблагоприятных южных ветров, т.е. береговая линия тянулась здесь с севера на юг, а не с востока на запад.

²⁴ Этот город упоминается Прокопием в связи с этими же событиями (Bell. Vand. II.28.48). Он появляется во многих работах по древней географии. Целларий (Not. Orbis Ant. 4.5.17, карта на с. 864) помещает его на юг

ствии, после перегруппировки своих сил, Иоанн отгеснил своего врага в место под названием Катонны Поля (Campi Catonis)²⁵ и решительно побеждает его.

Корипп структурировал свой эпос таким образом, что первая книга не содержит сцен битв. Он рассказывает об отправке своего героя из Константинополя, его пути, стоянке его флота на *Caput Vadorum*, которое было местом, где ранее Велизарий высадился в Африке, его прибытии в Карфаген и марше армии из этого города в Крепость Антония (*Antonia Castra*). Здесь Иоанн принимает послов от местных племен, которые спесиво вызывают его на бой. Иоанн принимает их вызов, властно берет их в плен и готовит свою армию к войне.

Вторая книга начинается с каталога туземных племен. Затем поэт описывает разведку двух командиров Иоанна – Гейзирита и Амантия, которые попадают в засаду врага, а затем их спасает быстрое прибытие их полководца. Иоанн затем передвигает свои войска ближе к позициям противника и в течение ночи отправляет гонца к их командующему.

Вся третья книга и первые 285 строк четвертой включают длинную речь Либерата Цецилида, в которой он рассказывает о причинах войны и событиях, которые имели место до прибытия Иоанна²⁶. Центральная нить повествования возобновляется после рассвета с возвращением посла Иоанна, который сообщает, что вожди туземцев отказались вернуть гражданских заложников, которых они взяли, и что они не будут ни возвращаться на свои земли, ни передавать себя под власть императора. Столкнувшись с их отказом, Иоанн двинул всю свою армию сразу, и враг вышел к нему навстречу²⁷.

Сражение, которое далее наступает, описано в остальной части 4-й книги и во всей 5-й книге²⁸. В этом столкновении римлянам удалось получить преимущество вначале, и враги уже оказались в одном шаге от поражения, когда Брутен, один из вождей туземцев, сплотил своих людей, и Антала, который держал свои войска в резерве, понесся на равнину. Его появление превращает атаку в шквал, и туземцы начинают контрнаступление, заставив римлян бежать. Только быстрая реакция и смелые дела Иоанна и его помощников спасли этот день. После сообщения об их героизме, 5-я книга подходит к концу с описанием вражеского лагеря и бегства повстанческой армии. Этой победы окажется достаточно, как для заложников, так и для знамен Соломона, что были потеряны несколько лет назад: они были возвращены.

Шестая книга начинается с описания полной дезорганизации племен и с сообщения о том, что Иоанн триумфально возвращается в Карфаген. Мир, однако, оказался недолгим, потому что даже в то время, как римляне праздновали победу, туземные командиры Карказан и Брутен призывают своих последователей возобновить атаку²⁹. Иоанн отреа-

от Утики между Баградой и Туской. В Итинерарии Антонина, 6 и в Певтингерových Таблицах, 297, табл. XII, *seg. V,1* она находится в 122 милях от Карфагена и в 73 от Тебесты. отождествляется с современным Лорбеом.

²⁵ Это место не упоминается никаким другим автором. Лукан (*Bell. Civ. IX.119*) упоминает *Castra Catonis*, но у нас нет оснований отождествлять эти два места друг с другом. Мадзучелли считает, что *Castra Catonis* мог располагаться близ Утики, города, отождествляемого с Катонном, но это ошибочное мнение, так как мы знаем, что Иоанн и его армия были далеко к югу от этого города на данный момент кампании.

²⁶ Эти события были уже описаны выше.

²⁷ Корипп приводит имена некоторых командиров с обеих сторон своего текста. Иоанн, конечно – римский главнокомандующий. Он имел заместителя – Рицинария, фигура которого на короткое время появляется у Прокопия в информации о персидских войнах, как о посланнике к персидскому царю Хосрову (*Bell. Pers. II.27.24-25*). В настоящей битве правое крыло римской армии возглавляли следующие командиры: Гентий, Пуцинтул, Григорий, Гейзирит, Мартурий, Сенатор и племенной вождь Куцина. Слева располагался Иоанн Старший, которого не надо путать с героем поэмы, а также Фронимут, Марцентий, Либерат, Улитан, Ифисдайя, Битиптен и Тарасис. Твое из них также упоминаются и Прокопием: Марцентий (*Bell. Vand. II.27.5*) и Григорий, племянник Артабана (*Bell. Vand. II.27.10-11*). Среди племенных вождей лишь Куцина является фигурой, которую мы можем точно опознать. Он часто появляется в тексте Прокопия, сначала в качестве одного из вождей второго восстания племен во время Соломона (*Bell. Vand. II.10.6*), затем в качестве союзника Ареобинда (*Bell. Vand. II.25.15*) и, наконец, в качестве союзника сначала Гунтариха, а затем Артабана (*Bell. Vand. II.27.24-27*). Силы племен, как представляется, в этом сражении находились под командованием Анталы. Он определяется как сын Гуенфана и был, как мы видели, союзником Рима до его ссоры с Соломоном в 543 г. Среди подчиненных командиров племен были Иерна, вождь сиртских племен и жрец туземного бога Гурзила, а также Брутен и Карказан, каждый из которых будет фигурировать в качестве важных действующих лиц во второй кампании.

²⁸ В тех изданиях, в которых поэма делится на 7 книг, этой битвой заканчивается 4-я книга.

²⁹ Этот пассаж (*Ioh. VI.104-106*) поднимает вопрос, которого мы уже касались – об интервале между первой и второй кампаниями Иоанна. Если мы согласимся с утверждением Кориппа, что интервал был крат-

гировал на этот второй вызов, двинувшись снова на врага, и 6-я книга содержит сведения о первой кампании, которая заканчивается поражением римлян. Выслушав речи Карказана и Брутена, туземные племена призывают своих союзников. Затем, соединившись с насамонами, они вновь напали на границы Бизацены. Иоанн, опасаясь разрушений, которые еще одна война в провинции принесла бы жителям, решает найти и уничтожить повстанцев. Однако, когда племена, узнали о его приближении, они бежали в пустыню, куда римляне двинулись, чтобы преследовать их. Там, в условиях холода и нехватки продовольствия их положение становится невыносимым, и римляне вынуждены были отступить. В действительности, армия была настолько деморализована этими трудностями, что вспыхнул мятеж в то время, когда Иоанн вел переговоры о мире с астриками, народом, через земли которых он должен был пройти.

Затем Иоанн успешно успокаивает своих людей и возвращает их доверие, но в этот момент он получает известие, что враг находится в поле зрения. Хотя он и сомневался в успехе, он убедил Куцину, чтобы тот перешел к близлежащей реке и завладел водой, которая была необходима племенам для их выживания. Войско двинулось в сторону Галлики³⁰ с этим намерением, но после шторма, сорвавшего палатки, некоторые римляне нападают на врагов наудачу, и преследуют их без строя и без приказа. Когда известия об этом достигают Иоанна, он сначала действует неохотно, но в очередной раз двое его подчиненных, Ариарит и Зипер, убеждают его прийти на помощь тем, кто столкнулся с врагом. Он соглашается сделать это, поставив племена союзников в передовой отряд, но, кажется, из-за этого они попадают в засаду в густой растительности вдоль берега реки. Трудности, создаваемые местностью и плохой дисциплиной римлян, были использованы врагом, который их отгеснял. Иоанн приходит слишком поздно, и, несмотря на подвиги многих отдельных римлян, армия была разгромлена. Книга заканчивается их поражением и эффектной гибелью римского командира Иоанна Старшего, который скакал на коне в зыбучих песках, попал в яму и был поглощен ими.

Седьмая книга включает описание перегруппировок обеих армий. Иоанн установил контроль сначала над Винками (или Юнками), а затем над Ларибом³¹. Одновременно он послал снабжение и подкрепления из Карфагена с префектом Анастасием и его сыном Петром³². Куцина также предоставил дополнительные силы. В то же время Карказан вновь соединился с Анталой, который предложил план заманить римлян в глубь пустыни. Этот план будет принят, местные жители делают вид, что бегут, и Иоанн посылает отряд под командованием Либерата Цецилида для того, чтобы выяснить их намерения. Несколько местных солдат попадают в плен, среди них некий Варинн раскрывает план Анталы.

В начале восьмой и последней книги Корипп описывает второй мятеж и его неудачу. Лагерь туземных племен, как он нам сообщает, находился в замешательстве, а также тяжело страдал от отсутствия продовольствия. В результате, их предводители пошли на риск сомнительной битвы. В этом финальном сражении они начали атаку против римских построений, одну против войск под командованием Иоанна, которая была быстро отбита, и вторую - против сил Куцины, где добились первого успеха. Иоанн, однако, спе-

ким, то остается только уточнить, сколько недель или месяцев на самом деле проходят в течение этого интервала. Ответ, возможно, был предложен Партшем (р. XXIX), который отмечает, что, в то время как погода, по видимому, не представляла проблемы во время первой кампании, она вызвала значительные трудности для обеих армий во второй. Он указывает также на заявление Кориппа (Ioh. VII.70-71) о том, что море было открыто для плавания в тот период, когда происходила вторая кампания, и приходит к выводу, что это должно было быть лето. Его предположение, видимо, верно. Если, как мы видели, Иоанн прибыл в Африку в 546 г. или в начале 547 г., первая кампания должна была иметь место в конце зимы или начале весны. Не исключено поэтому, что он столкнулся с врагом во второй раз - два или три месяца спустя - в летнее время.

³⁰ См. выше прим. 38 - район Малого Сирта.

³¹ Вполне вероятно, что это прибрежные города, который Прокопий называет Iouce, находившиеся в 9 днях пути по побережью от Карфагена (Bell. Vand. I.15.8). Эта локализация в южной части Бизацены близ Малого Сирта согласуется со всей информацией, передаваемой Кориппом. Партш (р. XXXIV) находит описание города и его бухты у Ферранда и, в основных деталях, даваемых им, можно отождествить Iunci с современным поселением Ксар Унга. О Ларибе см. выше, прим. 39.

³² Эти, казалось бы, зрелые действия сына героя предполагают, что он был значительно старше, чем он был в то время, когда экспедиция прибыла в Африку, и что, следовательно, эта кампания имела место на несколько лет позднее.

шит на участок поля боя Куцины, и римская армия, в конце концов, берет там верх. Далее еще раз полностью описываются храбрые деяния римских командиров. Римский командир Путцинтул был убит, и Иоанн сам убивает туземного вождя Карказана. Хотя заключительные строки поэмы утрачены, последний фрагмент, кажется, содержит описание римской армии, как ее выслеживает последний из беглых туземцев. Римская победа, как кажется, была вполне полной.

Завершив рассмотрение исторического материала, который содержится в поэме, мы должны задаться вопросом, насколько он достоверен. Мы должны принять во внимание тот факт, что Корипп действительно дает информацию о военных подвигах Иоанна Троглиты и успехах его армии, которые нельзя найти ни у одного другого автора³³. Тем не менее, сравнение его текста с текстом Прокопия время от времени показывает, что при рассмотрении информации поэта необходимо проявлять осторожность. Мы видим, что Корипп намеренно или из-за ненадежности своих источников, иногда приписывает деяния лицам, которые не их не совершали, что он может показать дела некоторых так, чтобы они выглядели лучше или хуже, чем они были, что он опускает или замалчивает события, которые не вписывались в его поэму, и что он вообще преувеличивает доблести и достижения римской армии.

В связи с этим стоит напомнить, что в своем предисловии поэт сообщает читателю, что он написал свое эпическое произведение для того, чтобы получить благосклонность римских правителей в Африке, по-видимому – Иоанна и его сотрудников (Ioh. Praef. 29-30, 36). Поэт в таком положении может считаться с исторической точностью менее, чем с более важным для него получением покровительства. В связи с этим, вероятно, справедливо сделать вывод: что африканское происхождение Кориппа делало его компетентным в событиях, о которых он рассказывал и, следовательно, может дать нам много информации и деталей. Факты, которые у него нет причин искажать, географические и этнографические сведения, вероятно, представлены достаточно точно. Вопросы, которые касаются его покровителей и их личных и имперских интересов, однако, часто приходится подвергать тщательной проверке.

BYZANTINE AFRICA: HISTORICAL BACKGROUND OF CORIPPUS' "IOHANNIS"

K.N. BOLGOV
N.N. BOLGOV

*Belgorod National
Research University*

e-mail: bolgov@bsu.edu.ru

In reconstructing the historical background of the events in the former Roman Africa, won in the 30 years of VI, Byzantines, crushed the Vandals kingdom, in connection with the poem of Cresconius Corippus "Iohannis." Complex relationships generals of the empire, the rebellion of the local tribes and the Moors soldier Stottsas rebellion - that the background against which the activity takes place commander John Troglita.

Keywords: Byzantium, Africa, epic, Corippus, John.

³³ Интересно указать на то, что Дж. Бьюри в своих комментариях к Э. Гиббону использует точные детали из Кориппа, которые не использовал Гиббон.

ИНАУГУРАЦИОННАЯ ЦЕРЕМОНИЯ И КОРОНАЦИОННЫЙ *ORDO* КАРЛА V 1364 г.

С.А. ПОЛЬСКАЯ

*Ставропольский
государственный
университет*

e-mail: polskaya-sa@yandex.ru

Статья раскрывает содержание инаугурационной церемонии французской короны, сконцентрированной в тексте т.н. коронационного *ordo* Карла V Мудрого 1364 г. в форме его комментированного перевода с краткой вступительной аннотацией.

Ключевые слова: Карл V, архиепископ Реймский, инаугурационная церемония, ритуал, помазание, коронация, регалии.

Карл V Валуа пришел к власти в крайне сложное для Франции время, после достаточно продолжительного регентства, имевшего место в 1356-1360 гг. и в начале 1364 г., когда его отец, правящий король Иоанн II Добрый оказался в английском плену. Как известно, правление Карла V (1364-1380) оценивается как прервавшее мир в Бретиньи и возобновившее Столетнюю войну, в ходе которой Франция вернула почти все отторгнутые территории, что во многом явилось следствием усилий короля, направленных на централизацию власти и усиление государства. Не последнюю роль в их успехе сыграли как военная и налоговая реформы, так и усложнение практики раздачи апанажей посредством введения специального правила их неотчуждаемости – алиенации¹.

Однако еще одним, не менее значимым свидетельством усиления потестарных возможностей монархии стали изменения, внесенные в инаугурационную церемонию французских монархов – королевское посвящение (*le sacre royal*), берущую свое начало от Пипина Короткого. Тенденция к письменной фиксации последовательности ее ритуалов и сопровождающих их литургических процедур, молитв и песнопений была положена архиепископом Реймса Хинкмаром – автором, по крайней мере, четырех т.н. коронационных *ordines* – *ordo* Юдифи, дочери Карла Лысого (856 г.),² *ordo* Эрментруды, его супруги (866 г.),³ *ordo* Карла Лысого (869 г.)⁴ и *ordo* Людовика Заики (877 г.).⁵ Следующим шагом власти в этом направлении стал т.н. *ordo Фулрада* или *Ратольда* конца X в.⁶ и серия протоколов эпохи Людовика IX Святого: *ordo* Реймса 1230 г., *ordines* 1250 г.⁸ и 1270 г.⁹

¹ Этой теме автор посвятил ряд статей. См.: Польская С.А. Борьба за бургундское наследство и становление особого статуса апанажа Филиппа Смелого в 30-е гг. XIV в. // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. Белгород, 2010. № 13(84). Вып. 15. С. 55-61; она же. Королевские апанажи в системе территориально-государственного устройства Французского королевства (XIII – вторая половина XIV вв.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. №4 (10): В 3-х ч. Ч.1. С.131-134; она же. Династические и правовые проблемы становления права неотчуждаемости французской короны второй половины XIV в. // Вестник академии права и управления. М., 2011. №23. С. 27-40.

² *Coronatio Iudithae Karoli II. Filiae* // MGH. *Capitularia regum francorum* / Ed. Boretius Al., Krause V. Bd.22. №2. Hannover, 1897. S. 425-427. Кроме указанного издания наиболее полной версией *ordines* Хинкмара стала их публикация Р. Джексоном: *Marriage and coronation ordo of Judith (865)* // *Ordines coronations Franciae: texts and ordines for the coronation of Frankish and French kings and queens in the Middle Ages* / Ed. by R.A. Jackson. T. 1-2. Philadelphia, 1995. T. 1. P. 73-79.

³ *Coronatio Hermentrudis reginae* // MGH. *Capitularia regum francorum ...* Bd.22. №2. S.453-455; *ordo of Ermentrude (866)* // *Ordines coronations Franciae ...* T. 1. P. 80-86.

⁴ *Ordo coronationis Karoli II. In regino Hlotharii. Factae* // MGH. *Capitularia regum francorum ...* Bd.22. №2. S. 456-458; *ordo of Charles the Bald (869)* // *Ordines coronations Franciae ...* T. 1. P. 87-109.

⁵ *Ordo coronationis Hludowici Balbi* // MGH. *Capitularia regum francorum ...* Bd.22. №2. S.461-462; *ordo of Louis the Stammerer (877)* // *Ordines coronations Franciae ...* T. 1. P. 110-123.

⁶ Он опубликован в редакциях П. Шрамма, П. Варда и Р. Джексона: «Ordo von Arras», verfat in der Diozese Arras (im Kloster St.Vaast?) um 1000 // Schramm P.E. *Ordines-Studien II. Die Kronung bei den Westfranken und den Franzosen* (Forts. zu Bd. XI, 285 f) // Archiv fur Urkundenforschung in Verbindung mit dem Reichsinstitut fur oltere deutsche Geschichtskunde herausgegeben von DR. D. Karl Brandi. Berlin, 1938. Bd. 15. №1. S. 23-24; Paris Bibl. Nat. MS lat. 12052. fo 21 v (the Ratold Sacramentary) // Ward P.L. An Early Version of the Anglo-Saxon Coronation Ceremony // *English Historical Review*. 1942. №57. P. 345-361; *Ratold ordo* (ca. 980) // *Ordines coronations Franciae ...* T. 1. P. 168-200.

⁷ *Ordo de Reims* // *Sacramentaire et mortirologie de l'abbaye de Saint Remi. Martirologie, calendriers, ordinaires et prosaire de la metropole de Reims (VIII-e – XIII siècles)* / Ed. Y. Chevalier // *Bibliothèque liturgique*. Paris, 1900. №7. P. 222-226; *ordo of Reims* (ca. 1230) // *Ordines coronations Franciae: texts and ordines for the*

Все они в той или иной мере отражают процесс упрочения полномочий королевской власти, начавшийся в XII-XIII вв., включая в себя все более точные процедурные описания инаугурации, а также серию нововведений. Аналогичные позиции характерны и для *ordines* Валуа, которые уже приобрели объем и вид т.н. «коронационных книг», снабженных значительным количеством миниатюр и представляющих собой более значительные по объему фолианты. Среди них выделяется «Коронационная книга Карла IV и Жанны д'Эврэ» 1321 г.¹⁰ и «Коронационная книга Карла V» 1364 г., приуроченная к его инаугурации, имевшей место в день Троицы, 19 мая.

Последний манускрипт известен в нескольких редакциях, рассеянных по архивам Франции и Англии и ряду публикаций¹¹, среди которых наибольшую известность имеют следующие:

Рукописи:

1) London, British library, MS Cotton, Tiberius B.VIII, fols. 43r-74 v. 1365 (ie., 13 avril 1365 – 4 avril 1366). Опубликовано Э. Девиком и О' Мearой (см. ниже № 8 и № 14).

2) Paris, Bibl. Nat., MS lat. 8886, fols. 62v-83v 1365 MS lat. 8886, fols. 62v-83v. Начало XV в. Копии: Bayeux, Bibl. de la Chapitre, MS 61; Bourges, Sainte-Chapelle, 1406-1407.

3) Paris, Bibl. nat. MS lat. 9479, fols. 213r-219r. Начало XV в. Опубликовано В. Лероке (см. ниже № 11).

4) London, British library, MS Additional 32097, fols. 150v-161v. XV в.

5) Paris, Bibl. nat., MS Dupuy 365, fols. 28r-54r. XV в. Опубликовано Т. Годфруа (см. ниже № 5).

6) Paris, Archives le Compagnie des prêtres de Saint-Sulpice, MS 1928, fols. 57r-98r. Около 1480 г.

7) Paris, Bibl. nat., MS lat. 13314, fols. 3r-44r. Копия – т.н. «красная книга»¹² (MS 4). 1530-1535 гг. Опубликовано В. Лероке (см. ниже № 10).

8) Paris, Bibl. de Institut de France, MS Godefroy 380. Опубликовано Т. Годфруа (см. ниже № 5).

9) Reims, Bibl. munisip., MS 1492, fols. 21r-36r. XVIII в.

10) Reims, Bibl. municip., MS 1489 (nouv. fonds). № 7. P. 1-40. XVIII в.

11) Reims, Bibl. municip., MS 1485. (nouv. fonds.). № 3. P. 1-35. XVIII в. Опубликовано А. Лорике (см. ниже № 9).

Публикации:

1) *Eustache G. Consecratio et coronatio regis Francie*. Paris, 1510.

coronation of Frankish and French kings and queens in the Middle Ages / Ed. by R.A. Jackson. Т. 1-2. Philadelphia, 2000. Т. 2. P. 291-305; French translations of ordo of Reims (ca. 1300-1320, 1512) // Ibid. P. 306-340.

⁸ Ordo de Reims // Sacramentaire et mortirologie de l'abbaye de Saint Remi. Martirologie, calendriers, ordinaires et prosaire de la métropole de Reims (VIII-e - XIII siècles) / Ed. Y. Chevalier // Bibliothèque liturgique. Paris, 1900. №7. P. 222-226; ordo of 1250 (1240-1250) // Ordines coronations Franciae ... Т. 2. P. 341-366.

⁹ П. Шрамм, назвавший его «последним капетинским ordo», предпринял публикацию, тождественную рукописи, обнаруженной В. Лероке среди манускриптов аббатства Шалон-на-Марне и аббатства Сен-Бертен в Омере, что позволяет говорить об одном и том же тексте ordo 1270 г. – «Letzte Kapetingische Ordo» (sog. Ordo von Sens), vertat in den Jahren Philipp IV. Oder seiner Sohne, zwischen Ende des 13. Jahr. und etwa 1320 // Schramm P.E. Ordines-Studien II... . S. 33-39. Fragment d'un Pontifical de Chalons-sur-Marne ou Livre du sacre des Rois de France. XIII siècle. 2-e moitié. Paris; Bibliothèque nationale. ms. lat., 1246 // Les pontificaux manuscrits des bibliothèques de France / Ed. V. Leroquis. Vol. II. Paris, 1937. P. 145-146. Pontifical de Saint-Bertin. XII siècle. Saint-Omer, bibliothèque municipale. ms.98 // Ibidem. P. 318-323; Last Capetien ordo (ca.1250/1270) // Ordines coronations Franciae ... Т. 2. P. 267-418; French translation of last Capetien ordo (cf. 1350, 1555-1566) // Ordines coronations Franciae ... Т. 2. P. 418-453.

¹⁰ The Coronation Book of Charles IV and Jeanne d'Evreux / Ed. J.-Cl. Bonne, J. Le Goff // Rare Books: Notes on the History of the Books and Manuscripts. 1958. №8. P. 1-12.

¹¹ См. их подробный перечень, приведенный Р. Джексоном: Ordines coronations Franciae ... Т. 2. P. 462-464 (в том числе синопсис манускриптов на с. 460 и сводную таблицу их датировок на с. 466).

¹² Наряду с «красной книгой», являющейся анонимной копией модернизированного текста ordo Карла V, использованного для коронации Карла VI в 1380 г., существует и т.н. «синяя книга» – аналогичная копия ordo 1270 г., ставшего, как уже упоминалось выше, основой для ordo Карла V. Обе они оказались утеряны в XVIII в., видимо, – уничтоженными в ходе Великой Французской буржуазной революции: Jackson R.A. Introduction to Volume II // Ibid. P. 286; Idem. The livres bleu and rouge. Two coronation manuscripts in the cathedral of Reims // The Man of Many Devices, who Wandered Full Many Ways: Festschrift in honor of János M. Bak / Ed. by B. Nagy, M. Sebök. Budapest, 1999. P. 176-186.

2) *Chesneau N.* L'Ordre et les cérémonies du sacre et couronnement du trèschrestien Roy de France, latin et françois / Trad. par R. Benoist Apgevin. Paris, 1575.

3) *Foligny J. de.* Le sacre et couronnement du roy de France. Reims, 1575. Ж. де Фольи приводит отрывки из «красной книги» применительно к посвящению Генриха III, которому и посвящена его работа.

4) *Bouchel L.* Decreta ecclesiae Gallicanae ex conciliis ejusdem æcumenicis ... collecta. Paris, 1609. P. 701-716. Воспроизведен П. Шраммом, при этом ошибочно отнесен им к одной из редакций *ordo* 1270 г.: *Schramm P.E.* Ordines-Studien II... S. 283.

5) *Selden J.* Titles of Honor. London, 1631. P. 222-255.

6) *Godefroy Th.* Le ceremonial françois. Contenant les ceremonies observees en France aux Sacres et Couronnements de Roys et Reines, et de quelques anciens Ducs de Normandie, d'Aquitaine, et de Bretagne: Comme aussi à leurs Entrees soulennelles: et à celles d'aucuns Dauphins, Gouverneurs de Provinces, et autres Seigneurs, dans diverses villes du Royaume, recuilly par Theodore Godefroy et mis en lumière par Denys Godefroy. T. 1-2. Paris, 1649. P. 31-51, 191-197. Публикация Т. Годфруа оценивается как наиболее полная, включающая в себя лондонский (см. выше № 2) и парижские (см. выше № 5 и 8) манускрипты.

7) *Prynne W.* Signal loyalty and devotion of Gods true Saints and pious Christians (as also of idolatrous pagans) towards their Kings. London, 1660. P. 194-224.

8) *Coronation book of Charles V of France (Cottonian MS Tiberius B. VIII)* / Ed. E. Dewick // Henry Bradshaw Society. T.16. London, 1899.

9) Reims, Bibliothèque municipale / Ed. H. Loriguet. Vol.2. Paris, 1906. P. 692.

10) Les pontificaux manuscrits des bibliothèques de France / Ed. V. Leroquais. Vol. I. Paris, 1937. P. 179.

11) Les pontificaux manuscrits des bibliothèques de France / Ed. V. Leroquais. Vol. II. Paris, 1937. P. 154-157.

12) *Ordo Konig Karls V. vom Jahre 1365, auf Seinen Bofehlaufgesetzt und illustriert, vom iht selbst seiner Bibliothek eingegluedert* // *Schramm P.E.* Ordines-Studien II: Die Kronung bei den Westfranken und den Franzosen (Forts. zu Bd. XI, 285 f) // Archiv fur Urkundenforschung in Verbindung mit dem Reichsinstitut fur olttere deutsche Geschichtskunde herausgegeben von DR. D. Karl Brandi. Berlin, 1938. Bd.15. №1. S. 43-48.

13) «Forma et modus», d.h. sachlich geordnete Auszure aus dem «Lytlington-Ordo» (Nr.33), und andere Aufzrichnungen, zu praktischen Zwecken zu sammengestellt zu Ende des 15. Jahrhunderts // *Schramm P.E.* Ordines-Stidien III: Die Kronung in England // Archiv fur Urkundenforschung. in Verbindung mit dem Reichsinstitut fur olttere deutsche Geschichtskunde herausgegeben von DR. D. Karl Brandi. Berlin, 1938. Bd.15. №2. S. 369-375.

14) *O'Meara C.F.* Monarchy and consent: the coronation book of Charles V of France. London-Turnout, 2001.

15) *Ordo of Charles V* // Ordines coronations Franciae: texts and ordines for the coronation of Frankish and French kings and queens in the Middle Ages / Ed. by R.A. Jackson. T. 1-2. Philadelphia, 2000. T. 2. P. 454-521.

Что касается времени создания, то П. Шрамм и Ж. Де Панж пролонгировали написание «Коронационной книги» до 1369 г., т.е. времени после посвящения Карла V¹³. Р. Джексон, как наибольший авторитет в этой области, оценивает *ordo* Карла V как компилятивное, состоящее из комбинации текстов *ordo* Реймса 1250 г., *ordo* 1270 г. и коронационной книги, хранящейся в королевской библиотеке, и датирует его создание 1364 г.¹⁴

Оценивая его значение, П. Шрамм полагал, что *ordo* Карла V лег в основу церемонии королевского посвящения как во Франции, так и в Англии, поскольку был вывезен англичанами в период Столетней войны¹⁵, и данная точка зрения не вызывает принципиальных возражений исследователей.

¹³ Schramm P.E. Der König von Frankreich: Das Wesen der Monarchie vom 9. zum 16. Jahrhundert: 2 ed. Bohlaus H. Bd. I. Text. Weimar, 1960. S. 239; Pange J. de. Le roi Tres-Chretien. Paris, 1949. P. 258.

¹⁴ Jackson R.A. General introduction // Ordines coronations Franciae ... T. 1. P. 31-32; French translations of the *ordo* of Reims. Introduction // Ibid. T.2. P. 306.

¹⁵ *Ordo Konig Karls V. vom Jahre 1365, auf Seinen Bofehlaufgesetzt und illustriert, vom iht selbst seiner Bibliothek eingegluedert* // *Schramm P.E.* Ordines-Studien II ... S. 43-48. «Forma et modus», d. h. sachlich geordnete Auszure aus dem «Lytlington-Ordo» (Nr.33), und andere Aufzrichnungen, zu praktischen Zwecken zu sammengestellt

Настоящий перевод осуществлен с варианта *ordo* Карла V из собрания т.н. «Генеральной коллекции древних французских законов», поскольку данное издание оказалось упущенным в перечне Р. Джексона, в то время как оно представляет известный интерес, вызванный именно его нахождением в законодательном своде, что однозначно определяет понимание короной инаугурационной церемонии как правового акта. Кроме того, именно этот документ, являющийся по оценке редакторов «Генеральной коллекции» средоточием выдержек из «Коронационной книги Карла V», использовавшегося и при инаугурации Людовика XIII 17 октября 1610 г., заголовки которого записаны на старофранцузском, а основной текст – на латыни, содержит значительное количество процедурных нововведений, принятых именно Карлом V и, что немаловажно, конкретизирует содержание литургических действий – позиций, действий, молитв, аккламаций, литургических гимнов и т.п. Наконец, нижеприведенный *ordo* содержит и порядок инаугурации королевы, – правило, берущее начало от «Коронационной книги Карла IV и Жанны д'Эврэ».

К череде особенностей дипломатики документа следует отнести и отсутствие полного текста молитв, антифонов и пр. литургического сопровождения, – они наличествуют в виде записи первых фраз. Подобная редакция сохранена и при переводе, лишь в ряде случаев, наиболее важных, с нашей точки зрения, в ссылках приводится полный текст. Кроме того, в тексте встречаются собственные ссылки-комментарии, сделанные редакторами тома. Они также сохранены при переводе в своем первоначальном виде (цифры, заключенной в круглые скобки), сопровождаясь пометкой «прим. ред.».

**№ 388. ПРАВИЛА, КОТОРЫЕ ДОЛЖНЫ СОБЛЮДАТЬСЯ
НА ПОСВЯЩЕНИИ И КОРОНАЦИИ КОРОЛЕЙ.
ПОРЯДОК ПОМАЗАНИЯ И КОРОНАЦИИ КОРОЛЯ¹⁶ (1)
1365 г. (Французский церемониал, Т. 1. С. 31-51)¹⁷**

Порядок королевской инаугурации и коронации

Сначала напротив хоров подготавливают помещенный в центре, идущем от меча¹⁸, помост, на который поднимаются пары королевства и прочие, которым надлежит находиться рядом с ними.

Король встречает процессию

Когда наступает день коронации, король должен принять процессию, состоящую из каноников, а также монахов.

Король должен быть коронован в воскресенье

В субботу, предшествующую вышеупомянутому дню, когда король должен быть посвящен и коронован, по истечении вечерни назначается королевская стража для охраны церкви¹⁹.

Король должен провести ночь в церкви для молитвы

И король обязан в ночное время в тишине прийти в церковь для молитвы и войдя туда, произносить их, а, если пожелает, держать молитвенное бдение [все ночь]²⁰. До утра цер-

zu Ende des 15. Jahrhunderts // Schramm P.E. Ordines-Studien III: Die Kronung in England // Archiv für Urkundenforschung in Verbindung mit dem Reichsinstitut für ältere deutsche Geschichtskunde herausgegeben von DR. D. Karl Brandi. Berlin, 1938. Bd.15. №2. S. 369-375.

¹⁶ Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. Ordo ad inungendum et coronandum Regem // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789 / Éd. de A.-J.-L. Jourdan, F.A. Isambert, Decrusy, A.-H. Taillandier: 29 vol. Paris, 1821-1833. Vol. 5. P. 237-253.

(1) Это выдержка из рукописной книги, озаглавленной «Это книга посвящения королей Франции и нашего Карла V, называемого королем Франции и принятых исправлений, правил, записанная и украшенная, 1365 г.» («Коронационная книга Карла V» – С.П.). Мы приводим формуляр посвящения Людовика XIII.

¹⁷ Ссылка на издание Теодора Годфруа (см. выше).

¹⁸ Коронационный меч ставился рукоятью в специальное углубление в центре Большого Алтаря Реймского собора для специальной процедуры его вручения в качестве королевской регалии. Видимо, по его расположению определялось и место помоста.

¹⁹ Реймского собора Нотр-Дам, где завтра будет проходить инаугурационная церемония.

²⁰ Имеется в виду ритуал молитвенного бдения короля на протяжении всей предшествующей инаугурации ночи, предписанный более ранними ordines как обязательный. Очевидно, в данном случае допускается более краткое пребывание (возможно, по причине слабого здоровья самого Карла V). В любом случае большинство специалистов справедливо усматривают в ночи бдения влияние аналогичной процедуры, предусмотренной церемонией посвящения в рыцари: Gautier L. La chevalerie. 3-ed. Paris, 1895. P. 245-340; Jackson R.A.

ковь должна находиться под охраной, расположенной перед наглухо закрытыми дверями, защищая их до тех пор, пока каноники и клир придут туда, когда это необходимо [для утренней службы – *С.П.*], дабы участвовать в ней достойным образом со всем тщанием.

Заутреня проходит, как обычная служба, которая должна отправляться в начале дня.

Затем король, архиепископ [Реймский – *С.П.*] и епископы, и бароны, и все прочие, коим позволено прийти в церковь, первоначально окропившись святой водой²¹, должны расположиться вокруг алтаря, каждый со своей стороны²², согласно своему рангу.

Встреча и ранг пэров Церкви

Епископы, подготовившись, первым – Лана, затем – Бовэ, за ним – Лангра, затем – Шалона и Нойона, за всеми этими епископами – архиепископ Реймский²³ располагаются напротив алтаря вместе с королем вместе с королем, и прочим²⁴ вмешиваться сюда неуместно. И сначала каноники Реймской церкви с двумя распятиями, свечами и кадиллом следуют во дворец архиепископа; и епископы Лана и Бовэ, которые должны быть первыми епископами-пэрами в этой процессии, с реликвариями на шеях, следуют в главные покои (*camera magna* – *С.П.*) для посвящения короля, ожидающего их сидя или лежа на кровати²⁵.

И обращаясь к нему²⁶, пусть епископ Лана произнесет «Всемогущ ...»²⁷.

Король следует в собор с двумя пэрами Церкви

Когда молитва произнесена, незамедлительно два вышеупомянутых епископа берут его (короля – *С.П.*) под левую и правую руки и ведут к церкви под пение каноников, исполняющих «Вот, я посылаю ...»²⁸. Закончив пение, хор произносит: «Израиль, если ты слышишь ...»²⁹ (1).

Sleeping king // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance; travaux et documents. 1969. №31. P. 521-551; Idem. Vivat Rex! Histoire des sacres et couronnements en France / Trad. par M. Arav. Paris, 1985; Giesey R.E. Modèles de pouvoir dans les rites royaux en France // Annales ESC, mai-juin 1986. №3. P. 579-590.

²¹ Католический ритуал, предписывающий самоокропление рук из чаши, стоящей при входе в храм.

²² Духовенство – справа, миряне – слева от алтаря, как предписывала традиция.

²³ Такова сложившаяся к этому времени иерархия пэров Церкви, прошедшая, как и ранг светских пэров, достаточно долгую и сложную эволюцию. См. подробнее о генезисе института пэров во Франции: Sainte-Marie Anselme de, Père. Histoire généalogique et chronologique de la Maison Royale de France, des Pairs, grands officiers de la Couronne et de la Maison du Roy et des anciens barons du Royaume: 9 vol. Paris, 1726-1733; Lot F. Quelques mots sur l'origine des paires de France // Revue historique. 1994. CIV. P. 34-59; Jackson R.A. Peers of France and Princes of the Blood // French Historical Studies. Vol.7. 1971. №1. P. 28. Участию пэров в инаугурационной церемонии посвятил отдельную статью и автор настоящей публикации: Польская С.А. Иерархия светских и духовных пэров в процедуре инаугурационной церемонии французской монархии (IX-XIV вв.) // Иерархическое Средневековье / Под ред. А.К. Гладкова (passim).

²⁴ Возможно, имеется в виду светские пэры, чье участие в церемонии было регламентировано позже.

²⁵ Имеется в виду ритуал пробуждения короля, символизирующий сон накануне возрождения к новой жизни (по аналогии с таинством крещения) в качестве посвященного монарха, чьи помазание и коронация оцениваются как теизация его полномочий. О толковании ритуального пробуждения см. подробнее: Jackson R.A. Sleeping king ...

²⁶ В данной редакции отсутствует формула обращения епископов к ожидающему их монарху. Описание инаугурационной церемонии, составленные в эпоху Старого Порядка (в частности трактат секретаря Парламента г. Меца Николя Менана), конкретизируют: «Камергер, не открывая дверь (на стук – *С.П.*), говорит: «Кто вам нужен?», епископ Лана отвечает: «Король». Камергер говорит: «Король спит»; певчий стучит, епископ вызывает короля во второй раз..., и на третий раз камергер отвечает: «Мы зовем (имя), которого Бог дал нам, чтобы править: Menin N. Traite historique et chronologique du sacre et couronnements des Roys et des Reines de France depuis Clovis I-er jusqu'à present par Monsieur Menin, Conseiller au Parlement de Metz.-Amsterdam, 1724. P. 239-240.

²⁷ Начало молитвы «Всемогущ Господь»: «Всемогущ Господь, Царь царей, и вседержитель мира, чьей власти ни одна тварь сопротивляться не может, в чьей воле карать грешников и прощать тех, которые истинно раскаиваются; сохрани и освободи нас, моля тебя просящий пред дланью врагов, уйми гордость (мою – *С.П.*), огради от зла, разрушь ловушки и козни, чтоб твоим оружием быть защищенными, всегда быть хранимыми от всех опасностей, прославляя тебя, иже еси единственный победы, благодаря спасению единокровные сыны твои Бога нашего Иисуса Христа. Аминь».

²⁸ Имеется в виду начальный стих Евангелия от Марка: «... вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою» («... ecce mitto angelum meum ante faciem tuam, qui praeparabit viam tuam»). – Мк.: 1:2. Эта молитва являлась типичным гимном для торжественной встречи знатных особ в монастырях и церквях. См. Поньон Э. Повседневная жизнь Европы в тысячном году / Пер. с фр. Э.М. Драйтовой. М., 1999. С. 120.

²⁹ Имеется в виду стих Псалмов: «Израиль, если ты слышишь меня, не будет нового Бога в тебе, не будешь ты поклоняться Богу иному, а Господу». («Israël, si me audieris, non erit in te deus recens, neque adorabis deum alienum: ego enim Dominus»). – Пс.: 80:9. (1) Эти молитвы не содержат ничего, кроме королевских обязанностей [Крайне важная ссылка, указывающая на понимание Карлом V и его окружением статуса христиан-

Все прочие следуют за ними ко входу в церковь, и епископ Бовэ, если он присутствует, тотчас произносит: «Господь, который ...»³⁰.

Стоящий перед входом церковный хор исполняет в это время антифон³¹ «Господи, король с твоей помощью ...»³².

Король предстает перед архиепископом Реймским для посвящения

По окончании главного антифона, которого все ожидают перед алтарем, посвящающий короля [архи-] епископ произносит следующую молитву: «Всемогущ Господь ...»³³.

Когда молитва произнесена, можно начинать посвящение на царство в присутствии кафедрального епископа и прочих архиепископов, доставивших Святую Скланку, с которой король благоговейно снимает покров.

О Святой Скланке

Одними из первых прибывают монахи обители святого Реми с крестами и свечами, шествующие со Святой Скланкой, покрытой белым шелком, впоследствии снятом, ее должен нести аббат в окружении четырех монахов. Королю следует назначить четырех баронов, обязанных в безопасности доставить (Святую Скланку – С.П.) от церкви святого Дени до ворот собора, вплоть до беспокойно толпящихся возле архиепископа, заранее, как и прочие епископы и архиепископы, аббаты и каноники со знаками сана, в честь торжества облаченного в митру и принявшего пастырский посох, дабы встретить Святую Скланку, прибывшую из земель аббатства королевского домена, и пообещать добровольно вернуть ее назад; и тогда множество стоящих вокруг алтаря подтверждают обещание передать ее аббату и прибывшим с ним монахам церкви святого Дени или часовни святого Николая, что Святая Скланка тотчас (по окончании инаугурационной церемонии – С.П.) вернется назад.

Что должно быть сделано со Святой Скланкой

Архиепископ готовится к мессе с помощью дьякона и подьячего, облачаясь в инсигнии и мантию, и этом торжественном одеянии следует к Большому Алтарю, и королю необходимо почтительно встать ему навстречу. Когда архиепископ доходит до алтаря, он обращается к королю от имени Церкви.

Ответ короля епископам³⁴

Обещаю вам и подтверждаю для каждого из вас и Церкви канонические привилегии, законно и справедливо сохранять и защищать их, оказывать помощь, как король в

нейшего короля, чья инаугурация, с одной стороны, означает теизацию его власти практически по прямой аналогии с Иисусом Христом как Царем Небесным и обязанности пастыря, с другой – С.П.].

³⁰ Имеется в виду вступительная молитва мессы для литургии Преображения Господня «Deus, qui fidei sacramenta»: «Боже, в славном преображении Единородного Твоего Сына Ты подтвердил тайну веры свидетельством Моисея и Илии и чудесным образом предназначал будущую славу усыновленных Тобой детей; сподобь нас, рабов Твоих, внимать гласу Возлюбленного Сына Твоего и обрести Его наследие. Через Господа нашего Иисуса Христа, Твоего Сына, Который с Тобой живет и царствует в единстве Святого Духа, Бог, во веки веков. Аминь». Это также указывает на прямую реминисценцию образа Христа на образ посвящаемого короля, переживающего преобразование в ходе инаугурации.

³¹ Антифон – в католическом богослужении рефрен в исполнении двух хоров. Об их роли в политическом ритуале (в данном случае – английского, который, тем не менее, испытал значительное влияние французского аналога) см. статью Э. Хьюгса: Hughes A. Antiphons and Acclamations: The Politics of Music in the Coronation Service of Edward II, 1308 // Journal of Musicology. 1988. Vol. 6. № 2. P. 150-168.

³² Имеется в виду псалом «Господи! силою Твоею веселится царь, и о спасении Твоем безмерно радуется» («Domine in virtute tua letabitur rex et super salutare tuam exultabit») – Пс. 20:1. Следует заметить, что аналогичная надпись имеется на короне св. Вацлава – регалии чешской монархии.

³³ См. ссылку № 27.

³⁴ Речь идет о т.н. королевском promissio – публичном обещании о сохранении привилегий Церкви. Реконструкция протокола в его более пространных версиях позволяет определить предшествующее королевскому ответу действие: «Архиепископ Реймса в сопровождении епископов ... подходит к королю, подает ему прошение, подписанное всеми церквями Франции, которые ему подчинены: «Тебе даем прошение, как лучшему из знатных, и лучшие люди Церкви вверяют тебе канонические привилегии и законную обязанность по справедливости сохранять и защищать предъявленное право, так как король своей властью обязан исключительно епископству и Церкви, верным ему».». – Annales des Saint-Bertin / Ed. F. Grat, A. Vielliard, S. Clemenset. Paris, 1964. P. 156. Аналогичные «Анналам Сен-Бертен» (вернее, той их части, которая принадлежит перу Хинкмара Реймского) тексты содержатся и в ordo Фулрада, капетинских ordines, а также и трактатах Н. Менана, Т. Годфруа и пр. юристов, составлявших своды французского церемониала в эпоху абсолютизма. (1) Клятва была принята на Латеранском соборе 1215 г., при папе Иннокентии III ([Имеется в виду факт одобрения Святым Престолом последнего условия о борьбе с ересью, как прямой обязанности короля в капетинских ordines, поскольку хронологически оно совпало с разгаром Альбигойских войн 1209-1229 гг., а впоследствии использовалось в более широком контексте, понимаясь как борьба короны со всякой ересью].

своем королевстве приверженным ему епископству и Церкви, предоставляя должные права.

Клятва короля перед народом

Тогда же, произнеся и пообещав сказанное, король приносит клятву. «Христианский народ и мои подданные, именем Христа обещаю, в первую очередь, навсегда сохранить Церковь Господню и весь христианский мир под нашей защитой.

И превосходство, права, и честь короны Франции сохранять неприкосновенными, и ничего не передавать, не отчуждать. Также запретить всякие грабежи любого имущества. Также судить со всей справедливостью и милосердием: как меня и вас прощает Господь милостью и состраданием Своим.

Также приложу все законные усилия для изгнания с моей земли, в соответствии с принятой юрисдикцией, всех еретиков. Все вышесказанное будет закреплено как клятва (1)».

Затем он (король – С.Л.) должен положить руку на книгу³⁵, и пусть он коснется ее губами. По принесении обетов, сразу начинается исполнение «Тебя, Господи, хвалим»³⁶. В зависимости от римской или иной манеры исполнения «Тебя, Господи ...», имеющей место и после интронизации³⁷, затем произносится «Встань и сохрани ...»³⁸. И, как уже

³⁵ На Священное Писание.

³⁶ Начало одной из основных молитв мессы – благодарственный гимн св. Амвросия Медиоланского, исполняемый двумя хорами:

«Тебя, Бога, хвалим,
Тебя, Господа, исповедуем.
Тебя, Отца вечного,
вся земля величает.
Тебя ангелы и архангелы,
Тебя небеса и все силы;
Тебя херувимы и серафимы
непрестанно воспевают:
Свят, Свят, Свят Господь
Бог Саваоф;
Полны небеса и земля
величества славы Твоей.
Тебя восхваляет собор апостолов,
Тебя восхваляет пророков множество,
Тебя восхваляет пресветлое мучеников воинство,
Тебя по всей вселенной
святая Церковь исповедует,
Отца безмерного величия,
Воистину достойного поклонения
Единого и истинного Твоего Сына, И Святого Духа Утешителя.
Ты Царь славы, Христос,
Ты предвечный Сын Отца,
Ты, вочеловечившийся для нашего освобождения,
Не возгнушавшийся девственного чрева,
Ты, победивший жало смерти,
Открыл верующим Царство небесное,
Ты одесную Бога восседаешь во славе Отчей.
Мы верим, что Ты придёшь судить нас.
Потому Тебя молим: помоги рабам Твоим,
Которых драгоценной Кровью Твоею искупил,
Сопричти их ко святым Твоим в вечной славе.
Спаси, Господи, народ Твой,
И благослови наследие Твоё,
Управляй им и вознеси его на веки.
Во все дни благословим Тебя
И прославим имя Твоё во веки веков.
Сподоби, Господи, в этот день сохраниться нам без греха.
Помилуй нас, Господи, помилуй нас.
Да будет милость Твоя, Господи, на нас,
Ибо мы уповаем на Тебя.
На тебя, Господи, уповая:
Не смутимся во век».

³⁷ Т.е. ритуала усаживания уже помазанного, коронованного и получившего все прочие регалии монарха на трон.

упоминалось, он (король – С.П.) уже находится здесь. И два вышеупомянутых епископа под руки подводят короля к алтарю, напротив которого он простирается по окончании «Тебя, Господи ...».

Предварительно подготавливаются и кладутся на алтарь королевская корона, меч в ножнах, золотые шпоры, позолоченный скипетр и стержень длиной более локтя с рукой из слоновой кости³⁹. Кроме того, шелковые чулки, все расшитые лиловым с золотом и того же цвета рубашка, сшитая как для иподьякона на мессе, а также чулки точно такого же цвета и качества, изготовленные из шелка или козьей шерсти. Далее все члены аббатства святого Дени (святого Дионисия, крестителя Галлии – С.П.) во Франции должны пройти в обитель святого Реми (имеется в виду Реймский собор, а не аббатство Сен-Реми – С.П.) и встать возле алтаря⁴⁰.

Король становится перед алтарем, снимает одежду, кроме шелковой рубашки с глубокими прорезями спереди и сзади, а также на плечах, связанными серебряными атласными шнурами⁴¹, и архиепископ сразу же должен произнести «Бог – невыразимый творец мира ...»⁴².

Когда молитва произнесена, великий камергер Франции надевает на короля сапоги темного цвета. И затем герцог Бургундский прикрепляет к ним шпоры⁴³ и тотчас отходит.

³⁸ Начало молитвы «Встань и сохрани место избранника Божьего». Впервые она приводится в т.н. *ordo* Майнца 960 г., но ее практическое применение в ходе интронизации относят к коронации Карла Великого. См.: Appuhn H. *Zum Thron Karl des Großen* // *Aachener Kunstblätter*. 1962. № 23-25. S. 127-130.

³⁹ «Рука Правосудия» (*le main de Justice*) – уникальная регалия, имевшая место только в комплексе знаков французской короны. Впервые она упоминается в *ordo* 1250 г. и является самым поздним знаком королевской власти, представляя собой «... посох или жезл, на вершине которого – рука в жесте крестного знамени, имеющая глаз (на ладони – С.П.), возвышающаяся на четверть, из золота, украшенного прекрасным сапфиром. Под рукой – обод, инкрустированный гранатами, сапфирами и жемчугом снизу доверху; ручка с орнаментом в виде листьев, инкрустированных восточным жемчугом»: Menin N. *Op. cit.* P. 228. Его изображение содержится в миниатюре ряда рукописей *ordo* Карла V, стой лишь разницей, что в них на ладони присутствует раскрытый глаз – всевидящее Божье око. Генетически «рука Правосудия» восходит к жезлу и символизирует именно судебную функцию монарха, ее публично-правовую сторону. См.: Pinoteau H. *La main de justice des rois de France, essai explication* // *Bulletin de SNAF*. 1979-1978-1979. Paris, 1982. P.262; Цатурова С.К. Длань правосудия в инсигниях королевской власти во Франции XIII–XV вв. // *Репрезентация верховной власти в средневековом обществе* (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). М., 2004. С.102-106; она же. Священная миссия короля-судии, ее вершители и их статус во Франции XIV-XV вв. // *Священное тело короля: ритуалы и мифология власти* / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2006. С. 78-95; Польская С. А. Сакральная и политическая символика комплекса регалий французской монархии (IX-XV вв.) // *Cogito. Альманах истории идей* / Отв. ред. А.В. Кореневский. Вып. 5: Foundation. Ростов-на-Дону, 2011. С. 181-202; она же. Комплекс французских королевских регалий и формирование образа *rex christianissimus* // *Политическая культура Средних веков и раннего Нового времени* / Под ред. А. К. Гладкова (*passim*).

⁴⁰ Аббатство Сен-Дени, расположенное неподалеку от Парижа (отсюда и уточнение – «во Франции» – поскольку инаугурационная церемония имеет место в Реймсе, т.е. в Шампани, на доменальных землях короны, является для нее знаковым – здесь при жизни отца был посвящен Карл Великий, его аббаты выступали в роли королевских советников и составителей монастырской версии анналов продинастического толка; именно здесь сформировался королевский некрополь и хранился весь комплекс регалий: короны Карла Великого и Людовика Святого, меч Карла Великого, скипетры, кольца и т.д. См. об этом подробнее, прежде всего, публикации источников и работы Д. Габори-Шопен и: *Le Trésor de Saint-Denis* / Ed. B. de Montesquiou-Fezensac, D. Gaborit-Chopin. Vol. 2. *Document divers*. Paris, 1975; Gaborit-Chopin D. *Le Trésor de Saint-Denis* / Éd. D. Gaborit-Chopin, M.-P. Laffite, A. Prache et al. Dijon, 1992; Eadem. *Les couronnes du sacre des rois et des reines au trésor de Saint-Denis* // *Bulletin monumentale*. T. 133 (II). Paris, 1975. P. 165-174; а также: Ferey J. *Saint-Denis. Le trésor de l'abbaye* // *Musées et Monuments historiques*. Octobre. 1979. №104. P. 66-7; *Saint-Denis ou jugement dernier des rois: Actes du Colloque, 24 février 1989* / Éd. PSD. Saint-Denis, 1993.

⁴¹ Прорези обозначали места помазания Священным Елеем, в силу чего рубашка ассоциировалась к крестильной, но, в отличие от последней, хранящейся в течение последующей жизни, настоящую следовало сжечь по окончании инаугурации как не подлежащую мирскому осквернению. Об этом напрямую указывают и Н. Менан, и Т. Годфруа. Menin N. *Op. cit.* P. 241; Godefroy Th. P. 194.

⁴² Начало молитвы «Бог – невыразимый творец мира, рода человеческого, правитель Вселенной». Примечательно, что именно в этом случае, перед началом помазания, звучит обращение к ветхозаветным героям – «отцу нашему Аврааму», Моисею, Иисусу Навину, Гедону, Самуилу, Давиду и Соломону, получившим свои достоинства и властные права от Всевышнего. Помазание провозглашает прямую преемственность с настоящей церемонией: «Будь помазан елеем из тех же святых рук, от которых были цари и пророки помазаны, и, как Самуил помазал Давида, чтобы тот стал царем, дабы получить благословение, и стать назначенным царем над этим народом, который Господь, Бог твой, дал тебе править»; «Взгляни, всемогущий Господи, благословивший Авраама, Исаака и Иакова, на этого человека, славного короля (имя)».

⁴³ Привилегия Бургундского дома, отмеченная еще в капетинских *ordines*.

Благословение меча

Господи, услышь наши молитвы, мы молимся Тебе, и этот мечом сим твой слуга N. желает быть опоясанным, да будет благословенна его правая рука – жалостью как защитой, которая необходима церкви, вдовам, сиротам, всемогущество Господне служит против жестокости язычников, сеющих ужас и страх.

Затем архиепископ опоясывает короля мечом, вооружившись которым, он сразу же убирает его в ножны, подготовленные архиепископом размещенными на алтаре, и после речи архиепископа в руки тех, которым король держит копьё в руке, пока звучит антифон. «Будь мужествен ...»⁴⁴, пение сопровождается молитвой архиепископа: «Прими этот меч ...»⁴⁵.

Далее поется антифон: «Будь мужественен ...». Этот антифон поется после передачи меча.

«Промысел Божий ...»⁴⁶.

Король отправляет меч во дворец

Королю следует со смирением коленапреклоненно передать меч в руки архиепископа у алтаря, с тем, чтобы он сразу же вернулся стоящему на коленях королю из рук архиепископа и немедленно отдать сенешалю Франции, если же он отсутствует, то тому, которому он (король – С.П.) пожелает из стоящих перед ним баронов, дабы тот по окончании мессы, или сразу после молитвы отправил меч во дворец. Традиционно над королевским мечом, как уже было сказано, и архиепископ произносит молитву «Смотри, Всемогущий Боже ...»⁴⁷.

Другое благословение: «Благослови, Господи ...» и т.д. до «Который живет ...»⁴⁸.

Помазание

Эта точка меча. После этого (благословения меча – С.П.), готовится помазание. Но до тех пор, пока архиепископ готовится, поется: «Благородный франк ...» до «Чей уникальный дар ...»⁴⁹ и т.д.

К «Молись за нас, святой Ремигий ...». Соответственно «Да будет ...» и т.д. до «Христом».⁵⁰

Принятие части посланного небесами Священного Елея из Святой Скланки

Архиепископ выливает миро на дискос⁵¹ и золотой иглой освящает его Святым Елеем из Святой Скланки, посланной небесами, которую аббат святой Реми возложил на открытый алтарь, тщательно подготовленное миро берется с дискоса пальцем, чтобы по-

⁴⁴ Начало антифона «Будь мужественным и знай Господа, Бог твоего».

⁴⁵ «Прими этот меч с благословения Божьего, дарующего тебе, в котором пребудет сила Духа Святого, чтобы сопротивляться, и направит тебя изгнать всех врагов твоих, и все святые церкви Божии защитить от врагов, царствуя, обзавуясь охранять и защищать Божью крепость, будучи непобедимым триумфатором Господа нашего Иисуса Христа. Прими этот меч, говорю я, и в руках твоих он будет, освященный авторитетом святых апостолов, данный королю, благословленным в нашем храме в защиту святой Церкви Божией, рукоположенным Богом. И помни о том, что Псалмопевец (Давид – С.П.) пророчествовал, говоря: «Опоаяшь свои бедра мечом, о, могущественный, своим величием и великолепием (Пс. 45:3. – С.П.) и т.д. ...». («Accipe hunc gladium cum dei benedictione tibi collatum. in quo per virtutem sancti spiritus resistere, et eicere omnes inimicos tuos ualeas. et cunctos sancte del ecclesie aduersarios, regnumque tibi commissum tutari atque protegere castra dei per auxilium inuictissimi triumphatoris domini nostri ihesu christi. Accipe inquam hunc gladium per manus nostras uice et auctoritate sanctorum apostolorum consecratas. tibi regaliter impositum, nostreque benedictionis officio in defensione sancte dei ecclesie ordinatum diuinitus. Et esto memor de quo psalmista prophetauit dicens Accingere gladio tuo super femur tuum potentissime et ctr. ...»).

⁴⁶ Начало гимна «Промысел Божий, что управляет небесным и земным миром, управляет нашим христианнейшим королем».

⁴⁷ Начало молитвы «Смотри, Всемогущий Боже, на этого славного короля (имя), и как Он благословил Авраама, Исаака, дай ему благословения благодати».

⁴⁸ Начало молитвы «Благослови, Господи, молим тебя о спасении нашем».

⁴⁹ Начало гимна «Благородный франк (Хлодвиг – С.П.) вместе с благородным святым Ремигием от небес получили дар Святого Духа». Имеется в виду хрестоматийная история о снисхождении на Хлодвига во время его крещения Святого Духа в виде голубя со Святой Скланкой, наполненной Священным Елеем. См.: Tessier G. Le baptême de Clovis. Trente journées qui ont fait la France. Paris, 1964.

⁵⁰ Начало гимна «Молись за нас, святой Ремигий, да будем достойны молитвы Иисусу Христу».

⁵¹ Богослужебный сосуд круглой формы с плоским широким краем для отправления проскомидии - приготовления хлеба и вина для евхаристии. Использование дискоса подтверждает важность инаугурационного помазания, ассоциируясь с самой важной частью мессы.

мазать короля, единственный из всех королей земли удостоенный славной привилегии, быть помазанным елеем, явленным с небес.

Помазание готово, и король должен быть помазан архиепископом, для чего разрезы на рубашке должны быть расшнурованы спереди и сзади, и король должен стать на колени и лечь на землю, простершись перед аналоем, архиепископ простирается подобным же образом⁵², два епископа вместе с архиепископом начинают литанию⁵³ «Господи, помилуй ...»⁵⁴ и т.д.

Тогда архиепископ поднимается, и сам посвящает короля, левой рукой держа пастырский посох, каждый раз громко произнося вслед за хором в его (короля – С.П.) честь «Так, ныне ...»⁵⁵ и т.д.

Во второй раз говорит: «Благослови и преумножь ...»⁵⁶.

В третий раз говорит: «Благослови и преумножь, и освяти ...»⁵⁷.

Сказанное повторяет хор, (архиепископ – С.П.) возвращается алтарю, епископы продолжают литанию «Мир христианским королям и князьям ...» и т.д.

Литания завершается ектеньей епископов, король и епископы опускает руки и объявляет: «Отче наш. И не введи нас ...» и т.д. Соответственно «Аминь»⁵⁸.

Следующая молитва «Мы молим тебя ...» и т.д.

Архиепископ должен произнести королю эти молитвы прежде, чем помазать его, и должен усадить так же, когда он посвящает епископов. «Призываю тебя, Господи ...»⁵⁹ и т.д.

Следующая молитва «Господи, народ Твой ...»⁶⁰ и т.д.

Следующая молитва «Во дни Его не может быть равенства и справедливости ...»⁶¹ и т.д.

*Посвящение короля*⁶²

Всемогущий и вечный Бог, Творец и Правитель Творца неба и земли, ангелов и людей, Царь Царей и Господь всемогущий, тот, с верой в кого Авраам победил врагов своих; Моисей и Иисус (Навин – С.П.) принесли победы для народа своего; покорный слуга Давид встал во главе царства, спасся от пасти льва, лап чудовища Голиафа, как и от разящих мечей Саула и всех его врагов; тот, кто дал Соломону богатство невыразимой мудрости и покоя: будь снисходителен к нашим смиренным молитвам за раба Твоего (имя), к смиренной преданности короля этого королевства, коего мы избираем вместе, благословения Твои преумножат дары, сила Твоей десницы всегда окружает его: Авраам сказал, что вера делает сильнее, опираясь на кротость Моисея, волю Иисуса (Навина – С.П.), возвышенное смирение Давида, красоту мудрости Соломона, пожалуй, ему все это, и проведи по пути справедливости, которая когда-нибудь настанет, а затем для всех людей настанет Царство Божье, научи его править Своими указаниями и сбереги против всех видимых и невидимых врагов, а также дай ему могущество Твоей власти в правлении, королевский трон, конечно, не оставь скипетр саксов (1), Мерсии, Нортумберленда,

⁵² Королевская прострация впервые упоминается в ordo Реймса и представляет собой процедуру, при которой король простирается ниц с вытянутыми в стороны руками, по аналогии с положением священника во время ритуала рукоположения.

⁵³ Молитвенное прошение.

⁵⁴ В православной традиции – великая (мирная) ектинья.

⁵⁵ Начало древнейшего христианского гимна Сретения Симеона Богоприимца «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром...».

⁵⁶ Середина слов benedicere и sublimare помечена крестом, что может означать момент нанесения елея.

⁵⁷ Середина слов benedicere, sublimare и consecrare помечена крестом, что также может означать момент нанесения елея.

⁵⁸ Начало главной христианской молитвы «Отче наш».

⁵⁹ Начало молитвы «Призываю Тебя, Господи, Святой Отец, всемогущий вечный Боже, раб твой (имя)».

⁶⁰ Начало молитвы «Господи, народ Твой, чей справедливый совет и любовь ...».

⁶¹ Начало молитвы «Во дни Его не могут возникнуть равенство и справедливость для всех ...».

⁶² В данном разделе приводится только инаугурационная молитва, сопровождающая помазание, процедура которого изложена ниже. (1) Эти слова означают «королевство Англия», и в правление короля Людовика VIII, который стал королем Англии в 1216 г. Поэтому он стал именоваться «правитель, а также Франкский, Бургундский и Аквитанский. Далее в тексте – неразборчиво.

но с прежней верой, помощи восстановить мир в их душах, чтобы оба этих народа долго вели жизнь, достойную их предков, дабы вместе любить, почитать Отца нашего, создавать и управлять со славой, которую они заслуживают, также были защищены Твоим шлемом и еще более защищены щитом, и одержали победу над врагами небес, окружи первую победу успехом, не верь, что страх может привести к порядку и миру, стать проводником радости, о чем говорят добродетели, которые украшают твою верность, многократно украшая исполнение благословения, и высокие места в правительстве, и Святой Дух помазал елеем Господа нашего, крест который разрушил власть ада, порази дьявола и царство его, чтобы приложить все силы, дабы одержать победу, скромную победу, в которой и жизнь, соль народов. Кто с вами и т.д.

Какие части тела короля подлежат помазанию

Это помазание миром и небесным елеем, посланным первому архиепископу, вылитыми на дискос, как описано выше. Архиепископ помазывает в первую очередь голову, во вторую – грудь, в третий раз – между плеч и сразу сомкнутые руки – в четвертый, и каждый раз произносит: «Помазываю тебя на царство Священным Елеем во имя Отца, Сына и Святого Духа». Все говорят «Аминь».

Во время помазания помощники поют этот гимн: «Садок священник и Натан пророк помазали Соломона царем Сиона, и они пришли со словами: «Да здравствует король вечно».

Помазание свершается, хор поет антифоны, архиепископ произносит молитву; «Христос помазывает короля на царство» и т.д.⁶³.

Затем произносится: «Бог избирает для испытаний» и т.д.⁶⁴

Затем произносится: «От Отца, Сына Божия, Бога Господа нашего» и т.д.⁶⁵.

Зашнуровывание одеяний короля после помазания

На этих словах молитвы архиепископ или священнослужитель, или дьякон завязывает шнуровку, развязанную для помазания.

Благословение украшений и одежд короля

Боже, Царь царей и Господь всемогущий, который правит над королями и устанавливает законы, удостой милостивым благословением королевских украшения и разреши рабу Твоему, нашему королю, который должен носить украшения с честью до самой смерти, освяти Твоим блистающим взором, и восславь времена вечной славной жизни, когда не исчезнет время, а (настанет Царство – С.П.) беспредельно принадлежащее (Христу – С.П.).

Туника и далматик⁶⁶

И тогда камергер Франции надевает фиолетовую тунику и верхнюю накидку так, чтобы оставить свободной правую руку, и приподнятой (слева – С.П.), как надевают священную ризу.

Помазание рук

Затем архиепископ помазывает руки елеем, посланным свыше, как было сказано выше, и архиепископ произносит: «Да будут помазаны руки священным елеем, коим помазывались цари и пророки, и как Самуил помазал Давида на царство, да будет благословен и поставленный (над нами – С.П.) король на царство, которым Господь Бог дал тебе руководить и править. То, что Он передал и т.д.».

Далее архиепископ произносит молитву: «Господь, чья надлежащая слава и милосердие к грешникам т.д.»⁶⁷.

⁶³ Начало молитвы «Христос помазывает короля на царство, как помазывает священников, царей, пророков и мучеников, которые верою побеждали царства, вершили правосудие и совершали исцеления».

⁶⁴ «Бог избирает для испытаний, и молим о мире ...».

⁶⁵ Начало молитвы «От Отца, Сына Божия, Бога Господа нашего Иисуса Христа, который был елеем радости...».

⁶⁶ Верхняя риза у католических священнослужителей.

⁶⁷ Начало молитвы «Господь, чья надлежащая слава и милосердие к грешникам, отдал Свою драгоценную кровь, дабы спасти род человеческий ...».

INAUGURAL CEREMONY AND CHARLES V'S CORONATION *ORDO* OF 1364

S.A. POLSKAYA

Stavropol State University

e-mail: polskaya-sa@yandex.ru

The article reveals the contents of the inaugural ceremony of the French crown, centered in the text of the so-called coronation *ordo* of Charles V the Wise in 1364 in the form of his annotated translation with a brief introductory summary.

Keywords: Charles V, the Archbishop of Reims, inaugural ceremony, ritual, anointing, coronation, regalia.

УДК 94 (410).07

«СУХОПУТНАЯ ПИРАТСКАЯ ВОЙНА», ИЛИ «ВОЙНА ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ»: «ВЗБУНТОВАВШИЙСЯ» ГОРЕЦ В ШОТЛАНДИИ В XVIII В.

С.Г. МАЛКИН*Поволжская государственная
социально-гуманитарная
академия, г. Самара**e-mail: malkins@samtel.ru*

В статье анализируются представления о горцах британских чинов, ответственных за умиротворение Горной Шотландии в период активной фазы якобитских заговоров и мятежей (1689–1759 гг.). В особенности материал касается репрезентации, интерпретации и использования этнографической информации о горцах в умиротворении Хайленда. Риторические стратегии такого «изобретаемого» и «воображаемого» дискурса сочинений британских чинов и его стратегические политические и военные цели, роль и последствия также являются предметом анализа.

Ключевые слова: Горная Шотландия, Великобритания, горец, «Хайлендская проблема», «Горная война», этнография.

Проекция власти британского современного государства в Горной Шотландии в процессе интеллектуальной колонизации этого мятежного края при помощи административных этнографических штудий решала две взаимосвязанные задачи. Первая состояла в том, чтобы наполнить необходимым этнографическим содержанием образ «взбунтовавшегося» шотландского горца. Аналитические категории естествознания, политэкономии, сравнительной филологии эпохи Просвещения и первого века глобальных империй позволили ответственным за умиротворение Горной Страны чинам и их агентам в Хайленде вообразить шотландского «ирландца» как британский вариант ирландского гэла, отличавшийся от собратьев с «Изумрудного острова» скорее расположением на универсальной шкале исторического прогресса, чем какими-то особыми этнографическими признаками. «Ирландец» в Горном Крае в качестве объединяющей военно-политической и культурной угрозы был призван помочь остальным подданным Соединенного Королевства объявиться «британцами», внося ощутимую лепту в конструирование этой юнионистской и имперской идентичности.

Вторая из указанных выше задач носила более практический характер и состояла в выявлении и применении этнографической формулы «мятежного» горца в процессе умиротворения и «цивилизации» Хайленда (в обоих случаях недвусмысленно подразумеваемая искоренение якобитизма). Таким образом, если в первом случае решение «Хайлендской проблемы» представляло собой, скорее, тему, идеологему, риторическую модель конструирования британской политической нации, во втором случае настоятельно требовалась деконструкция воображенной Эдинбургом и Лондоном в шотландских горах этнической группы (шотландский «ирландец»), ее конкретизация, редукция и упрощение (до категории «мятежного» горца), чтобы определить и преодолеть специфические горские факторы возмущения в Горной Шотландии. Это примечательное обстоятельство, в свою очередь, вновь подтверждает тот упускаемый многими из виду факт, что такая административная этнография Горной Страны выступала в качестве культурной технологии окраинной политики Великобритании в Хайленде в 1689–1759 гг. Особый этнографический интерес в этом смысле у авторов мемориалов, рапортов и прочих отчетов о состоянии Горного Края и способах решения «Хайлендской проблемы» вызывали категории описания и анализа специфики «Горной войны», в которой ответственные за умиротворение края британские чины усматривали необходимую конкретизирующую и военно-практическую модель этнографического анализа этой «мятежности».

Впервые понятие «Горной войны» (Highland War) ввел в оборот (истории, географии и этнографии Хайленда) в 1689 г. генерал-майор Хью Маккей из Скоури, командующий королевскими войсками Вильгельма III(II) Оранского в Шотландии в 1689–1690 гг., объединив, таким образом, логически и, в некотором роде, стилистически отмеченные им «пре-

имущества горцев»¹. Однако сам генерал, ветеран регулярной армии и лишь единожды участник полупартизанской войны в шотландских горах, видимо, не придавал приобретенному им опыту «Горной войны» особенного значения. Во всяком случае, в составленных им в 1693 г., незадолго до гибели во время осады Штейкирка в Нидерландах, «Правилах войны...» о «преимуществах горцев» нет ни единого слова². «Правила войны...» генерала Маккея (более известные как «Книга экзерциций короля Вильгельма») переиздавались до 1727 г. включительно. К тому времени генерал-майор Джордж Уэйд уже три года пребывал в должности командующего королевскими войсками в Шотландии, умиротворяя Горную Страну и фактически заново открывая этнографические особенности «взбунтовавшихся» горцев. В соответствии с решениями Короны и правительства, принятыми в 1724 г. в свете угрозы очередного мятежа сторонников изгнанных Стюартов в Горной Шотландии, этнографические штудии должны были обеспечить эффективный военно-политический контроль Лондона над Горной Страной. Следовательно, привлечение информации об этнокультурных особенностях Горного Края было призвано помочь пересмотреть взгляд на борьбу с якобитами (сторонниками изгнанных Стюартов) в Хайленде. Если прежде военные действия предшествовали попыткам постичь особенности горской культуры, то теперь этнографический анализ должен был предшествовать умиротворению Горной Шотландии.

Читая в декабре 1724 г. рапорт генерала Уэйда, британский монарх мог узнать, каким именно «варварским» образом одни его подданные («мятежные» горцы) поколачивают других (солдаты короля) на противоположной стороне великобританского острова: «Завидев врага, они стремятся расположиться на самом возвышенном месте, предполагая обрушиться на него с большим напором. Обычно они дают залп на расстоянии, затем бросают свое оружие на землю и предпринимают стремительную атаку со своими палашами [broad swords], но, если получают отпор, редко или вовсе не собираются вновь. Они опасаются вступать в столкновения с кавалерией и редко предпринимают попытки спуститься с гор, когда подозревают, что могут быть атакованы ею. В случае внезапной тревоги или когда какой-либо вождь попадает в беду, они извещают об этом свои кланы или находящиеся с ними в союзе, отправляя человека с тем, что они называют огненным крестом, то есть подоженным на конце дровком в форме креста, который отправляется далее к следующему племени или клану. Вместе с ним они несут письмо, указывающее им, где необходимо собраться, увидев которое они покидают свои жилища и стремительно отбывают к месту сбора с оружием, амуницией и провизией»³. Такой, как утверждалось, была в Горной Стране повсеместная практика. Командующий помещал особенности военного дела горцев в исторический и социальный, этнографический контекст «Хайлендской проблемы», располагая этот сюжет между пассажирами о феодально-клановом строе и практике сбора «черной ренты» в шотландских горах⁴.

Между тем, в том, что касается общей теории военного искусства применительно к «Горной войне», не тактики «взбунтовавшихся» горцев, изложенной в рапорте генерала Уэйда, то об этом правительству в Лондоне поведал Джеймс Эрскин, лорд-клерк Сессионного суда Шотландии как лорд Грэндж: «Часто отмечалось, что армия горцев едва ли пригодна для чего либо большего, нежели стычка. И как это бывало в разное время, в особенности в армии Монтроза во время гражданской войны в дни Карла I: победившие или побежденные, они занимались грабежом и убегали в свои горы с тем, что захватили. В этом отступлении в поисках безопасности они, даже побежденные, не разгромлены полностью, и могут длительное время вести вид сухопутной пиратской войны [Piratical War by Land] или, выражаясь точнее, войны партизанских отрядов [War of Partizan

¹ Memoirs touching the Scots War carried on for their Majesties, by Major General Mackay, against the Viscount of Dundee, and after him Cannon, and at last Major-General Buchan, for the late King James 1689 // Memoirs of the War carried on in Scotland and Ireland. 1689–1690. By Major General Hugh Mackay, Commander in Chief of His Majesty's Forces. With an appendix of original papers. Edinburgh, 1833. P. 80.

² Rules of War for the Infantry, ordered to be observed by their Majesties' subjects, encountering with the Enemy upon the day of Battel. Written by Lieutenant General Mackay, and recommended to all (as well Officers as Soldiers,) of the Scots and English Army. In XXII Articles. Published by his Excellency's Secretary. Edinburgh, 1693.

³ Wade G. Report, &c, relating to the Highlands, 1724 // Historical Papers relating to the Jacobite Period 1699–1750. Vol. I / Ed. by J. Allardyce. Aberdeen, 1895. P. 133.

⁴ Ibid. P. 133–134.

Parties]»⁵. Интересно, что лорд Грэндж в этой мастерской этнографической зарисовке соединил весьма удаленные друг от друга литературные традиции военного трактата и памфлетной уличной прозы. Прославленный маршал Франции Мориц Саксонский в «Размышлениях о военном искусстве», написанных в 1732 г. и опубликованных (в том числе, на английском языке) в 1757 г., в одной из глав специально остановился на стратегии и тактике партизанских действий в горах, утверждая, что «отважный партизан с тремя-четырьмя сотнями человек наведет ужасающий беспорядок в войсках и даже сможет атаковать армию»⁶. В отличие от некоторых других его значительно более оригинальных идей, «война в горах» графа де Сакса содержала вполне тривиальные выводы. Однако именно их заурядный характер и представляет в данном случае особенный интерес, позволяя утверждать, что «война партизанских отрядов» в Хайленде представляла собой утверждавшуюся в языке военных теоретиков фигуру речи культурного перевода местных особенностей военного дела, заимствованную лордом Грэнджем из современного ему языка европейской военной науки.

Понятием «партизанская война» в XVIII в., как известно, обозначали самостоятельные действия отдельных лёгких отрядов, носивших французское название «partie» (часть, отряд), откуда и обозначения «партизан», «партизанская война». Тогда же получило широкое хождение и другое известное обозначение партизанской войны – «малая война» (фр. *petite guerre*, нем. *kleinkrieg*) – термин, обозначавший особую форму ведения боевых действий, при которой малые подвижные отряды нападают на коммуникации, магазины, небольшие укрепленные пункты, транспортные колонны противника и т.д., избегая столкновения с крупными воинскими частями. Совпадая с более поздним по происхождению испанским термином «герилья» (исп. *guerilla*) эпохи Наполеоновских войн, в переводе также означающем «малую войну», это понятие в XVIII в. значительно отличается от «герильи» по содержанию, предполагая (главным образом, на европейском театре военных действий) операции регулярных и иррегулярных армейских частей, а не гражданского населения, не считавшегося субъектом военных действий. Репрессалии в Хайленде в этом свете представляют собой пример примечательного исключения из этого правила, широко распространенный на окраинах европейских империй, где основными участниками такой малой, или партизанской войны в XVIII в. являлись не только регулярная и иррегулярная лёгкая кавалерия и легкая пехота (драгуны, гусары, в Великобритании – отдельные роты и полки горцев, в Австрии – кроаты или пандуры, в России – казаки, калмыки, башкиры), но и местное население, едва ли отличимое от комбатантов этой далеко не всегда галантной эпохи⁷.

Куда любопытнее интеллектуальный фон восприятия «сухопутной пиратской войны», а именно «Всеобщая история грабежей и смертоубийств, учиненных самыми знаменитыми пиратами» и «Хайлендский лиходея, или памятные поступки знаменитого Роберта Мак-грегора, известного также как Роб Рой»⁸. Оба сочинения были опубликованы в Лондоне незадолго до составления мемориала (в 1724 и 1723 гг. соответственно), оба безосновательно по-прежнему многими приписываются бойкому перу Д. Дефо, оба отно-

⁵ Erskine J. An Account of the Highlanders and Highlands of Scotland / Edr: 29 Decr 1724 / The Scroll of one sent of the above Duke to the Viscount of Townshend, Secretary of State // National Archives of Scotland. Mar and Kellie Papers. GD 124/15/1263/1. P. 1.

⁶ Мориц Саксонский. Размышления о военном искусстве // Теория военного искусства. Мориц Саксонский. Военные принципы Наполеона / Уильям Кейрнс. М., 2009. С. 104.

⁷ В военной мысли Франции, а следом и остальной Европы, понятие «малой войны» активно применялось с середины XVIII в. Среди первых изданий по теме на английском языке см, напр.: Stevenson R. Military Instructions for Officers detached in the Field containing a scheme for forming a corps of partisans illustrated with plans of the manoeuvres necessary in carrying on the petite guerre. London, 1770; Smith G. An Universal Military Dictionary, A Copious Explanation of the Technical Terms &c. Ottawa, 1969 [1779]. P. 202; Emmerich A. The Partisan in War, of the use of a Corps of Light Troops to an Army. London, 1789. Schmitt C. The Theory of the Partisan. A Commentary / Remark on the Concept of the Political. East Lansing, 1963. P. 11–52; Selig R.A., Skaggs D.C. The Concept of the Kleiner Krieg in the Context of Warfare in the Age of Absolutism // Ewald Joh. Treatise on Partisan Warfare. Westport, 1991 [1785]. P. 9–12; Grenier J. The First Way of War: American War Making on the Frontier, 1607-1814. Cambridge, 2005. P. 1–11; Heuser B. Small Wars in the Age of Clausewitz: The Watershed Between Partisan War and People's War // The Journal of Strategic Studies. Vol. 33, No. 1, February 2010. P. 139–162.

⁸ Джонсон Ч. История знаменитых морских разбойников XVIII века. М., 2009; The Highland Rogue: or, the Memorable Actions of the Celebrated Robert Mac-gregor, Commonly called Rob Roy. London, 1723.

сятся к разряду популярных в свое время (впрочем, как и сейчас) изданий о «знаменитых» и «ужасных» разбойниках⁹. Читательский интерес, подогревавшийся завершением «золотого века» пиратства и недавним близким знакомством британцев с «мятежными» шотландскими горцами (поддерживая изгнанных Стюартов, они в 1715 г. без приглашения даже наведались в Англию) в немалой степени способствовал переизданию этих работ в 1725, 1726 и 1734 гг. («Всеобщая история грабежей...») и в 1743 г. («Хайлендский лиходея...»)¹⁰. А «взбунтовавшийся» горец, таким образом, записывался комментатором в лихую разбойничью команду «Черной бороды», капитана Эдварда Тича.

Однако, такой упрощенный, слегка ироничный и почти литературный подход не мог устроить генерала Уэйда, которому на посту командующего королевскими войсками в Шотландии предстояло умиротворять Горный Край. Как и герцог Аргайл, он обращается к аналогичному опыту европейских держав: «Прежде, чем завершить этот отчет, осмелюсь доложить Вашему Величеству о серьезных недостатках регулярных войск, когда они сталкиваются с населяющими горные области. Севенцы во Франции и Каталонцы в Испании всегда будут примером этой истины. При этом Горная Страна Шотландии даже более недоступна в силу отсутствия дорог, мостов и обильных дождей, почти непрерывно идущих в этих краях, что по своей природе и постоянном использовании стало привычным для местных жителей, однако регулярными войсками переносится с трудом. Не знающие горных перевалов, они часто попадают в засады и под выстрелы с горных вершин, на которые они отвечают без результата, как случилось в деле при Гленшиле, когда мятежники потеряли лишь одного человека, в то время как (sic) значительное число в войсках Вашего Величества было ранено или убито»¹¹. Причем испанский пример генералу был знаком не понаслышке, имея ввиду его активное участие в Войне за Испанское наследство в 1702–1713 гг.¹².

Это представление о том, что «красные мундиры» не способны в одиночку, без поддержки лояльных правительству горных кланов, эффективно поддерживать закон и порядок в Хайленде, активно навязывалось отдельными представителями местных элит и было широко распространено среди ответственных за умиротворение Горного Края чинов. На уровне политической практики власти сотрудничали с феодально-клановой элитой Горной Шотландии даже во время мятежа якобитов 1745–1746 гг. Более того, масштаб событий способствовал тому, что горцы на службе правительства Его Величества значительно чаще, чем прежде, выступали в роли сдерживающего военно-этнографического фактора по отношению к «взбунтовавшимся» горцам, применяя те же методы ведения партизанской войны в горах, что и мятежники.

Весьма показательным в этом смысле является институциональный уровень анализа степени влияния этнографических штудий «шотландских» чинов и их агентов в крае на хайлендскую политику правительства и рациональное отношение к ней военных и штатских властей (иррациональное представление об изначально присущем горцам «мятежном духе» в некоторой степени предвосхищало будущий конфликт универсальных идей Просвещения и локализации и национализации различий, свойственной эпохе романтизма). Возможно, самым показательным и характерным примером в армейской среде в этом смысле явился исход трибунала военного суда британской армии, «заседавшего публично в Большой зале казарм Конной Гвардии в 1746 г.», с тем, чтобы расследовать «руководство, поведение и действия генерал-лейтенанта сэра Джона Коупа, кавале-

⁹ Подробнее об авторстве этих сочинений см.: Кордингги Д. Введение // Джонсон Ч. Указ. соч. С. 10–22; Stevenson D. The Hunt for Rob Roy. The Man and the Myths. Edinburgh, 2004. P. 189–190.

¹⁰ Об изданиях этих сочинений см.: Кордингги Д. Введение // Джонсон Ч. Указ. соч. С. 10–22; Stevenson D. The Hunt for Rob Roy. The Man and the Myths. Edinburgh, 2004. P. 189–190, 192–193. Заглавие второго издания «Хайлендского лиходея...» (1743 г.) содержало любопытное дополнение, пояснявшее, что Роб Рой «жил нравом старинного Робин Гуда Английского».

¹¹ Wade G. Report, &c, relating to the Highlands, 1724 // Historical Papers relating to the Jacobite Period... Vol. I. P. 139–140.

¹² В письме к генералу Уэйду, занятому в Лондоне обеспечением снабжения британской армии в Испании и Португалии, генерал Джеймс Стэнхоуп, командующий королевскими войсками на Иберийском п-ове и посол Великобритании там же, государственный секретарь Южного департамента с сентября 1714 г. по декабрь 1716 г., заметил, что «имеются все причины в мире полагать, что герцог Анжу и каталонцы не выйдут из игры, даже если будет заключен мир между нами и Францией»: Stanhope J. Letter to General Wade. Barcelona, June 9, 1709 // Chantrey D. George Wade, 1673–1748. Torrs Park, Ilfracombe, Devon, 2009. P. 52.

ра ордена Бани, полковника Перегрин Лэселлса, и бригадного генерала Томаса Фоука от начала мятежа в Северной Британии в 1745 г. до дела при Прэстонпэнсе включительно»¹³. Благодаря якобы излишней самоуверенности и некомпетентности генерал Коуп был захвачен врасплох и разгромлен армией принца Карла Эдуарда Стюарта в битве под Прэстонпэнсом 21 сентября 1745 г.

Мероприятия подобного рода в Великобритании XVIII в. имели далеко идущие последствия. В 1757 г., например, военный трибунал приговорил адмирала сэра Джона Бинга к расстрелу за то, что он «не сделал все, от него зависящее», чтобы предотвратить атаку французского королевского флота на удерживавшийся британцами остров Минорка¹⁴. Тем не менее, в итоговом заключении члены трибунала, выслушав всех, состоявших в означенный период «на службе Вашего Величества в Шотландии» и взвесив все приведенные участниками данного процесса аргументы, «пришли к единогласному мнению, что сэр Джон Коуп предпринял все надлежащие и необходимые меры для снабжения войск», а сам план военной кампании был поддержан всеми старшими офицерами и действительно составлен с учетом военной поддержки королевской армии со стороны «предположительно лояльных» Короне и правительству кланов¹⁵. Последние, таким образом, выступали в качестве неоспоримо важного этнографического фактора новой «Горной войны» и юридически состоятельного аргумента в суде.

К сказанному остается добавить, что мнения и решения штатских чинов на сей счет свидетельствуют за себя. Подавляющее большинство авторов мемориалов поддерживало скорейшее реформирование социальных порядков в Горной Шотландии и, вместе с тем, призывало использовать феодально-клановую систему в государственных интересах и в самом крае, и в заморских колониях, именно потому, что власть вождей и магнатов находила свое подтверждение в процессе теоретического (на полях мемориалов и рапортов) и практического (на полях сражений) постижения военно-административной этнографии «Хайлендской проблемы». Впрочем, предпринимавшиеся Лондоном и местными элитами попытки использовать феодализм британского капитализма в крае и/или капитализировать феодально-клановые отношения в рамках весьма своеобразной политэкономии местных традиций представляют собой отдельную тему.

«PIRATICAL WAR BY LAND», OR «WAR OF PARTIZAN PARTIES»: «REBELLIOUS» HIGHLANDER OF SCOTLAND IN THE XVIII C.

S.G. MALKIN

*Samara State Academy
of Social Sciences
and Humanities, Samara*

e-mail: malkins@samtel.ru

The article analyses the views on the Highlanders of the British officials responsible for the appeasement of the Scottish Highlands in time of active phase of Jacobite rebellions and conspiracy (1689–1759). Especially material concerns with the representation, interpretation and the use of the ethnographic information about them in the appeasement of the Highlands. The rhetoric strategies of that «inventive» and «imaginative» discourse of the British officials' narratives and its strategic political and military aims, role and issues are also the subjects of this analysis.

Keywords: Highlands of Scotland, Great Britain, Highlander, «Highland Problem», «Highland War», ethnography.

¹³ A Report of the Proceedings and Opinion of the Board of General Officers, on their Examination into the Conduct, Behaviour, and Proceedings of Lieutenant-General Sir John Cope, Knight of the Bath, Colonel Peregrine Lascelles, and Thomas Fowke. From the Time of the breaking out of the Rebellion in North-Britain in the Year 1745, till the Action at Preston-pans inclusive. Taken Publicly in the Great Room at the Horse-Guards in the Year 1746. With a Preface, containing the Reasons for this Publication. Dublin [London], 1749.

¹⁴ Naval biography, or, The history and lives of distinguished characters in the British Navy, from the earliest period of history to the present time. Vol. II. London, 1805. P. 431–434.

¹⁵ A Report of the Proceedings and Opinion of the Board of General Officers... P. 99–100.

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ СИКХСКОЙ АРМИИ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ ПРИ МАХАРАДЖЕ РАНДЖИТЕ СИНГХЕ И ЕГО ПРЕЕМНИКАХ

К.А. ДЕМИЧЕВ

*Университет Российской
академии образования,
Нижегородский филиал*

e-mail: kadem@mail.ru

В статье анализируется конфессиональный состав сикхской армии в условиях трансформации сикхской державы – Саркар Хальсаджи в региональную империю. Делаются выводы о том, что изменение принципов комплектования армии обеспечило рост боеспособности и успех завоевательной политики махараджи Ранджита Сингха.

Ключевые слова: Саркар Хальсаджи, сикхская империя, Ранджит Сингх, сикхская армия, конфессия..

Становление централизованного сикхского государства – Саркар Хальсаджи в конце XVIII – начале XIX вв. в Панджабе, а затем превращение его в мощную региональную империю на северо-западе индийского субконтинента стало одной из наиболее ярких страниц истории Индии Нового времени. Безусловно, что данный процесс был неразрывно связан с именем махараджи Ранджита Сингха (1799-1839), который, первоначально являясь всего лишь правителем одного из 12-ти сикхских военно-территориальных объединений – мисалов, сумел в короткий срок объединить страну и начать активную внешнюю экспансию. Успех объединительной политики Ранджита Сингха и его дальнейших мероприятий был во многом обусловлен дипломатическими и военными талантами этого выдающегося человека. Однако, очевидно, что без помощи армии военно-политические достижения махараджи едва ли могли бы быть столь значительными.

Мы остановимся на проблеме особенностей конфессионального состава армии Ранджита Сингха, как в период правления самого махараджи, так и его преемников. Данная проблема представляет значительный интерес, прежде всего потому, что армия, являясь одним из творцов сикхской империи, существенно трансформировалась в процессе её строительства, а затем испытала сильнейшее воздействие уже со стороны имперской системы в целом. В результате интеграционных имперских процессов, которые не могли не затронуть сикхскую армию, Саркар Хальсаджи превратился в сложное полиэтническое и поликонфессиональное государственное образование, в рамках которого сикхи утратили численное превосходство над представителями других религий, сохранив, правда, свое политическое значение¹. Продолжая считаться сикхской по названию, сикхская армия – Дал Хальса (армия Хальсы – *К.Д.*) фактически перестала быть таковой в полном смысле этого слова, так как включила в себя новые разнородные в конфессиональном отношении компоненты.

Степень эффективности любой армии определяется тем, насколько она успешно выполняет поставленные перед ней задачи. Это, в свою очередь, зависит от целого ряда причин, в том числе и от того, каким образом происходит комплектование личного состава действующих подразделений. В специфичных условиях индийского субконтинента, население которого было разделено не только кастовыми, но и религиозными перегородками, выяснение принципов комплектования армий, а, следовательно, и установление их конфессионального состава, приобретает большое значение.

В научной литературе неоднократно отмечалось, что армия Ранджит Сингха не была однородна в религиозном отношении. Однако и современники описываемых собы-

¹ По оценке политического агента английской Ост-Индской Компании Александра Бёрнса, на начало 1830-х гг. общая численность населения сикхского государства составляла около 3 млн. человек, из которых сикхов было только порядка 0,5 млн. См. подробнее: Burnes A. Travels into Bokhara; being the account of a Journey from India to Cabool, Tartary, and Persia; also, Narrative of a Voyage on the Indus, from the Sea to Lahore, with presents from the King of Great Britain; performed under the orders of the supreme Government of India, in the years 1831, 1832, and 1833. In III vols. Vol. II. L., 1834. P. 286.

тий, и последующие исследователи, как правило, ограничивались констатацией того, что в панджабской армии служили представители трёх конфессий: сикхи, мусульмане и индусы². Данное положение не может быть подвергнуто сомнению, хотя, безусловно, нуждается в конкретизации и уточнении.

Долгие десятилетия ожесточенной борьбы с империей Великих Моголов способствовали формированию в Панджабе сильной сикхской армии, способной успешно отстаивать интересы Хальсы. Несмотря на то, что эта борьба проходила под религиозными лозунгами, сикхская община использовала в своих интересах и иноконфессиональные военные отряды. Так, например, имеются сведения, что последний гуру сикхов Гобинд Сингх (1675-1708) принимал в свою армию мусульман. Одно время у него на службе состоял полутысячный отряд афганцев во главе с Бхикан-ханом³. При преемнике Гобинда Банде Бахадуре к сикхам присоединялись и индусы низших каст, из которых, по всей видимости, далеко не все приняли сикхизм⁴. В целом, все эти контакты свидетельствуют о достаточно давних, хотя и ограниченных, традициях военного взаимодействия сикхов с представителями других конфессий.

После обретения независимости и образования 12-ти самостоятельных мисалов армия Хальсы, не представлявшая к этому времени единого целого, была исключительно сикхской. Основным родом войск в этот период была иррегулярная кавалерия, которая считалась единственно достойным местом службы для настоящего мужчины⁵. Кастовый состав армий мисалов можно установить лишь приблизительно. Несомненно, что основу сикхской армии составляли выходцы из земледельческих (землевладельческих) каст, чей статус в различных районах Панджаба колебался от среднего до высокого, прежде всего, это были джаты и гуджары⁶. Однако, доступ к военной службе был открыт практически для всех сикхов, имеющих возможность приобрести боевого коня и соответствующее снаряжение. Впрочем, сама кастовая структура общества с её сложившейся системой традиционных занятий, являлась естественным барьером на пути к армейской службе. Кастовая психология и обычная практика были теми естественными ограничителями, которые не позволяли большей части представителей низших и неприкасаемых каст менять традиционный род деятельности.

Военные реформы Ранджита Сингха, начатые им после объединения страны в первое десятилетие XIX в., принципиально изменили сикхскую армию. Панджабский правитель очень быстро осознал, что в современных условиях успех на поле боя определяется не иррегулярной кавалерией, а согласованными действиями обученной пехоты и артиллерии⁷. Исходя из этого, основным направлением его реформ стала замена иррегулярных кавалерийских подразделений регулярными пехотными частями - Фаудж-и-Эйн, превратившихся к середине 1830-х гг. в главную ударную силу сикхской империи.

Реформирование сикхской армии сопровождалось болезненной ломкой традиционной системы воинских ценностей, как у представителей сардарства, так и у основной массы рядовых воинов Хальсы. Как уже отмечалось, служба в пехоте, в отличие от кавалерии, была для сикхов непривлекательна, что было обусловлено невысоким статусом этого вида службы. Пехотинцы несли гарнизонную службу и осуществляли защиту крепостей и фортов в условиях военной опасности, а, следовательно, не имели возможности принимать активного участия в наступательных боевых операциях и захвате военной добычи⁸. Показательно, что пехотинцы первоначально расценивали своё положение как

² См. например: Griffin L. Ranjit Singh. Oxford, 1892. P. 140-142; Masson Ch. Narrative of Various Journeys in Balochistan, Afghanistan and the Punjab. In III vols. Vol. I. L., 1842. P.432-433; Shastri P. Organisation militaire des Sikhs. Paris, 1932. P. 111-114; Кочнев В.И. Государство сикхов и Англия. М., 1968. С. 67; Семенова Н.И. Государство сикхов. Очерки социальной и политической истории Пенджаба с середины XVIII до середины XIX вв. М., 1958. С. 89-90.

³ Рейснер И.М. Народные движения в Индии в XVII-XVIII вв. М., 1961. С. 196.

⁴ Там же. С. 205.

⁵ Griffin L. Op. cit. P. 133.

⁶ Foster G. Voyage du Bengal a Petersburg. Vol. III. Paris, 1800. P. 41.

⁷ Gough Ch., Innes A. The Sikhs and the Sikh Wars: the Rise, Conquest, and Annexation of the Punjab State. L., 1897. P. 43.

⁸ Griffin L. Op. cit. P. 133.

временное, рассчитывая в дальнейшем изменить свой статус путём покупки или кражи боевого коня⁹.

Ранджит Сингх отлично осознавал отношение сикхов к службе в пехотных подразделениях, в результате чего увеличение их численности происходило постепенно, однако при этом были кардинально изменены принципы комплектования. В отличие от периода мисалов, в сикхскую армию стали активно привлекаться представители иных конфессий. Впрочем, необходимо отметить, что для Ранджита Сингха была характерна исключительная веротерпимость, следствием чего стало то, что мусульмане и индусы получили доступ не только в армию, но и в аппарат власти и управления¹⁰. Интересным является факт, что после завоевания мусульманского племени тиванов на северо-западной границе Саркар Хальсаджи, Ранджит Сингх сформировал из воинов этого племени отряд личных телохранителей в составе 50 человек¹¹.

Изменение принципов комплектования позволило существенно увеличить численность регулярной пехоты, однако вызвало недовольство значительной части войска, так как теперь армия сикхской державы перестала быть чисто сикхской в религиозном отношении. Несмотря на то, что в сикхской истории были случаи, когда воины Хальсы воевали вместе с мусульманами и индусами против Могольской империи, последние десятилетия XVIII в. были лишены примеров такого взаимодействия.

Таким образом, опыт межконфессионального взаимодействия, как в рамках боевых подразделений, так и армии в целом был утрачен. Несение же воинской службы не мыслилось сикхами вне коллектива единоверцев. Новый принцип комплектования существенно размывал религиозный состав традиционных воинских подразделений Хальсы, тем более что на первых порах сикхам приходилось служить в смешанных в религиозном отношении частях.

В первые годы после образования единой сикхской державы численность сикхов в пехотных батальонах была невелика. К службе в этих подразделениях привлекались индусы с правобережья Джамны, мусульмане - выходцы из Афганистана и наёмники гурки из Непала¹². В итоге, уже в первое десятилетие XIX в. в армии Ранджита Сингха служили представители четырех конфессий: сикхи, мусульмане, индусы и буддисты¹³. Впрочем, для сикхов гораздо большее значение имела не религиозная принадлежность этих солдат, а то, что большая их часть не принадлежала к числу подданных махараджи, то есть являлась наёмниками. В самом явлении наёмничества как таковом сикхи не видели ничего предосудительного, однако воевать с наёмниками в рамках одного боевого подразделения считалось недопустимым¹⁴.

Завоевание юго-восточных областей дурранийского государства привело к тому, что под властью сикхской державы оказались территории, населенные преимущественно мусульманами. Исходя из того, что Ранджит Сингх придерживался старого имперского принципа, в соответствии с которым империя должна получать новых солдат в тех землях, где она теряет старых, на присоединенных территориях началось активное привлечение мусульман к службе в регулярной армии. То же самое повторилось и после захвата Кашмира и княжества Джамму. Население этих земель и, в первую очередь, горцы – догры, которое исповедовало, как ислам, так и индуизм, также привлекалось к военной службе¹⁵.

Расширение территории Саркар Хальсаджи и изменение принципа комплектования регулярных подразделений, нашло свое отражение и в изменении кастового состава армии Ранджита Сингха, хотя значительную ее часть по-прежнему составляли джаты и гуджары. К службе в армии стали активно привлекаться выходцы из воинской касты раджпутов, которые могли быть в религиозном отношении как индусами, так и мусуль-

⁹ Ibid.

¹⁰ McLeod J.J. Sir Henry Lawrence the Pacificator. Oxf., 1898. P. 48.

¹¹ Griffin L. Op. cit. P. 123, 204.

¹² Cunningham J.D. A History of the Sikhs. From the Origin of the Nation to the Battles of the Sutlej. Calcutta, 1903. P. 210-212.

¹³ Gordon J.H. The Sikhs. Edinburgh-L., 1904. P. 97, 101.

¹⁴ Gardner A.H. Soldier and traveler; memoirs of Alexander Gardner, Colonel of Artillery in the service of Maharaja Ranjit Singh. Edinburgh, 1898. P. 199, 200.

¹⁵ Gordon J.H. Op. cit. P. 101

манами¹⁶. Кроме того, в войсках стали появляться представители торгово-ростовщических каст и даже брахманы. Важную роль в панджабской армии стали играть мусульмане-патаны¹⁷. И хотя патаны, родственные афганским пуштунам, относились к некастовым мусульманам, то есть не признающим кастовые различия, в индийских условиях они стали приобретать многие черты касты и, что самое главное, восприниматься в качестве таковой среди прочих индусских и мусульманских кастовых групп. Впрочем, продвижение по службе зависело, в первую очередь, не от касты или религии, а от таланта и личных заслуг. Так, например, к торгово-ростовщическим кастам принадлежали виднейшие военачальники Ранджита Сингха – Диван Махам Чанд (кхатри) и Миср Диван Чанд (по всей видимости, банья – *К.Д.*)¹⁸. Гуляб Сингх, ставший после завоевания Панджаба англичанами махараджей Джамму-Кашмирского княжества, являлся дограджутом, а генералы Лал Сингх и Тедж Сингх, которым было суждено сыграть роковую роль в падении сикхской державы, были брахманами¹⁹.

Ситуацию существенно осложняло то, что вплоть до начала XIX в. сикхская армия не знала выплат денежного жалования. Единственно достойной наградой для сикха считалось земельное пожалование – паттидари или же традиционный подарок правителя – бакшиш. Денежное вознаграждение за военную службу расценивалось как оскорбление, а сама идея такой платы вызывала презрение и отвращение, так как её принятие уравнивала воина Хальсы с наёмником, воюющим за деньги²⁰.

Впрочем, необходимо отметить, что негативное отношение к денежным выплатам жалования Ранджит Сингх сумел достаточно быстро преодолеть. Первые двадцать–тридцать сикхов, которые согласились вступить в пехотные батальоны, получали не только денежное вознаграждение, но и питание со стола махараджи, а также подарки – бакшиш, которые Ранджит Сингх щедро раздавал им после проведения смотров и военных парадов²¹.

Высокий социальный статус воинов пехотинцев, обусловленные особым вниманием махараджи и хорошее материальное обеспечение способствовали изменению отношения к денежному жалованию среди воинов Хальсы, что, в конечном итоге, существенно изменяло и их отношение к службе в пехоте²².

Другая проблема заключалась в том, что введение системы регулярного обучения, муштры, воинской дисциплины и других элементов европейской военной системы вызывало серьезное недовольство тех, кто привык к временам сикхской вольницы периода мисалов. Даже в начале 30-х гг. XIX в., то есть по прошествии более 20-ти лет с момента начала военных реформ, значительная часть военачальников армии Ранджита Сингха не одобряла регулярной подготовки и с недоверием относилась к нововведениям махараджи. Главным аргументом противников реформ было то, что большую часть своих побед армия Хальсы одержала силами кавалерии до создания регулярных пехотных подразделений²³.

Ситуацию осложняло и то, что обучение сикхской армии европейским методам ведения войны осуществляли иностранные военные специалисты, приглашенные лично махараджей²⁴. Таким образом, к общему недовольству от нововведений примешивалось недовольство тем, что эти нововведения исходили от европейцев. Впрочем, необходимо отметить, что это недовольство было частично преодолено благодаря высокому авторитету Ранджита Сингха. Махараджа принимал личное участие в строевой подготовке и разу-

¹⁶ Cunningham J.D. P. 210.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Griffin L. Op. cit. P. 139, 140.

¹⁹ Private correspondence relating to the Anglo-Sikh wars (Being private letters of Lord Ellenborough, Hardinge, Dalhousie and Gough and of political assistants addressed to sir Frederic Currie as British resident at Lahore, etc.). Amritsar-Patiala, 1955. P. 71.

²⁰ Gardner A.H. Op. cit. P. 199, 200.

²¹ Ibid. P. 200.

²² Ibid.

²³ Cunningham J.D. Op. cit. P. 156.

²⁴ Prinsep H.T. Origin of the Sikh power in the Punjab and political of Maharaja Ranjeet Singh. With an account of the religion, laws and customs of the Sikh. (Repr. 1834). Punjab, 1970. 104, 105; Griffin L. Op. cit. P. 133, 134.

чивании отдельных элементов боевых построений, выполняя при этом все команды европейских офицеров – инструкторов²⁵.

Однако некоторые нововведения зачастую расценивались, как покушение на основы сикхской религии. В частности, попытка замены традиционного тюрбана кепкой – шеко, распространенной в сипайских подразделениях английской Ост-Индской Компании, было воспринято как нарушение одной из составляющей закона «пяти К» – Кеша, согласно которой каждый сикх был обязан носить нетронутые волосы, спрятанные под тюрбан (Кески). Впрочем, необходимо отметить, что в этом вопросе большая часть сикхов, рекрутировавшаяся в пехотные подразделения, проявила твердость. Вступление в пехотные подразделения, набор в которые, как правило, осуществлял лично махараджа Ранджит Сингх, производилось только после клятвенного заверения в том, что тюрбан и волосы останутся в неприкосновенности²⁶.

Впрочем, когда вербовкой добровольцев занимался не сам махараджа, имели место случаи, когда прием на военную службу осуществлялся только после согласия новобранцев носить форменную кепку. Бывало, когда, по свидетельству полковника Александра Гарднера, находящегося на службе у Ранджит Сингха, солдат принуждали к ношению кепки посредством силы, используя непальских наемников – гурков²⁷. Однако, такие случаи были скорее исключением из правил – большая часть воинов сикхов сумела отстоять свое право на ношение традиционного тюрбана.

Кризис традиционных воинских ценностей сикхской армии в период преобразований стал серьезным испытанием для сикхов. Однако Ранджит Сингх сумел преодолеть негативное отношение к реформам в своей армии, что было обусловлено как личным авторитетом махараджи, прошедшего большую часть своей жизни в завоеваниях, так и последовательностью в реализации нововведений. Панджабский правитель учитывал отношение сикхов к службе в пехотных подразделениях, в результате чего увеличение их численности происходило постепенно и сопровождалось выплатой высокого жалования, превосходявшего жалование в сипайских войсках Ост-Индской Компании²⁸.

По мере того, как росла популярность пехотных полков среди сикхов, в их составе происходило постепенное сокращение доли личного состава, имеющего непанджабское происхождение. Исключением являлись подразделения гурков, которые всегда ценились как отличные пехотинцы и непревзойденные горные стрелки. Из них был сформирован отдельный полк, который имел своих командиров и находился в непосредственном подчинении махараджи. Несмотря на отличные боевые характеристики, Ранджит Сингх опасался увеличивать численность гурков в своей армии. Сикхский правитель отлично помнил, как один единственный полк этих свирепых наемников восстал из-за задержки жалования и заставил его искать спасение в крепости Говиндгарх вплоть до разрешения конфликта²⁹.

В 20–х гг. XIX в. Ранджит Сингху удалось существенно изменить негативное отношение сикхов к службе в пехоте. Количество добровольцев, желающих служить в регулярных пехотных полках, постоянно увеличивалось. Если в 1807 г. в этих подразделениях служило 1 200 солдат, то в 1838 г. их численность выросла до 26 617 человек. В результате в 1839 г. в сикхской армии насчитывался 31 полк регулярной пехоты³⁰.

Реформа панджабской армии затронула все рода войск. По европейскому образцу были организованы не только пехотные, но и артиллерийские части. Под руководством генерала Аллара в Панджабе был сформирован корпус драгун³¹. Впрочем, доля регуляр-

²⁵ Gordon J.H. Op. cit. P. 101.

²⁶ Osborne W.G. The Court and Camp of Runjeet Sing. With an introductory Sketch of the Origin and Rise of the Sikh State. L., 1840. P. 102.

²⁷ Gardner A.H. Op. cit. P. 201.

²⁸ Burnes A. Travels into Bokhara; being the account of a Journey from India to Cabool, Tartary, and Persia; also, Narrative of a Voyage on the Indus, from the Sea to Lahore, with presents from the King of Great Britain; performed under the orders of the supreme Government of India, in the years 1831, 1832, and 1833. In III vols. L., 1834. P. 287.

²⁹ Griffin L. Op. cit. P. 142.

³⁰ Shahamat Ali. The Sikhs and Afghans in connexion with India and Persia immediately before and after the death of Ranjeet Singh from the Journal of an expedition to Cabool through Punjab and the Khaiber. L., 1847. P. 23.

³¹ Griffin L. Op. cit. P. 137.

ной кавалерии была невелика – всего к 1844 г. было создано 8 регулярных кавалерийских полков. Такое, относительно небольшое, количество этих подразделений было обусловлено сохранением в Панджабе иррегулярной сикхской кавалерии – Гхорчарр фаудж и конных отрядов джагирдаров, которые представляли собой конницу старого типа³².

Всего к 1844 г. в регулярной армии сикхского государства насчитывалось 60 пехотных полков по 700 человек, 8 кавалерийских по 600, 228 расчетов легких орудий и 327 тяжелых, из которых было 156 полевых и 171 гарнизонных³³. В религиозно-кастовом отношении личный состав артиллерийских и кавалерийских частей регулярной армии был так же, как и в пехоте, смешанным.

В целом в армии преобладали сикхи, так как иррегулярная кавалерия и конница джагирдаров была практически полностью сикхской³⁴. Кроме того, в Панджабе действовал сикхский орден акали, в состав которого входило 5 тыс. человек. Однако и в регулярных войсках сикхов было более половины. Так из 60 пехотных полков 28 (46,6%) было укомплектовано исключительно сикхами. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Даже англичане признавали тот неоспоримый факт, что сикхи-пехотинцы намного превосходили индусов и мусульман по храбрости, выносливости и боевой выучке³⁵. По свидетельству капитана У. Осборна, военного секретаря при генерал-губернаторе Окленде, 30-тысячное сикхское войско могло быть перемещено в любую точку назначения гораздо быстрее, эффективнее и с большим полезным грузом, чем три полка Ост-Индской Компании³⁶.

Помимо 28 сикхских полков в пехоте имелось 11 полков, пропорционально укомплектованных представителями различных религиозных конфессий. В 2-х полках было примерно равное количество сикхов и индусов, в 4-х – сикхов, мусульман и горцев (по всей видимости, догров – *К.Д.*), в 5-ти – сикхов и мусульман³⁷. Кроме того, имелось 5 полков, где сикхи уступали мусульманам весьма значительно.

Относительно мусульманских подразделений необходимо отметить, что помимо смешанных пехотных полков, указанных выше, имелось 7 полков, где горцы, в отношении которых точно установить религиозную принадлежность не представляется возможным, преобладали над мусульманами. Кроме того, имелось 5 полков, укомплектованных исключительно мусульманами.

Что касается индусов, то только в 2-х пехотных полках они преобладали над сикхами и в 2-х, как уже отмечалось выше, находились с ними в равных пропорциях. Также в сикхской армии имелся отдельный гуркский пехотный полк, который был укомплектован индуистами, буддистами и последователями местных непальских верований. Численность гуркского полка составляла 840 человек³⁸.

Из 8 кавалерийских полков 2 было укомплектовано сикхами, 2 горцами и мусульманами (с преобладанием первых), 1 сикхами, мусульманами и горцами в примерно равной пропорции и 3 смешанным составом, чью религиозную принадлежность на данном этапе исследования не представляется возможным установить³⁹.

В том факте, что в сикхской армии доля регулярных кавалерийских полков, укомплектованных сикхами, не превышала 25%, не было ничего удивительного. По свидетельству англичан, как кавалеристы сикхи всегда уступали не только мусульманам, но и индусам⁴⁰. Исходя из этого, в армии махараджи Ранджит Сингха и его преемников преобладали смешанные кавалерийские подразделения, которые могли эффективно решать любые поставленные задачи.

³² Cunningham J.D. Op. cit. P. 475.

³³ Ibid.

³⁴ Griffin L. Op. cit. P. 135, 143, 144.

³⁵ Ibid. P. 134, 135.

³⁶ Osborne W.G. Op. cit. P. 105.

³⁷ Cunningham J.D. Op. cit. P. 474, 475.

³⁸ Barr W. Journal of a march from Delhi to Peshawur, and from thence to Cabul, with the Mission of Lieut. – Colonel Sir C.M. Wade including Travels in the Punjab, a visit to the city of Lahore, and a narrative of operations in the Khyber Pass, undertaken in 1839. L., 1844. P. 221.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Griffin L. Op. cit. P. 135.

Смешанные в религиозном отношении подразделения преобладали и в артиллерии. Так из 228 расчетов легких орудий 184, т.е. 80,7%, имели смешанный состав, причем в 156 комплектование осуществлялось на равных началах. В состав 126 расчетов входили сикхи и мусульмане, 12 – сикхи, мусульмане и горцы, 10 – мусульмане и индусы. В 9 расчетах мусульмане преобладали над сикхами, а в 19 – горцы над мусульманами. Что касается оставшихся 44 расчетов, то 36 (15,8%) из них были укомплектованы сикхами, а 8 (3,5%) мусульманами.

В тяжелой артиллерии гарнизонов сикхскими были лишь 2 расчета – 1,2%, а 98,8% всех расчетов (169) было укомплектовано смешанным составом. В 60 расчетах сикхи преобладали над мусульманами, в 52 – мусульмане над сикхами, в 65 – горцы над мусульманами и всего лишь в 2-х мусульмане и индусы находились в равном соотношении.

В тяжелой полевой артиллерии ситуация была несколько иная. Почти половина всех расчетов, 77 из 156, была укомплектована мусульманами. В равных пропорциях были укомплектованы 53 расчета: 50 – сикхами и мусульманами и 3 сикхами, мусульманами и горцами. В 20 расчетах мусульмане преобладали над сикхами и в 3-х горцы над мусульманами.

Кастовый состав армии сикхской державы при преемниках Ранджит Сингха не претерпел каких-либо принципиальных изменений по сравнению с предшествующим периодом. Как и прежде основное место в панджабской армии, по всей видимости, занимали выходцы из высших и средних каст, являвшихся, в первую очередь, землевладельцами.

Анализ статистических данных по религиозному составу панджабской армии при сопоставлении с другими источниками позволяет сделать целый ряд выводов.

Прежде всего, сикхи, как лучшие пехотинцы Панджаба, не только укомплектовывали 28 моно-конфессиональных полков, но и в том или ином количестве входили в состав еще 18 пехотных подразделений, что способствовало повышению их боевой эффективности. Кроме того, в пехотных подразделениях сикхи никогда не смешивались с горцами, за исключением бригады генерала Авитабиле, которая была специально сформирована и обучена для ведения боевых действий в горных условиях. Причины кроются, по всей видимости, в их антагонизме, вызванном относительно недавним завоеванием Джамму и Кашмира. Кроме того, несмотря на формальное равенство всех воинов сикхской армии, оплата горцев – догров (чаще они были индусами – *К.Д.*), высоко ценившихся как пехотинцы, не превышала 6 рупий в месяц, в то время как у сикхов и мусульман размер месячного жалованья колебался от 7 до 8,5 рупий⁴¹. С другой стороны необходимо отметить, что в пехотных полках индусы не смешивались с мусульманами.

Таким образом, личный состав пехотного полка мог быть укомплектован как представителями одной религии (сикхи или мусульмане), так и разных. В смешанных полках горцы служили с мусульманами, а индусы с сикхами. При этом в первом случае смешанные полки предназначались для ведения боевых действий в горных условиях, а, во втором – в условиях равнин. Подразделения, в состав которых входили сикхи, носили универсальный характер, в том случае, если их состав превышал или был равен по численности составу представителей другого религиозного направления. Полк наемников-гурков, среди которых были индуисты, буддисты и, возможно, последователи автохтонных непальских верований (например, культ Мошто – *К.Д.*) использовался в горных районах страны, так как гурки всегда ценились именно как непревзойденные горные стрелки⁴².

Для кавалерии и артиллерии были характерны те же самые принципы комплектования, что и для пехотных полков. Однако в артиллерии правила смешивания личного состава действовали не столь жестко, как в пехоте. Это явление было обусловлено относительно малым численным составом артиллерийских расчетов по сравнению с пехотными и кавалерийскими подразделениями. В условиях относительно замкнутого военного коллектива преодолеть традиционную религиозную рознь было гораздо проще, чем в условиях многочисленного соединения. Кроме того, немалую роль сыграло и то, что в организации артиллерии приняли активное участие европейские офицеры, стремившиеся не

⁴¹ Семенова Н.И. Указ. соч. С. 89, 90.

⁴² Osborne W.G. Op. cit. P. 107, 108.

допустить среди вверенного личного состава столкновений на религиозной почве. Исходя из этого, в составе сикхской армии появились артиллерийские расчеты, укомплектованные индусами и мусульманами, а также сикхами и горцами⁴³. Однако процесс возникновения подобных соединений в начале 40-х гг. XIX в. еще только наметился.

В целом, изменение принципов комплектования сикхской армии в начале XIX в. привело к росту ее боеспособности, что во многом обусловило успех завоевательной политики Ранджита Сингха, сумевшего за короткий срок превратить сикхское государство в мощную империю.

CONFESSIONAL CHARACTER OF THE SIKH ARMY AND ITS DISTINCTIONS DURING MAHARAJA RANJIT SINGH RULE AND HIS HEIRS

K.A. DEMICHEV

*University of Russian Academy
of Education, Nizhny Novgorod Branch*

e-mail: kadem@mail.ru

The author considers a confessional character of the Sikh army under the conditions of transformation of the Sikh Empire – Sarkar Khalsaji to the regional empire. There are some conclusions on the fact that changes of an army recruitment approach provided an increase of fighting capacity and successful conquering policy of Maharaja Ranjit Singh.

Keywords: Sarkar Khalsaji, Sikh Empire, Ranjit Singh, Sikh army, confession.

⁴³ Cunningham J.D. Op. cit. P. 474, 475.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА И ЦЕРКОВЬ

Е.А. АНТОНОВ
А.П. КОРОЧЕНСКИЙ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: antonov@bsu.edu.ru

В работе рассматривается один из важных и интересных аспектов истории Франции 2-й пол. XIX в. – отношение к церкви и христианской традиции в целом – Парижской коммуны – первого рабочего правительства в истории Европы.

Ключевые слова: Парижская коммуна, политика, церковь.

Еще в период Второй империи рабочие Парижа вели идейно-политическую борьбу на многочисленных публичных собраниях, проходивших в различных районах столицы и сыгравших крупную роль в общественной жизни Франции. Только за восемь месяцев, с июля 1868 по март 1869 гг. в Париже состоялись до 400 публичных собраний, на которых было произнесено до трех тысяч речей. На них происходили дискуссии по самым разнообразным проблемам, волновавшим рабочих, в том числе о религии и атеизме. Членов революционных организаций и наиболее активных в политическом отношении рабочих особенно волновали и вызывали протест сильные позиции католической церкви во Франции. Только в Париже число церковных конгрегаций (т.е. монастырей, братств и пр.) достигало 101 (25 мужских и 76 женских), в них было 1233 монаха и 4712 монахинь¹. Они исходили из посылки, что «Бог и свобода – несовместимые понятия» и отвергали аргументы, почерпнутые из священных книг. «Мы не признаем владычества бога потому, что мы не хотим ни бога, ни какого бы то ни было владычества»². На одном из таких собраний в Менильмонтане участник собрания Риго выступил против религиозного образования, заявив под одобрительные возгласы и смех, что в течение 1800 лет оно не приносило пользы, а религиозное образование могут защищать только люди, которым выгодно, чтобы население находилось в заблуждении и полном отупении³. Они считали необходимым реформировать образование и изъять из него понятие сверхъестественного существа, действующего по своему произволу, представление о «загробной жизни», в жертву которому принесено человечество, поскольку все это порождает деспотизм одних и рабство других⁴. Выступавшие говорили, что еще в XVIII в. было доказано, что религия есть средство одурманить людей для того, чтобы полностью господствовать над ними. В качестве аргумента они приводили слова Вольтера: «Народу нужна религия для того, чтобы научить его повиноваться, и быть слугой того, кто имеет власть от бога, или по его выбору»⁵. Правительства скопировали божественную иерархию ангелов, архангелов и пр. и завели принцев, герцогов, графов. Пока существует небесное господство, мы будем страдать и от всякого другого господства⁶.

В конце декабря 1869 г. в журнале «Марсельеза» был опубликован «Манифест свободомыслящих», авторы которого провозгласили свободу совести, считая науку единственным основанием всякой веры. Они заявили, что социальное равенство и свобода могут существовать только тогда, когда люди просвещены, и поэтому потребовали введения на всех ступенях – обучения бесплатного, обязательного и исключительно светского. Что касается вопросов философских и религиозных, то, принимая во внимание, что идея бога есть источник и опора всякого деспотизма и беззакония, а католическая религия есть наиболее полное и страшное воплощение этой идеи, свободомыслящие обязуются доби-

¹ История Парижской Коммуны 1871 года. М., 1971. С. 62.

² Парижские коммунары о религии и церкви. Сборник документов и материалов. М., 1971. С. 16.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 18.

ваться быстрого и полного упразднения католицизма и его уничтожения любыми средствами, включая революционное насилие⁷.

В рассматриваемый период времени современники свидетельствовали об упадке религиозности в рабочей среде. Весьма показательно в связи с этим мнение Эдуарда Эрве, который с сожалением констатировал наличие в Париже кварталов, «до которых католическая церковь, так глубоко проникающая всюду, несмотря на все ее старания, не доходит. Есть кварталы, в которые ни один священник никогда не попадает. Ортодоксальный католик Эрве выражал пожелание, чтобы религия воздействовала на все слои рабочего класса, однако, по его признанию, среди них есть такие, на которых религия не оказывала никакого влияния. Если же священник проникает в определенные слои, то в его объятия бросаются наиболее опустившиеся существа из этого класса, а умные рабочие относятся к нему особенно недоверчиво»⁸.

Для правящего режима Второй империи было очевидно сужение социальной базы. Это было одной из главных причин объявления войны Пруссии в июле 1870 г., которую Франция так бесславно с первых же сражений проиграла. Результатом этого была революция 4 сентября, в ходе которой пал монархический режим Луи Наполеона и была провозглашена Третья республика. Говоря о роли духовенства в этот трудный для страны период, Альбер Реньяр обратил внимание на «неуместное высокомерие, праздность служителей культа, которые спуют среди вооруженных граждан». Он предложил оставить в Париже «среди наших войск тех, кого требует для служения себе укоренившееся суеверие..., но что касается остальных... они больше не нужны»⁹. Жанна Аламбер предложила временному правительству «привлечь семинаристов к обороне и вооружить их, т.к. в обычное время эти люди бесполезны. Почему бы им, не имеющим ни жен, ни детей, не идти на крепостных валах впереди отцов семей, после гибели которых остается столько сирот», - спрашивала она. Другой публицист, Рама, выразил надежду, что молитвы и обедни не будут рассматриваться как вспомогательные средства в национальной обороне, и члены конгрегаций не будут освобождены от выполнения своего гражданского долга. Верующие Франции могут быть уверены, что их бог будет с ними, пока они будут способны сражаться и гнать пруссаков. Если же до сего дня божество было на стороне последних, то это объясняется тем, что они были сильнее, благодаря превосходству их знаний, их лучшей артиллерии и большей их численности. Чтобы раздобыть средства, необходимые для обороны Парижа, Рама предложил упразднить бюджет культов, и, отделив церковь от государства, продать все имущество церкви¹⁰.

18 марта 1871 г. произошло восстание народа, которое свергло правительства Тьера. 26 марта прошли выборы в Совет Парижской коммуны, осуществлявшей власть на территории Парижа¹¹.

В связи с нехваткой средств, которую испытывала коммуна, ей предлагали «изъять из церквей золотые и серебряные украшения, из которых начеканить монеты, колокола перелить на пушки и вообще изъять имущество духовенства и бонапартистов. На средства, полученные от этих конфискаций, коммуна «будет кормить народ, давать деньги рабочим ассоциациям, которые заменят предпринимателей, акционеров и других паразитов»¹². Раздавались требования изъять в коммунальных школах предметы культа и религиозные изображения. Учителям, которые не разделяли подобных взглядов, предлагалось сдать всю школьную мебель и освободить помещения¹³.

2 апреля, после оживленных дискуссий, коммуна приняла декрет об отделении церкви от государства и об упразднении бюджета культов¹⁴. Нужно заметить, что если не все, то почти все депутаты от оппозиции, избранные при Империи, выставляли требова-

⁷ Парижские коммунары о религии и церкви. Сборник документов и материалов. М., 1971. С. 19.

⁸ Керженцев П.М. История Парижской Коммуны. М., 1940. С.45-46; Парижские коммунары о религии и церкви. С.25.

⁹ Парижские коммунары о религии и церкви. С. 25-26.

¹⁰ Там же. С. 27-28.

¹¹ Tombs, Robert. The Paris Commune 1871. London: Longman, 1999; Shafer David A. The Paris Commune. London: Palgrave, 2005 etc.

¹² Там же. С. 40.

¹³ Там же. С. 46-47.

¹⁴ Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года. Т.1. М., 1959. С. 83-84, 97.

ния отделения церкви от государства и уничтожения бюджета на вероисповедания. А между тем, декрет этот оспаривался многими членами коммуны как несвоевременный и выходящий за пределы ее компетенции. 4 апреля она приняла декрет о светском, бесплатном и обязательном обучении... Однако провести его в жизнь было чрезвычайно трудно при тогдашних условиях. С переходом власти в руки Парижской коммуны началось массовое бегство учителей-церковников из школ, которые преподавали не только катехизис, но и общеобразовательные предметы. Поскольку вакансии заполнить не удалось, саботаж монахов и монахинь повел к закрытию многих начальных школ. Но монахи и монахини оставались еще во многих школах, порой организуя забастовки учеников в школах. Довольно медленно осуществлялось удаление из школьных помещений предметов культа. В инструкции, разосланной руководству школ, предписывалось удалить с глаз детей религиозную символику¹⁵. С другой стороны, коммуна объявила о намерении «не насиловать чьих-либо религиозных убеждений»¹⁶. В соответствии с этими декретами, управляющий госпиталями коммуны Кюзере тоже приказал убрать из помещений госпиталей все религиозные эмблемы любого культа и запретил входить в помещения членам всех сект или религиозных корпораций. Он особенно стремился оградить раненых от посещений тех людей, которые под предлогом религии приходят подрывать дух раненых, однако, с другой стороны, предоставил возможность немедленно посетить тех раненых, которые просили об этом, служителям исповедуемой ими религии, кюре, пасторам, попам или раввинам¹⁷.

В период деятельности Парижской коммуны активно вела пропаганду, в том числе и антирелигиозную, газета «Пер Дюшен». Она заявляла: «То, чего мы хотим, так это права выбирать свои муниципальные советы..., отделить церковь от государства, с тем, однако, чтобы не была отменена свобода совести..., и мы хотим бесплатного и обязательного обучения в светских школах, закрытия монастырей, хотим воспрепятствовать всеми средствами возвращению иезуитства». Газета предлагала, чтобы граждане коммуны перестали оплачивать попов. «Народ слишком добр и щедр, отдавая четыре су на кормление куки бездельников. Упраздните содержание всех этих бездельников. И пусть они работают, если хотят есть. Религиозное воспитание должно быть всецело предоставлено свободному руководству семьи. Все вопросы религиозного характера должны быть совершенно исключены из публичных экзаменов, особенно из экзаменов на учительское звание». «Пер Дюшен» предлагала включить всех служителей культа в состав национальной гвардии, церкви предоставлять только низшим категориям духовенства в наем, а не бесплатно. В отношении тех служителей культа, кто будет сопротивляться новшествам властей, газета предлагала не оказывать никакой пощады. Что же касается тех, кто клеветает на коммуны, кто ей угрожает и раздаст обещания от имени версальцев, предлагалась судить их не обычным судом, а трибуналом по законам военного времени, как шпионов¹⁸. В листовке, изданной в начале мая, предлагалось отобрать у церкви все имущество, которое у нее имеется, и использовать его в качестве выплаты контрибуции Германии¹⁹. Многие коммунары, обосновывая законность этой экспроприации, указывали на источник этих богатств. Поэтому, руководствуясь справедливостью, а не мыслью присвоить себе отнятые у церкви ценности, они предлагали вернуть это имущество нации, что ей принадлежало по праву²⁰. Франсис Энн, обращаясь к членам коммуны, заявил: «Мы все равно получим это обратно в день великого пробуждения народов Германии, когда мы понесем им животворные семена труда и социальной революции. И получив обратно все эти богатства, мы разделим их, чтобы превратить их в тот хлеб, который мы будем есть все вместе с ними и пить то вино, которое мы будем вместе осушать над навеки погребенными трупами тирании, насилия и невежества. Пусть она отправляется, эта церковь, лишь бы не было здесь этой заговорщицы, обогащенной даяниями верующих»²¹.

¹⁵ Лукин Н.М. Избранные труды. Т.2. М., 1962. С. 390-394.

¹⁶ Юровская Е.Е. Практикум по новой истории. 1870-1917. М., 1979. С. 32-33.

¹⁷ Парижские коммунары о религии и церкви. С. 52-53.

¹⁸ Там же. С. 74-77.

¹⁹ Там же. С. 95-96.

²⁰ Там же. С. 125-126.

²¹ Там же. С. 78-80.

Негативное отношение к церкви со стороны Парижской коммуны было вызвано и политическими причинами. Были общеизвестны факты, когда целые деревни, организованные в роты и батальоны, под водительством кюре, отправлялись на избирательные участки, и перед лицом урны кюре или мэр давали в руки избирателям, большинство из которых не умели читать, избирательный бюллетень²².

Власти Версаля обвиняли коммуну в грабеже церквей, в заключении в тюрьму священников, в противодействии свободному отправлению культа. Между тем, нельзя отрицать, что многочисленные религиозные общины в период коммуны продолжали существовать и действовать совершенно свободно. С другой стороны, коммуна объявила клерикализму и проискам клерикалов беспощадную и смертельную войну. Духовенство должно было полностью удалиться в свои храмы; церковные общины, сокращенные и уменьшенные, были взяты под исполнение этого декрета. Людям, которые не вполне точно поняли эти меры, либо слишком часто действовали с подчеркнутым насилием, они казались по меньшей мере бесполезными и во всяком случае неоправданными.

Острая политическая борьба, перешедшая в военное противоборство с версальцами, не могла не затронуть и взаимоотношения коммуны с церковью. Так, в качестве заложников за арест Бланки коммуна арестовала архиепископа парижского и кюре церкви Мадлен. Кроме того, были арестованы многие отцы иезуиты и доминиканцы по подозрению в том, что они составили заговор против коммуны. Были арестованы несколько видных представителей монашества. Затем были арестованы еще несколько человек, в т.ч. и кюре церкви Сен-Мадлен Дегерри, у которого были найдены бумаги чрезвычайной важности, не оставлявшие никакого сомнения в связях, существовавших между парижским духовенством и правительством Версаля. 5 апреля Парижская коммуна издала декрет о заложниках, согласно которому всякое лицо, уличенное в сообщничестве с версальским правительством, будет немедленно привлечено к суду и заключено в тюрьму. Согласно декрету, обвинительное жюри должно выносить приговоры в течение 48 часов.

Многие члены коммуны выступили против ареста священников, которые не совершили никакого преступления против коммуны. Было доложено, что после допросов невиновных священников немедленно освобождают²³.

Как были использованы церкви при коммуне? Из 69 церквей было закрыто не более 15. Обычно закрытие церквей было связано с контрреволюционной деятельностью духовенства, которая обрывалась арестами. Некоторые церкви печатались, в других устраивались клубы или мастерские, в которых женщины шили военную одежду, а в часовнях создавались школы для девушек. Некоторые церкви приспособили под склады для снарядов, пороха, припасов или караульные помещения, например Нотр-Дам-де Круа, Сент-Амбруаз. Некоторые церкви были использованы коммунарами как бастионы, например, Сен-Пьер де Монруж, на колокольне которой установили пушку. Здесь, в церкви и на колокольне произошла жестокая битва коммунаров с версальцами. В одной церкви был открыт лазарет. Две церкви были использованы как тюрьмы, в том числе одна из них (Нотр-Дам де Лоретт) для дезертиров: их было там до 300 человек. Под клубы было использовано 20 церквей, причем, обычно церковные службы в них продолжались. Вообще коммуна не вмешивалась в отправление церковных служб, не делалось никаких препятствий для богослужений в церквях, синагогах, молитвенных домах и т.п. Представители церкви часто проводили службы без хора, органа и без колокольного звона, чтобы не привлекать к себе внимания. Одновременно с занятием или использованием церквей на общественные нужды происходила ликвидация конгрегации, религиозных обществ взаимопомощи и пр. Например, в 3 округе вместо ликвидированного благотворительного бюро было создано бюро коммунальной помощи, а в помещении конгрегации были размещены ясли и аптека.

Поскольку духовенство занималось контрреволюционной деятельностью, коммуна организовала систематические обыски в церквях и конгрегациях. Обыски были произведены в 30-40 церквях. По имеющимся данным, все меры коммуны против церкви были направлены главным образом против католической церкви как господствующей. Данных о закрытии или обысках церквей других исповеданий нет. Например, протестантский

²² Парижские коммунары о религии и церкви. С. 94.

²³ Там же. С. 167.

пастор Прессансе ни одного слова не говорит об этом. Другой очевидец тоже отмечает, что не католические культы никто не трогал даже в самые мрачные дни Комитета общественного спасения. Обыски в церквах производились по указанию префектуры. Для обыска приходило 50-100 национальных гвардейцев. Как правило, коммунары брали только находящиеся в церквах деньги (выдавая расписки) и некоторые ценные вещи для отправки на монетный двор или для продажи с аукциона. Значительная часть реквизированных вещей было позже найдена, поскольку коммуна не успела их переплавить в монеты. Даже враги коммуны признавали, что никаких бесчинств в церквах коммунары не производили. По признанию клерикальных историков, производимые обыски не сопровождались никаким ущербом. «Обыск производился тщательно, но с исключительной честностью». Католические историки определяли убытки от реквизиции обычно в сумме 1-3 тыс. франков на церковь. Значительное число обысков было произведено в мае, ввиду острого военного положения. Во время майских боев пострадало несколько церквей, но ни одна из них не сгорела. Когда вследствие версальских зверств было решено взять заложников, несколько десятков священников было арестовано. В некоторых случаях попы организовали демонстрации прихожан против решений коммуны²⁴. Обычно сколько-нибудь заметных протестов против занятия церквей под клубы или против гонений на священников не было вплоть до самого падения коммуны.

PARIS COMMUNE AND THE CHURCH

E.A. ANTONOV
A.P. KOROSHENSKY

*Belgorod National
Research University*

e-mail: antonov@bsu.edu.ru

In this paper we consider one of the important and interesting aspects of the history of France the 2nd floor. XIX century – attitude towards the church and the Christian tradition in general – the Paris Commune – the first working governments in European history.

Keywords: the Paris Commune, politics, the Church.

²⁴ Керженцев П.М. Указ. соч. С. 457-460.

УДК 930/941191

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ 1936-1939 ГГ. В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В.В. МАЛАЙ*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: malay_v@bsu.edu.ru*

В статье анализируются основные школы и подходы зарубежной историографии к проблемам международных аспектов гражданской войны в Испании 1936-1939 гг. Выявлены исследованные направления и дана критическая оценка наиболее значимым работам.

Ключевые слова: Гражданская война в Испании 1936-1939 гг., политический, геополитический, экономический, пропагандистский, средиземноморский, идеологический аспекты, политика невмешательства, историография.

Гражданская война в Испании 1936-1939 гг. была и остается темой пристального и активного исторического и историографического изучения отечественных и зарубежных историков.

Наиболее обобщающими исследованиями по вопросам собственно испанской войны по праву признаны работы представителей разных национальных и научных школ Х. Томаса, Р. Карра, Г. Джексона, П. Престона, С. Ричардса, П. Вилара, С. Пейна, А. Бивок и др.¹ Большинство этих авторов, как известно, принадлежат к объективистскому направлению, на основе широких источниковых баз они попытались дать комплексный анализ внутренних проблем испанской войны, не оставляя, по понятной причине, без внимания ее международные аспекты. Описание событий отличается большой степенью достоверности, но не со всеми приводимыми оценками можно согласиться. Касается это, в первую очередь, роли и места Советского Союза или Коминтерна в испанских событиях.

Такой дискуссионный момент проблемы, как формы и степень причастности тех или иных европейских держав к военному мятежу в Испании почти сошел на нет к концу 80-х гг. Как писал преподаватель международной истории из Бристольского Глин Стоун, «сегодня историками принято, в противовес пропагандистским клише коммунизма или фашизма, что гражданская война в Испании была первоначально чисто внутренним событием, и что иностранное вмешательство до переворота 17 июля 1936 г. было незначительным»².

Зарубежные ученые уделяют международным аспектам гражданской войны в Испании 1936-1939 гг. больше внимания, чем отечественные, опираясь при этом на достаточно широкий круг доступных им печатных и архивных материалов³.

¹ Beevor A. The Spanish Civil War. N.Y., 1983; Carr R. The Spanish Tragedy. The Civil War in Perspective. L., 1977; Jackson G. A. A Concise History of the Spanish Civil War. L., 1974; Idem. The Spanish Republic and the Civil War, 1931-1939. Princeton, 1965; Payne R. The Civil War in Spain. 1936-1939. N.Y., 1962; Idem. Fascism in Spain. 1923-1977. Wiscounsin, 1999; Preston P. The Coming of the Spanish Civil War: Reform, Reaction and Revolution in the Second Republic, 1931-1939. L., 1971; Idem. The Spanish Civil War, 1936-1939. L., 1986; Purcell H. The Spanish Civil War. L., N.Y., 1973; The Republic Besieged: Civil War in Spain 1936-1939. Edinburg, 1996; Revolution and War in Spain. 1931-1939. Menthen, L., N.Y., 1984; Richards V. Lessons of the Spanish Revolution, 1936-1939. L., 1972; Thomas H. The Spanish Civil War. N.Y., 1977; Vilar P. La guerre d'Espagne (1936-1939). P., 1986.

² Stone G. The European Great Powers and the Spanish Civil War / Parts to War: New Essays on the Origins of the Second World War. Ed. by R. Boyce and E. M. Robertson. L., 1989. P. 199.

³ Esch P.A.M. Prelude to War: The International Repercussions of the Spanish Civil War, 1936-1939. The Hague, 1951; Merkes M. Die deutsche Politics im Spanischen BurgerKrieg 1936-1939. Bonn, 1969. Smith D.M. Mussolini's Roman Empire. L., 1976; Whealey R.H. Hitler and Spain: The Nazi Role in the Spanish Civil War, 1936-1939. Lexington, 1989; Abendroth H. H. Hitler in der Spanischen Arena: Die Italian-Span. Beziehungen im Spannungsfeld der Europe. Padeborn, 1973; Alpert M. A New International History of the Spanish Civil War. L., 1994; Gallo M. Mussolini's Italy: Twenty Years of the Fascist Era. N.Y., 1973; Blinkhorn M. Mussolini and Fascist Italy. L., 1994; Bosworth B. Italy and the Wider World. 1860-1960. L., 1996; Coverdale J. Italian Intervention in the Spanish Civil War. Princeton, 1975; Hughes S. The Fall and Rise of Modern Italy. N.Y., 1967; Italia y la guerra civil espanola. Madrid, 1986; Leeds C. Italy under Mussolini. L., 1972; Lowe C.J., Marzari L.F. Italian Foreign Policy. 1870-1940. L., 1975; Modern Italy/ Ed. by O. Calabry. Vol.2. 1909-1939. From Expansion to the Second World War. Milan, 1983; The Republic Besieged: Civil War in Spain 1936-1939. Edinburg, 1996, etc.

Политика «невмешательства» в дела Испании многими зарубежными учеными справедливо трактуется как форма умиротворения (а не спасения испанской ситуации). При этом все еще продолжаются дискуссии относительно авторства идеи невмешательства: Великобритания или Франция. Сторонники обеих точек зрения приводят веские аргументы в пользу тезиса о том, насколько важной для каждой из этих стран было провозглашение именно такой политики, и насколько она отвечала интересам национальной безопасности⁴. Сторонниками французской инициативы являются К. Тьебо, Дж. Дрейфорт, А. Адамтуэйт, Г. Дамс, Дж. Карлтон, Дж. Уорнер, М.Д. Галлахер⁵. Своего рода итог дискуссии дан в статье Г. Стоуна: «Политика невмешательства в испанскую гражданскую войну была по намерению французского происхождения. Британское правительство, однако, уже проводило невмешательство до того, как французское сделало свое предложение об этом»⁶.

Как известно, британское руководство не включило в первоначальный список стран-участников Соглашения о невмешательстве Советский Союз. Этот маневр почти единогласно обходится зарубежными историками. В лучшем случае, констатируют факты без должной их оценки Л. Клейн-Архлбрандт, Д. Пуццо, У. Уоттерс, М. Джордж, Дж. Тойнби⁷.

Британская политика в испанском конфликте стала предметом исследований с позиций объективизма М. Гилберта и Р. Готт, М. Джордж, Э. Джилл, Э. Морадьялоса (основывается на британских архивных источниках), Нэмиера, Д. Пуццо, Рейнольдса, А.Л. Роуза, Г. Стоуна, У. Уолферса, М.Д. Уотта, Дж. Эдвардса и др⁸. Нэмиер одним из первых (1940) обратил внимание на тесную связь между антикоммунистическими тенденциями британской политики и нежеланием Великобритании принимать в расчет Советский Союз при разработке внешнеполитических установок.

⁴ Carlton D. Eden, Blum and the Origins of Non-Intervention // *Journal of Contemporary History*. Vol. 6. N 3. 1971. P.40-55; Carr E. *The Comintern and the Spanish Civil War*. L., 1984. P. 24; Edwards J. *The British Government and the Spanish Civil War, 1936-1939*. L., 1979. P.15-39, 172-175; Gallagher M.D. *Leon Blum and the Spanish Civil War* // *Journal of Contemporary History*. Vol.6. N 3. 1971. P. 58; Grandmougin J. *Histoire vivante du Front populaire*. P., 1962. P.223; Joll J. *Intellectuals in Politics*. L., 1960. P.38; Moradiellos E. *The Origins of British Non-Intervention in the Spanish Civil War: Anglo-Spanish Relations in Early 1936* // *European History Quarterly*. XXI (1991). N 3. P.339-364; Puzzo D. *Spain and the Great Powers, 1936-1941*. N.Y., L., 1962. P. 104-109; Stone G. *Op. cit.* P.212; Thomas H. *The Spanish Civil War*. N.Y.,1977. P. 344-345, 387-389, 825; Watters W. *An International Affairs: Non-Intervention in the Spanish Civil War 1936-1939*. N.Y., 1971, etc.

⁵ Adamthwaite A.P. *France and the Coming of the II World War. 1936-1939*. L., 1977; Carlton D. Eden, Blum and the Origins of Non-Intervention // *Journal of Contemporary History*. Vol.6. N 3, 1971. Pp.40-55; Dahms H. *Der spanische Bürgerkrieg, 1936-1939*. Bonn, 1962; Dreifort J.E. *Ivon Delbos at Quai d'Orsay. French Foreign Policy during the Popular Front. 1936-1938*. Lawrence, 1973; Thiébaud Cl. *Leon Blum, Alexis Léger et la decision de non-interventionen Espagne (juillet-août 1936)* // *Les français et la guerre d'Espagne: Actes du colloque tenu à Perpignan les 28, 29 et 30 sept.* / éd. Par J. Sagnes et S. Caucanas. Perpignan, 1990. P.23-43; Gallagher M.D. *Op. cit.* P. 62; Warner G. *France and Non-Intervention in Spain. July and August 1936* // *International Affairs*. Vol.38. N 2. 1962. P. 203-220.

⁶ Stone G. *Op. cit.* P. 212.

⁷ Kleine-Ahlbrandt. Wm. L. *The Policy of Simmering. A Study of British Policy during the Spanish Civil War, 1936-1939*. Nijoff, 1962. P.8-11; Puzzo D. *Op. cit.* P.88-89; Watters W. *An International Affairs: Non-Intervention in the Spanish Civil War 1936-1939*. N.Y., 1971. P.41; George M. *The Warped Visions. British Foreign Policy 1933-1939*. Pittsburg, 1965. P. 99-100; Toynbee A.J. *Survey of International Affairs. 1937*. Vol.I. L., 1938. P. 223, Watt D.C. *Britain, France and Italian Problem / Les relations franco - britanniques de 1935 a 1939*. Paris, 1975. P.243-262, etc.; Cattel D. *Soviet Diplomacy and the Spanish Civil War*. Berclay and Los Angeles. 1957.

⁸ Edwards J. *The British Government and the Spanish Civil War, 1936-1939*. L., 1979; George M. *The Warped Visions. British Foreign Policy 1933-1939*. Pittsburg, 1965; Gilbert M., Gott L. *The Appeasement*. L., 1969; Moradiellos E. *Appeasement and Non-Intervention: British Policy during the Spanish Civil War* // *Britain and the Threat to Stability in Europe, 1918-1945*. L.,1993. P.94-104; Idem. *The Origins of British Non-Intervention in the Spanish Civil War: Anglo-Spanish Relations in Early 1936* // *European History Quarterly*. XXI (1991). N 3. P.339-364; Idem. *British Political Strategy in Face of the Military Rising of IX 1936 in Spain* // *Central European History*, I (1992). N 2. P.123-137; Idem. *Rec. ad op.* Buchanan B. *Britain and the Spanish Civil War*. Cambridge, 1997 // *Hispania*. Madrid, 1998. Vol.58. N 199. P.758-762; Namier L. *Diplomatic Prelude, 1938-1939*. L., 1948; Puzzo D. *Op.cit.*; Stone G. *Op. cit.*; Reynolds P.A. *British Foreign Policy in the Inter-War Years*. L., N.Y., Toronto. 1954; Rowse A.L. *Appeasement: A Study in Political Decline 1933-1939*. N.Y., 1961; Wolfers A. *Britain and France between Two Wars: Conflicting Strategies of Peace since Versailles*. N.Y., 1940; Watt D.C. *Britain, France and Italian Problem / Les relations franco - britanniques de 1935 a 1939*. P., 1975. P. 243-262.

Консервативное направление британской и американской историографии, оправдывающее британский внешнеполитический курс предвоенного времени, в том числе и в Испании, представляют работы 30-40-х гг. Э. Карра, К. Фейлинга, Сетон-Уотсона, Меддикотта, в некоторой степени Ч. Мувета, последние работы Тэйлора, Миддлмаса (70-е гг.), хотя содержащиеся в них выводы не лишены в ряде случаев критических оценок британской внешней политики. Так, Сетон-Уотсон, защищая идею коллективной безопасности, подчеркивал, что антисоветизм британских правящих кругов помешал совместно противостоять нацизму.

Стремясь несколько снять ответственность с британских политиков за поражение Испанской республики, автор монографии «Советская дипломатия и гражданская война в Испании» (1957) Дэвид Кеттел, освещая дискуссии в Комитете по невмешательству, представляет их в основном как споры между представителями германской, итальянской и советской дипломатии⁹. Аналогичной точки зрения придерживается ряд историков более позднего времени: Л. Клейн-Архлбрандт, Дж. Тойнби, У. Уоттерс, Д. Литтл, В.Р. Тьюкер¹⁰.

Первой претендующей на комплексный подход работой, посвященной британскому внешнеполитическому курсу в Испании 1936-1939 гг. в англоязычной историографии, стала монография Джилл Эдвардс «Британское правительство и испанская гражданская война» (1979). В ней анализу подверглись британские позиции в становлении и реализации политики невмешательства. Среди всех аспектов политики Англии в испанском вопросе автор выделила экономический (гл.3), морской (гл.4) и проблему признания Франко (гл.6). Эдвардс развивает тезис об идеологической подоплеке британского принятия политики невмешательства, антикоммунизме¹¹. Трудно согласиться с утверждением о про-республиканских настроениях министра иностранных дел Великобритании А. Идена¹². Достаточно объективно анализируя многие аспекты проблемы, например, морской, Дж. Эдвардс не отошла до конца от оправдательных настроений в отношении британского курса в Испании.

Именно идеологическими симпатиями – антиреспубликанскими и про-франкистскими – довольно категорично объясняет британскую позицию в испанском вопросе Г. Стоун (1989)¹³.

Одним из первых отметил сильную подчиненность французского правительства в проведении политики «невмешательства» Сетон-Уотсон (1938). В таком ракурсе рассматривают французскую политику в испанском вопросе 1936-1939 гг. большинство зарубежных исследователей¹⁴. При этом некоторые из них подчеркивают безальтернативность французской политики в Испании (Р. Уили, П. Эш, М. Галлахер). Не берутся во внимание некоторые попытки Франции к проведению самостоятельной линии в испанском вопросе. Многими историками признается губительность курса невмешательства и для самой Франции¹⁵.

Политика Германии и Италии в испанском вопросе стала темой исследований историков различных научных направлений¹⁶. Одним из первых на геополитический мотив

⁹ Cattel D. *Soviet Diplomacy and the Spanish Civil War*. Berkeley and Los Angeles, 1957.

¹⁰ Kleine-Ahlbrandt Wm. L. *Op. cit.*; Toynbee A.J. *Op. cit.*; Watters W. *An International Affairs: Non-Intervention in the Spanish Civil War 1936-1939*; Little D. *Malevolent Neutrality: The United States, Great Britain and the Origins of the Spanish Civil War*. Ithaca; L., 1985.

¹¹ Edwards J. *The British Government and the Spanish Civil War, 1936-1939*. L., 1979. P.32.

¹² *Ibid.* P.101.

¹³ Stone G. *Op.cit.* P.212-213.

¹⁴ Adamthwaite A.P. *France and the Coming of the II World War. 1936-1939*. L., 1977; Colton J. Leon Blum. *Humanist in Politics*. N.Y., 1966; Dreifort J.E. *Ivon Delbos at Quai d'Orsay. French Foreign Policy during the Popular Front. 1936-1938*. Lawrence, Kansas. 1973; Gallagher M.D. *Op. cit.* P.60-62; Watt D.C. *Britain, France and Italian Problem / Les relations franco - britanniques de 1935 a 1939*. Paris, 1975. P.243-262.

¹⁵ Alexander M.S. *The Republic in Danger: General M. Gamelin and the Politics of French Defence, 1933-1940*. Cambridge, 1992; Albrecht-Carrié R. *France, Europe and the Two World Wars*. Geneve, Paris. 1960; Purcell H. *Op. cit.*

¹⁶ Abendroth H. H. *Hitler in der Spanischen Arena: Die deutsch-spanischen Beziehungen im Spannungsfeld der europäischen Interessenpolitik bis zum Ausbruch des Weltkrieges 1936-1939*. Padeborn, 1973; Detwiler D.S. *Hitler, Franco und Gibraltar. Die Frage des spanischen Eintritts den Zveten Weltkrieg*. Wiesbaden, 1962; Goodspeed D.J. *The German Wars, 1914-1945*. Boston, 1977; Gordon A. Craig. *The Germain Foreign Office from Neurath to Ribben-*

гитлеровского вмешательства в испанские дела обратил внимание западногерманский ученый Меркес (1961, 1969)¹⁷. Ряд новых британских и немецких документов по теме ввел в научный оборот Г.Х. Абендрот¹⁸. Полемизируя с Меркесом и рядом других западных историков, он настаивает на том, что ведущим гитлеровским побуждением отнюдь не было экономическое. Им Абендрот считает решение предотвратить распространение коммунизма. Стремление приблизить Испанию политически, экономически, культурно и в военном плане было важной, но только дополнительной посылкой¹⁹.

Особенно интересны, ценны в научном плане (пусть и не бесспорны в отдельных выводах) работы по немецкой и итальянской политике Дж. Ковердейла²⁰, Р. Уили²¹, труды директора центра современной истории Испании Лондонской школы экономических и политических наук П. Престона²².

Наиболее крупная и существенная работа по истории Италии в гражданской войне в Испании принадлежит ученому из Принстонского университета Джону Ковердейлу (Престон считает его наиболее основательным исследователем итальянской интервенции в Испании). Так же, как и монографии Уили и Алперта, она отличается широкой документальной базой (материалы итальянского МИДа вместе с доступными документами штаба Франко, секретариата Муссолини; фактически они вводятся в научный оборот). Ковердейл считает, что интервенция Италии в Испанию диктовалась ее традиционными внешнеполитическими установками и военно-стратегическим положением в Европе и Средиземноморье, особенно отношениями с Францией. Приход там к власти правительства Народного фронта придал этим задачам идеологическую окраску²³. Мнение Ковердейла, что Муссолини стремился более предотвратить революцию, чем установить фашистский или профашистский режим в Испании, представляется не бесспорным. Уместнее, вероятно, говорить о приоритете задач. Воспроизведя традиционные трактовки причин начала итальянской помощи Франко, Ковердейл добавляет, что оттенки (но не тона! – В.М.) итальянской мотивации менялись по ходу войны: например, поддержка франкистов укрепляла общую почву для сотрудничества с Гитлером²⁴. Наибольший эффект от итальянского вмешательства в дела Испании Ковердейл видит в содействии утверждения личной власти Франко как политического лидера. Ковердейл, создав едва ли наиболее полное в зарубежной историографии исследование итальянской интервенции в Испании.

Статья П. Престона «Испанская авантюра Муссолини: от ограниченного риска к войне» базируется на мемуарах итальянских политиков, дипломатов и военных, на опубли-

trop // *The Diplomats, 1919-1939*. Princeton, 1953; Idem. *Germany 1865-1945*. Oxford, 1981; Halperin S.M. *Mussolini and Italian Fascism*. Princeton, N. Jersey, N.Y., 1964; Harper G. *German Economic Policy in Spain during the Spanish Civil War, 1936-1939*. Hague-Paris, 1967; Leitz C. *Nazi Germany's Intervention in the Spanish Civil War and the Foundation of HISMA/Rowac / The Republic Besieged: Civil War in Spain 1936-1939*. Edinburg, 1996; Leeds C. *Italy under Mussolini*, L., 1972; Lowe C.J., Marzari L.F. *Italian Foreign Policy, 1870-1940*. L., 1975; Merkes M. *Die deutsche Politik im Spanischen Bürgerkrieg 1936-1939*, Bonn, 1969; *Modern Italy*. Vol.2. 1909-1939. From Expansion to the Second World War. Milan, 1983; Preston P. *Franco and Hitler: The Myth of Hendaye, 1940* // *Contemporary European History*. 1992. March. Vol. 1. Part 1. Pp.1-16; Puzzo D. *The Nonintervention Committee and Italo-German Aid to the Nationalists* // *The Spanish Civil War. Domestic Crisis or International Conspiracy?* Boston, 1967. P.64-72; Smith D.M. *Mussolini's Roman Empire*. Harmondsworth, 1972; Ibid. *Mussolini as a Military Leader*. L., 1974; *Der Spanische Bürgerkrieg in der internationalen Politik (1936-1939)*. München, 1976; Stone G. *The European Great Powers and the Spanish Civil War*. P.200-207; Weinberg G.L. *The Foreign Policy of Hitler's Germany: Starting World War II, 1937-1939*. Chicago, L., 1980; Whealey R. *How Franco Financed His War* // *Spain in Conflict 1931-1939*. L., 1986. P. 224-243; Idem. ed. *Influence of the Great Powers in the Civil War: from the Popular Front to the II World War* // *International History Review*. Vol.15. (May 1983). P.236-2404 Idem. *Hitler and Spain. The Nazi Role in the Spanish Civil War, 1936-1939*. Lexington, 1989.

¹⁷ Merkes M. *Die deutsche Politik im Spanischen Bürgerkrieg 1936-1939*. Bonn, 1969. P.39.

¹⁸ Abendroth H. H. *Hitler in der Spanischen Arena: Die deutsch-spanischen Beziehungen im Spannungsfeld der europäischen Interessenpolitik bis zum Ausbruch des Weltkrieges 1936-1939*. Paderborn, 1973.

¹⁹ Ibid. P.319, 343.

²⁰ Coverdale J. *Italian Intervention in the Spanish Civil War*. Princeton, 1975.

²¹ Whealey R. *Hitler and Spain. The Nazi Role in the Spanish Civil War, 1936-1939*. Lexington, 1989.

²² Preston P. *Mussolini's Spanish Adventure: From Limited Risk to War* // *The Republic Besieged: Civil War in Spain 1936-1939*. Edinburg, 1996.

²³ Coverdale J. *Op.cit.* P. 388-389.

²⁴ Ibid. P.390.

ликованных документах итальянского МИДа, на материалах итальянских архивов и охватывает небольшой хронологический отрезок (лето-осень 1936). Работа отличается оправданной детальностью, даже скрупулезностью в рассмотрении пролога формирования итальянской позиции в испанском вопросе. Автор анализирует ход принятия Италией решения о вмешательстве в испанский конфликт. Престон полемизирует с приверженцами традиционной точки зрения о том, что Муссолини вмешался в испанскую войну только из-за опасения активного участия в ней Франции и советской поддержки республиканцев²⁵. По мнению Престона, несмотря на колебания, Муссолини принял решение в незнании того, что Гитлер сделал то же приблизительно в это же время или раньше²⁶. Эта точка зрения расходится с утверждением известного италоведа Д. Смита, что «Муссолини решился только после того, как услышал, что Германия пообещала помочь Франко»²⁷. Перечисляя антифранцузскую, идеологическую и антисоветскую версии итальянского вмешательства в гражданскую войну в Испании, Престон не без основания подчеркивает, что их утрирование ведет к односторонней оценке проблемы²⁸.

Рассмотрение таких международных аспектов гражданской войны в Испании, как военный²⁹, средиземноморский³⁰, идеологический (пропагандистский)³¹ пусть даже на публицистическом уровне началось еще до второй мировой войны. В 1941 г. майор бывшей республиканской армии Ф. Микше утверждал, что излюбленный стратегический прием Гитлера «блицкриг» зародился и был опробован уже в ходе испанской войны³².

В послевоенный период военные уроки испанской войны не стали в зарубежной историографии темой отдельного исследования. Проблема поднималась или в контексте общевойсковой истории, или в работах по подготовке ко второй мировой войне отдельных европейских стран³³. Так, в работе полковника А. Ситона «Германская армия, 1933-1945» испанская война упоминается только дважды³⁴.

Предметом исследования чаще всего становились объемы и формы военных поставок обеим воюющим сторонам в Испании, сроки их прибытия³⁵. Сроки поставок советского оружия и техники в Испанию искажены у Дж. А.Тейлора, Л. Клайне-Архлбрандта, Каулинга³⁶. Относительно объективная оценка присутствует в работах Д.А. Пуццо,

²⁵ Ibid. P. 36.

²⁶ Preston P. Op.cit. P. 22.

²⁷ Smith D.M. Mussolini's Roman Empire. L., 1976. P. 99.

²⁸ Ibid. P. 22-24.

²⁹ Bywater H.C. The Changing Balance of Forces // International Affairs. 1937, May; Temperley A.C. Military Lessons of the Spanish War // Foreign Affairs. Vol.16. N 1. Oct. 1937. P.34-43; Armengaud. Les leçons de la guerre d'Espagne. Paris, 1937, etc.

³⁰ Aymard C. Le Drame de la Méditerranée. Paris, 1938. Bernard M. La Conquête de la Méditerranée. P., 1939; Federzoni L. Hegemony in the Mediterranean // Foreign Affairs. 1936. Vol. 14; Garratt G.F. Gibraltar and the Mediterranean. L., 1939; Greenwall H.J. Mediterranean Crisis. L., 1939; Monroe E. The Mediterranean in Politics. Oxford, 1939, etc.

³¹ Carr E.H. Propaganda in International Politics. Oxford, 1939; Desmond R.W. The Press and World Affairs. L., 1937, etc.

³² Miksche F.O. Blitzkrieg. L., 1941. Ch.2. P.35-42.

³³ Adamthwaite A.P. Op. cit.; Alexander M.S. The Republic in Danger: General M. Gamelin and the Politics of French Defence, 1933-1940. Cambridge, 1992; Alpert M. The Spanish Army and the Popular Front // The French and Spanish Popular Front. Cambridge, 1989. P.50-61; Anatomie d'une défaite. Cinq études sur les origines profondes de l'effondrement militaire français, 1919-1939. Lausanne, 1973; Astorkia M. Les Leçons aériennes de la guerre d'Espagne // Revue Historique des Armées. 1977. Apr. 2. P.145-147; Beloff M. War and Welfare. Britain 1914-1945. Arnold, 1984; Bond B. British Military Policy between the Two World Wars. Oxford, 1980; Burdick C. Germany's Military Strategy and Spain in World War II. N.Y., 1968; Cooper M. The German Army, 1933-1945. Its Political and Military Failure. N.Y., 1978; General Staffs and Diplomacy before the Second World War. L., 1978; Luvaas J. The Education of an Army. British Military Thought, 1918-1940. Chicago, 1964; Miksche F.O. Blitzkrieg. L., 1941; Proctor R. Hitler's Luftwaffe in the Spanish Civil War. L., 1983; Seaton A. The German Army, 1933-1945, Watt D.C. Germany's Strategic Planning and Spain, 1938-1939 // The Army Quarterly. 1960. N 2. P.220-227, etc.

³⁴ Seaton A. The German Army, 1933-1945. P. 74, 79.

³⁵ Thomas H. Op. cit. P. 793-803.

³⁶ Taylor A.J.P. The Origins of the Second World War. N.Y., 1961. P.119; Kleine-Ahlbrandt. Wm. L. Op. cit. P. 28; Cowling M. The Impact of Hitler. British Politics and British Policy. 1933-1940. Cambridge, 1975. P. 164-165.

Д. Литтла, Ч. Мовэта, Д. Уотта, Э. Винаса, Дж. Вейнберга, Эзенвайна и Шуберта³⁷. Склонны преуменьшать итало-германскую помощь и, соответственно, несколько преувеличить размеры советской У. Уоттерс, Х. Томас, Д.А. Пуццо и ряд других исследователей³⁸. Наиболее близкие к реальным данные по объемам поставок приводятся в таблице, составленной Ковердейлом (в качестве источника он называет испанские документы)³⁹. При этом автор оговаривается, что сумма итальянских поставок – 6 млрд. лир (64 млн. фунтов стерлингов по ценам 1939 г.) – не вызывает у него принципиальных возражений, в то время как немецкие он приводит в диапазоне от 412 до 540 млн. рейхсмарок (35-46 млн. фунтов стерлингов). Добавим, что в сохранившихся документах германской внешней политики эта цифра меньше, у американского исследователя Р. Уили, наоборот, она больше⁴⁰. Что касается данных о военно-технических и людских поставках, то у Ковердейла и Алперта они совпадают, что неудивительно: последний ссылается на Ковердейла.

Средиземноморский аспект также рассматривался в несколько подчиненном отношении, в работах, посвященных испанской войне. Так, например, Э. Монро (1939) уменьшает торгово-экономическое значение Средиземного моря для Британии, пытаясь доказать это с цифровыми выкладками (без ссылок на источники). Подробнейшим образом он разбирает роль каждого стратегического пункта Британии в данном регионе, его уязвимые стороны. Монро подчеркивает ослабление у французских политиков того времени имперского мышления⁴¹. В конце работы даются обширные таблицы, на данные которых по сей день ссылаются многие исследователи.

До начала Второй мировой войны вопросы Средиземноморья изучались, по понятным причинам, больше в военно-стратегическом плане. Послевоенные исследования расширили диапазон проблемы: Средиземноморье и основные геополитические проблемы Европы накануне Второй мировой войны⁴², формы и последствия противоречий в этом регионе между ведущими странами (в первую очередь, Италией и Великобританией)⁴³, эволюция средиземноморской политики европейских стран в связи с Абиссинской и Испанской войнами⁴⁴. При этом, некоторые исследователи истории Средиземноморья, например, И. Бранфорд, А. Мардер в своих работах войну в Испании не упоминают вообще.

Известно, что испанская война дала толчок сильнейшей пропагандистской кампании в Европе – про- и контра Республики и мятежников. Но в первых работах по информационной войне предвоенного периода испанская тема затронута слабо⁴⁵. В годы

³⁷ Esenwein G., Shubert A. *Spain at War. The Spanish Civil War in Context, 1931-1935*. L., N.Y., 1995. P. 202-203; Little D. *Op.cit.* P. 244; Mowat Ch. *Britain between the Wars. 1918-1940*. L., 1956. P. 513; Puzzo D. *Spain and the Great Powers*. P. 111, 325; Vinas A. *Gold, the Soviet Union and the Spanish Civil War // Spain in Conflict 1931-1939*. L., 1986. P.218-219; Watt D.C. *Soviet Military Aid to the Spanish Republic in the Civil war. 1936-1938 // The Slavonics and East European Review*. L., 1980. June. P.539; Weinberg G.L. P. 213-214.

³⁸ Watters W. *An International Affairs: Non-Intervention in the Spanish Civil War 1936-1939*. N.Y., 1971. P.404; Puzzo D. *Spain and the Great Powers*. P.977, 985; Thomas H. *Op. cit.* P.977, 985, etc.

³⁹ Coverdale J. *Op.cit.* P.393.

⁴⁰ Coverdale J. *Op.cit.* P.392-393, notes; DGFP. Ser. D. Vol. 3. P.783; Whealey R.H. *How Franco Financed the War // Spain in Conflict*. L., 1986. P.248 - 251.

⁴¹ Monroe E. *The Mediterranean in Politics*. P.90.

⁴² Bell P. *British Policy in the Mediterranean, 1919-1939 / La Méditerranée de 1919 à 1939. Actes du Colloque organisé par le Centre de la Méditerranée moderne et contemporaine*. Paris, 1969. P.67-78; Brandford E. *Mediterranean Portrait of a Sea*. L., 1971; Marder A. *From the Dardanells to Oran: Studies of the Royal Navy in War and Peace, 1915-1940*. L., 1974; Pratt L. *East of Malta, West of Suez: Britain's Mediterranean Crises, 1936-1939*. Cambridge, 1975; Roskill S. *Naval Policy between the Wars*. Vol.II. L., 1976. Ch. 12. P.369-391; Stuart G.H. *The International City of Tangier*. Stranford, Cflifornia, 1955; etc.

⁴³ Bell P. *Op.cit.*; Morewood S. *Anglo-Italian Rivalry in the Mediterranean and Middle East, 1935-1940 / Parts to War: New Essays on the Origins of the Second World's War*. L., 1989. P.167-197; Pratt L. *Op.cit.*; Roskill S. *Op. cit.* Ch. 12. P.369-391, etc.

⁴⁴ Detwiler D.S. *Hitler, Franco und Gibraltar. Die Frage des spanischen Eintritts den Zveten Weltkrieg*. Wiesbaden, 1962; Gretton P. *The Nyon Conference – the Naval Aspect // English Historical Rewiew*. Vol. XC. N 354. Jan. 1975. P.103-112; Philip P.J. *Agreement Reached at Nyon / The Spanish Civil War*. Chicago, 1972. P.177-181; Pratt L. *Op. cit.*, Roskill S. *Op. cit.* Ch. 12. P.369-391, etc.

⁴⁵ Carr E.H. *Propaganda in International Politics*. Oxford, 1939; Desmond R.W. *The Press and World Affairs*. L., 1937, etc.

«холодной войны» понятие антиреспубликанской кампании в испанистике отождествлялось с антикоммунистической⁴⁶. Эта тенденция, несмотря на все объективистские настроения, проскальзывает в зарубежной исторической литературе и конца XX в⁴⁷. В целом же, пропагандистская составляющая международных аспектов гражданской войны не стала темой отдельного исследования в зарубежной, как впрочем, и в отечественной, историографии.

Одной из первых попыталась обобщить проблемы международных аспектов британская исследовательница Патрисия Ван дер Эш (1951)⁴⁸. Но ее работа опиралась на достаточно узкую источниковую базу; при всем стремлении автора к объективности она несет печать «холодной войны»: утрируются идеологические и политические аспекты войны в урон другим. Важна была сама постановка проблемы, которая подверглась в последующие десятилетия от заданной фальсификации до относительно объективного изложения.

В западногерманской историографии в сер. 1970-х гг. была издана коллективная монография «Гражданская война в Испании в международной политике»⁴⁹. В трех главах, посвященных, соответственно, политике фашистских стран, Советского Союза, Англии и Франции в испанском вопросе, рассматриваются ключевые, по мнению авторов (Р. Уолфейл, Г. Абендрос, Х. Кюхне, М. Айнхорн, У. Шейдер, А. Аквароне, Д. Кэтгл, Р. Боу и Э. Фемим, Д. Уотг, Дж. Ниедхарт, Д. Карлтон и Дж. Уорнер) международные аспекты испанской войны. Описание курса Италии и Германии носит явно оправдательный характер, статьи Д. Карлтона и Д. Кеттла, посвященные рождению политики невмешательства и советской военной помощи испанской Республике (при явном ее утрировании), знакомы читателям по другим изданиям.

Постепенное расширение документальной базы (привлечение архивных и опубликованных в 1980-е – 90-е гг. испанских, британских, итальянских и др. документов) придало многим из работ по роли и месту гражданской войны в Испании более весомое научное звучание. Создаются коллективные монографии, например, «Испания в конфликте, 1931-1939. Демократия и ее враги» (1986), «Испания в войне. Гражданская война в Испании в контексте 1931-1939» (1995), «Испания и великие державы в двадцатом веке» (1999)⁵⁰. Первая посвящена в основном внутрииспанским проблемам, в этом ракурсе рассматривается и гражданская война (А. Винас и К. Уили подчеркивают, что Испания заплатила очень высокую цену за советскую помощь, не только материальную, но и политическую).

Авторы «Испании в войне», американские ученые Г. Изенвайн и А. Шуберт соглашаются с мнением П. Престона, что «война слов», затуманившая понимание гражданской войны, должна остаться позади. В работе поднимаются новые темы и направления: гендерные отношения в испанской революции и войне, роль и формы пропаганды⁵¹.

Авторы сборника «Испания и великие державы в двадцатом веке», попытались охватить историю Испании с испано-американской войны 1898 г. по эпоху «холодной войны». Гражданская война освещается в разделе «Союзники и испанская гражданская война». Так, И. Сац затронул геополитические аспекты проблемы, Пол Престон с опорой на пласт архивных источников рассмотрел отношения Испании и Италии с 1936 по 1943

⁴⁶ Cannon F. *The British Press and Germany. 1936-1939.* Oxford, 1980; Cockett R. *Twilight of Truth: Chamberlain Appeasement and the Manipulation of the Press.* N.Y., 1989; Little D. *Malevolent Neutrality: The United States, Great Britain and the Origins of the Spanish Civil War.* Ithaca, L., 1985; Pike D.W. *Conjecture, Propaganda, and Deceit and the Spanish Civil War.* Stanford, California, 1968; Watkins K.W. *Britain Divided. The Effect of the Spanish Civil War on British Political Opinion.* L., Edinburg, Paris, Melbourne, Toronto a. N.Y., 1963.

⁴⁷ Little D. *Antibolshevism and Appeasement: Great Britain, the United States and the Spanish Civil War // Appeasement in Europe.* N.Y., 1990. P.21-50, etc.

⁴⁸ *Esch P.A.M. Prelude to War: The International Repercussions of the Spanish Civil War, 1936-1939.* The Hague, 1951.

⁴⁹ *Der Spanische Bürgerkrieg in der internationalen Politik (1936-1939).* Munchen, 1976.

⁵⁰ *Spain in Conflict, 1931-1939. Democracy and its Enemies.* L., 1986; Esenwein G., Shubert A. *Spain at War. The Spanish Civil War in Context. 1931-1939; Spain and the Great Powers in the XX century.* L., N.Y, 1999.

⁵¹ Esenwein G., Shubert A. *Op. cit.* P.272-273.

г⁵². Многие материалы этой статьи перекликаются или повторяют содержание предыдущих работ Престона.

Из последних зарубежных изданий собственно международным аспектам войны в Испании посвящена монография ведущего преподавателя испанского языка и истории Вестминстерского университета (Лондон) Майкла Алперта, основанная на широком круге неизученных архивных источников⁵³. Цель исследования – пересмотр имеющихся точек зрения и концепций на международные аспекты гражданской войны в Испании. Автор критически оценивает и позицию Великобритании. Политика невмешательства осуждается Алпертом⁵⁴. Он рассматривает испанский конфликт в тесной взаимосвязи с другими международными событиями и, прежде всего, с кризисом вокруг Чехословакии. В книге М. Алперта наличие богатого фактического материала превалирует в иных случаях над оценочной стороной. Как следствие, говоря, например, о роли Италии в гибели республиканской Испании, Алперт лишь повторяет известный тезис, что итальянский вклад в это был решающим⁵⁵. Автор при всех попытках максимально охватить заявленные проблемы, не анализирует ряд существенных международных аспектов войны в Испании (например, средиземноморский, пропагандистский, проблемы политической изоляции СССР).

К шестидесятой годовщине начала гражданской войны в Испании издательство Эдинбургского университета выпустило сборник статей под редакцией П. Престона и А. Макензи «Республика в осаде: Гражданская война в Испании 1936-1939 гг.»⁵⁶. В первой части, отражающей в той или иной мере международные аспекты испанской войны и озаглавленной «Вторая республика во враждебном окружении», опубликованы статьи Э. Морадьеллоса, П. Престона, К. Лейтца, Д. Смит, Р. Страдлинга. Морадьеллос вводит в оборот неопубликованные документы внешней политики Британии, которые приоткрывают завесу над механизмом принятия решения британскими консерваторами об удушении Испанской республики и о необходимости победы Франко⁵⁷. Престон детально и с новыми концептуальными оттенками прослеживает политику Муссолини в Испании в короткий и сжатый временной промежуток (июль 1936)⁵⁸. Статья К. Лейтц «Вмешательство нацистской Германии в испанскую гражданскую войну и основание ХИСМА/РОВАК» является одним из аспектов более общей изученной им проблемы и написана с использованием широкого круга источников, преимущественно документов германских архивов. Лейтц на основе анализа известных и неизвестных фактов приходит к выводу, что приводившиеся ранее историками других стран (прежде всего, историками бывшей ГДР) доводы об участии руководства Германии в подготовке заговора несостоятельны⁵⁹.

Таким образом, палитра мнений зарубежных исследователей по проблемам истории гражданской войны в Испании, ее международных аспектов достаточно широка. При всем влиянии «холодной войны» на развитие испанистики, она не лишена многих весьма серьезных работ объективистского плана. Но достаточно объективное и комплексное изложение международных аспектов гражданской войны в Испании (1936-1939) в зарубежной историографии отсутствует.

⁵² Preston P. Italy and Spain in Civil War and World War, 1936-1943 / Spain and the Great Powers in the XX century. P.151-183; Saz I. The Second Republic in the International Arena. Ibid. P.73-95

⁵³ Alpert M. A New International History of the Spanish Civil War. L., 1994; Подробную рецензию на указанную работу см.: Малай В.В., Новиков М.В. Алперт М. Новая международная история гражданской войны в Испании. Лондон, 1994 // Новая и новейшая история. 1998. № 4.

⁵⁴ Alpert M. Op. cit. P.

⁵⁵ Alpert M. Op.cit. P. 171-172.

⁵⁶ The Republic Besieged: Civil War in Spain 1936-1939. Edinburg, 1996.

⁵⁷ Moradiellos E. The Gentle General / Ibid. P. 1-19.

⁵⁸ Ibid. P.21-52.

⁵⁹ Leitz C. Nazi Germany's Intervention in the Civil War and the Foundation of HISMA/ROWAK. Ibid. P.57-60.

INTERNATIONAL ASPECTS OF THE SPANISH CIVIL WAR (1936-1939) IN FOREIGN HISTORIOGRAPHY

V.V. MALAY

*Belgorod National
Research University*

e-mail: malay_v@bsu.edu.ru

The main foreign scientific schools and approaches of historiography on the international aspects of the Spanish Civil war, 1936-1939 are analyzed. The most researched dispatches are identified and critical assessments of the most significant works are revealed.

Keywords: Civil war in Spain 1936-1939, political, geopolitical, economic, propaganda, the Mediterranean, the ideological aspects, the policy of non-interference, historiography.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(470)

СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ КАЗАЧЬИХ ВОЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ БРЯНСКОГО РЕГИОНА

В.В. ДЗЮБАН
С.А. КИСЕЛЕВ

*Брянский
государственный
технический
университет*

*e-mail:
kiselevsa@tu-bryansk.ru
e-mail:
bryanskstudzuban@mail.ru*

Примерно с 80-х годов XX в. практически повсеместно в России начался процесс возрождения казачества. Для решения организационных и идеологических проблем возникающих при этом необходимо тщательно изучить объект возрождения: предпосылки формирования, этапы развития и факторы, влияющие на переход предшествующего этапа в последующий казачьих формирований.

Несмотря на значительную общность факторов, повлиявших на становление и развитие казачьих сообществ, пути формирования и дальнейшей эволюции различных казачьих войск России имеют и ряд отличий. В различных частях страны казачество имело свои особенности, традиции бытовой, культурной, военной организации.

В работе рассмотрены условия создания и особенности развития казачьих военных формирований Брянского региона, как одной из составляющих Российского казачества. Отмечены основные отличия от прочих казачьих войск. Выделены основные этапы для более глубокой проработки.

Ключевые слова: казаки, хоругвь, полк, карабинеры, кирасиры, драгуны, этапы развития, регион, Малороссия, Сечь, Брянск, Стародуб.

В 80-90 годы XX века в нашей стране происходили определенные процессы системной дезинтеграции в экономике (народном хозяйстве), социальной структуре, общественной и политической сфере, в результате которых в 1991 году произошел распад СССР. Вместе с исчезновением союза произошло крушение советской идеологии, которая довольно продолжительное время прививалась жителям страны Коммунистической партией советского союза. Многие потеряли «опору под ногами», некий «стержень», что и проявилось в виде «смутного времени» начала 90-х годов.

Возможно, именно стремлением вновь обрести веру в себя, найти свое место в новой жизни и можно объяснить появление примерно в то же время особого интереса к казачеству, которое, несмотря на достаточно неровные и своеобразные отношения с государством, всегда обладало рядом безусловно положительных качеств и характеристик.

Однако, политика расказачивания, проводимая большевиками в первой половине XX века против казачества как социальной и культурной общности, сословия Российского государства, привела к значительному растворению казачества в других слоях общества, и сохранению идей и традиций в основном в фольклоре и литературе.

На этом фоне особую актуальность приобретают вопросы исследования исторических корней казачьих сообществ, выявления причин возникновения и развития тех особенностей, которые можно положить в основу процесса возрождения. При этом, несмотря на определенное сходство казачьих войск различных регионов, в каждом из них присутствовали собственные уникальные причины, факторы и обстоятельства, повлиявшие на формирование и развитие. Следовательно, изучение процессов становления и эволюции казачьих частей различных регионов является оптимальным направлением понимания феномена казачества в целом.

Целью данного исследования является определение периода появления и направления развития Стародубского (Стародубовского) полка Брянского региона как одной из ветвей Северского казачества, а также обозначение временных рамок этапов его эволюции для последующего более глубокого изучения.

Наиболее близки к указанной проблеме написанные в досоветский период работы А.М.Лазаревского «Описание старой Малороссии. Том I. Полк Стародубский» 1888 г., А.Г. Мартынова «История 12-го Драгунского Стародубовского Полка» 1908 г. Однако работа А.М. Лазаревского посвящена Малороссийскому периоду полка как территориальной единицы и практически не затрагивает военную составляющую, а в работе А.Г. Мартынова, которая хотя и посвящена именно военной составляющей, весьма сильна эмоциональная линия, обусловленная тем, что автор являлся ротмистром указанного полка. Кроме этих авторов некоторые упоминания встречаются в работах, посвященных более общим вопросам, например, В.К. Шенк «Казачьи войска» 1912 г.

В советский период источников по указанной проблеме не наблюдается, за исключением работ, также посвященных более общим вопросам, например, В.В. Звезгинцов «Хронология Русской армии 1700-1917», изданной в Париже в 1962-1962 г.

В постсоветский период вопросу посвящен ряд статей краеведов, таких как В.Д. Бабодей «Гетманщина на Украине: тип государственного устройства или «казацкая вольница»? Стародубский полк», «Зарождение казачества на Стародубщине», «Истоки Стародубского казачества», В.М. Путь «История Стародубского казачества», Ю.П. Слюнченко «Стародубский полк: марш в два века», Д.Р. Поклонский «Стародубская старина» опубликованных, в основном, на электронных ресурсах и периодической печати и касающихся в большинстве своем культурно-бытовой и территориальной составляющей.

Таким образом, достаточно глубокого исследования военной составляющей всего периода существования Брянского казачества до настоящего момента не проводилось.

Одним из регионов, явившимся центром формирования части казачества и недостаточно еще изученным является юго-западная часть современной Брянской области с центром в городе Стародуб. Расположение в относительной близости к Запорожской сечи, а также включение стародубских казаков в состав Малороссийского казачьего войска левой стороны Днепра в XVII веке на первый взгляд дают возможность причислить это казачество к Запорожскому. Однако существует ряд отличий и особенностей.

Казачество формировалось различными путями в пограничных районах, где условия были таковы, что без сильной военной организации существование было не возможно. Таким образом, основой казачества следует считать военные формирования. Под этим термином будем понимать вооруженную, четко организованную группу людей, созданную или самоорганизовавшуюся на территории того или иного региона для выполнения определенных задач и функционирующую достаточно продолжительное время.

Брянский регион, расположенный в настоящее время на границе России, Беларуси и Украины в течение XII – XVI веков находился под властью Руси, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Московского государства. В 1618 г. после окончания очередной войны между Москвой и Речью Посполитой южные и западные земли Брянской области отошли к Польше. Получив пограничные территории, польское правительство способствовало их развитию и укреплению, предполагая использовать их в качестве крепостей при потенциальных конфликтах с Москвой. С этой целью 1625 году для при-

влечения людей в охрану Стародубского замка, им были пожалованы определенные льготы актом, который назывался «Привилей Стародубской козацкой корогве»¹.

В соответствии с «Привилеем»:

– Ста казакам из крестьян вместо жалованья было отведено 400 волок (7600 десятин) земли по 4 волока (76 десятин) на коня. Земля навсегда закреплялась в их собственности.

– Сотня получала особое знамя, хорогву, которое находилось под наблюдением старосты Стародубского замка.

– В самой крепости, так называемые казаки получили места для постройки домов и площади под огороды.

– Для ускорения застройки казаки на 6 лет освобождались от всех повинностей. В дальнейшем они должны были нести только казацкую службу. На случай осады казакам из крестьян было положено жалованье 8 золотых раз в три месяца.

Учитывая, что «...войтом обязательно должен был быть местный староста (католик); мотивировалось это нововведение тем, что при разной юрисдикции (т.е., при существовании двух отдельных властей – военной и гражданской) оборона замка не могла бы выполняться удовлетворительно»², можно сделать вывод, что во главе хоругви стоял скорее всего польский офицер.

Таблица

**Становление и эволюция казачьих воинских формирований
на территории современного Брянского региона**

Крестьяне	Мещане	Вольные казаки	«Охочие» люди
Казачьи городские хоругви по привилеям польской короны, 1625 г.			
Представители различных сословий Северщины, 1648 г.			
Нежинский малороссийский казачий полк, 1648 г.			
Стародубский казачий полк, 1663 г.		Нежинский казачий полк, 1663 г.	
Стародубовский легкоконный полк, 1783 г.			
Стародубовский карабинерный полк, 1784 г.			
Стародубовский Кирасирский полк, 1796 г.			
Кирасирский генерала от кавалерии Нумсена полк, 1798			
Кирасирский генерал-майора Воинова полк, 1799			
Стародубовский Кирасирский полк, 1801 г.			
Стародубовский Драгунский полк, 1801 г.			
Стародубовский Кирасирский полк, 1812 г.			
Кирасирский Его Светлости Принца Петра Ольденбургского полк, 1840 г.			
Кирасирский Его Императорского Высочества Принца Петра Ольденбургского полк, 1845 г.			
Стародубовский Кирасирский Его Императорского Высочества Принца Петра Ольденбургского полк, 1857 г.			
Нежинский Драгунский полк			
Стародубовский Драгунский Его Императорского Высочества Принца Петра Ольденбургского полк, 1860 г.			
12-й Драгунский Стародубовский Его Императорского Высочества Принца Петра Ольденбургского полк, 1864 г.			
12-й Драгунский Стародубовский полк, 1881 г.			
34-й Драгунский Стародубовский полк, 1882 г.			
12-й Драгунский Стародубовский полк, 1907 г.			

¹ «Гетманщина на Украине: тип государственного устройства или «казацкая вольница»? Стародубский полк» [Электронный ресурс]: // Стародуб [сайт]. [2011]. Режим доступа: <http://starodub.far.ru/getm-babad.htm>

² Багалея Д. И. Магдебургское право в городах левобережной Малороссии. В книге: журнал министерства народного просвещения, март 1892. С.59

Примерно в это же время на территории Стародубского повета были образованы хоругви: Стародубская – 100 всадников, Почепская – 50 всадников, Мглинская – 100 всадников и Трубчевская – 30 всадников. Каждая хоругвь имела свое знамя. В привилее Сигизмунда III от 1625 года Стародубской сотне (хоругви) указывалось: «Позволяем им иметь хоругвь особую красную с крестом голубым,...»³.

Таким образом, казачьи военные формирования в Брянском регионе (см. табл.) изначально создавались по инициативе польских властей как городские гарнизоны пограничной территории с привлечением местного населения, но возглавляемые коронными командирами.

Параллельно с предоставлением различных привилегий малороссийским городам, польское правительство стремилось упрочить свою власть, ставя на руководящие должности католиков или униатов, а также насильственно насаждая повсеместно католическую религию⁴, что не устраивало местных жителей, которые в большинстве своем исповедовали православие. Все это привело к тому, что население Малороссии полностью поддержали казаков во главе с Богданом Хмельницким в 1648 году, а казачьи военные формирования этих городов влились в состав его войска. Казаки современного Брянского региона входили в состав Нежинского полка до 1663 г⁵.

Видя в движения Хмельницкого возможность избавиться от польского гнета практически все население отвоєванных земель «записывалось в казаки»⁶. В «Летописи Самовидца...» сказано: «Того ж року (1648) ... полкъ Нѣжинскій ходилъ доставати Кодака и, идучи по Днѣпру, чинили великіе кривды людемъ». О Нежинском полке в числе прочих Самовидец говорит: «въ которыхъ незличоная личба войска была, бо иншій полк мѣл козацтва тысячь болше двадцяти, бо що село, то сотникъ, а иная сотня мѣла люду тысячу»⁷. Таким образом, первые победы Хмельницкого способствовали значительному увеличению численности малороссийских полков. Нежинский полк участвовал во второй битве под Лоевом в 1651 году, в ходе которой был убит черниговский полковник Мартын Небаба⁸. Нежинский полковник, имя которого Самовидец не указывает, выводил остатки козацкого войска в Чернигов.

В 1654 году результате Переяславской Рады войско Богдана Хмельницкого, включавшее в себя Киевский, Черниговский, Винницкий, Нежинский, Переяславский, Прилуцкий, Крапивинский, Чигиринский, Миргородский и Полтавский малороссийские казачьи полки днепровского левобережья⁹ было принято в русское подданство. В том же году в рамках русско-польской войны 1654-1667 годов Нежинский полк в составе казачьего корпуса под командованием нежинского полковника и наказного гетмана Войска Запорожского Ивана Золотаренко участвовал в осаде и взятии ряда городов юго-восточной части Великого княжества Литовского: Речицы, Жлобина, Стрешина, Рогачева, Гомеля¹⁰, Чечерска, Пропойска и Нового Быхова. Отряды Золотаренко сыграли большую роль в провале польского наступления зимой – весной 1655 года. Сначала им удалось устоять в осаде против армии великого гетмана Януша Радзивилла, затем оказывать помощь осажденному Могилеву. В июле 1655 года вместе с русскими войсками его казаки заняли Минск и Вильно, затем территорию между Вильно и рекой Неман.

Под 1657 годом Самовидец упоминает «...полк Нѣжинскій и Стародубовскій у

³ «Польский период Стародуба Северского» [Электронный ресурс]: // Земля Мглинская – край родной [сайт]. [2010]. Режим доступа: <http://mglin-krai.narod.ru/IzbrannieStranici/PolskiiPeriod.htm>

⁴ Лѣтопись Самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго и о междуособіяхъ, бывшихъ въ Малой Россіи. Москва, 1846. С.174.

⁵ Лазаревский А.М. Описание старой Малороссіи. Том I. Полк Стародубскій. Издание второе. – Белые берега: Группа компаний «Десяточка» (издательство «Белобережье»). 2008. С. 560.

⁶ Лѣтопись Самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго и о междуособіяхъ, бывшихъ въ Малой Россіи. Москва, 1846. С.174.

⁷ Лѣтопись Самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго и о междуособіяхъ, бывшихъ въ Малой Россіи. Москва, 1846. С.174

⁸ Там же.

⁹ Шенк В.К. Казачьи войска. С.-Петербург: Типография В.Д. Смирнова, 1912. С. 463.

¹⁰ Лѣтопись Самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго и о междуособіяхъ, бывшихъ въ Малой Россіи. Москва, 1846. С.174.

повѣтъ Полтавскій...»¹¹. Однако более у Самовидца упоминания о Стародубовском полке, как о самостоятельной военной единице не упоминается до 1663 г.¹². Видимо, следует считать, что это полк был выделен из состава Нежинского одновременно с образованием территориального Стародубовского полка в результате административной реформы гетмана Ивана Брюховецкого.

В 1659 году Нежинский полк во главе с полковником Григорием Гуляницким участвовал в столкновении с армией князя Алексея Трубецкого¹³, которое завершилось разгромом Гуляницкого и осадой Конотопа.

Летом 1662 года Нежинский полк в соединении с войсками князя Григория Ромодановского участвовал в разгроме войск Юрия Хмельницкого при Каневе¹⁴.

С 1663 года казачьи военные подразделения Брянского региона в виде Стародубовского казачьего полка в составе Малороссийского казачьего войска существовали до 1783 года. В течение этого времени правительство России стремилось подчинить и максимально ограничить казачьи вольности и привилегии. В 1722 г. учреждена Особая малороссийская коллегия. Повелено содержать 10 полков Малороссийских казаков: Киевский, Черниговский, Стародубовский, Нежинский, Переяславский, Прилуцкий, Лубенский, Гадячский, Миргородский и Полтавский. В 1734 году Малороссийским казачьим полкам законодательно определяются штаты¹⁵, что ограничивает дальнейший сверх этой нормы приём в эти полки казаков.

В результате территориальных изменений в стране, проведении ряда реформ Екатериной II, а также частых конфликтов властей с Запорожским казачеством в 1775 году происходит силовая ликвидация Запорожской Сечи, а в 1783 году упразднение Малороссийских казачьих полков¹⁶.

Однако, терять такую боевую силу, которую представляли собой казаки не имело смысла, поэтому в том же году было утверждено высочайшее положение о Малороссийской коннице в соответствие с которым из недавних малороссийских казаков был сформирован, в числе прочих, Стародубовский легкоконный полк¹⁷.

В 1784 году сформированные из малороссийских казаков легкоконные полки переименовываются в карабинерные и окончательно входят в состав регулярной кавалерии¹⁸.

Таким образом, Стародубский казачий полк стал преемником городских казачьих хоругвей польских пограничных территорий, входящих в настоящее время в состав Брянской области. Поддержав Богдана Хмельницкого эти подразделения вошли в состав его войска и образовали вначале Нежинский, а затем и отдельный Стародубовский полк, которые входили в состав реестрового Малороссийского казачества с 1654 по 1783 год. В отличие от Низового Запорожского войска, расформированного в 1775 году, Стародубовский полк вошел в состав регулярной кавалерии Российской империи.

В соответствие с источниками^{19,20,21} в следующий период полк претерпел следующие преобразования.

С 09.02.1784 г. – **Стародубовский Карабинерный полк** из 6 эскадронов. В 1788 году один из эскадронов выделен на усиление Псковского Драгунского, вместо него сформирован новый эскадрон. Во время второй Русско-турецкой войны 1787-1791 в составе Украинской армии. В 1788 г. полк разбил татар при Табаре, при Ботне в Гатуре и занял Яссы. В 1789 г. разбил турок при реке Журавке и преследовал около 15 верст. Участвовал в бою у Максимен, 1-й эскадрон защищал переправу у Сербенешты. Участвовал в сраже-

¹¹ Лѣтопись Самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго и о междуособіяхъ, бывшихъ въ Малой Рос-сии. Москва, 1846. С.174.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Полное собрание законов Российской империи. Издание 1. Том 9. Статья 6614.

¹⁶ Шишов А.В. Казачьи войска России. М., 2007. С. 336.

¹⁷ Шенк В.К. Казачьи войска. С.-Петербург, 1912. С. 463.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Звегинцов В.В. Хронология Русской армии 1700-1917. Париж. 1961-1962.

²⁰ «Историческая справка по 12-му Драгунскому Стародубовскому полку» [Электронный ресурс]: // Антология форменной одежды частей Российской армии [сайт]. [2010]. Режим доступа: <http://antologifo.narod.ru/pages/list/histore/istStarDr.htm#po>

²¹ Мартынов А.Г. История 12-го Драгунскаго Стародубовскаго Полка. С.-Петербургъ, 1908. С. 329.

нии у Галаца. 1-й эскадрон преследовал и разбил у Максимен турок, бежавших из Галаца, а затем преследовал неприятеля еще 8 верст за Максимены. Участвовал в сражениях при Путне, Фокшанах и Рымнике, в боях у Тульчина, в разбитии Суворовым Тырго-Кукульского Турецкого лагеря. В 1790 г. участвовал в боях у города Бырлада, у Бухареста. В 1791 г. в боях у Мачина. В 1790 г. 6-й эскадрон выделен на формирование Киевского Конно-Егерского полка.

С 29.11.1796 г. – **Стародубовский Кирасирский полк** из 5 эскадронов по две роты в каждом в составе Лифляндской дивизии. Расквартирован в г. Валки²². С 19.10.1798 г. – **Кирасирский генерала от кавалерии Нумсена полк**. С 15.08.1799 г. – **Кирасирский генерал-майора Воинова полк**. В 1799 г. участвовал в швейцарском походе Суворова. Осуществлял набеги на Винтертур и захват пленных. Небольшие стычки при Эглизау, Дрейенгофена, при переправе через реку Тур. Под Диссенгофеном 5-й эскадрон в пешем строю атаковал батарею и захватил 4 орудия. С 31.03.1801 г. – **Стародубовский Кирасирский полк**.

С 20.07.1801 г. – **Стародубовский Драгунский полк**. В 1803 году один эскадрон выделен на формирование Переяславского Драгунского полка, вместо него сформирован новый. В том же году полку учрежден запасной полуэскадрон. Во время Русско-турецкой войны 1806-1812 участвовал в занятии Бессарабии, Молдавии и Валахии в 1806 г. Расквартирован в г. Екатеринославле. В 1807 г. участвовал в штурме Куй-Бее, где захватил два знамени, в военных действиях под Измаилом. В 1809 г. взятие крепости Гирсово, крепости Кюстенджи, боевые действия при Рассевате, осада Силистрии. В 1810 г. – бой при Ясине, взятие Базарджика, осада Шумлы, сражение при Батине. За взятие крепости Базарджик полку пожалованы штандарты, образца 1803 года, с надписью – «За отличіе при взятіи приступомъ кр. Базарджика 22 Мая 1810 г.»²³. В 1811 г. сражение при Рушуке. В 1810 году запасной полуэскадрон упразднен. В 1811 г. полк вошел в состав 5-й Кавалерийской дивизии. Отечественную войну 1812 года начал в 1-й бригаде 5-й кавалерийской дивизии кавалерийского корпуса генерал-майора К.О. де Ламберта. В 1812 г. участвовал в сражении при Кобрине, при Козьем Броде, при Городечне, в занятии городов Брест-Литовска, Несвижа, Минска. В бою у села Гречиан против литовской пехоты захвачено 1500 пленных, 2 знамени, 2 орудия и 45 штаб- и унтер-офицеров. Участвовал в истреблении отрядов осоцкого и Домбровского, с сражениях при Борисове и Березине

С 17.12.1812 г. – **Стародубовский Кирасирский полк**²⁴. Приведен в состав 6 действующих эскадронов и одного запасного. Перешел в состав 2-й бригады 3-й Кирасирской дивизии. С 1813 г. в составе 1-го кавалерийского корпуса резервной армии. В том же году участвовал в Заграничном походе корпуса князя Гагарина. Сражения при Дрездене, Нейдорфе, Кульме, Вахау, Экартеберге, Бутельштедте. В 1814 г. сражения при Везеньи, Бревене, Люзиньи, Большой Торси, у Монтестра, у деревни Конантре. С 1815 г. 3-я Кирасирская дивизия в составе 3-го Резервного кавалерийского корпуса. С 1816 г. – Установлено старшинство полка с 1801 года. С 1817 г. полк расквартирован в г. Щигры. С 1820 г. 3-я Кирасирская дивизия назначена для Военного поселения. С 1821 г. учрежден Округ Военного поселения Стародубовского Кирасирского полка в Екатеринославской и Херсонской губерниях. В 1822 году в округе военного поселения полка из коренных жителей и кадра из полка присланного сформированы 3 резервные и 3 поселенные эскадрона. В 1825 году в округе военного поселения полка при поселенных и резервных эскадронах положено иметь Поселенную Фурштадскую роту. С 1827 г. по положению о военных поселениях регулярной кавалерии полк приведен в три состава: *действующий состав* из 6 действующих эскадронов и действующей фурштадской роты; *резервный состав* из 3 резервных эскадронов; *поселенный состав* из 3 поселенных эскадронов, поселенной фурштадской роты и роты служащих инвалидов. С 1829 г. по новому расписанию кавалерии, 3-я Кирасирская дивизия в составе 3-го Резервного Кавалерийского корпуса. Во время Польского восстания в 1831 г. участвовал в сражениях при Гороховой Роше, при Нуре, при Остроленке, в захвате Сиероцка и Зегржа, в штурме Варшавы. В 1832 г. полковое управление разделено на две части: собственно полковое, в ведении которого находились 6 действующих и 3 резервных эскадрона; населенные подразделения переходили

²² Полное собрание законов Российской империи. Издание 1. Том 17. Статья 606.

²³ Шенк В.К. Кавалерия (кроме казачьих и гвардейских частей). Справочная книжка Императорской главной квартиры. Изд. 2-е. С.-Петербург, 1909. С.106.

²⁴ Полное собрание законов Российской империи. Издание 1. Том 25. Статья 292.

в ведомство особого начальства 2-го кавалерийского округа Новороссийского военного поселения. При реформировании кавалерии в 1833 г. 3-я Кирасирская дивизия названа 2-й Кирасирской дивизией и вошла в состав 2-го Резервного Кавалерийского корпуса. В 1834 году сформирован запасной полуэскадрон №38. В 1835 г. 5-й и 6-й действующие эскадроны переименованы в резервные эскадроны полков Уланского Его Светлости Герцога Нассауского и Ахтырского Гусарского²⁵. Затем полк приведен в состав 6-ти действующих эскадронов с нестроевою ротой и одного резервного эскадрона. Установлена рыжая масть лошадей. В 1836 г. резервные полуэскадрон получил №34. В том же году из кантонистов учреждены и приписаны к полку два эскадрона названные «1-м и 2-м эскадронами кантонистов Стародубовскаго Кирасирскаго полка». В 1838 г. всем дивизионам полка пожалованы скобы на древки штандартов с надписью: «1783. Стародубовскій Легко-Конный полкъ»; «1810. За отличіе при взятіи приступомъ кр. Базарджика 22 Мая 1810 г.»; «1838. Кирасирскаго Стародубовскаго полка 1-го дивизиона». С 14.04.1840 г. – **Кирасирский Его Светлости Принца Петра Ольденбургского полк**, по случаю назначения шефа. В 1841 г. упразднен резервный эскадрон. В 1842 г. положено иметь для полка из бессрочно-отпускных запасной и резервный эскадроны. В 1844 г. для чинов 2-й Кирасирской дивизии установлены кирасы с медными накладками. Приказано снабдить полк новыми кирасами в 1846 году²⁶. С 17.03.1845 г. – **Кирасирский Его Императорского Высочества Принца Петра Ольденбургского полк**. В 1848 г. от полка учреждены запасной и резервный кадры. С 19.03.1857 г. – **Стародубовский Кирасирский Его Императорского Высочества Принца Петра Ольденбургского полк**. С 1857 г. полк стал кадровым (кадрированным) полком. В мирное время на службе оставлен только один дивизион.

В 1860 г. соединен с Нежинским Драгунским полком и образован **Стародубовский Драгунский Его Императорского Высочества Принца Петра Ольденбургского полк**²⁷ из 4-х действующих и 1 запасного эскадрона. Полк вошел в состав 6-й Легкой Кавалерийской дивизии имея следующие штандарты: 1-й дивизион – Георгиевский штандарт от 1-го эскадрона Стародубовского Кирасирского полка, пожалованный в 1810 году; 2-й дивизион – Георгиевский штандарт 1-го дивизиона Нежинского Драгунского полка, пожалованный в 1814 году Рижскому Драгунскому полку, с имеющею при нем Александровской юбилейной лентой. От Нежинского Драгунского полка оставлены Георгиевский серебряные трубы с надписью – «Рижскому Драгунскому полку, за храбрость въ сраженіи противъ Французскихъ войскъ при г. Гальберштадтѣ 18-го Мая 1813 года», пожалованные в 1815 году Рижскому Драгунскому полку. Передано старшинство Рижского Драгунского полка от 1709 года. В том же году 6-я Легкая кавалерийская дивизия названа 6-я Кавалерийская дивизия. В течение 1862-1863 гг. полк расквартирован в г. Новый Серпухов. 25.03.1864 г. – **12-й Драгунский Стародубовский Его Императорского Высочества Принца Петра Ольденбургского полк**. К 1866 г. – Полк расквартирован в г. Менджибож. В 1875 г. – при реорганизации кавалерии вошел в состав 12-й кавалерийской дивизии. Расквартирован в г. Межибужье. В 1876 г. – 12-я кавалерийская дивизия вошла в состав, вновь образованного, XII-го армейского корпуса. Полк расквартирован в г. Каменец-Подольский. Во время Русско-Турецкой войны полк участвовал в захвате города Белы, занимался разведкой, аванпостовой службой и рекогносцировкой местности. С 01.05.1881 г. – **12-й Драгунский Стародубовский полк**. С 18.08.1882 г. – **34-й Драгунский Стародубовский полк**. В 1883 году полк переформирован в 6-ти эскадронный состав. В 1897 г. 3-й эскадрон направлен на формирование 53-го драгунского Новоархангельского полка, вместо него сформирован новый. С 06.12.1907 г. – **12-й Драгунский Стародубовский полк**. Во время Мировой войны принимал участие в боевых действиях: с 1914 г. – в составе 8-й армии Юго-Западного фронта; в 1915 г. 12-я Кавалерийская дивизия вошла в состав, образованного при 8-й армии, V-го Кавалерийского корпуса; в 1916 г. – дивизия выведена из состава корпуса и передана в 11-ю армию Юго-Западного фронта, к 10.09.1916 г. – дивизия в Особой армии. На 22.12.1916 г. – 12-я Кавалерийская дивизия в составе VI-го кавалерийского корпуса, при 6-й армии Румынского фронта.

²⁵ Там же. Том 25. Статья 292.

²⁶ Там же. Том 17. Статья 607.

²⁷ Шенк В.К. Кавалерия (кроме казачьих и гвардейских частей). Справочная книжка Императорской главной квартиры. Изд. 2-е. С.-Петербург, 1909. С.106.

Таким образом, историю военных казачьих формирований Брянского региона можно условно разделить на три этапа:

1. Городские казачьи хоругви в период Польского правления. В отличие от наиболее близкой крупной казачьей организации – Запорожской Сечи - изначально создавались по инициативе польских властей как городские гарнизоны пограничной территории с привлечением местного населения, но возглавляемые коронными командирами.

2. Стародубский казачий полк в составе Малороссийского казачьего войска. Стародубский казачий полк стал преемником городских казачьих хоругвей польских пограничных территорий. Поддержав Богдана Хмельницкого эти подразделения вошли в состав его войска и образовали вначале Нежинский, а затем и отдельный Стародубский полк, которые входили в состав реестрового Малороссийского казачества с 1654 по 1783 год. В отличие от Низового Запорожского войска, расформированного в 1775 году, Стародубский полк вошел в состав регулярной кавалерии Российской империи.

3. Стародубовский полк в составе регулярной армии. Преемником Стародубского Малороссийского казачьего полка стал вначале Стародубовский легкоконный, а потом Карабинерный, Кирассирский и Драгунский полк. Этот полк был расквартирован в Стародубе лишь некоторое время после образования. Затем определяется на поселение на различных территориях. В течение 1783-1917 годов отдельные эскадроны передаются на усиление и формирование других полков. Вместо них формируются новые. Таким образом, к 1917 г. в состав полка входили, вероятнее всего, не только выходцы с территорий Брянского региона, но и из других мест России. Интересен тот факт, что выделившись в 1663 году из Нежинского Стародубский полк вновь соединился с ним в 1860 г., но уже под названием Стародубовского.

FORMATION AND EVOLUTION OF COSSACK MILITARY FORMATIONS OF THE BRYANSK REGION

Since 1980s the process of Cossacks revival has begun in Russia process Cossacks revival has begun. For the decision of organizational and ideological problems arising thus it is necessary to study object of revival carefully: formation preconditions, stages of development and the factors influencing transition of a previous stage in subsequent Cossack formations.

Despite a considerable generality of the factors which have affected formation and development of the Cossack communities, ways of formation and the further evolution of various Cossack armies of Russia have also a number of differences. In various parts of the country the Cossacks had the features, traditions of the household, cultural, military organization.

In work conditions of creation and feature of development of the Cossack military formations of Bryansk region, as one of components of the Russian Cossacks are considered. The basic differences from other Cossack armies aren'ted. The basic stages for deeper study are allocated.

Keywords: Cossacks, banner, regiment, carabineers, cuirassiers, dragoons, development stages, region, Malorossiya, Sech, Bryansk, Starodub.

V.V. DZUBAN
S.A. KISELEV

*Bryansk State
Technical University*

*e-mail:
kiselevsa@tu-bryansk.ru
e-mail: bryanskstudzuban@mail.ru*

УДК 94(470) «17»

«ДОЛЖНОСТНАЯ ПОЭЗИЯ» М.В. ЛОМОНОСОВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК***И.С. ДЕМАКОВ***Санкт-Петербургский
институт истории
Российской академии наук**e-mail: ilja.demakov@gmail.com*

Организационные начала отечественной науки в XVIII в. сформировались в большой мере под влиянием деятельности М.В. Ломоносова. Он занимал один из руководящих постов в системе административного управления Петербургской академии наук. Однако, его служебные инициативы встречали постоянное противодействие со стороны членов её центрального организационно-распорядительного органа – академической Канцелярии. В этих обстоятельствах М.В. Ломоносов занимался литературным творчеством, которое, таким образом, было непосредственно связано с его служебной деятельностью. При всей обширности историографии жизни и деятельности М.В. Ломоносова эти материалы не становились предметом специального исследования. В настоящей статье они исследованы как исторический источник.

Ключевые слова: Ломоносов, Петербургская академия наук, социальная мобильность, история государственной службы, источниковедение истории России, XVIII век

В XVIII в. отечественная наука переживала период формирования организационных начал. Институционализация науки является процессом со сложной внутренней структурой. Она обусловлена обстоятельствами государственной и общественной жизни, в условиях абсолютной монархии также обнаруживает непосредственную связь с конъюнктурой двора. Таким образом, разработка данной научной проблемы является предметом актуального исследовательского интереса, поскольку раскрывает характер развития одного из важнейших социальных институтов – науки – в его взаимосвязи с институтами государства и общества.

Применительно к биографии М.В. Ломоносова идея о том, что в истории России XVIII века политический фактор – а именно придворная конъюнктура – определял характер и направление деятельности в любой сфере, была оформлена в работе П.А. Вяземского. По определению П.А. Вяземского, М.В. Ломоносов был «присяжным поэтом»¹. Это утверждение следует понимать в том смысле, что все направления его многосторонней деятельности были связаны общей целью – службой для пользы государства, в русле государственного интереса. М.В. Ломоносов, по мнению П.А. Вяземского, своими успехами в общественной жизни справедливо считал себя обязанным преобразованиям Петра Великого. Он, таким образом, сознательно посвятил свою деятельность развитию и популяризации наследия Петра I, и в этом качестве оказался востребован в русле государственной идеологии середины XVIII века. Этими обстоятельствами объясняются содержание и формы его деятельности в Петербургской академии наук, в первую очередь – это деятельность административная.

Возвращение М.В. Ломоносова в середине 1741 г. не было запланировано Академией наук: он прервал своё обучение во Фрейберге не уведомив академическое начальство. Академия не была готова обеспечить нового специалиста штатной научной должностью и М.В. Ломоносов был направлен для выполнения научно-вспомогательных работ в Кунсткамеру под начало профессора И. Аммана. Тем не менее, И.Д. Шумахер нашёл возможным поручить вновь прибывшему сотруднику сочинение двух торжественных од для поднесения ко двору², а также стихотворное переложение на русский язык немецкой оды Я.Я. Штелина³. Данная инициатива И.Д. Шумахера установлена исследователями на ма-

* Статья подготовлена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Государственный контракт № 14.А18.21.0052.

¹ Вяземский П.А. Литературоведческие опыты: Фонвизин. СПб., 1848. С. 6.

² Меншуткин Б.Н. Михаил Васильевич Ломоносов: Жизнеописание. СПб., 1911. С. 34-42.

³ Меншуткин Б.Н. Указ.соч. С. 53-56.

териале его переписки⁴. Как полагает Я.К. Грот, действительной причиной такого участия советника академической Канцелярии в деятельности М.В. Ломоносова было стремление И.Д. Шумахера найти в его лице союзника для противодействия старым профессорам⁵.

В конце 1742 г. М.В. Ломоносов оказался вовлечённым в конфликт между Конференцией и временным комитетом А.К. Нартова. В этих обстоятельствах М.В. Ломоносовым написаны четыре стихотворных произведения. В начале года, до начала следствия над И.Д. Шумахером, академическая Канцелярия поручила ему исполнение придворного заказа на две оды: первая по случаю прибытия в Россию наследника престола великого князя Петра Фёдоровича⁶, вторая — переложение на русский язык оды советника Берг-коллегии Г.Ф.В. Юнкера⁷. М.В. Ломоносов также составил эпитафию для могилы А.Г. Ливена; как установил П.П. Пекарский, это был частный заказ, полученный им через И.Д. Шумахера⁸. В конце года, когда И.Д. Шумахер находился под домашним арестом, и в Академии работала следственная комиссия, М.В. Ломоносов был занят написанием оды на прибытие Елизаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург⁹. Соответствующее поручение было получено им ещё до ареста советника академической Канцелярии, но завершение работы над одой пришлось на время деятельности в комитете А.К. Нартова и ссоры с профессорами. При рассмотрении вопроса о должностном характере поэтического творчества М.В. Ломоносова данное произведение традиционно используется в качестве материала для иллюстрации возможностей, которыми располагает литературоведение. Изменение тональности от начала к концу оды ранние исследователи поэтического творчества М.В. Ломоносова считали отражением перемен, происходивших в Академии наук¹⁰.

В январе 1743 г. конфликт в Академии обострился. Одним из результатов работы следственной комиссии под руководством Х.Н. Винсгейма стало обвинение М.В. Ломоносова в нарушении указа от 21 января 1724 г. «о чинном поведении» в коллегиях и присутственных местах и «нашла его достойным лишения живота, или, по крайности, наказания на теле и лишения состояния»¹¹. Ввиду того, что Елизавета, вступив на престол, практически ввела мораторий на смертную казнь, М.В. Ломоносову определили наказание в виде бессрочного ареста.

Таким образом, все двенадцать его стихотворных произведений, относящихся к 1743 г., были написаны, когда М.В. Ломоносов находился под арестом. В их числе девять стихотворных переложений римских и греческих авторов, предназначенные для иллюстрации отдельных положений «Риторики», готовившейся им к изданию ещё до ареста¹². Датировка другого произведения — оды на тезоименитство великого князя Петра Фёдоровича — совпадает с датой подачи М.В. Ломоносовым прошения о помиловании на Высочайшее имя от 30 июня 1743 г.¹³. Это совпадение позволяет предположить, что ода была приложена к прошению, чтобы склонить Елизавету в его пользу.

В июле 1745 г., М.В. Ломоносов был произведён в звание ординарного профессора по кафедре химии, став, наряду с обозначенным в том же указе В.К. Тредиаковским, первым русским академиком. Выполняя приличную по такому случаю обязанность, М.В. Ломоносов сочинил торжественную оду, выбрав предметом состоявшееся незадолго до этого бракосочетание великого князя Петра Фёдоровича с принцессой Ангальт-Цербстской¹⁴. Ода была издана отдельным оттиском в академической типографии, однако, на титульном листе стоит посвящение от лица самого М.В. Ломоносова, а не от Ака-

⁴ Пекарский П.П. Дополнительные известия для биографии М.В. Ломоносова. СПб., 1865. С. 30.

⁵ Грот Я.К. Очерк академической деятельности Ломоносова. СПб., 1865. С. 17-24.

⁶ Меншуткин Б.Н. Указ.соч. С. 59-68.

⁷ Там же. С. 69-80.

⁸ Пекарский П.П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. I. СПб., 1870. С. 488

⁹ Меншуткин Б.Н. Указ.соч. С. 82-102.

¹⁰ Мерзляков А.Ф. Сочинения М.В. Ломоносова // Труды общества любителей российской словесности. 1817. Т. VII. С. 45.

¹¹ Ламанский В.И. Ломоносов и Петербургская академия наук // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1865. Кн. I. Отд. V. С. 43.

¹² Меншуткин Б.Н. Указ.соч. С. 124-126.

¹³ Там же. С. 103-110.

¹⁴ Там же. С. 127-136.

демии, чего в таком случае требует протокол. Документ, сохранившийся в фонде делопроизводства академической Канцелярии, разъясняет ситуацию: И.Д. Шумахер отказал М.В. Ломоносову в просьбе опубликовать оду обычным порядком, вследствие чего автор напечатал несколько экземпляров «для раздачи при дворе» на собственные деньги¹⁵. Таким образом, это первое его стихотворное произведение, написанное для двора по собственной инициативе и сверх должностных обязанностей.

С конца 1745 г. и в течение всего 1746 г. профессор М.В. Ломоносов, теперь уже полноправный член Академии наук, был вовлечён в очередной виток конфликта между академической Канцелярией и профессорским собранием. К этому же времени относится начало работ по созданию им Химической лаборатории. В этот период М.В. Ломоносовым написаны две торжественных оды, адресованные Елизавете. Первая посвящена годовщине восшествия на престол. Она, как и предыдущая ода на бракосочетание наследника престола, написана по личной инициативе и издана на собственные средства тиражом в два десятка экземпляров «для раздачи при дворе», о чём свидетельствует рапорт из академической типографии¹⁶. Вторая ода написана по случаю дня рождения императрицы. Как установила на материале переписки исследовательница Г.Е. Павлова, эта ода была заказана М.В. Ломоносову его покровителем М.И. Воронцовым.

Административная часть Петербургской академии наук претерпела существенные изменения в 1747 г., когда был принят Регламент. В этом же году М. В. Ломоносов написал по поручению Академии оду «Ода на день восшествия на престол <...> Елизаветы [Петровны]» в благодарность за утверждение Регламента¹⁷.

В 1748 г. М.В. Ломоносов был чрезвычайно загружен работами по должности и специальными поручениями академической Канцелярии. Г.Ф. Миллер отметил в своей «Истории Академии наук в Петербурге», что Ломоносов был «переобременён работой при Канцелярии»¹⁸. В это время была написана первая датированная эпиграмма М.В. Ломоносова¹⁹. К этому же периоду относятся две торжественные оды. Первая написана к очередной годовщине восшествия Елизаветы на престол. Сохранился ордер за подписью И.Д. Шумахера, предписывающий М.В. Ломоносову сочинить оду и прочесть её на публичной ассамблее²⁰. Г.Е. Павлова, однако, считает, что действительным заказчиком этой оды был покровитель М.В. Ломоносова М.И. Воронцов. Его же хлопотами исследовательница объясняет пожалование М.В. Ломоносову двух тысяч рублей. Вторая ода посвящена победам русской армии в недавней войне со Швецией. Данное произведение было подготовлено в русском оригинале и латинском переводе, их предполагалось разместить в придворном календаре на 1749 г. Однако, версия на русском языке была отклонена заказчиком — академической Канцелярией²¹, — и впервые опубликована П.С. Билярским²².

В 1749 г. М.В. Ломоносов сочинил два стихотворных произведения. Написание «Слова похвального <...> Елизавете» было поручением академической Канцелярии²³. Сразу после его опубликования, И.Д. Шумахер направил М.В. Ломоносову ордер, предписывавший перевести «Слово...» на латинский язык, с тем чтобы оно могло быть направлено в иностранные учёные общества²⁴. Среди отзывов, полученных Академией, был ответ по традиции благосклонного к М.В. Ломоносову Л. Эйлера, назвавшего это произведение «образцом риторики».

Во втором полугодии 1749 г. академическая Конференция была занята, главным образом, рассмотрением диссертации Г.Ф. Миллера «О происхождении имени и народа российского», направленной по настоянию двора на дополнительную экспертизу. В этом

¹⁵ Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (ПФА РАН). Ф. 3. Оп. 1. Д. 653. Л. 25.

¹⁶ Там же. Д. 515. Л. 423.

¹⁷ Там же. Д. 517. Л. 610.

¹⁸ Миллер Г.Ф. История Академии наук в Петербурге. СПб., 1898. С. 584.

¹⁹ Материалы для истории императорской Академии наук / Под ред. М.И. Сухомлинова. СПб., 1898. С. 134; Меншуткин Б.Н. Указ.соч. С. 211.

²⁰ ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 25. Л. 610.

²¹ Там же. Д. 124. Л. 536.

²² Материалы для истории императорской Академии наук... С. 753.

²³ ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 838. Л. 2.

²⁴ Там же. Д. 595. Л. 135.

деле М.В. Ломоносов действовал, в первую очередь, как член административного управления. М.В. Ломоносов блокировался со всеми русскими профессорами и адъюнктами (кроме В.К. Тредиаковского), что имело важное значение с учётом конъюнктуры елизаветинского времени, а также стал выразителем интересов Канцелярии и Президента К. Г. Разумовского. В этих обстоятельствах М.В. Ломоносову были созданы пять стихотворных произведений. В начале 1750 г. академическая Канцелярия поручила М.В. Ломоносову составить поздравительную оду К.Г. Разумовскому в честь его назначения гетманом²⁵. М.В. Ломоносов исполнил заказ в новом для себя пасторальном жанре²⁶.

В 1752 г. деятельность М.В. Ломоносова во многом была посвящена организации стекольного производства. Прежде чем формально внести предложение об открытии собственного производства стекла, М.В. Ломоносов осуществил несколько подготовительных мероприятий, с тем чтобы склонить мнение двора в пользу своей инициативы. Летом 1752 г. им было написано рифмованное «Письмо о пользе стекла», адресованное И.И. Шувалову. Произведение, распространённое И.И. Шуваловым при дворе, имело успех, вследствие чего чуткий к конъюнктуре И.Д. Шумахер распорядился его «напечатать немедленно»²⁷.

На фоне этого успеха 4 сентября 1752 г. М.В. Ломоносов поднёс Елизавете свою первую мозаичную работу. Наконец, 25 сентября он подал в Сенат прошение об «учреждении мозаичного дела в России», удовлетворённое 14 декабря²⁸. Одновременно, в надежде на благополучный исход дела М.В. Ломоносов сочинил благодарственную оду Елизавете и направил текст в академическую Канцелярию с предложением опубликовать его на средства и от имени учреждения²⁹.

В 1754 г. М.В. Ломоносов уделял основное внимание работе над проектом Московского университета. В июне-июле 1754 г. проект был направлен И.И. Шувалову. В это же время яснее обозначилась черта характера М.В. Ломоносова, которая по мнению биографов доминировала в последние годы его жизни — энергичное неприятие критики. Статья «О должности журналистов», написанная в ответ на публикацию критического отзыва об экспериментальной работе М.В. Ломоносова в лейпцигском научном журнале, относится к ноябрю 1754 г. Обращает на себя внимание изменившаяся тональность донесений М.В. Ломоносова в академическую Канцелярию. Написав по собственной инициативе оду на рождение наследника престола Павла Петровича, М.В. Ломоносов не обратился к И.Д. Шумахеру с предложением издать её от имени и за счёт учреждения, как это делалось им прежде, но «уведомил» советника о том, что «намерен сам напечатать» произведение³⁰.

Таким образом, активная позиция М.В. Ломоносова в период формирования организационных начал Петербургской академии наук выдвинула его в число руководителей административного аппарата этого учреждения. Стремительное продвижение по службе, учитывая происхождение М.В. Ломоносова, прежде всего основывалось на последовательном закреплении успехов энергичной и разносторонней деятельности. Иными словами, сословный характер общественных отношений требовал от М.В. Ломоносова использования всех имевшихся в его распоряжении навыков, способностей и ресурсов. Поэтическое творчество М.В. Ломоносова носило должностной характер в том смысле, что он сделал его востребованным в рамках собственных должностных обязанностей. Анализ делопроизводства академической Канцелярии, отражающего служебную деятельность М.В. Ломоносова, и сопоставление его результатов с биографическим контекстом позволяет утверждать, что одическая поэзия и ораторская проза М.В. Ломоносова в 1741-1757 гг. непосредственно связаны со служебными потребностями и были направлены на укрепление его положения в Петербургской академии наук.

²⁵ ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 955. Л. 46.

²⁶ Меншуткин Б.Н. Указ.соч. С. 276-281.

²⁷ Там же. Д. 521. Л. 467.

²⁸ Полный свод законов Российской империи. Т. XIII. СПб., 1830. № 10057.

²⁹ ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 171. Л. 185.

³⁰ Там же. Д. 192. Л. 284.

MICHAEL V. LOMONOSOV'S "OFFICIAL POETRY" AS A HISTORICAL SOURCE

I. S. DEMAКOV

*Saint Petersburg Institute
of History,
Russian Academy of Sciences*

e-mail: ilja.demakov@gmail.com

Principles of organization of the Russian science in the XVIII century were formed generally under the influence of Michael V. Lomonosov. He held a senior post in the administration of the St. Petersburg Academy of Sciences. His service initiatives, however, were faced with permanent opposition from the members of the main organizational and administrative body of the Academy – The Academic Office. In this regard, Lomonosov wrote an essay about the development of the administrative management at the St. Petersburg Academy. Despite the vastness of the historiography of the Lomonosov's life and work, this essay has not been the subject of special study. It was researched as a historical source in this article.

Keywords: Lomonosov, Petersburg Academy of Sciences, social mobility, history of the government service, source study of the Russian history, XVIII century.

УДК 94(4)|18|:342.542.5

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ДВОРОВЫЕ ЛЮДИ» В ПРАВОВЫХ АКТАХ И МЕМУАРНЫХ ИСТОЧНИКАХ XIX В.

О.Н. ЧЕРКАШИНА*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: cherkashina_o@bsu.edu.ru*

В XIX в. дворовые представляли неоднородную массу крестьян, объединенных экономическими и социальными факторами. Изучение исторических источников, в том числе мемуаров и дневников, позволяет создать более объективное описание социального положения дворовых. В работе рассмотрены основные факторы, под влиянием которых происходило формирование такой социальной группы, как дворовые крестьяне.

Ключевые слова: отмена крепостного права, дворовые крестьяне, помещичья усадьба, формирование социальной группы.

Дворовые крестьяне или дворовые люди известны в России в основном как домашняя прислуга, и официально в отдельную категорию их стали выделять только в XIX в. Дать характеристику дворовым крестьянам как сформировавшейся социальной группе довольно сложно, так как в разные периоды истории критерии и факторы формирования группы отличались.

В XIX в. дворовые представляли неоднородную массу крестьян, объединенных экономическими и социальными факторами. Количественный и качественный состав дворовых, по нашему мнению, зависел от: 1) территории, к которой был приписан дворовый; 2) масштаба и благосостояния усадьбы, господского дома; специфики хозяйства; 3) деятельности дворового крестьянина; 4) происхождения самого дворового человека.

Дворовые крестьяне до реформы 1861 г. относились к числу помещичьих крестьян, основным занятием которых являлось обслуживание барского дома и двора. Наблюдатели помещичьего быта в России при Екатерине II свидетельствуют, что в русских помещичьих домах вообще втрое, даже впятеро более слуг, чем в домах немецких владельцев одинаковой зажиточности¹.

К дворовым крестьянам относят домашнюю прислугу, а также мастеров и рабочих, находящихся в усадьбе: горничная, кормилица, кучер, лакей, кухарка, казачков, камердинеров, ливрейных слуг, стремянных, форейторов и др.². Рассмотрим каждый из перечисленных выше факторов формирования группы дворовых людей более подробно.

По документам Редакционных комиссий по крестьянскому вопросу, а позднее по информации официальных законодательных актов все крестьянство, в т.ч. дворовое разделялось по географическому признаку. В большинстве случаев принимались во внимание специфика нечерноземной и черноземной полосы, центральных городов, Кавказ и Прибалтийские земли, Польша. Однако, практически для всех перечисленных территорий основным правилом отнесения крестьянина к дворовым было наличие записи о нем, как о дворовом, в 10-й ревизии «при домах, капиталах и населенных имениях»³.

В крупных городах, например в С.-Петербурге, к дворовым могли относить не наделенных землею крестьян по обоюдному согласию с помещиками. В западных и юго-западных территориях — крестьян мелкопоместных имений, живущих в строениях помещиков, занимающиеся у них полевыми работами и не имеющие собственного хозяйства. В некоторых восточно-европейских территориях к дворовым причисляли состоящих в домашней прислуге не оседлых крестьян и крестьян, не наделенных землей и не имеющих собственного хозяйства, но проживающих по паспортам или на содержании помещика.

¹ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Лекция 80. Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru>

² Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М., 2002. С. 151.

³ Материалы Редакционных комиссий по крестьянскому делу. Т.1. Кн. 2. Систематический свод проектов Положений, составленных Губернскими комитетами. СПб., 1860. С. 884.

Дворовыми людьми, как мы установили, в центральных черноземных областях были: 1) крестьяне, живущие на господском дворе; 2) крестьяне, занимающие сельскохозяйственные должности, не имеющие оседлости и отказавшиеся от наделения землей; 3) крестьяне, приписанные помещиками к домам и капиталам, в т.ч. мастеровые; 4) лица, относящиеся к домашней прислуге или занимающие административные должности при помещичьем хозяйстве; 5) лица, записанные к крестьянам, но никогда не занимавшиеся земледелием и не имеющие собственного хозяйства и оседлости и последнее время проживающие на господском дворе; 6) лица, по ошибке приписанные к крестьянам, но не имеющие надела и занимающиеся различными ремеслами.

Таким образом, к дворовым относили крестьян приписанных в качестве домашней прислуге к домам; в качестве работников, в т.ч. ремесленных, к фабрикам и заводам, капиталам по согласованию с помещиком; не занимающихся земледелием и скотоводством, а также не имеющих надела и собственного хозяйства, но приписанных к населенным имениям и (или) платящие оброк с заработков в других местах⁴. Географическое положение помещичьего хозяйства обуславливало специфику занятий дворовых, их статус, а потому единых критериев и определений дворовых людей быть не могло.

Особые опасения чиновников и помещиков вызывала последняя группа дворовых, т.к. в своем материальном положении они были наиболее неустойчивыми, не связаны общинным порядком и семейной привязанностью, а, следовательно, способными на различные меры.

В 1840 и 1844 годах были созданы два специальных комитета, рассматривавших положение дворовых. В результате их деятельности 12 июня 1844 г. были изданы два правительственных акта - «Именной указ Сенату о предоставлении помещикам права отпускать дворовых на волю без земли по обоюдным договорам между помещиками и их дворовыми» и «Высочайше утвержденное мнение Государственного совета об освобождении дворовых из имений, заложенных в банковских учреждениях»⁵.

В рамках исследуемого вопроса интерес представляют материалы и воспоминания участников комитетов о дворовых. Главный управляющий II отделением Собственной Его Величества канцелярии граф Блудов характеризовал дворовых как огромную массу (по его словам согласно 8-й ревизии их насчитывалось свыше миллиона душ) представляющих различные затруднения и даже некоторую опасность крестьян. «Как употребить с пользой для государства целый миллион людей большей частью без всякого, даже и движимого, имущества и без всякого ремесла, привыкших если не к совершенно праздной, то к беспечной о будущем жизни и потому склонных к развращению? Людей, которых, может быть, один непосредственный надзор господ удерживал от беспорядков и буйства?»⁶. Подобные вопросы и не только пытались решить работавшие в комитетах князь И. Васильчиков, А. Голицын и А. Меншиков, графы Нессельроде, Чернышев, Бенкендорф, Киселев и др. В докладе министра внутренних дел 1844 г. содержится следующая характеристика: «При существующем у нас издавна порядке хозяйства в помещичьих населенных имениях образовалось особое сословие, известное под названием дворовых людей, которое при несоразмерном размножении своем обратилось в тягость не только владельцам, но и самому правительству. Проводя время в праздности, люди эти увеличивают собой число тунеядцев, большей частью делают навсегда неспособными к труду и впадают [...] в пороки и всякого рода преступления. Признавая на сем основании дворовых людей вообще сословием вредным...»⁷.

Свою точку зрения по вопросу о преобразовании быта дворовых изложил в проекте указа и император Николай I. Класс дворовых людей, по его мнению, можно разделить на четыре категории: 1) дворовых, составляющих внутреннюю и надворную прислугу при домах в городах; 2) те же в поместьях; 3) дворовых ремесленников; 4) заводских и фабричных. Последняя категория относится в некоторой степени к обычным крестьянам, т.к. зачастую имеют свой дом и занимаются земледелием. Первые три категории выделены императором из собственно домашней прислуги. Последняя группа при наличии пас-

⁴ Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России. Т.2. Крестьянский вопрос в царствование Императора Николая. СПб., 1888. Режим доступа: <http://www.i-u.ru/biblio>

⁵ Документы крестьянской реформы С. 106.

⁶ Семевский В.И. Указ. соч.

⁷ Там же.

портов и занимающихся каким-либо ремеслом должна относиться к ремесленным работникам и приписываться в цеха⁸.

Оценивая дворовых как одну из самых бесправных и социально незащищенную, неоднородную, но, в то же время, многочисленную группу крепостных, все они сходились во мнении, что освобождение дворовых вместе с основной массой крестьянства приведет к их обнищанию, волнениям в помещичьих владениях и городах. Следовательно необходимы продуманные действия правительства и самих помещиков по сокращению числа дворовых, обучение и устройство их на ремесленные и сельскохозяйственные работы, материальная помощь со стороны государственных учреждений задолго до проведения крестьянской реформы.

Следующий фактор формирования сословия дворовых людей — масштаб помещичьей усадьбы и специфика её хозяйства. После освобождения крестьян многие помещичьи хозяйства покачнулись, и им уже силу некоторых обстоятельств приходилось уменьшать количество дворни. К концу XIX века многие усадьбы переходили к купцам, дробились и приобретали дачный вид⁹. Содержать прислугу в прежнем количестве было экономически невыгодно и неоправданно. Дворовые крестьяне до отмены крепостного права находились на полном содержании своих хозяев: жили в барском доме или пристройках к нему, во флигелях, хозяйственных строениях; одевались, питались, приобретали некоторые бытовые предметы также за счет своих владельцев.

Несмотря на официальное равенство российских дворян друг перед другом, объективно существовала сословная дифференциация по источникам получения дворянства и имущественному положению. Низшая страта состояла из беспоместных и мелкопоместных дворян, в официальной поземельной статистике она определялась рамками — 1-100 дес., средняя — 101-1000 дес., высшая — с 1001 дес.

Однако отдельные представители «дна» дворянского сословия уже находились в положении маргиналов. В 1877 г. в Курской губернии из 3723 мелкопоместных дворян 910 (24,4%) имели до 10 дес. земли. В среднем на одного дворянина, имевшего до 10 дес., приходилось 5,8 дес. земли, но среди них были и те, кто владел 1 или 2 дес. земли, что и по крестьянским меркам уже считалось нищетой¹⁰.

До отмены крепостного права основным критерием материального благополучия дворянства являлась не земля, а количество крепостных душ. Беспоместными и мелкопоместными дворянами считались те, у кого было менее 20 крепостных мужского пола, среднепоместными — от 21 до 100 мужских душ, крупнопоместными — от 101 мужской души¹¹.

Среднее дворянское землевладение было незначительным, удельный вес его к середине XIX в. составлял 10,8% от общего дворянского земельного фонда. Мелкие курские помещики владели 18,6% земельного дворянского фонда, эта мельчайшая категория дворян в хозяйственно-бытовом аспекте уже мало, чем отличалась от беднейшего и среднего крестьянства¹².

Говоря об усадьбах, необходимо учитывать временные и пространственные рамки, так как рассматриваемый объект трансформировался на протяжении веков и имеет существенные различия. В связи с чем до 1860 г. можно выделить несколько типов сельских дворянских усадеб (за исключением царских загородных резиденций):

1) крупнейшие аристократические усадьбы дворян, занимавших различные государственные посты и владевшие имениями в несколько тысяч десятин земли и крестьян. Такие усадьбы становились полюсом концентрации крепостных крестьян, в том числе дворовых, были имения крупных дворян-земледельцев. Среди них был узкий круг тех, кому принадлежали тысячи, десятки тысяч крепостных крестьян. Так в Курской губернии к 1861 г. графу Д. Шереметеву принадлежало 28128 крепостных крестьян, князю Н. Юсупову — 7968, графу И. Рибопьеру — 10842, князьям Барятинским — 18806, князьям Трубецким — 12655¹³.

⁸ Семевский В.И. Указ. соч.

⁹ Оноприенко И.Г. Повседневная жизнь дворянства центрального Черноземья в 50-90-е гг. XIX в.: традиции и новации: учебное пособие. Белгород, 2010. С. 48-49.

¹⁰ Эволюция сословной структуры общества Центрального Черноземья в пореформенный период (на примере Курской губернии) / под ред. В.А. Шаповалова. Белгород, 2005. С. 28.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

2) усадьбы крупнопоместных владельцев (не менее 1000 дес. земли; 100 и более ревизских душ).

3) среднепоместные владельцы усадеб, владевшие от 101 до 1000 дес. Земли.

4) мелкопоместные — до 100 дес. земли¹⁴. Данный тип усадеб во многих губерниях Черноземья составлял не менее 60% от общего числа всех усадеб. Бытовой уклад и хозяйственные формы таких усадеб были весьма скромными и представляли собой постоянную борьбу с нуждой и лишениями.

Центральные губернии, как правило, являлись сельскохозяйственными, где большая часть жителей занималась хлебопашеством, садоводством, огородничеством и животноводством. В западных и северо-западных губерниях владельцы имений кроме производства сельхозпродукции содержали различные ремесленные мастерские, заводы. Соответственно возможность дворовых крестьян совмещать ту или иную дополнительную деятельность зависела от специфики производства помещичьего хозяйства. Социальная сторона хозяйства в дворянских поместьях была тесно связана с характером эксплуатации крестьян в них. Основная масса крестьянства в дворянских хозяйствах находилась на барщине. В Курском уезде концентрация барщинных крестьян составляла свыше 90%. В определенной степени агротехническая база и качество производственных отношений влияли на социальные отношения в поместьях.

Таким образом, после отмены крепостного права крупные помещичьи хозяйства могли позволить себе сохранять прежний образ жизни и соответственно определенное количество дворовых для сохранения качества обслуживания. Новые законы требовали от крестьян и их владельцев разграничения отношений и выработывали критерии для определения статуса бывших крепостных. С целью соблюдения новых требований дворовым и помещикам приходилось в короткие сроки документально определять и закреплять характер отношений. Для мелких хозяйств сделать это оказалось непросто, так как большинство дворовых совмещали различные виды деятельности (сельскохозяйственную, ремесленную, обслуживание и пр.).

Результатом преобразований многих усадеб после 1861 г. является слом традиционной структуры дворянских поместий основанных на взаимодействии трех элементов — поместье, помещик, крепостной. В пореформенный период наблюдается специализация усадебных хозяйств и преобразование их в хозяйство иного типа — в так называемую экономию.

Происхождение дворовых — ещё один аспект, характеризующий исследуемое понятие. Принято считать, что в XIX — начале XX в. крестьяне отличались удивительно долгими интервалами между рожденьями детей, весьма скромным, несмотря на ранние браки, «среднесемейным» числом рождений и детей. Однако, по документам родильных отделений Тамбовской губернии следует, что если здоровье женщины оставалось в порядке в течение отведенного природой детородного периода, то она рожала доношенных детей с интервалом в 12-15 месяцев, рожая за 20-25 лет до 20 детей¹⁵. Такие расхождения данных метрических книг и документов медиков произошли из-за того, что в первых фиксировали только доживших до момента записи или крещения детей¹⁶.

В традиционных селах крестьяне в целом сохраняли большие дворы-семьи. Более того, у государственных крестьян реформа П.Д. Киселева способствовала консервации большой ревизской семьи и росту её размеров почти в два раза. Тенденцию к росту в первой половине XIX в. демонстрируют и семьи дворовых людей. Например, в некоторых селах Черноземного региона их размеры выросли на четверть. Так средние размеры ревизских семей Тамбовской губернии в 1811-1858 гг. дворовые — 4,4; в то время как помещичьих крестьян — 7,4—8,2. Такая деформированность семей являлась результатом запретов хозяев на браки многих представителей домашней прислуги. Среди 15 одиноких дворовых, учтенных переписями 1816-1858 гг., только 5 были детьми, остальные взрос-

¹⁴ Оноприенко И.Г. Указ. соч. С. 34.

¹⁵ Дьячков В.Л. О факторах формирования крестьянской семьи во второй половине XIX — начале XX вв. Режим доступа: http://www.tambovdem.ru/theses.php?id=tes_tambov98.djachkov

¹⁶ Первусин А.С. Семейные традиции русского общества в XIX в. / Сборник материалов II Урало-Поволжской исторической конференции молодых исследователей. Челябинск, 2006. С. 76.; Лобанова К.В. Типология крестьянской семьи Тобольской губернии (вторая половина XIX — начало XX в.) // Материалы IV Международной научно-практической конференции. Челябинск, 2008. С. 180-183.

лыми бесхозяйными людьми, что составляло 12.3% от всех семей дворовых. Такой относительно высокий процент не вступающих в брак был неестественным для крестьянского общества (для сравнения отметим, что процент безбрачия в семьях помещичьих и мастеровых крестьян не превышал 1%)¹⁷.

К середине века помещики стали меньше запрещать дворне создавать семьи и практически всегда дети дворовых попадали в категорию прислуги, отправлялись обучаться ремеслам и грамоте¹⁸. Уровень обучение и освоения каких-либо профессиональных навыков во многом зависел от пожеланий и возможностей помещиков. Набирая учеников из дворни их владельцы могли нанимать частных учителей, а могли подготавливать самостоятельно.

Во второй половине XIX в. мелкопоместные дворяне переживают особенно тяжелый период, многие из них по своему материальному положению не отличались от простых крестьян. Разорившиеся дворяне и(или) их дети нанимались прислугой к своим более богатым родственникам, соседям.

Наиболее полное представление о том, каким образом отдельные крестьяне попадали в разряд дворовых дают воспоминания их владельцев и самих дворовых. Как правило помещики выбирали наиболее способных, спокойных характером и приятных внешне крестьянских детей посещая свои деревни. В крупных имениях отбор дворовых доверяли управляющему или приказчику, бурмистру. Последние в приказном порядке требовали представить от крестьянского двора или села подходящих по требованиям кандидатов и после личного знакомства переправляли владельцам. Такой типичный случай описан в воспоминаниях дворового крестьянина Ф.Д. Бобкова: «В начале зимы пронесся слух, что барин потребовал выбора и присылки к нему в услужение более красивых и ловких девушек и парней. Я и Михаил считались не из плохих и побаивались очень, как бы выбор не пал на нас...В декабре месяце...бурмистр немедленно требовал к себе отца вместе со мною[...] Не успели мы прийти к бурмистру, как он объявил, что посланные им в Москву к господам мальчики забракованы и отправлены обратно и что поэтому в Москву посылаюсь я.[...] Разве кто-либо из дворовых мог жить так, как хотел. Живут так, как велят. Отрывают внезапно от земли и делают дворовыми, обучая столярному, башмачному или музыкальному искусству, не спрашивая, чему он желает обучаться...»¹⁹.

Трансформация понятия дворовых крестьян, которые в большинстве представляли собой домашнюю прислугу происходила в хронологических, географических и социально-экономических рамках неравномерно. Выделение данной категории крестьян из общей массы довольно затруднительно, так как нет четких критериев и признаков, по которым можно бы было это производить. Однако нельзя отрицать факта существования дворовых как довольно устойчивой и сформировавшейся социальной группы.

DEFINITION OF CONCEPT "SERVANTS" IN LAW ACTS AND MEMOIRS OF THE XIX CENTURY

O.N. CHERKASHINA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: cherkashina_o@bsu.edu.ru

In the XIX century the servant represented non-uniform mass of the peasants united by economic and social factors. The qualitative analysis of historical texts, such as memoirs and diaries provides a balanced image of servants social status. In article major factors under the influence of which are considered there was a formation of such social group.

Keywords: abolition of peasantry, peasants, servants, landowner estate, social group.

¹⁷ Канищев В.В., Кончаков Р.Б., Мизис Ю.А., Морозова Э.А. Структурный анализ семьи. Тамбовская губерния, XIX - начало XX в. Режим доступа: http://www.tambovdem.ru/theses.php?id=tes_tambovo2.structure

¹⁸ Кабештов И.М. Моя жизнь и воспоминания, бывшего до шести лет дворянином.../Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века. М., 2006. С. 474.

¹⁹ Бобков Ф.Д. Из записок бывшего крепостного человека / Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века. М., 2006. С. 588, 616-637.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ПРОЕКТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В РОССИИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

А.Н. МОШКИН

*Белгородский государственный
национальный университет*

e-mail: moshkin@bsu.edu.ru

Статья посвящена изучению истории разработки правительством пореформенной России торгово-промышленного налогообложения в 80-90-е годы XIX века, участию предпринимательских организаций в обсуждении предлагаемых проектов налогового законодательства.

Ключевые слова: пореформенная Россия, предприниматели, правительство, торгово-промышленное налоговое обложение, подоходный налог.

Стабильная и хорошо действующая налоговая система является особенно важной для успешного развития предпринимательства. Действующая в современной России система налогообложения подвергается жесткой критике со стороны предпринимателей, и многие из них считают ее основным препятствием на пути развития бизнеса в стране.

В связи с происходящими на современном этапе процессами формирования и развития рыночных отношений особую значимость представляет вопрос о правовом регулировании налогообложения данного вида деятельности. Равномерное распределение бремени налогообложения на хозяйствующие субъекты с учетом общепринятых экономических принципов является наиболее важной задачей современности, так как от этого зависит дальнейшее развитие предпринимательства в России в целом и малого бизнеса в частности.

Если обратиться к истории налогообложения в России, можно оценить степень влияния последнего на становление предпринимательства. Основными этапами развития законодательства по налогообложению предпринимательской деятельности в дореволюционной России являются периоды, связанные с развитием торговой и иной промысловой деятельностью.

Отечественное налоговое законодательство XVIII - первой половины XIX вв. представляет собой, прежде всего, сословное, регламентирующее статус лиц, занимающихся торговой и промышленной деятельностью. Кроме сословного законодательства, порядок налогообложения предпринимательской деятельности регулировался актами таможенного, торгового, промышленного, позднее — банковского, акционерного и иного промыслового законодательства. Предпринимательство в том виде, в котором существует представление о нем в настоящее время, в России сформировалось к XVIII в. после проведения экономических преобразований Петром I. Политика последнего была направлена на поддержание развития торговли и промышленности. Торговая и промышленная деятельность относилась к категории промышленной, к которой впоследствии стала относиться также кредитно-банковская. Основой указанных видов деятельности являлось движение капитала. В целях его увеличения. На этом основании можно сделать вывод о том, что в дореволюционной России понятие «промышленная деятельность» имело такой же смысл, как «предпринимательская деятельность» в настоящий период.

С 1721 г. была установлена система налогообложения в виде частных промысловых сборов и купеческой подушной подати. С 1775 по 1824 г. действовала система гильдейских сборов с объявленных капиталов. С 1824 до 1863-1865 гг. закрепляется сословная патентная система обложения торговли и промыслов. Прямые налоги с промышленности и торговли, которые в соответствии с законами 1863-1865 гг. должны были уплачиваться непосредственно предпринимателями, наоборот, никак не могли быть отнесены к числу главных статей государственных доходов. В 1880-х гг. они составляли в среднем лишь 3 % к общей сумме этих доходов¹. К ним примыкал акцизный патентный сбор - сбор за право

¹ Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Л., 1982. С.172.

содержания заведений и предприятий, обложенных акцизом. Закон подравнивал акцизные патенты к билетам на торговые и промышленные заведения.

В 1884 г. Государственный совет отмечал, что «при существующем обложении земель и других недвижимых имуществ... торговля и промышленность... по справедливости должны считаться в положении сравнительно менее обременительном»². Но, хотя Министерство финансов постоянно изыскивало новые источники поступления налогов, к прямому обложению промышленности оно обращалось с крайней осторожностью, лишь тогда, когда существовала твердая уверенность в возможности взимания налога без ущерба для промышленности и торговли в соответствии с достигнутым ими уровнем развития. Министр финансов Н.Х. Бунге считал, что такая возможность в 1880-х гг. имела. Использовать ее было необходимо ввиду финансовых трудностей того времени.

Задача, однако, заключалась не только в усилении государственных доходов, но и в более строгом проведении принципа пропорциональности торгово-промышленного обложения. Поскольку налог мог существенно влиять на конкурентоспособность предприятий, было желательно достичь большей справедливости налогообложения в соответствии с действительными размерами и экономическим положением предприятий. В своей записке 1880 г. Н.Х. Бунге предлагал, в частности, установить налог с прибыли от разного рода предприятий, поскольку многие из предпринимателей, уплачивая одну и ту же гильдейскую подать, получают доходы и «в несколько тысяч, и в целые миллионы рублей», а также с процентов от ценных бумаг и банковских вкладов³. Для осуществления подобных мер Министерство финансов должно было иметь точную информацию о деятельности и доходности этих предприятий, а это составляло коммерческую тайну.

Стремясь компенсировать сокращение государственных доходов вследствие упразднения соляного налога и проведенной им самим отмены подушной подати. Бунге в 1882 г. дал указание о разработке законопроекта, предусматривавшего, в частности, обложение чистой прибыли всех крупных торговых и промышленных предприятий в размере 3 %.

Подготовленный в Министерстве финансов проект был передан на заключение предпринимательских организаций. Большинство из них высказалось против такого сбора. Возражение вызвала не столько величина нового налога, сколько его подоходный характер и конкретные правила исчисления. А между тем именно постепенный переход к подоходному налогу и был поставлен в качестве задачи в записке Н.Х. Бунге 1880 г.⁴

Биржевые комитеты указывали на нежелательность обложения торговли и промышленности подоходным налогом в то время, когда другие виды доходов не будут подлежать аналогичному обложению. Опасения возбуждала и обременительность для казны порядка взимания нового налога.

Со своей стороны Государственный совет, остановившись на подробном обсуждении предложения Бунге, признал, что обложение торговли и промышленности процентным сбором из чистого дохода представляется несвоевременным. По мнению Государственного совета, в общей системе обложения подоходному налогу должно быть всегда отведено последнее место. Удобным для его установления моментом следует признать то время, когда другими видами налогов будет исчерпана возможность получения необходимых государственных средств и тогда возникнет необходимость обратиться к дополнительному средству. Поэтому подоходный налог должен быть налогом всеобщим, так оказать завершающим все здание податной системы. По мнению Государственного совета, потребность в подоходном налоге появится, а пока следует совершенствовать существующие налоги⁵.

Не утвердив представленный министром проект о процентном сборе со значительных торговых и промышленных предприятий. Государственный совет предоставил министру финансов право разработать и внести на рассмотрение в законодательном порядке предложения о дополнительном обложении торговли и промышленности сборами, для взимания которых не было бы необходимости обращаться к исчислению дохода

² Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф.1152. Оп.ХII, 1898 г. Д.188. Л.461.

³ Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф.678. Оп.І. Д.673. Л.19.

⁴ Там же.

⁵ Министерство финансов. 1802-1902. Ч.2. СПб., 1902. С.142-143.

предприятий⁶. Н.Х.Бунге был вынужден считаться с мнением предпринимательских организаций и, тем более, Государственного совета, и обратиться к поискам другого решения проблемы.

Приступив к разработке предложений, Бунге признал необходимым установить дополнительные сборы в двух видах: процентного и раскладочного налогов. Эти предложения, рассмотренные биржевыми комитетами, Советом торговли и мануфактур, IX съездом горнопромышленников Юга России, Обществом для содействия русской промышленности и торговле, Государственным советом и исправленные последним, были утверждены Александром III 15 января 1885 г.

По этому закону с торговых и промышленных предприятий были установлены два вида дополнительных сборов: процентный, в размере 3 % от чистой прибыли за истекший год - с акционерных обществ, товариществ на паях и других предприятий, обязанных публиковать отчеты о своих операциях или представлять таковые на утверждение по принадлежности; и раскладочный - со всех прочих торговых и промышленных предприятий, уплачивавших гильдейские пошлины, за исключением принадлежащих частным лицам фабрик и заводов, уплачивавших установленные акцизные сборы в пользу казны. Размер раскладочного сбора примерно равнялся процентному. Общая сумма раскладочного сбора определялась для каждой губернии в законодательном порядке сроком на 3 года и затем ежегодно разверстывалась между уездами в соответствии со степенью развития в каждом из них торговли и промышленности, а в пределах уезда - между торговыми и промышленными предприятиями в соответствии с их предполагаемыми прибылями⁷.

Закон 1884 г. содержал целый ряд облегчений и льгот предприятиям, которые сохранились по свидетельствам мелочного торгова. Цена некоторых из них была понижена, они освобождались от выборки особых билетов по числу имевшихся у них входов, расширено их право участвовать в подрядах. Свидетельства на мещанские промыслы отменялись. Вместе с тем, вводились особые промысловые свидетельства трех разрядов: «на фабричные, заводские и ремесленные заведения, действующие ручной работой без машин и снарядов, приводимых в движение паром или водой, имеющие не более 16 работников», стоимостью от 3 до 30 руб. Сбор в пользу земств и городов был определен в размерах не более 15 % цены гильдейских свидетельств и не более 10 % цены всех прочих документов⁸. Поскольку исчисление велось теперь с полной цены документов, размер сбора возрастал.

Введение 3 % сбора по закону 15 января 1885 г. потребовало установления обязательного представления акционерными компаниями ежегодных балансов и даже их публикации. Незыблемость коммерческой тайны оказывалась тем самым поколебленной.

В том же 1885 г. был установлен 5 % сбор с доходов от денежных капиталов, т.е. от капиталов, находящихся в кредитных учреждениях, и с доходов от процентных бумаг⁹.

Кратковременный опыт применения закона 15 января 1885 г. сказал на необходимость изменений некоторых его положений. Предложения министра финансов И.А. Вышнеградского, рассмотренные в законодательном порядке, были утверждены Александром III 21 декабря 1887 г.

В дополнение к указанным выше законам, министром финансов 28 июня 1885 г. и 24 февраля 1888 г. были утверждены и опубликованы через Правительствующий Сенат инструкции о порядке обложения торговых и промышленных предприятий дополнительным сбором. В последней из указанных инструкций устанавливался порядок учета прибылей, причем подробно перечислено, какие издержки и отчисления подлежат исключению из валового дохода для определения подлежащей обложению дополнительным процентным сбором чистой прибыли.

Поскольку с 1884 г. торговые дома должны были выбирать помимо свидетельств 1-й гильдии для главы дома несколько свидетельств 2-й гильдии для прочих компаньонов, акционерные предприятия, являвшиеся, как правило, крупными предприятиями, оказывались в более выгодном положении, так как должны были выбирать лишь по од-

⁶ Министерство финансов. 1802-1902. Ч.2. СПб., 1902. С.143.

⁷ Там же. С.144.

⁸ Рудченко И.Я. Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России. СПб., 1893. С.240-256.

⁹ Там же.

ному свидетельству 1-й гильдии. Поэтому законом 19 мая 1887 г. сбор за гильдейские свидетельства акционерных компаний был повышен с 565 до 1200 руб. Кроме того, с 18 января к платежу дополнительного раскладочного сбора были привлечены негильдейские предприятия, содержащиеся по свидетельствам на мелочной торговле и промысловым 1-го и 2-го разрядов, а также по промысловым свидетельствам 3-го разряда, если, независимо от этих последних предприятие обязано выборкой билетов мелочного торгова¹⁰.

В указанных налоговых реформах Н.Х. Бунге видел фактическое введение одной из составных частей будущего подоходного налога, к которому, как он полагал, придется обратиться при первой крайней финансовой нужде в усилении податной тяжести¹¹.

Следует отметить, что новый налог посягал лишь на незначительную часть прибылей российских промышленников и торговцев. В общей сложности эти налоги занимали весьма скромное место в доходной части государственного бюджета. Например, в 1895 г. они давали всего 3,2 % общих поступлений, хотя сами торгово-промышленные доходы составляли 45 % национального дохода¹².

С 1893 г., по закону 21 декабря 1892 г., для устранения дефицита по государственной росписи, было усилено дополнительное обложение гильдейских предприятий процентным и раскладочным сборами. Взимавшийся в размере 3 % с чистой прибыли акционерных предприятий дополнительный процентный сбор был повышен до 5 %. На 25 % была увеличена сумма раскладочного сбора с гильдейских предприятий и привлечены к участию в платеже раскладочного сбора не акционерные фабрики и заводы, подлежащие платежу акцизных сборов¹³.

Этим узаконением завершились многочисленные изменения и дополнения в системе торгово-промышленного обложения, предпринятые Министерством финансов в царствование Александра III. Общая сумма государственных сборов возросла с 20,3 млн. руб. в 1882 г. до 39,6 млн. руб. в 1893 г.¹⁴.

В целом реформы 1880-х гг., несмотря на постоянную нехватку у государства средств, не поднимали налоги с промышленности и торговли до уровня, опасного для их развития. По данным Министерства финансов, после введения дополнительного сбора промышленники и торговцы в среднем должны были уплачивать не более 4 % с чистого дохода, тогда как земельные собственники платили от 4 до 5,5 %, а владельцы других недвижимых имуществ - до 6,5 %¹⁵.

Основной (патентный и билетный) и дополнительный промысловые налоги составили ту систему налогообложения торгово-промышленной деятельности, которая в своих главных чертах просуществовала до первой мировой войны. Однако с каждым годом по мере развития промышленности и торговли все больше выявлялось несовершенство этой системы. В 1890-х гг. само Министерство финансов считало наиболее существенными недостатками системы налогообложения сложность исчисления налога, преобладание формальных критериев подсчета, а иногда и вообще отсутствие четких норм закона. Так, специалисты финансового ведомства прикинули, что при обложении основным налогом должны были учитываться следующие признаки: 1) местонахождение предприятия в одном из пяти классов местностей, на которые с этой целью была разделена страна; 2) род торгова - оптовый, розничный, мелочной, развозный и разносный; 3) число заведений; 4) число помещений в торговом заведении и входов в него; 5) род двигателей и число рабочих в промышленных заведениях¹⁶.

Недостатками этого вида обложения, не учитывающего размеров оборота и прибыли, была не только его неуравнительность (он оказывался более обременительным для менее крупных предприятий), но и несоответствие его интересам фиска, поскольку он почти не давал приращения доходов казны при увеличении доходности предприятий. Чем меньше заведений принадлежало владельцу, тем большую сумму пошлин он упла-

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ РИ). Т.IX. № 5719.

¹¹ РГИА. Ф.1263. Оп.1. Д.54936. Л.120.

¹² Лаврычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861-1900. М., 1974. С.36.

¹³ Там же.

¹⁴ Министерство финансов... Ч.2. С.145.

¹⁵ Там же.

¹⁶ РГИА. Ф.1152. Оп.ХII, 1898 г. Д.188. Л.8.

чивал за каждое из них. Поэтому получила распространение так называемая подъяменная торговля - содержание торгового заведения по билету, выданному к свидетельству другого лица и на имя этого лица. И в этом случае казна теряла в поступлении гильдейских пошлин.

Казна государства недополучала пошлин и вследствие еще одной несообразности системы налогообложения. Предусматривалось, что все фабрики и заводы, имеющие механические двигатели и число рабочих более 16, относились ко 2-й гильдии купечества. В результате с предприятий, имевших тысячи рабочих, уплачивалась такая же пошлина, как и с тех, где работало всего несколько десятков человек.

Министерство финансов признавало и значительные недостатки в правилах о дополнительных сборах – процентном и раскладочном. В первом случае главным было то, что порядок учета подлежащих процентному сбору прибылей устанавливался административной властью. Во втором случае законом не определялись или определялись неудовлетворительно нормы распределения раскладочного сбора по губерниям и внутри их.

Не устанавливалось законом и никаких указаний «о способе определения оборотов и прибылей торгово-промышленных предприятий», а разверстка сбора между предприятиями должна была производиться «сообразно предполагаемым прибылям» их, вследствие чего исчисление доходности предприятий ставилось в «полную зависимость от усмотрения местных податных учреждений»¹⁷.

20 ноября 1892 г. С.Ю. Витте представил Александру III доклад, в котором «в видах достижения большего единства и равномерности в обложении торговли и промышленности» и более правильного соотношения доходов казны с развитием торговли и промышленности испросил разрешения на подготовку общей реформы торгово-промышленного обложения и образование особой межведомственной комиссии «для общего пересмотра узаконений, относящихся до обложения торговли и промышленности в России»¹⁸. Во главе комиссии был поставлен директор Департамента торговли и мануфактур В.И. Ковалевский, кандидатура которого должна была гарантировать, что интересы промышленности и торговли не будут подорваны.

Не дожидаясь решения проблемы в общем виде, 21 декабря 1892 г. С.Ю. Витте провел закон об увеличении с 1893 г. размера процентного и раскладочного дополнительных сборов с торговых и промышленных предприятий и о привлечении к платежу раскладочного сбора фабрик и заводов, уплачивающих акцизные сборы¹⁹. Взимавшийся в размере 3 % с чистой прибыли акционерных предприятий дополнительный процентный сбор был повышен до 5 %. На 25 % была увеличена сумма раскладочного сбора с гильдейских предприятий¹⁰¹. В сумме это дало увеличение дохода казны на 5 млн. руб.²⁰.

В развернутом виде позиция Министерства финансов относительно налогообложения промышленности и торговли была изложена в программе С.Ю. Витте 1893 г. В названном документе указывалось, что действующая в стране «система обложения как торговли, так и промышленности построена исключительно на внешних признаках, не всегда характерных и далеко не полно исчисленных, вследствие чего обложение представляется весьма неуравнительным, не соответствующим ни объему, ни обороту, ни прибыльности предприятий и, с другой стороны, не обеспечивающим роста поступления государственных доходов, который бы соответствовал происходящему в действительности расширению торговли и промышленности». Там же заявлялось, что проект коренного изменения системы налогообложения промышленности и торговли Министерство финансов предполагало представить до лета 1894 г.²¹.

Однако работа над законопроектом затянулась. Больше года заняло изучение опыта налогообложения торговли и промышленности в России, обобщение иностранного законодательства в этой области, критический пересмотр деления страны на классы в связи с возможностями налогообложения и т.д. Затем все эти материалы в 1894 г. были положены в основу работы межведомственной комиссии с участием представителей

¹⁷ РГИА. Ф.1152. Оп.ХІІ, 1898 г. Д.188. Л.15, 16, 21, 26-28.

¹⁸ Там же. Ф.1152. Оп.ХІ, 1893 г. Д.447. Л.33.

¹⁹ ПСЗ РИ. Т.ХІІ. № 9181.

²⁰ Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия... С.227.

²¹ РГИА. Ф.1152. Оп.ХІ, 1893 г. Д.447. Л.16, 33.

биржевых комитетов и купеческих управ, а также представителей Общества для содействия русской промышленности и торговле. На этой стадии работа комиссии совпала с усилившимися требованиями земств «перенести часть налогов» с земли на «торговлю и мануфактурную промышленность, которые, однако, не получили поддержки²².

Подготовленный комиссией В.И. Ковалевского проект был направлен на отзыв предпринимательских организаций, а также казенных палат. С учетом поступивших отзывов проект был переработан и вновь в 1895-1896 гг. подвергся обсуждению комиссии.

В сентябре 1896 г. проект был передан на заключение ведомств, от которых последовали подробные замечания. Для их получения и изучения потребовался еще год. Только в феврале 1898 г. С.Ю. Витте мог, наконец, подписать представление в Государственный совет. 8 июня 1898 г. новое Положение о государственном промысловом налоге было утверждено Николаем II²³.

Положение делало объектом налога не предпринимателя, а предприятие. Согласно закону, государственному промысловому налогу подлежали все виды промышленных предприятий (фабрично-заводские, ремесленные и перевозочные), торговые предприятия (в том числе страховые и кредитные) и личные промысловые занятия. Как и прежде, налог состоял из основного и дополнительного. Основной уплачивался при ежегодном приобретении промысловых свидетельств на каждое предприятие в отдельности. Его размер зависел от класса местности (для мелких промышленных предприятий и торговых, кроме 1-го разряда), а главное - от разряда предприятия или личных промысловых занятий. Эти классы и разряды должны были пересматриваться каждые 5 лет с учетом экономического развития страны.

Для промышленных предприятий максимум оклада составлял 1500 рублей, минимум (для 3-го разряда) - 500 руб.; для торговых предприятий соответственно 500 и 12-36 руб. Так как промысловые свидетельства на право торгово-промышленной деятельности были теперь отделены от гильдейских, сообщавших особые личные права, основной налог при выборке последних увеличивался на 75 (1-я гильдия) и 30 руб. (2-я гильдия).

Дополнительный налог взимался различно с акционерных компаний (чей капитал был точно определен) и прочих предприятий. Акционерные компании должны были уплачивать налог не только в виде процентного сбора с прибыли, как и раньше, но и с суммы основного капитала. Сбор с прибыли устанавливался в окончательном варианте закона в размере от 3 до 6 %, если прибыль составляла более 3, но менее 10 %. При большей прибыли уплачивались 6 % со всей суммы прибыли плюс 5 % с излишка прибыли сверх 10 %. В проекте же, представленном Министерством финансов, первоначально намечались более жесткие нормы: сбор с прибыли должен был уплачиваться, если она превышала 2 %. До 10 % прибыли сбор составлял 6 %, а при более высокой - 14 %. Налог с основного капитала предполагался в 1,5 млн. руб. с каждой тысячи рублей этого капитала. В счет налога с капитала засчитывалась уже уплаченная компанией сумма основного промыслового налога. Неакционерные предприятия подлежали, как и прежде, платежу раскладочного сбора, а также дополнительного процентного сбора с прибыли. Общая сумма раскладочного сбора назначалась на 3 года в законодательном порядке, а затем распределялась по губерниям, уездам и отдельным предприятиям исходя из местных условий, а также размеров и общего экономического состояния предприятий. Процентный сбор уплачивался в размере 3,3 % с той части прибыли, которая в 30 раз превышала сумму основного промыслового налога.

Впоследствии признавалось, что государственный промысловый налог означал «крупный шаг вперед» как в смысле большей уравнительности и пропорциональности обложения, так и увеличения государственного дохода²⁴.

Действительно, переход к новой системе обложения сразу увеличил поступление прямых сборов с торговли и промыслов на 27 % - с 48 до 61 млн. руб.²⁵. Сумма постусле-

²² Веселовский Б. Движение землевладельцев. // В кн.: Общественное движение в России в начале XX в. Т. I. Предвестники и основные причины движения. СПб., 1909. С. 302.

²³ Полное собрание законов Российской империи... Т. XVIII. № 5601.

²⁴ Кутлер Н., Слонимский Л. Витте С.Ю. // Новый энциклопедический словарь. Т. 10. СПб., 1912. С. 831.

²⁵ Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия... С. 229.

ний этих сборов, как и прежде, составляла всего лишь около 3-4 % доходной части бюджета. Главную часть суммы промышленного налога давал основной налог – 40 %, несколько менее его был дополнительный сбор с акционерных компаний – 35 %, и на третьем месте шел дополнительный налог о прочих предприятий – 25 %²⁶.

Таким образом, щадящий характер налогообложения промышленности и торговли в результате реформы 1898 г. не изменился. Некоторое увеличение окладов этого обложения лишь предотвратило снижение доли налогов с промышленности и торговли в общей сумме государственных доходов страны.

THE GOVERNMENTAL PROJECTS OF THE RESHAPING THE TAXATION IN RUSSIA AND BUSINESS ORGANIZATIONS IN THE SECOND HALF OF XIX CENT

A.N. MOSHKIN

*Belgorod National
Research University*

e-mail: moshkin@bsu.edu.ru

The Article A.N. Moshkin is dedicated to study to histories of the development by government after reform to Russia trade-industrial taxation in 80-90-e years XIX age, participation business organization in discussion proposed project tax legislation.

Keywords: after reform to Russia, businessmen, government, trade-industrial tax imposition, income-tax.

²⁶ Совет съездов представителей промышленности и торговли. Статистический сборник на 1914 г. СПб., 1914. С.356.

УДК 37(091)19/20(470.312)

ЦЕРКОВНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. *

Т.А. ВЕПРЕНЦЕВА*Тульский государственный
университет**e-mail: veptrat@rambler.ru*

Статья посвящена изучению деятельности церковной интеллигенции в российской провинции во второй половине XIX – начале XX века. Особое внимание уделено выявлению особенностей положения представителей духовенства в российской провинции данного периода, значимости реализации ими общественных инициатив, направленных на развитие благотворительности, просвещения, сохранения культурно-исторического наследия российской провинции.

Ключевые слова: церковная интеллигенция, духовенство, церковь, российская провинция, благотворительность, просвещение.

Церковь всегда занимала очень важное место в жизни большинства населения российской провинции. С ней были связаны такие исключительные события в истории православного человека, как рождение, крещение, венчание, отпевание. Для исповедания, причащения, молитвы русский человек шел в церковь, где мог найти некое душевное успокоение, получить совет, а иногда и реальную помощь в решении своих проблем¹. Этим во многом определяется роль церковной интеллигенции в жизни российской провинции.

В то же время исследователи далеко неоднозначно подходят к вопросу о том, насколько целесообразно включать представителей духовенства в состав интеллигенции. Одни выделяют церковную интеллигенцию в качестве отдельного слоя, подчеркивая значимость ее деятельности именно в российской провинции², другие исключают представителей духовенства из состава интеллигенции³, третьи относят представителей духовенства к группе интеллигенции, занятой в области культуры и идеологии (наряду с учителями, медицинскими работниками, творческой интеллигенцией)⁴. Автор данной статьи считает целесообразным включать духовенство в состав интеллигенции и употреблять термин «церковная интеллигенция».

Грамотность, повышение культурного уровня, обогащение внутреннего духовного мира стали неотъемлемым требованием пореформенной России. Духовенство многое сделало для удовлетворения потребности народа в образовании. После принятия «Положения о начальных народных училищах» 1864 года начальные школы объявлялись общедоступными и всеобщими. Существенный вклад в развитие школьного дела внесли именно представители церковной интеллигенции.

Также священники вели с народом вне службы беседы о пользе просвещения⁵. «Располагать крестьян к грамотности и обучению» в церковных поучениях входило в «непрерывную обязанность» сельским священникам, которая вменялась им указом Св. Синода от 30 июня 1865 г.⁶. И обязанность эта выполнялась ими с «усердием, точно и неослабно» (согласно рапортам благочинных Тульской губернии)⁷.

* Статья подготовлена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Государственный контракт № 14.А18.21.0052.

¹ Безгин В. Б. Религиозность членов крестьянской семьи (конец XIX – начало XX века) // Государство, общество, церковь в истории России XX века: матер. XIX Междун. науч. конфер. (Иваново, 15–16 февраля 2012 г.): в 2 ч. Иваново, 2012. Ч.2. С. 21–25.

² Шатохин И. Т. Провинциальная интеллигенция в России в конце XIX– начале XX вв. (по материалам Курской губернии): Дис. ... к. ист. н. М., 1999. С.44.

³ Ерман Л. К. Интеллигенция в 1-ой русской революции. М., 1966. С.7–18.

⁴ Ушаков А. В. Интеллигенция в России периода буржуазно-демократических революций (профессиональный и политический состав) // Революционное движение демократической интеллигенции России в период империализма. Сборник научных трудов. М., 1984. С.7–8.

⁵ Государственный архив Тульской области (далее ГАТО). Ф.3. Оп.8. Д.511. Л.24об.

⁶ ГАТО. Ф.3. Оп.6. Д.737. Л.1.

⁷ Там же. Ф.3. Оп.6. Д.1198. Оп.7. Д.708.

Об активности провинциального духовенства в сфере народного просвещения говорит тот факт, что представители данного слоя составляли более 50% учительского персонала народных школ, преобладавших в провинции⁸. Благодаря энергии и активной деятельности священников, начальные школы появлялись в самых бедных селениях. Приходские священники заботились об устройстве в своих приходах начальных школ и изыскивали средства на их содержание, «располагая прихожан к грамоте и школе, и, побуждая их обеспечивать открываемые школы постоянными средствами»⁹.

Местные священники, как правило, выступали инициаторами открытия церковно-приходских школ и школ грамоты, содействовали открытию школ при монастырях и церквях, предоставляя для этого даже собственное имущество. Так, например, по инициативе священника Александровской церкви в селе Замарайка Ефремовской округи Тульской губернии Николая Авдуловского была открыта воскресная школа в его доме (1874 г.), которая действовала там до тех пор, пока не было выстроено здание для школы. Таких примеров можно привести множество, большинство из них приходится на 80-е гг. XIX века.

В конце XIX в. интерес народа к чтению становится еще более заметным. В реализации этого интереса первыми на помощь приходили именно представители местного духовенства. В народные массы, особенно в деревни, проникало много книг духовного содержания, книг же научно-популярных, а также художественной литературы было немного. Согласно «Материалам по народному образованию в Воронежской губернии» 1899 г. «в свободное время крестьяне, особенно молодежь, постоянно обращаются в местную школу за книгами..., выменивают книги на продукты». При этом крестьяне обращаются с просьбой к местному священнику, чтобы тот почитал им книги, так как не все крестьяне владели грамотой. Особенный интерес крестьян к чтению, по свидетельству современника, наблюдался зимой, когда они были практически свободны от земельных работ¹⁰.

Местные священники часто выступали инициаторами и вдохновителями открытия библиотек. Так, в ведомстве благочинного 3-го округа Ефремовского уезда с. Никольского (Тульской губернии) священника М. Калиникова была открыта и долгое время функционировала благочинническая библиотека. Во 2-ом благочинническом округе с. Благодать того же уезда была открыта Общественная библиотека, в которой содержалось 647 книг, причем, кроме церковной литературы там имелись книги о путешествиях, по сельскому хозяйству, географии, статистике¹¹.

8 мая 1864 года были высочайше утверждены «Основные правила для учреждения православных церковных братств», а 2 августа 1864 года – «Положение о приходских попечительствах при православных церквях». Духовенство живо откликнулось на это созданием данных обществ и учреждений. Однако рост числа православных церковных братств и приходских попечительств приходится на последнюю треть XIX века, что, возможно, связано с большей поддержкой со стороны населения инициатив церковной интеллигенции в организации данных обществ, благодаря решению ими первостепенных задач прихода – в сфере благотворительности и просвещения¹².

С целью оказания адресной помощи наиболее нуждающимся провинциальное духовенство создавало попечительства при церквях. Члены таких попечительств заботились об устройстве и хозяйственном обеспечении самого храма, церковно-приходской школы при храме, об обеспечении платы за обучение учащим, выписке книг и журналов для школьных библиотек, вспомоществовании натурой бедным прихожанам, устройстве развлечений для детей оказывали пособие бедным прихожанам. Оказание такой помощи было возможным за счет членских взносов, пожертвований в пользу церкви, кружечного сбора.

⁸ Начальное образование в Тульской губернии в 1896-1897 уч. г. Тула, 1898. С.156.

⁹ ГАТО. Ф.3. Оп.8. Д.511. ЛЛ.5-50б.

¹⁰ Материалы по народному образованию в Воронежской губернии. / Сост. И. Воронов. Воронеж, 1899. С.48-50.

¹¹ ГАТО. Ф.3. Оп.6. Д.1466. Л.1. Ф. 3. Оп.6. Д.1461. Л.1.

¹² Королева Е. Д. «Церковно-приходские попечительства благотворительностью не занимаются...» (Замыслы и практика церковно-приходских попечительств второй половины XIX – начала XX века. // Государство, общество, церковь в истории России XX века: матер. XIX Междуна. науч. конфер. (Иваново, 15-16 февраля 2012 г.): в 2 ч. Иваново, 2012. Ч.1. С. 164-171.

Так, в журнале заседаний членов Успенского церковно-приходского попечительства Тульской губернии за 1898-1901 гг. описываются различные способы оказания помощи нуждающимся, в частности, увеличение жалования учителю церковно-приходской школы на 20 руб. за счет попечительства; выдача к празднику Рождества Христова двенадцати наиболее нуждающимся бедным прихожанам пособия на сумму 20 рублей¹³. При этом следует отметить, что определение наиболее беднейших отдавалось на откуп приходскому священнику, который лучше всего знал своих прихожан, их проблемы и заботы.

Попечительства старались по возможности оказывать адресную помощь нуждающимся. Согласно журналам заседания Калужского духовного попечительства за декабрь 1882 г., за содержание и лечение в Преображенской больнице дочери умершего диакона Медынского уезда Т. Цветковой было выдано 66 руб. Так же за содержание и лечение в 1878 г. в земской больнице вдовы дьячка с. Безобразова А. Февралева было выдано 3 р. 90 коп.¹⁴. Кроме того, Попечительством были рассмотрены прошения псаломщика о пособии в размере 100 руб. для выдачи в замужество его дочери, прошение о пособии на обучение воспитанника Калужской духовной семинарии и др.¹⁵.

Главной целью данных религиозных обществ было содействие религиозно-нравственному просвещению в пределах губернии. Православные братства оказывали материальную поддержку для открытия новых церковно-приходских школ, помощь духовенству в организации пастырских беседований и чтений для народа, приходских хоров церковного пения, приобретении книг религиозно-нравственного содержания для неимущих, осуществляли миссионерскую деятельность, организовывали школы иконописания, открывали книжные лавки и книжные склады.

В 1889 г. усилиями членов Тульского епархиального братства во имя Св. Иоанна Предтечи был открыт Епархиальный книжный склад. Здесь имелись книги и брошюры, главным образом, духовного содержания, учебники для духовно-учебных заведений и церковно-приходских школ, а так же произведения светских авторов, одобренные Синодом и Министерством народного просвещения для средних и низших школ и для домашнего чтения¹⁶. При складе находилась и Епархиальная библиотека-читальня братства, открытая в 1893 году, основание которой изначально составили книги, завещанные обществу Архиепископом Никандром¹⁷.

При братстве был открыт Комитет богослужбных чтений и бесед в церквях города Тулы. Система проведения бесед и чтений была отдана на усмотрение их проводящим: либо лекция с вопросами в конце, либо общение на нравственно-религиозные темы в виде живой беседы¹⁸.

Церковное братство преподобного Пафнутия Боровского (действовало с 1883 г.) Калужской губернии содействовало открытию 1 января 1884 г. при Боровской Пятницкой церкви книжной лавки¹⁹, учредило библиотеку в казенном здании публичной библиотеки.²⁰ Для нищей братии была устроена братская столовая. Так же на средства братства была открыта бесплатная школа при Калужском Крестовском монастыре. В нее принимались мальчики – дети бедных родителей и сироты всякого звания от 7 до 11 лет. Попечителем школы был назначен член братства кн. Н. П. Трубецкой²¹. И это то небольшое из обширной деятельности братства, направленной на решение различных проблем, возникших по мере развития общественных отношений.

В конце XIX века в провинции возникали научные общества. Инициаторами, вдохновителями и организаторами часто становились представители местной интелли-

¹³ ГАТО. Ф.256. Оп.1. Д.2868. Л. 1-3, 4об.

¹⁴ Государственный архив Калужской области (далее ГАКО). Ф.74. Оп.1. Д.274. Л.1-2.

¹⁵ ГАКО. Ф.74. Оп.1. Д.274. Л.4. 12об.

¹⁶ Отчет о деятельности и суммах Тульского епархиального братства во имя Св. И. Предтечи за 1901 г. Тула, 1902. С.3-4.

¹⁷ Зарудская И.К. Из истории библиотек города Тулы (Общедоступные библиотеки к. XVIII – н. XX в.). Тула, 1998. С. 16.

¹⁸ ГАТО. Ф.1373. Оп.1. Д.9. Л.1.

¹⁹ Отчет о состоянии Церковного братства преподобного Пафнутия, Боровского Чудотворца за 1-й 1883/84 год существования. Калуга, 1884. С.61.

²⁰ ГАКО. Ф.174. Оп.1. Д.1. Л.1-2, 5об.

²¹ ГАКО. Ф.174. Оп.1. Д.1. Л.19, 23.

генции. Первыми научными организациями в центральных губерниях России стали историко-археологические общества. Так в Туле было образовано первое научно-историческое общество – Историко-археологическое товарищество (1898 г.), в Калуге – Церковное историко-археологическое общество (1901 г.), в Воронеже – Церковный историко-археологический комитет (1901 г.).

Данные общества проделали огромную работу по изучению, сохранению и популяризации духовного наследия родного края. Так, Воронежский церковный историко-археологический комитет, в плане содействия распространению в обществе церковно-исторических знаний, организовал совместно с Воронежской ученой архивной комиссией археологические курсы для членов Комитета и Комиссии, выпускников и преподавателей учебных заведений «для распространения археологических знаний в видах более успешного изучения и охранения памятников старины, преимущественно церковных»²².

Н. И. Троицкий – преподаватель Тульской духовной семинарии – замечательный ученый-археолог, историк-краевед явился инициатором и вдохновителем открытия в Туле историко-археологического общества и первого губернского музея – Тульской палаты древностей. Историко-археологическое товарищество под руководством Н. И. Троицкого выпускало краеведческий сборник «Тульская старина» (1899-1912 гг.).

Председателем Калужского церковного историко-археологического общества стал И. Ф. Цветков. Как и в прочих подобных обществах в других губерниях, главными здесь являлись три задачи: научная, которая заключалась в изучении Калужского края в церковно-археологическом и церковно-историческом отношениях; охранительная – по отношению к памятникам, преимущественно, местной церковной старины; образовательно-воспитательная и миссионерская задача²³.

Члены Общества занимались изучением и охраной церковных архивов, памятников культового зодчества, сохранением и приумножением церковной старины. За время своего существования (1901-1914 гг.) Общество издало 6 томов в 10 книгах своего периодического издания «Калужская старина» (1901-1911 гг.). Здесь публиковались научные работы членов Общества по истории Калужского края.

Неотъемлемой частью деятельности церковной интеллигенции являлась благотворительность. Центральные губернии России в начале 1890-х гг. охватил голод, вызванный неурожаем 1891 – 1892 гг. Местные священники были теми, кто одними из первых пытался помочь нуждающимся. Они проделали огромную работу по оказанию помощи голодающим. В разных губерниях создавались приходские комитеты помощи. Священник составлял списки страдающих от голода в своем приходе, затем передавал их в Епархиальный комитет вспомоществования голодающим.

По подписным листам деньги на нужды голодающих собирали наиболее уважаемые в данной местности люди и благотворители. По сведениям Плохинского отделения Калужского епархиального комитета по сбору пожертвований в пользу пострадавших от неурожая было собрано в 1892 г. 181 руб. 04 коп. пожертвований, поступивших, в том числе, и от самих священников²⁴. Пожертвования поступали не только деньгами, но и продуктами (рожь, ячмень, овес, конопля, мука, сухари, картофель и проч.).

Приходские священники нередко выступали инициаторами в создании местных комитетов по оказанию помощи пострадавшим от неурожая. Так приходской священник с. Судбище Новосильского уезда Тульской губернии предложил прихожанам составить приходской комитет с целью помощи голодающим. Предложение было принято с сочувствием, в результате чего был создан приходской комитет, председателем в котором стал тот же приходской священник Сергей Ивановский²⁵.

²² Ершов Б. А. Церковь в русской провинции в XIX в. (на материалах Воронежской губернии). Дис. ... к. ист. н. Воронеж, 2007. С.102.

²³ Историко-краеведческие организации Калужского края (1891-1937). Библиографический указатель. Калуга, 1982. С. 9; Краткий обзор развития церковно-школьного дела в Тульской епархии за истекшее 25-летие (с 1884 по 1909 гг.). Тула, Б. Г. С. XIV.

²⁴ ГАКО. Ф.468. Оп.1. Д.1. Л.1.

²⁵ ГАТО. Ф.1373. Оп.1. Д.9. Л.1.

Стараниями представителей провинциального духовенства при финансовой поддержке частных благотворителей и местного Комитета Красного Креста при многих школах были организованы бесплатные столовые²⁶.

Так, в трудные времена священники со всей округи объединялись для того, чтобы помочь справиться с трудностями наиболее слабым и нуждающимся. Простой народ, как правило, с большим уважением и доверием относился к местным священникам. «Прихожане смотрят на своих пастырей как на руководителей в деле спасения... Многие из них поведывают свое горе, советуют с ними о своих нуждах и ищут у них помощи и наставления»²⁷. Доверие к священникам испытывали и представители власти. По предписанию местных властей в 1880 г. хлебные торговцы Тулы были обязаны снабжать беднейших городских жителей печеным хлебом по удешевленным ценам по предоставлению от приходских священников удостоверения о действительной бедности²⁸.

В целом, представители церковной интеллигенции многое сделали для сохранения памятников истории и культуры, развития народного образования, активно занимались благотворительностью, оказывая тем самым необходимую помощь нуждающимся, проявляли особую заботу о нравственности населения, призывая отказаться от пагубных привычек. В сложных для народа ситуациях, когда несчастье стучится в дверь, церковь являлась местом сближения народа, местом, где можно было получить поддержку, понимание, успокоение, поверить в лучшее будущее. Приходские священники способствовали единению народа, установлению спокойствия в душах христиан. С их помощью, прихожане приучались в трудных ситуациях объединяться, не оставляя один на один с проблемами наиболее слабых и не защищенных.

ALL-RUSSIAN TENDENCY OF MUNICIPAL FORMATIONS ENLARGEMENT IN THE TERMS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT REFORMATION

T.A. VEPRENTSEVA

Tula State University

e-mail: veprtat@rambler.ru

The article is devoted to study activity of church intelligentsia in Russian province in the second half of XIX century and at the beginning of XX century. Emphases is denoted revealing the particularities of the position of the representatives clergy in Russian province given period, value to realization them public initiatives, directed on development of the charities, enlightenments, conservations cultural-history heritage to Russian province.

Keywords: church intelligentsia, clergy, church, Russian province, charity, enlightenment.

²⁶ Краткий обзор развития церковно-школьного дела в Тульской епархии за истекшее 25-летие (с 1884 по 1909 гг.). Тула, Б. г. С.XIV.

²⁷ ГАТО. Ф.3. Оп.8. д.511. л.25.

²⁸ ГАТО. Ф.3. Оп.7. Д.984. Л.1

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РУССКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ВЕЛИКОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ ЮГА РОССИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ И ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИЙ)*

А.И. ДУДКА

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: dudka@bsu.edu.ru

Рассмотрены основные историографические аспекты проблемы развития русско-украинских отношений в южно-русском порубежье в широком историческом контексте.

Ключевые слова: государственная и вольная колонизация, русские, малороссы, русско-украинское пограничье, этнопроцессы.

Начало изучению этноистории и этнокультуры великорусских губерний юга России положил официальный историограф Российской империи Н.М. Карамзин. В «Истории государства Российского» он писал о важности защиты южных рубежей России и о заботе государства об увеличении численности служилых людей, сыгравших значительную роль в решении этой задачи¹.

С.М. Соловьев, характеризуя деятельность государства в области внешней политики, отмечал постоянное стремление правителей к расширению территории. Южное направление сохраняло свое стратегическое значение на всем протяжении XVI-XVIII веков, что объясняет постоянное внимание московских правителей не только к организации защиты, но и к освоению территории южнорусских степей².

Вслед за ними Д.И. Иловайский, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, Д.И. Зварницкий, Н.П. Павлов-Сильванский и другие затрагивали в своих работах различные аспекты проблемы заселения этих земель, а также взаимодействия и взаимовлияния многочисленных групп переселенцев. Однако в тот период не появилось работы, в которой бы проблема была поставлена со всей определенностью³.

Последующими исследователями, среди которых следует назвать Д.И. Багалея, были установлены цели, задачи, направления, особенности протекания процессов колонизации и освоения южнорусского порубежья различными этническими группами⁴.

Собственное видение процесса дал Л.Н. Гумилев, исследовавший появление постоянного оседлого населения в южнорусском порубежье в контексте разработанной им теории происхождения и исчезновения этносов на фоне изменяющейся природной среды⁵. Анализируя исторические явления как ряд закономерных процессов биосферы и социосферы, он уделил большее внимание ранним этапам этноистории, когда закладывались основы отношений в Днепро-Донском междуречье⁶.

В середине I тысячелетия н.э. в верховьях Сулы, Ворсклы, Псла, Северского Донца в Посемье возник союз племен северян⁷. Курский археолог В.В. Енуков отмечает, что в середине X в. здесь стало формироваться «единое экономическое пространство». Это можно рассматривать как «уникальный пример сравнительно небольших социумов эпо-

* Работа выполнена в рамках гранта НИУ «БелГУ» Этнокультурный синтез в великорусских губерниях юга России в пореформенный период (на примере Курской и Воронежской губерний).

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IX-XII. Калуга, 1993. Т. IX-XII.

² Соловьев С.М. Сочинения. Кн.4-5. М., 1994, 1995.

³ Иловайский Д.И. История России. Тт. 1-5. М., 1876-1905.; Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Курс русской истории. М., 1988. Т. III. Ч. 3; Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. М., 1995; Зварницкий Д.И. Гетман Петр Конашевич Сагайдачный. К., 1995; Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди. СПб., 1898.

⁴ См., например, Багалея Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887; Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1992.

⁵ См. Он же, Этногенез и биосфера Земли. М., 2005.

⁶ Он же, Древняя Русь и Великая степь. М., 1992. С. 201.

⁷ Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982. С.133-140.

хи средневековья, предшествующих появлению относительно стойких государственных образований»⁸. Финал социально-политического образования северян-семичей, как сложного племенного княжения в немалой степени был предопределен торговыми интересами набирающего мощь Русского государства⁹. Как полагают исследователи, часть семичей могла уйти на север, в Поочье, часть населения погибла (о чем свидетельствует уничтожение роменских городищ), однако определенная их часть была интегрирована в древнерусскую общность. В.В. Енуков указывает, что одной из важнейших демографических проблем эпохи средневековья являлась невысокая плотность населения, что конкретно выражалось в нехватке рабочих рук. Так, в «Житии Феодосия Печерского» отмечен первый в истории Руси факт существования частновладельческого села, принадлежавшего семье не княжеского рода Феодосия. Специфика колонизации племенной территории семичей вполне могла породить поселения с упомянутыми «рабами», наравне с которыми будущий святой работал в поле¹⁰.

Следующие этапы этнической истории края происходили уже в рамках Киевской Руси. Образование единого государства, принятие христианства, распространение письменности и признание древнерусского языка в качестве официального, а также создание на основе традиционного права системы законов привели к сглаживанию особенностей культуры и формированию однотипных хозяйственно-культурных комплексов.

Золотоордынское нашествие XIII в. опустошило значительную часть Русской земли, в т.ч. – Днепро-Донское междуречье. Его вторичное освоение междуречья происходило уже в XVI-XVII вв. Оно осуществлялось посредством вольной, правительственной, монастырской, а позднее и помещичьей колонизаций. Стратегические и хозяйственные интересы России на южной окраине дополняли друг друга. Русское земледельческое население воспринимало это движение как возвращение на исконные земли, которые оно было вынуждено покинуть с началом монголо-татарского нашествия. Это придало колонизации южных окраин характер не только народной, но и государственной. Русское государство стремилось к колонизации Днепро-Донской лесостепи, что обеспечивало ей определенные преимущества. Во-первых, заселение и освоение указанных земель русскими служилыми людьми создавало возможности для организации новой линии обороны на пути татарских отрядов, а во-вторых, любое продвижение на юго-запад отвечало русским интересам, поскольку позволяло эффективнее противостоять польскому давлению. В середине XVI в. Москва активизировала свою политику на южном направлении.

Содержание последующих этапов межнациональных отношений, которые охватили вторую половину II тысячелетия, как известно, ярко характеризуют процессы этнического разделения (к этому времени на основе восточнославянского этноса сформировались три близкородственных народа – русский, украинский и белорусский) и консолидации новых общностей. Они нашли освещение в работах многих отечественных историков, например, Б.А. Рыбакова¹¹.

Сохраняя память об общих исторических корнях, новые этнические общности постепенно накапливали хозяйственные и культурные отличия. Рост самосознания русских, украинцев и белорусов и стремления к национальной независимости сопровождалось с XVI века интенсивными колонизационными процессами. Одну из первых карт расселения народов, чьи земли вошли в состав Древнерусского государства дает, как известно, «Повесть временных лет», однако она зафиксировала положение, сложившееся в государстве в целом, и мы не находим в ней точных сведений о составе древнейшего населения края¹².

⁸ Енуков В.В. Посемье и семичи (по данным письменных, археологических и нумизматических источников) // Очерки феодальной России. Сб. статей. Вып. 6. М., 2002.

⁹ Енуков В.В. Русь и бывшие племенные территории (на примере Посемья) // Археологія та історія Північно-Східного Лівобережжя. Збірник наукових праць. Суми, 2003.

¹⁰ Енуков В.В. Феномен средневекового социума «Посемье» в свете последних исследований // Ученые записки КГУ. Серия гуманитарных наук. 2004. №1.

¹¹ Рыбаков Б.А. Из истории культуры Древней Руси: Исследования и заметки. М., 1984; Он же, Ремесло Древней Руси. М., 1948.

¹² Повесть временных лет / Подгот. текста Д.С. Лихачева. Пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова. Ч. 1-2. М.; Л., 1950.

На всем протяжении истории этнические процессы оказывались тесно переплетенными с процессами экономического, социально-политического и идеологического развития общества. Имея весьма важное стратегическое значение, земли между Днепром и Доном не уходили из сферы внимания как киевских, так и московских правителей, использовавших различные средства для достижения своих целей, что отмечает, в частности, А.Н. Сахаров, писавший о дипломатии Киевской Руси¹³.

О добрососедских отношениях представителей различных этнических групп сохранились свидетельства западноевропейских путешественников, в разное время и с разными целями посещавших Русское государство и оставивших свидетельства об увиденном¹⁴.

Вначале эти территории оказались под властью монголо-татар, а потом Днепро-Донская лесостепь, получившая название Поля, превратилась в арену длительного противостояния Русского государства, Речи Посполитой и Крымского ханства, в ходе которого происходил активный этнообмен, смешение языков и культур. О характере межнациональных отношений этого периода существуют различные мнения, однако большинство исследователей отмечают усилия славянских народов объединиться для борьбы с монголо-татарской опасностью¹⁵.

Некогда единый народ оказался разделенным границами государств, что не могло не сказаться на хозяйственно-культурном состоянии трех восточнославянских народов. Проблему их сосуществования историки трактовали с различных позиций, что объяснялось стремлением исследователей изучить историю собственного народа, при этом отношениям с соседями уделялось меньше внимания. В значительной мере, например, это было свойственно украинскому историку М.С. Грушевскому, что он отстаивал в таких работах как «История украинского казачества до соединения с Московским государством», в 11-томной «Истории Украины-Руси» и др. работах¹⁶.

Общие тенденции этнической истории русского народа характеризовались переплетением процессов разделения и объединения: выделились три северо-восточные области, куда переместились центры хозяйственной, торговой, политической и культурной жизни. Во главе возрождения русского народа встали московские князья, которые в XV веке объединили большую часть земель вокруг Москвы и добились полной независимости Руси от Золотой Орды. Специфику протеканию этнопроцессов придали исторические обстоятельства: монголо-татарское нашествие существенно уменьшило численность, поменяло этнический состав, образ жизни и деятельности проживавших по Осколу, Северскому Донцу, Ворскле и другим рекам края.

В коллективной монографии «Русские», подготовленной сотрудниками института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая под руководством В.А. Александрова, развитие нашего региона рассматривается в контексте протекания общероссийских этноисторических процессов. Удаленность территории нынешней Белгородчины от нового центра наложила свой отпечаток на характер развития. В рамках единого государства материальная и духовная культура русского народа получили лучшие возможности для развития: возросло значение письменности и единого языка, в основу которого был положен московский диалект, впитавший в себя южно- и северорусские черты. Расширение русского государства с XVI века сопровождалось усилением централизации управления и славянизацией населения окраин, т.е. приобщением к культуре славян других народов. Этот процесс охватил лесостепные и степные области на юге страны¹⁷.

¹³ Сахаров А.Н. Дипломатия древней Руси: IX- первая половина X в. М., 1980.

¹⁴ Например, Готье Ю.В. Заметки по истории защиты южной границы Московского государства. //Исторические известия, издаваемые историческим обществом при Московском университете. М. 1917. № 2. С. 47-57; Флетчер Д. О государстве Русском. М., 2002;

¹⁵ Ефименко А.Я. История украинского народа. Киев, 1990; Греков И., Королюк В., Миллер И. Воссоединение Украины с Россией в 1654 г. М., 1954; Гуслицкий К.Г. Вопросы истории Украины и этнического развития украинского народа. Киев, 1963; Буганов В.И. Освободительная война украинского и белорусского народов в середине XVII в. против иноземного угнетения. Воссоединение с Россией. //Страницы боевого прошлого. Очерки военной истории России. М., 1968. С. 56-72.

¹⁶ Грушевский М.С. История украинского казачества до соединения с Московским государством. К., 1913; он же «Истории Украины-Руси» в 11 тт. Киев, 1993-1996 гг.

¹⁷ Русские. М., 1999.

Собирание и изучение документов, публикация их в XIX в. позволили ближе подойти к изучению межнациональных отношений. «Полное собрание русских летописей», «Акты XVI-XVIII вв., извлеченные А.Н. Зерцаловым» и «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией», были вовлечены в исследовательский процесс¹⁸. При освещении отдельных аспектов проблемы межнациональных отношений позже стали привлекаться документы, тематически относящиеся к отдельным историческим событиям и явлениям, развивавшимся в данном регионе, например, материалы трехтомного издания «Воссоединение Украины с Россией»¹⁹.

О характере межнациональных отношений в южнорусских степях имеются документальные свидетельства, однако на сегодняшний день нет источника, в котором бы проблема межнациональных отношений интересующего нас периода нашла бы всестороннее обоснование.

Одним из интересных исторических документов стала «Разрядная книга», в которой зафиксированы события, связанные с русской колонизацией края. Она интересна тем, что позволяет проследить динамику изменения состава населения южнорусских поселений и, как отмечает в своих исследованиях «Освободительная война украинского и белорусского народов в середине XVII в. против иноземного угнетения. Воссоединение с Россией», «Разрядные книги последней четверти XV - начала XVII вв.» Буганов В.И., сделать выводы об особенностях протекания этнических процессов на юге Русского государства²⁰.

В исторической литературе неоднозначно трактуется вопрос о характере и особенностях развития процесса вторичного заселения Оскольско-Донского междуречья, происшедшего в основном на XVI-XVII века.

В XV веке Русское государство получило независимость, ускорилось экономическое и социальное развитие, укрепилось самосознание русского народа, а распространение единого языка и письменности создало лучшие возможности для развития культуры. Однако известная удаленность территории нынешней Белгородчины от нового центра наложила свой отпечаток на характер развития края, и на фоне усиливавшейся централизации управления с XVI века весьма заметным стало стремление московских правителей к славянизации населения окраин, в положении которых оказались южные лесостепные и степные области. Белгородский ученый А.И. Папков, исследовавший отношения в порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой, считает, что «интересы России на южной окраине определялись не хозяйственными, а стратегическими соображениями», и отмечает особую заинтересованность и роль государства в процессе²¹.

Как пишет Любавский М.К. в «Обзоре истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века», в начале XX века исследователи указывали на наличие двух потоков колонизации, характеризовавшихся социальной неоднородностью состава; при этом большее внимание они уделяли ее правительственной составляющей²².

Д.Н. Бантыш-Каменский проводил исторические изыскания, находясь на должности правителя канцелярии при князе Н. Г. Репнине - военном губернаторе Малороссии. Он описал многие местности, примечательные совершившимися в них событиями, изучил местные архивы в Полтаве и Чернигове, получил немало любопытных летописей и грамот от местных помещиков: Алексеева, Чепы, Шафонского, Ригельмана и Ставицкого. Кроме того, он воспользовался трудом своего отца Н.Н. Бантыш-Каменского по истории Малороссии, документами московского архива, портфелями Миллера, архивами малороссийской коллегии и князя Н. Г. Репнина. Собрал и изучив этот объемный корпус исто-

¹⁸ Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. XXXIV; Акты XVI-XVIII вв., извлеченные А.Н. Зерцаловым. М., 1897; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. III. СПб., 1861.

¹⁹ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в 3-х т. М., 1954.

²⁰ Буганов В. И. Описание списков разрядных книг XVII в. // Археографический ежегодник за 1972 г. М., 1974. С. 276-282; Он же. Книги разрядные («Подлинники») 1613-1636 гг. Исторические записки. Т. 97. М., 1976. С. 290-303; Он же. Новый список разрядной книги («подлинник») 1637/38 г. // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 45. М., 1986. С. 5-10.

²¹ Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI - первая половина XVII века). Белгород, 2004. С. 68-69.

²² Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.

рических источников, Д.Н. Бантыш-Каменский, приступил к созданию развернутой систематической картины малороссийской истории. По его убеждению, «...Малороссия, страна, обильная происшествиями... заслуживала подробного деписания»²³. Труд «История Малой России» принесла автору широкую популярность и научное признание. На протяжении всей своей жизни он неоднократно возвращался к ее содержанию, дополняя и уточняя отдельные эпизоды. Переиздание дает «верный перечень исторических фактов» и по сей день представляет интерес для исследователя, поскольку автор в ней стремился показывать цельную историю Малороссии²⁴. Однако, по его мнению, несмотря на то, что освоение южнорусских степей носило в основном мирный характер, уже тогда стали проявляться отличия в причинах и особенностях участия в этом процессе различных социальных групп. Поток свободных поселенцев был достаточно многочисленным и активным и именно ему соответствовал не менее интенсивный поток правительственной колонизации. Д.Н. Бантыш-Каменский, как и другой исследователь, Н. Маркевич, не отрицали желаний украинцев поселиться на территории Русского государства и готовности перейти на службу к русскому царю²⁵.

Г.Н. Анпилогов, а позднее и В.П. Загоровский связывали появление украинцев в российских пределах с государственной политикой Речи Посполитой: «Польские феодалы в 80-х и начале 90-х годов XVI в. в связи с приближением окончания срока действия перемирия 1582 г., заключенного между Россией и Польшей, энергично создавали отряды так называемых «воровских» черкас и посылали их в юго-западные уезды России на реки Северский Донец, Оскол и др.»²⁶

Первые попытки украинского населения осесть на курских землях относятся к концу XVI в. После передачи в 1569 г. приднепровских и волынских земель Великого княжества Литовского в состав Польского королевства увеличилось число украинцев, бежавших от произвола польских шляхтичей, от гнета католической церкви. В конце XVI - первой половине XVII вв. на территории Днепро-Донской лесостепи столкнулись русский и украинский колонизационные потоки. Станиславский А.Л. в работе «Гражданская война в России XVII в.» причиной активизации конфликтов на порубежье называет не столько позицию польских властей, сколько начало массовой московской колонизации Поля, поскольку россияне и украинцы в 80-х годах XVI в. столкнулись на Поле как подданные соперничавших государств. Построенные на Поле крепости Белгород, Оскол, Валуйки, Царев-Борисов и другие играли роль не только заслона на пути татар, но одновременно являлись опорными пунктами в борьбе с черкасами. В качестве примера он приводит эпизод, связанный с разгромом сотни черкас атамана Лепинского летом 1598 г. головой К. Мясным, посланным из Белгорода²⁷.

Переселенцев - жителей украинских земель Речи Посполитой - российские источники конца XVI - первой половины XVII в. именовали «черкасами» или «людьми литовскими»; причем в одних документах эти термины употреблялись как синонимы, а в других они имели разное значение. Часто «черкасами» именовали украинских казаков, а «людьми литовскими» всех жителей Левобережной Украины, входившей тогда в состав Великого княжества Литовского. Запорожцев выделяли из всего украинского казачества, называя «запорожскими черкасами». При проведении ревизий в XVIII в. потомки украинских переселенцев первой половины XVII столетия записывались как «подданные черкасы», а потомки переехавших на русские земли после 1654 г. - уже как «подданные малороссияне».

Со второй половины XVII века на южной окраине русского государства, где лежали земли Поля, с XV-XVIII веков активно осваиваемые московскими правителями, начала формироваться новая область - Слободская Украина или, как ее еще называли, Слобожанщина. Если в советской и российской историографии эта проблема изучалась в контексте общеисторического развития Русского государства, то украинские авторы (на-

²³ Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России. М., 1830.

²⁴ Там же.

²⁵ Маркевич Н.А. История Малороссии. М., 2011.

²⁶ Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI - начала XVII вв. М., 1967. С. 19; см. Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969.

²⁷ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. М., 1990. С.11-12.

пример, М. Грушевский в «Иллюстрированной истории Украины», С. Екельчик в «Истории Украины. Становление современной нации») усиленно разрабатывали вопрос об украинской колонизации Слобожанщины, акцентируя внимание на роли украинского этнического элемента в освоении южнорусских степей²⁸.

Украинская колонизация была достаточно активной. Не видя опасности собственным интересам, московские правители разрешили казакам-черкасам селиться на территории, которая считалась российской, при условии принятия ими подданства и несения службы на южнорусских границах. В итоге Московское государство обрело союзника в борьбе с монголо-татарской и польско-литовской опасностью, смогло оттеснить конкурентов и закрепить за собой Днепро-Донскую лесостепь, воспрепятствовав распространению влияния и культуры монголо-татар, поляков и литовцев. В целом среди украинских, белорусских и русских историков распространено мнение о традиционно добрососедских отношениях славянских народов, которые сообща трудились и защищали свои земли²⁹.

В.П. Загоровский, О.В. Ярынец и другие историки, писавшие об истории освоения южнорусских земель, отмечали, что в столкновении разных колонизационных потоков преимущество не случайно оказалось на стороне русского, имевшего государственную поддержку. Украинская колонизация была стихийным процессом, которому не препятствовали польские землевладельцы, надеявшиеся таким путем распространить собственное влияние. Сами же казаки-черкасы мечтали в приграничных землях обрести личную свободу и улучшить свое экономическое положение³⁰.

Наряду с русской и украинской шла белорусская колонизация южнорусских степей. Религиозные преследования и экономическое угнетение заставляли бежать из Речи Посполитой белорусов-«прочан», уходивших прочь от гнета священников-униатов и помещиков. Они расселились на территории нынешних Вейделевского, Валуйского, Волоконовского, Чернянского и Красногвардейского районов Белгородской области. Доказательством их белорусских корней, по мнению М.С. Жирова, исследовавшего динамику распространения этнокультурных традиций Белгородчины Народная художественная культура Белгородчины служат мотивы и колорит вышивки народных костюмов, выполненных красными и черными нитями³¹.

Деятельность русских воевод, которым была поручена охрана южных рубежей государства, попала во внимание многих исследователей. Например, Л.Н. Чижикова в работе «Русско-украинское пограничье» писал о том, что воеводы на пограничной службе иногда использовали украинцев, получая от них сведения о приближении татарских отрядов. Сотрудничество с украинцами началось приблизительно с XV века, но сначала оно не удовлетворяло московского царя, поскольку казаки плохо несли службу. Власти не доверяли им и подозревали в разбое и предательстве.

С конца XVI века, когда поток переселенцев увеличился, и многие из прибывших приняли подданство Русского государства, правительство стало издавать «грамоты», в которых оговаривались права и обязанности новых граждан - в основном они зачислялись на военную службу за жалование и земельный надел³².

Таким образом, исследование этноистории и этноконтактов периода вторичного заселения на территории Днепро-Донского междуречья показало, что основой этнического состава Белгородского края стали потомки славян, осваивавших и облагораживавших земли. Все последующие переселенцы лишь вносили некоторые дополнения в общую демографическую ситуацию края. При анализе особенностей данного рода, обраща-

²⁸ Грушевский М. Иллюстрированная история Украины. Киев, 1995; Екельчик С. История Украины. Становление современной нации. Киев, 2010.

²⁹ Белгородоведение / Под ред. В.А. Шаповалова. Белгород, 2002.

История Слобожанщины и Белгородского края / Под общ. ред. В.В. Овчинникова и Н.Н. Олейника. Белгород, 2011.

³⁰ См. Загоровский В.П. Из истории городов на Белгородской черте // Из истории Воронежского края. Вып.2. Воронеж, 1966. С.18-29. Ярынец О.В. Города Воронежского края - опорные пункты заселения и хозяйственного освоения южнорусских уездов в XVII в. //История заселения и социально-экономического развития Центрального Черноземья. Воронеж, 1991. С. 38-41.

³¹ Жиров М.С. Народная художественная культура Белгородчины. Белгород, 2000.

³² Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье: История и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX-XX вв.). М., 1988. С. 19.

ет на себя внимание преобладание русско-украинских элементов над русско-белорусскими. Это имеет свое объяснение: контакты с украинцами имели более длительное и регулярное характер, тогда как белорусы заметного влияния на демографическую ситуацию в крае не оказали ввиду значительной удаленности собственно белорусских территорий от южнорусских земель и немногочисленности переселенцев. Таким образом, спецификой колонизации края стало участие в ней различных национальных групп русского, украинского и белорусского населения, что стало возможным во многом благодаря достаточно гибкой и результативной политике московского правительства.

Обострение социально-экономических и межконфессиональных отношений в Речи Посполитой во второй половине XVI века привело к усилению миграций украинцев, что нашло освещение во многотомной «История Украинской ССР»³³. Царское правительство, заинтересованное в укреплении южных границ Русского государства, стимулировало этот процесс. В.П. Загоровский отмечал появление на протяжении XVII-XVIII веков в верховьях Ворсклы, Северского Донца, в бассейне рек Нежеголь и Оскол многочисленных украинских поселений.

После воссоединения в 1654 году Украины с Россией переселение на восток усилилось. Во второй половине XVII века украинцы постепенно освоили сначала междуречье Северского Донца и Оскола, позже – район между Осколом и Доном, составив значительную часть населения края³⁴.

Исследователь начала XX в. Г.И. Булгаков в колонизации порубежья выделил следующие этапы: «а) заселения края славянскими племенами северян в VIII-IX вв., б) заселение края великорусскими, украинскими и белорусскими колонистами в XVI-XVII вв., в) заселение края в XVIII в. - в эпоху ликвидации Курского порубежья и роста крепостничества»³⁵. XIX – начало XX в. стали периодом усилившегося русско-украинского этнокультурного взаимодействия. Образование СССР способствовало сохранению оформившихся тенденций этнокультурного развития, а распад многонационального государства вызвал центробежные процессы. Современный облик русско-украинского порубежья сохранил свою историко-культурную специфику, причудливо соединив элементы русской и украинской культур.

HISTORIOGRAPHIC ASPECTS OF A PROBLEM OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN-UKRAINIAN RELATIONS IN GREAT RUSSIAN PROVINCES OF THE SOUTH OF RUSSIA DURING THE POREFORMENNY PERIOD (ON AN EXAMPLE OF KURSK AND VORONEZH PROVINCES)

A.I. DUDKA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: dudka@bsu.edu.ru

The main historiographic aspects of a problem of development of the Russian-Ukrainian relations in South Russian borderland in a wide historical context are considered.

Keywords: state and free colonization, Russian, Malorossy, Russian-Ukrainian border zone, ethnoprocesses.

³³ История Украинской ССР: В 10-ти тт. / Гл. ред. Ю.Ю. Кондуфор. Киев, 1981.

³⁴ Белгородоведение / Под ред. В.А. Шаповалова. Белгород, 2002.

³⁵ Булгаков Г.И. Схематический обзор Курского края в культурно-историческом отношении. Курский край. Сборник по природе, истории, культуре и экономике Курской губернии. Курск, 1925. С.96.

УДК 94 (47): 32.001:322.37

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СФЕРЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА*

Т.Е. ЖИТЕНЕВ*Волжский университет
имени В.Н. Татищева,
г. Тольятти**e-mail: jitenevte@mail.ru*

В статье, посвященной участию Синода и православного духовенства в начальном образовании, рассматривается вопрос о существовании церковно-приходских школ в период после 1884 года, когда по инициативе обер-прокурора Победоносцева была создана сеть этих учебных заведений.

Представлена историография вопроса, освещена источниковая база исследования. Раскрывается законодательная база для существования начальных школ Синода. Рассматриваются основные трудности при распространении церковных школ, отношение к ним духовенства, общества, политических партий, правительства.

Ключевые слова: церковно-приходские школы, школы грамоты, К.П. Победоносцев, начальное образование в России конца XIX - начале XX века, Училищный Совет Святейшего Синода.

В конце XIX – начало XX века в России стала быстро распространяться грамотность среди основной части населения, что привело к увеличению числа учебных заведений. К началу XX века около трети всех учащихся получали начальное образование в школах, подведомственных Синоду. Церковные школы становятся значительной частью системы народного образования, имея равные права с начальными школами Министерства народного просвещения. Активное привлечение духовенства к школьной деятельности привело к организации и развитию различных учебных заведений: церковно-приходских школ, школ грамоты и церковно-учительских школ. В то же время затея правительства оказалась бы бесплодной без широкой поддержки со стороны духовенства.

Образовательный потенциал православного духовенства обращал на себя внимание правительства неоднократно в течении XIX века и священники привлекаются в качестве преподавателей Закона Божия во всех учебных заведениях. Но в конце 1850-начала 1860-х гг. часть епископата выступает с инициативой создания школ, где священник был бы и законоучителем и заведующим и даже учителем, а спецификой этих учебных заведений стал бы особый церковный дух воспитания. В короткий период инициатива духовенства привела к созданию более двадцати тысяч церковно-приходских школ, но не получив никакой поддержки от государства это число быстро сократилась в пять раз. Новый этап связан с началом царствования императора Александра III, пришедшего к власти после убийства его отца народолюбцами 1 марта 1881 года, и деятельностью обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева.

Усиление влияния духовенства на народное начальное образование рассматривалось последним как способ противостояния нарастающим революционным, нигилистическим настроениям (проводниками которых в деревне могли быть учителя земских школ) и воспитания подрастающего поколения «в духе преданности престолу и церкви». В Комитете министров возникает предположение о необходимости увеличить влияние священников на все начальные школы. Детальная разработка была поручена К.П. Победоносцеву, который исходит из мысли, что необходимо создать церковно-школьную организацию, независимую от негативного влияния земских деятелей, и организует специальную комиссию для разработки соответствующего законопроекта. В ходе работы обер-прокурор формулирует задачу - создание обособленной от Министерства народного просвещения системы начальных школ, которая находилась бы в ведении Синода¹. Разра-

* Статья подготовлена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Государственный контракт № 14.А18.21.0052.

¹ Реморов Н. На nive народной. Воспоминания, наблюдения и заметки школьного учителя. СПб., 1906. С. 35.

ботка правил шла хоть и под председательством архиерея, но инициаторами основных положений являлись синодальные чиновники². В результате появляются «Правила о церковно-приходских школах», подписанные царем 13 июня 1884 года³.

В «Правилах» опорой для создания новых школ должна была стать частная инициатива духовенства и отдельных прихожан. В них было определено, что «непосредственное и ответственное заведование церковно-приходскими школами, возлагается на приходских священников». В их руках оказывалось и заведование школами грамоты, находящимися в приходе. Руководителем церковных школ в епархиях являлся епархиальный архиерей при котором создается Епархиальный училищный совет для управления сетью церковных школ. Члены Епархиального училищного совета в большинстве своем назначались епископом. Важная роль в управлении и руководстве школами отводилась священникам-наблюдателям.

Создавались одноклассные церковно-приходские школы с двухлетним курсом обучения и двухклассные – с четырехлетним. Первые воспринимались создателями Правил как уступка, вызванная неустойчивым материальным положением школы. Как отмечал в одном из писем К.П. Победоносцеву С.А. Рачинский, школы с четырехлетним курсом обучения «будут непосильны большинству приходов». Но когда экономические трудности будут преодолены, «к этому типу желательно привести все школы, существующие при Церкви», что должно, по его мнению, «составить решительный шаг вперед в системе начального образования»⁴.

После утверждения «Правил» императором начинается создание структуры управления. В первую очередь обер-прокурор обращается за поддержкой к местным епископам и в ноябре 1884 года, когда созывается Петербургский архиерейский съезд, до церковной иерархии доводятся планы реформирования школы⁵. Для управления церковными школами при Синоде создается специальный орган – Училищный совет, на местах – епархиальные училищные советы.

Получение крупных ассигнований из казны на церковные школы с 1894 года позволило организовать управление на новом уровне и ознаменовало новый этап в их развитии. В 1896 году было утверждено «Положение об управлении церковно-приходскими школами и школами грамоты», которое законодательно закрепило ту структуру, которая сложилась на протяжении первого десятилетия после 1884 года. Лица, занятые в управлении церковными школами, получали жалование, пенсии и права государственной службы. Несмотря на бюрократизм и другие недостатки, присущие этой системе, она показала себя как действенный механизм, позволяющий церковным школам функционировать без участия таких личностей как К.П. Победоносцев, В.И. Шемякин и т.д.

Важным событием стало Чрезвычайное собрание Училищного совета, состоявшееся в 1898 году, на которое съехалось большое количество деятелей церковных школ и были обсуждены многие актуальные проблемы развития и существования церковных школ. Была высказана идея о необходимости составления единого законодательства, которое бы объединило все типы школ, подведомственные Синоду. Чтобы учителя получили права государственной службы, законопроект должен был быть рассмотрен и утвержден через Государственный совет. Проект встретил значительные возражения со стороны некоторых представителей правящей бюрократии, но, не смотря на это, новое «Положение о церковных школах» было утверждено императором 1 апреля 1902 года.

Утверждение Положения стало в определенном смысле итогом восемнадцатилетней деятельности церковных школ и теперь законодательно закрепляло все типы учебных заведений, формировавшиеся на протяжении этого периода: одноклассные и двухклассные церковно-приходские школы, школы грамоты, второклассные и церковно-учительские школы. В то же время, Положение стало основой для последующего существования всех типов церковных учебных заведений, являясь действующим законом вплоть до 1917 года.

² Горбов Н.М. С.А. Рачинский. СПб., 1903. С. 46.

³ Иван Столяров. Записки русского крестьянина // Записки очевидца. Воспоминания, дневники, письма. М., 1989. С. 125.

⁴ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т. 1. Прибавления. СПб., 1906. С.223.

⁵ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 803. Оп. 4. Д. 1270. Л 33.

Вопрос о финансировании начальных учебных заведений подведомственных Синоду является одним из наиболее сложных. В первое десятилетие (1884-1894) надежды на крупные ассигнования из казны на церковно-приходские школы не оправдались. Поэтому их развитие в этот период происходит исключительно за счет местных источников: крестьянских обществ, приходских церквей, земств и частных лиц. Хотя в целом они давали довольно значительную сумму, но ее постоянно не хватало на содержание все возрастающей численности училищ. Только со второго десятилетия пособие из казны становится настолько значительным, что составляет половину школьного бюджета. Этот рост казенных ассигнований стал возможен благодаря энергичной поддержке со стороны министра финансов С.Ю. Витте. С 1902 года их размер в бюджете школ превысил поступления с мест.

Количественный рост численности церковных школ на протяжении двух первых десятилетий был постоянным. Он определялся соотношением числа двух типов школ – церковно-приходских и грамоты. Открытие школы грамоты было на много более легким, нежели правильно организованной церковно-приходской школы, а потому первое десятилетие, когда средств из казны еще не поступало, характеризуется быстрым ростом первых. К 1897 году численность школ составляла 56 % от общего числа церковных училищ. Только с 1901 года численность правильно организованных церковно-приходских школ начинает превышать количество школ грамоты. Главными причинами этой динамики являлись как увеличение денежных средств, значительная часть из которых шла на финансирование церковно-приходских школ, так возрастающие требования к народным школам со стороны населения. В соответствии с последней причиной постоянно увеличивается число двухклассных церковно-приходских школ.

В 1903 году общее количество церковных школ достигает наибольшего количества – 44 тысячи. Далее начинается их постепенное сокращение из-за уменьшения численности школ грамоты, а также по причине того, что образовательные возможности приходского духовенства оказываются в значительной степени исчерпанными. К этому времени количество церковных школ превысило количество приходских священников, на которых возлагалось обеспечение их жизнедеятельности.

Количественный рост учеников за 1884-1905 год обладал устойчивой динамикой возрастания и служил отчасти доказательством их востребованности. Другой тенденцией было постоянное увеличение учащихся девочек, что являлось результатом целенаправленной политики Синода⁶.

Срок обучения в одноклассной церковно-приходской школе составлял первоначально два года. В 1890-х годах он был увеличен до трех, а в начале XX века – до четырех лет. В школах грамоты продолжительность обучения редко превышало два года. Возраст учащихся мог колебаться достаточно сильно (7-18 лет), но, как правило, составлял 9-14 лет. Учебный год в большинстве школ был связан с прекращением сельскохозяйственных работ и продолжался обычно с октября по май. По качеству образования церковно-приходская школа находилась на уровне существовавших в стране начальных школ других ведомств. Тем самым она играла очень значительную роль в просвещении населения, в первую очередь крестьянства. Но более важной являлась воспитательная роль, которую играла церковная школа, в духовном воспитании своих учащихся⁷.

Начало XX века стало временем глубоких потрясений всех сторон жизни русского общества. Либерализация и радикализация общественных настроений, смена абсолютной монархии на думскую, активная работа политических партий – все это не могло не затронуть и Русской православной церкви как важнейшего социального института. Ее участие в деле народного образования становится одной из обсуждаемых тем, имея как сторонников так и противников.

В 1905-1907 года церковные школы оказались незначительно затронуты революцией. Их учителя в очень небольшом количестве, по сравнению с учителями начальных школ других ведомств, были замечены в антиправительственной пропаганде, что отчасти

⁶ Колыхалов Д.В. Развитие школьного образования в России в первой половине XX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. С. 11-12.

⁷ Константинов Н.А., Струминский В.Я. Очерки по истории начального образования в России. М., 1953. С. 170.

служило подтверждением того замысла, который возлагался на них еще К.П. Победоносцевым, как консервативных школ.

В этот период более четко оформляется отношение к школам Синода в церковной среде, которое в значительной степени нашло свое отражение в «Отзывах епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе»⁸. Все больше звучали голоса, чтобы церковно-приходские школы стали по-настоящему «приходскими», то есть связанными с живым деятельным приходом. Оживление приходской жизни должно было благотворно отразиться на деятельности церковно-приходских школ, в первую очередь, на ее финансировании. Необходимость получения начального образования при Церкви для большинства епископов была очевидна. И та тенденция, которая наметилась к началу XX века в церковных школах (улучшение качества образования, увеличение срока обучения, повышение образовательного ценза учителей), стала возможной благодаря поддержке архиереев. Часть из них выступала за создание единой внесословной системы образования в ведении Церкви от начальной церковно-приходской школы до высшей – духовной академии.

Большое внимание уделялось обсуждению вопроса о народном образовании в третьей Государственной думе, где дальнейшее существование церковных школ стало одной из ключевых тем. Депутаты, выступая за введение в России всеобщего образования, по-разному смотрели на деятельность школ Синода и отпуск средств на них. Представители левых фракций, от кадетов до социал-демократов, требовали упразднения церковных школ как типа учебных заведений с передачей их в ведение Министерства народного просвещения. Самая значительная фракция октябристов также выступала за объединение всех начальных школ в учебном ведомстве, но соглашалась на выделение средств из казны на содержание учителей до решения этого вопроса. Левые партии говорили о низком уровне образования и клерикальном духе, октябристы видели в объединении начальных школ единственный вариант правильного развития народного образования и отрицали особенности церковных школ. Только правые партии безоговорочно поддерживали церковные школы, одобряя их самостоятельное существование и необходимость обширной помощи⁹. Позиция центра предопределила решение вопроса. На первом этапе правоцентристское большинство соглашалось на выделение средств на церковные школы, правда, в гораздо меньшем объеме, чем на светские школы. Но когда при обсуждении законопроектов о «Народном образовании» и «Всеобщем обучении» встал вопрос о передаче церковных школ в учебное ведомство, левоцентристское большинство Думы высказалось за упразднение их самостоятельности. Таким образом, дальнейшая судьба церковных школ и введение всеобщего обучения оказались тесно связанными этими законопроектами. Направленные после обсуждения в Думе в более консервативный Государственный совет, они не получили одобрения и были отклонены по причине негативного отношения к церковным школам. Вопрос о судьбе церковно-приходских школ стал камнем преткновения в принятии закона о всеобщем обучении, хотя средства на народное образование продолжали год от года увеличиваться.

После революции 1905-1907 годов церковные школы продолжают динамично развиваться. В их управлении постепенно все большую роль начинают играть представители с мест: главы уездных отделений и уездные наблюдатели, а также все больше настоятельнее звучит идея о связи церковной школы с приходом. Совершенствуется и качество образования, которое стали давать школы духовного ведомства, чему способствовало увеличение правильно организованных училищ и учителей с необходимым образовательным цензом в них. Это становится возможным благодаря крупным ассигнованиям из казны на народную школу. В то же время необходимо признать, что этих средств, а также тех средств, которые Синод мог получить с мест, было явно недостаточно для того, чтобы уравнять материальное обеспечение церковных школ со школами земскими, на которые затрачивалось в два раза больше средств.

К концу исследуемого периода, в 1914 году, местные поступления в бюджете церковных школ составляли четвертую часть и достигали 9 млн. рублей, тогда как пособие от государства – 21 млн. рублей. Таким образом, в ключевом вопросе для развития учебных

⁸ Переписка К.П. Победоносцева с Никанором епископом Херсонским // Русский Архив. 1915. № 7-10.

⁹ Государственный Совет. Стенографические отчеты. Сессия 7. 1911-1912. СПб., 1912. С. 1192-1194.

заведений – в вопросе о финансировании церковных школ – духовное ведомство оказалось в зависимости от государства. Местные средства не могли обеспечить им должного существования. Попытки увеличить поступления местных средств не давали сколько-нибудь ощутимых результатов.

Скудное финансирование школ Синода, преобладание в нем средств из казны, а также политика правительства, направленная на распространение правильно организованных училищ, оказало свое влияние на изменение численности церковных школ. Основной тенденцией становится сокращение общей численности церковных школ из-за уменьшения количества школ грамоты. Количество основного типа начальных училищ Синода – одноклассных церковно-приходских школ, продолжало увеличиваться, сохраняя при этом прежние темпы роста: около десяти тысяч школ за десять лет. Одновременно увеличивалась численность двуклассных церковно-приходских школ. Продолжала расти общая численность учащихся в церковных школах и процент девочек от общей численности учеников.

К концу изучаемого периода общий уровень образования учителей церковных школ максимально приблизился к требуемому минимуму, то есть почти все учителя обладали необходимым свидетельством об образовании, что происходило благодаря целенаправленной политике церковно-школьного управления. В то же время необходимо отметить, что служба в церковных школах была сложнее и менее привлекательна для квалифицированных учительских кадров. Главной причиной этому было низкое жалование в церковных школах. Отсутствие крупных местных источников финансирования не позволяло руководству церковными школами делать сколько-нибудь крупные прибавки к жалованию учителям. Это, в свою очередь, заставляло искать работу в более оплачиваемом ведомстве Министерства народного просвещения¹⁰.

Таким образом, можно говорить о неоднозначной оценке деятельности Русской православной церкви в деле создания самостоятельной сети церковных школ. Создание законодательства проходило без поддержки широких общественных сил, без обеспечения материальной базы, при отсутствии учительских кадров, что в дальнейшем определило их недостатки: финансовую необеспеченность и более слабый педагогический состав. Создание с 1884 года подчиненной Синоду системы школ раскололо заведование начальным образованием между двумя крупными ведомствами. Вместе с тем, привлечение духовенства, обладавшего большим образовательным потенциалом, позволило создать дополнительное количество начальных школ, численность которых измерялась тысячами, а количество учащихся – миллионами. Это имело громадное просветительское значение для страны, где значительная часть населения не имела никакого образования.

THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN SPHERE OF THE PUBLIC EDUCATION IN LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

T.E. ZHITENEV

*Volzhsky University
after V.N. Tatishchev,
Tolyatti*

e-mail: jitenevte@mail.ru

The article deals with the participation of the Synod and the Orthodox clergy in primary education, the issue of the existence of parish schools after 1884, in period when attorney – general Pobedonostsev initiated to found the system of these institutions. We present the historiography of this issue, the source base of the study and the legislative base for the existence of the Synod primary schools. We examine the main difficulty in the promotion of religious schools, the attitude of the clergy, society, political parties and government to the schools.

Keywords: Parish schools, grammar schools, K.P. Pobedonostsev, primary education of the late XIX - early XX centuries, School Council of the Holy Synod.

¹⁰ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. Т. 2. М., 1994. С. 44.

РЕГУЛИРОВАНИЕ РОЖДАЕМОСТИ, НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЕ И НЕРОДНЫЕ ДЕТИ В ДВОРЯНСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ СЕМЬЯХ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Ю.В. ЗОЛУТКИНА

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: zolotuhina.j@mail.ru

В статье анализируется изменение отношения общества к регулированию рождаемости и незаконнорожденным детям в XIX – начале XX вв. Рассмотрено положение в семьях незаконнорожденных и неродных детей, взаимоотношения с неродной матерью.

Ключевые слова: регулирование рождаемости, незаконнорожденные и неродные дети, дворянские и крестьянские семьи.

Семейная жизнь в традиционном обществе и обществе модерна неотъемлемо связана с рождением и воспитанием детей. Дети, рожденные в браке, это главная ценность семьи и общества. Многодетность освящалась церковью, а уклонение от рождения детей, тем более прерывание беременности, считалось грехом. Русская народная пословица предостерегала: «У кого детей нет – во грехе живет». Кроме продолжения рода, как главного богоугодного смысла семьи, и у дворян, и у крестьян имелись экономические соображения, способствовавшие многодетности. Без взрослых сыновей хозяйство не имело шансов стать зажиточным, только большая семья полагали крестьяне, могла рассчитывать на благосостояние. Без детей крестьянина в старости ожидала нужда, потому что после 60 лет у него забиралась земля, по крайней мере частично, для нового поколения. Согласно этическим и правовым нормам, сын должен был материально содержать престарелых, немощных родителей, а дочь ухаживать за ними и оказывать моральную поддержку. Это в полной мере относилось и к дворянским семьям. Так в действительности и было.

Уклонявшихся от этой обязанности детей община, крестьянский суд, а до отмены крепостного права помещики и администрация принуждали к выполнению своего долга перед родителями. Без детей старики могли рассчитывать только на помощь общины и родственников, но ее хватало ровно настолько, чтобы не умереть с голоду. Не менее тяжело приходилось на закате жизни бездетным дворянам и дворянкам. Они вынуждены были продавать свои имения или завещать их своим родственникам с условием доживать свой век под их опекой и заботой. Однако не всегда эта забота была по сердцу родственникам, да и бездетным старикам тоже. Поэтому именно дети служили для дворян и крестьян как бы страховым полисом, который обеспечивал их в старости. При отсутствии сыновей разрешалось усыновление, а если все дети были дочерьми, то принятие в семью зятя. Усыновление у крестьян проходило по приговору общины и в этом случае освобождало семью от воинской повинности. Приемные дети рассматривались как родные и не подвергались никакой дискриминации. В народе говорили: «Не тот отец, мать, кто родил, а тот, кто вспоил, вскормил да добру научил».

Чтобы обеспечить старость, крестьяне считали необходимым иметь как минимум три сына. Как они говорили: «Первый сын – Богу, второй – царю, третий – себе на пропитание». Имелось ввиду, что первый сын, скорее всего, умрет в младенчестве, второй пойдет служить в армию, в старости можно рассчитывать лишь на третьего сына. Согласно демографическим подсчетам конца XIX в., до 1 года доживали 70 % родившихся мальчиков, до 21 года – возраста призыва на воинскую службу – 49 %, до 45 лет – до того момента, когда старому отцу понадобится помощь сына, 40 %¹. Единственного сына в армию не брали. Вот и получалось, что при нормальном ходе дел из трех сыновей только один мог помочь в старости. Смертность женского населения была лишь немногим меньше, поэтому из трех дочерей в старости можно было полагаться тоже на одну.

В России в рассматриваемый период во всех сословиях резко отрицательно относились к внебрачной рождаемости. Внебрачные дети, не узаконенные через последую-

¹ Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916. С. 120–134.

щий брак, считались незаконнорожденными. Рождение вне брака сурово осуждалось. Женщине, в особенности девушке, родившей ребенка вне брака, и ее семье грозили позор, презрение окружающих, а без помощи родителей и нищета. Нередко она была вынуждена покинуть семьи и место жительства, становиться проституткой, подкидывать ребенка или в отчаянии убивать его. Женщины, забеременевшие не от мужа, пытались вызвать искусственный выкидыш, обращались к знахаркам, чтобы избавиться от плода. Незавидна была и судьба незаконнорожденных детей, так как родители «согрешившей» матери часто отворачивались от нее и от ее ребенка, ни отец, ни государство, ни община по закону не обязаны были содержать внебрачных детей. Они жили париями, их презирали, высмеивали, награждали унижительными кличками. Однако при достижении совершеннолетия мужчины в крестьянской общине получали земельный надел наравне с другими².

Принято считать, что женщины в дореволюционной России не делали аборт, а подавляющее большинство их даже не знало о возможности искусственного прерывания беременности и противозачаточных средствах до 1920-х гг.³ Также считалось, что только богатые и образованные женщины стали обращаться к этим средствам в конце XIX в., вызывая возмущение общественных деятелей и врачей, которые доказывали, что презервативы вредны для здоровья, и советовали лучше совсем отказаться от чувственных удовольствий, чем осложнять жизнь болезнями⁴. Но нам также известны факты о том, что на протяжении нескольких столетий русским женщинам были известны следующие способы предотвращения беременности: механические (поднятие тяжестей, прыжки, тугое бинтование и разминание живота, трясение всего тела и т.п.), лекарственные (от различных трав до ртути и фосфора, употребляемых внутрь), вытравливание плода, удлинение лактационного периода и аборт. И это было характерно не только для простого народа, но и для женщин более высоких сословий⁵.

Долгое время к аборту отрицательно относились не только законодательство и церковь, но и врачи. Так, в 1889 г. на III съезде Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова аборт был признан «нравственным и социальным злом». Однако, не смотря на законодательство и другие запреты, у людей была потребность регулировать деторождение, и они регулировали, хоть и не совсем совершенными методами. Информация об этом весьма скудная, так как по духовным законам все средства предотвращения беременности считались грехом, а по гражданским законам аборт был запрещен и уголовно наказуем, причем привлекались к ответственности, как врачи, так и пациенты. Но уже через 24 года заседатели XII съезда русских врачей выступили за отмену уголовного преследования врачей и пациентов за производство аборт. А еще через семь лет аборт в России легализовали⁶.

В пореформенной России, где нередки были как «романы» дворянина с представительницами непривилегированных сословий, так и «свободные союзы» равных, часто складывалась ситуация, когда в семье воспитывались родные братья и сестры, один или несколько из которых были незаконнорожденными, а другие – законными. В данных о крещении до конца 1880-х гг. тщательно фиксировался факт незаконного рождения ребенка. Даже у женщин, состоящих в браке, ребенок мог быть записан как «прижитый блудно». Поэтому женщины и стремились избавиться от ребенка. На ранних стадиях беременности женщины пили отвары пороха, селитры, керосин, песок, мелко истолченное стекло, глотали серу, сулему и даже ртуть, прыгали с высокой лестницы, забора. Порой это кончалось смертью несчастной. Если ничего не помогало – новорожденного убивали⁷.

Исследование мемуарной литературы и беллетристики показывает, что предотвратить беременность или избавиться от нежеланного ребенка пытались те женщины,

² Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М., 1877. С. 233.

³ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Т. 1. СПб., 2004. С. 181.

⁴ Вишневецкий А.Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 117.

⁵ Милотин В. Избранные произведения. М., 1946. С. 93–94.

⁶ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 182.

⁷ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977. С. 50.

которые вступали во внебрачные половые отношения, так как родить вне брака считалось большим позором как для самой женщины, так и для ее родственников. Достаточно ярко эта ситуация описана в романе В. Крестовского «Петербургские трущобы»: княжна Анна Чечевинская жила в деревне с отцом. Приехавший туда по делам князь Шадурский соблазнил Анну, но вскоре уехал. Через некоторое время от пьянки отец Анны умер, и ее мать с братом забрали в город. Увидев кн. Шадурского Анна сказала о своей беременности, но он ответил, что его это не касается. Анна до последнего, чтобы мать не узнала, утягивала живот корсетом. Она родила в тайном приюте ребенка, которого ее горничная отнесла в дом кн. Шадурского. Жена князя сразу поняла, что это его ребенок и упрекала его, хотя сама в это время была беременна от другого. Мать Анны, узнав о случившемся, прокляла ее, сказав, что больше она ей не дочь⁸.

Доля незаконнорожденных детей, зарегистрированных православными священниками, в общем числе новорожденных в конце XVIII – первой половине XIX в. колебалась от 2 % в Киевской губернии до 7 % в Московской губернии, составляя в среднем по Европейской России около 3,3 %. В пореформенное время в Европейской России она устойчиво сокращалась: в 1859–1863 гг. – 3,4; в 1870 – 3,0; в 1885 – 2,7; а в 1910 – 2,3 %. По мнению того же исследователя, это объясняется увеличением числа женщин систематически прибегающих к всевозможным противозачаточным средствам и мерам⁹.

Безысходная нищета и травля обществом заставляли женщин, имевших детей вне брака, совершать столь страшные преступления. Официально такого ребенка называли незаконнорожденным, а простой народ это маленькое и беспомощное существо как только не нарекал. Злословие не щадило ни мать, ни ребенка. Разъяренные мужья, уличив супругу в измене, могли поступать с ними, как заблагорассудится: избивать и мучить, унижать и постоянно напоминать о совершенном «грехе». Байстрюк, бастард, безбатешный, безотцовщина, подзаборник, заугольник, пауголок, половинкин сын, «сколотные» дети, ублюдок – это малая толика кличек, которые ребенок, став взрослым, нес через всю свою жизнь. Пару веков назад в России таких детей называли «ззорными», а внебрачных детей дворян – воспитанниками, хотя от этого судьба их не становилась радостней¹⁰.

Подтверждение этому находим в рассказе М.Е. Васильевой: «Знакомство с родственниками не внесло в мою жизнь улучшения, а наоборот только еще больше ее испортило. Теперь не только хозяин и мастеровые, но и наши дворники и даже их дети, узнали, что я незаконнорожденный, и при всяком удобном случае спешили мне бросить в лицо ту же самую позорную уличку, какой меня обозвал муж тети Нины. После знакомства с родственниками я стал чувствовать себя еще больше обиженным и брошенным, и жизнь в мастерской мне до того опротивела, что иногда мне приходило в голову лишить себя жизни»¹¹.

По закону внебрачные дети дворян не имели права ни на дворянство, ни на фамилию отца. Причем по особым ходатайствам дворянство для них оказывалось получить легче, чем фамилию (поскольку последнее могло вести к ущемлению интересов других представителей рода). Возникла необходимость создавать новые фамилии, которые в мужском потомстве становились фамилиями новых дворянских родов. Фамилии эти иногда «выкраивались» из родовых прозваний отцов. Так, сын князя Репнина получил фамилию Пнин (в будущем известный литератор), а сын князя И. Трубецкого и шведской графини Вреде – Бецкой (будущий президент Академии художеств)¹². Как незаконнорожденный, но признанный отцом, Иван Иванович получил «усеченную» фамилию Трубецкого. А.А. Фет родился в имении Новоселки Мценского уезда Орловской губернии. Был внебрачным сыном помещика Шеншина и в 14 лет по решению духовной консистории получил фамилию своей матери Шарлотты Фет, одновременно утратив право на

⁸ Крестовский В. Петербургские трущобы: книга о сытых и голодных. Кн. 1. Ч. 1–4. Смоленск, 1994.

⁹ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 182–183.

¹⁰ Водарский Я.Е. Указ. соч. С. 51.

¹¹ Васильева М.Е. Замученный. (Записки незаконнорожденного) // Исторический вестник. 1908. Т. 112. С. 87.

¹² Водарский Я.Е. Указ. соч. С. 65–66.

дворянство. Впоследствии он добился потомственного дворянского звания и возвратил себе фамилию Шеншин, но литературное имя – Фет – осталось за ним навсегда¹³.

Зачастую не менее несчастной было детство и рожденных в браке детей, если им приходилось жить с мачехой. Высокая смертность была характерна в рассматриваемый период российской истории не только для детей, но и для взрослых. Женщины умирали в обычной жизни чаще мужчин, так как подрывали свое здоровье многочисленными родами. А потому малолетние дети чаще оставались с отцом, который вскоре приводил в дом новую жену, не всегда становившуюся доброй и заботливой матерью для них. Поэтому неудивительно, что в народе появилось новое слово для обозначения неродной матери – мачеха. При этом следует отметить, что это слово обычно в обыденной жизни имело негативно окрашенное смысловое значение.

С горечью пишет о своем детстве В.М. Чернов: «Мама умерла, оставив на руках отца пятерых ребят, из которых старшему было лет девять, а мне, младшему, около года. Детям нельзя было оставаться без материнского глаза: оставалось лишь жениться. Ему нашли невесту, подходящую для человека в годах обремененного кучей детей. То была засидевшаяся в девицах, разбитная, хозяйственная и пышная поповна. По рассказам брата и сестер, в начале брачной жизни – она к нам была достаточно внимательна и добра. Но по мере того, как у нее появились свои дети, она вырабатывалась в совершенный, классический тип мачехи сумрачных русских песен и сказок. У нее, прежде всего, развивалась больно уязвлявшая нас вражда ко всему, на чем была печать принадлежности нашей матери. ...Нельзя сказать, чтобы за нас некому было вступить. Какие-то шаги делал мой крестный отец – мы об этом узнали по сердитым выходкам мачехи, пенявшей отцу, что он позволяет чужим вмешиваться в их семейные дела. После этого крестный стал появляться все реже и реже, а потом и вовсе перестал. Вскоре ей удалось нанести нам первый очень жестокий удар: выдворить из дома нашу любимицу и вечную хотя тихую заступницу бабушку. Отца убедили, что для самой бабушки лучше уйти из тесного и многодетного дома. Но не подметил отец того, чем она была для нас и какая это была для нас утрата. А мы... осиротели второй раз. Отцу подвернулось наследство: двухэтажный деревянный дом. И у нас создалась – как шутливо говорили мы уже взрослыми – «двухпалатная система». Верхнюю палату образовали отец, мать и ее дети. Нижнюю – мы и часть прислуги. Сходились мы вместе редко, почти что только для обеда, бывшего для нас натянутым и скучным ритуалом»¹⁴.

Т.П. Пасек также оставила воспоминания о жизни с неродной матерью: «После смерти матери, отец женился второй раз. Просил, чтобы его новую жену я называла матерью. Я отказала. С этого времени значение мое в доме отца на много градусов снизилось. Это проявлялось бессознательно, во взгляде, в движении, в какой-то едва заметной, небрежности. От природы не властолюбивая, но склонная к жизни внутренней, я видела утрату своего значения без сожаления, и большую часть времени проводила у себя в комнате. Отсутствие мое из домашнего кружка едва замечалось»¹⁵.

Мемуарная литература дает примеры и иного рода, когда мачеха принимала неродных детей как своих, даря им тоже тепло и ласку, что и родным детям. «Я был воспитан в зажиточной семье помещика Т. Губернии. Сюда привезли меня годовым ребенком из северной столицы. Хилого, замученного и приговоренного к смерти мальчика чужие добрые люди приняли в свою семью, нарекли своим, отогрели и поставили на ноги. С тех пор эта семья и все мои близкие стали моими родными. Сюда нес я любовь и ласку, здесь находил я утешение и поддержку. До последней их минуты жизни я был для них горячо любимым «приемным сыном», племянником, а они для меня милыми и дорогими дядей и тетей»¹⁶. Также очень теплые воспоминания о жизни с неродной матерью у А.В. Левицкой «После того как папа овдовел, имел 7 человек маленьких детей, он решил жениться. Его выбор пал на прекрасную княжну Анну Александровну Ливен, которая стала нам настоящей матерью. У нее родилось двое детей и вскоре она, к нашему сожалению»

¹³ Фет А. Воспоминания. М., 1983.

¹⁴ Чернов В.М. Перед бурей: Воспоминания. Минск, 2004. С. 17–20.

¹⁵ Пасек Т.П. Из ранних лет, из жизни дальней // Русская старина. 1873. № 3. С. 295–296.

¹⁶ Глинский Б.Б. Из летописи усадьбы Сергеевки // Исторический вестник. 1894. Т. 58. С. 59–60.

нию скончалась»¹⁷. Последние примеры свидетельствуют, что отношение мачехи к неродным детям было обусловлено исключительно личным отношением женщины, а также позицией отца.

Таким образом, в России в XIX – начале XX вв. в условиях перехода от традиционного общества к обществу модерна происходила заметная трансформация отношения рождению детей, в том числе и вне брака. При сохранении традиционных семейных ценностей в дворянской и крестьянской среде наблюдается устойчивая тенденция к сокращению числа детей в семье. Для этого все шире стали использоваться самые разные способы регулирования рождаемости, в том числе и безопасные для здоровья женщины. С другой стороны, отмена крепостного права, негативные стороны роста миграционных потоков, индустриализации и урбанизации существенно влияли на снижение моральных запретов. Продолжился рост численности детей рождавшихся вне брака или от других отцов. При этом наблюдается и некоторое постепенное смягчение отношения общества к ним и их матерям, как со стороны государства, так и общества.

BIRTH-RATE REGULATION, ILLEGITIMATE AND NON-OWN CHILDREN IN THE NOBLE AND PEASANTS` FAMILIES IN THE XIX – EARLY XX CENT

Yu. V. ZOLOTUKHINA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: cherkashina@bsu.edu.ru

The author analyzes the change in the society`s attitude towards birth-rate regulation and non-own children in the XIX – early XX centuries. Position of the illegitimate and non-own children in families, as well as relations with the stepmother are considered.

Keywords: birth-rate regulation, illegitimate and non-own children, the noble and peasants` families.

¹⁷ Левицкая А.В. Воспоминания // Российский архив. История отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв. М., 1999. С. 255.

УДК 93.093

ПАМЯТЬ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В КОНТЕКСТЕ ВЛАСТНОГО, ГОСУДАРСТВЕННОГО*

И.В. РЕБРОВА*Кубанский государственный
технологический университет,
г. Краснодар**e-mail: karavan5@mail.ru*

Предлагаемая статья – попытка на конкретном примере показать методику дискурс-анализа для интерпретации устных историй о Второй мировой войне. Текст интервью является источником для понимания современности, демонстрирует механизмы проникновения социальной практики в нарратив о войне. Методология критического дискурс-анализа ставит следующие исследовательские вопросы: как социальная практика влияет на язык повествования рассказчиков, и шире, почему возможна существующая модель понимания истории Второй мировой войны в современном российском социуме, и как эта модель «уживается» с индивидуальными переживаниями событий прошлого в рассказе информанта.

Ключевые слова: Великая Отечественная/Вторая мировая война, устная история, индивидуальная и коллективная память, критический дискурс-анализ.

Критический дискурс-анализ с конца прошлого века заявляет о себе как о методе выявления условий производства и интерпретации текстов, ставящий целью изучить связь между дискурсом и реальностью. По мнению европейских исследователей этот метод направлен на изучение способов производства социальной реальности, в то время как другие качественные методологии работают на понимание и интерпретацию ее как данности. Исходя из работ Нормана Фэрклоу, Тойна А. Ван Дейка и других исследователей¹, можно выделить три аспекта в изучении дискурса: анализ текстов в рамках дискурсов, выявление их в исторического и социального контекста, изучение конкретных акторов, отношений и практик, характеризующих предмет исследования. В подобных исследованиях происходит работа не с языком, а с условиями производства текста.

Применительно к устным интервью о Великой Отечественной/Второй мировой войне нам важно выявить механизмы создания рассказа информанта, чтобы понять, как и почему социальная действительность настоящего влияет на передачу информации о прошлом, как в рассказ о лично-пережитых событиях военного времени вплетается властный дискурс современных оценок Второй мировой войны. Нарративный и другие виды устоявшихся в устно-исторической практике анализов транскрипта устного интервью могут дать нам информацию о самом рассказчике, помогут реконструировать военную повседневность, ответить на вопросы о механизмах существования коллективной и индивидуальной памяти о событии. Методология же критического дискурс-анализа ставит вопросы иного содержания, а именно, как социальная практика влияет на язык повествования рассказчиков, и шире, почему возможна существующая модель понимания истории Второй мировой войны в современном российском социуме, и как эта модель «уживается» с индивидуальными переживаниями событий прошлого в рассказе информанта.

Попытаемся на конкретном примере показать методику дискурс-анализа в работе. Для этого выберем одно устное интервью в качестве отправного текста для анализа. Качественная методология позволяет выявлять в качестве материала для работы одно интервью. В понимающей социологии объективность социальных явлений не нечто данное,

* Статья подготовлена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Государственный контракт № 14.А18.21.0052.

¹ Fairclough, N. The Dialectics of Discourse // <http://www.ling.lancs.ac.uk/staff/norman/2001a.doc> (русский перевод Фэрклоу Н. Диалектика дискурса // Современный дискурс-анализ <http://discourseanalysis.org/ada1/st9.html>; Phillips, Nelson and Hardy, Cynthia. What Is Discourse Analysis? In N. Phillips and C. Hardy Discourse Analysis: Investigating Processes Of Social Construction. Thousand Oaks, CA. 2002. Sage. P. 1-18. (Русский перевод Филлипс Н., Харди С. Что такое дискурс-анализ // Современный дискурс-анализ <http://discourseanalysis.org/ada1/st5.html> и др.

поскольку она возникает и формируется из субъективно ориентированных действий отдельных людей. Общество идеально, а не материально; оно не объективная реальность, а искусственное явление, созданное людьми, то есть культурный продукт. Поэтому работающие в данной парадигме исследователи стремятся понять, почему нормальный общественный человек воспринимает социальные явления как объективные, хотя они объективны лишь в той мере, в какой находят подкрепление в человеческой вере и действиях, ее подкрепляющих (причем в исторически определенный момент)². Качественная социология все чаще использует устные источники (биографические, нарративные интервью) для анализа социальной действительности³. В нашем случае текст интервью станет источником для понимания современности, продемонстрирует механизмы проникновения социальной практики в нарратив о Второй мировой войне.

Предлагаемое для анализа интервью было взято в июне 2008 года в г. Краснодаре, дома у информантки. Рассказчица, Галина Станиславовна Оленская, 1934 года рождения, уроженка г. Краснодара, является ребенком войны. Она пережила оккупацию родного города в возрасте 8-9 лет. После войны Галина Станиславовна окончила школу в Краснодаре, получила высшее образование в МГУ на факультете политической экономии. После возвращения из Москвы, она долгое время работала в Краснодарском сельхозинституте, вела активную общественную деятельность: сотрудничала с краевыми радио и газетами, где публиковала и готовила материалы о Великой Отечественной войне. В настоящее время она находится на заслуженном отдыхе. Накопленный за годы работы материал о войне несколько лет назад Галина Станиславовна передала в Краснодарский краевой историко-археологический музей-заповедник им. Фелицына. С детских лет Галина вела дневник, писала воспоминания о периоде оккупации города Краснодара, которые хранятся в Государственном архиве Краснодарского края. До сих пор подготовленные ею материалы и статьи о ней самой публикуются в краевой прессе.

В нарративе информантки явно прослеживается два уровня повествования: период войны и настоящее время. Речь информантки отражает современную ситуацию вокруг обсуждения и изучения истории Великой Отечественной войны. Так, после распада Советского Союза в исторической науке наблюдалась либерализация во взглядах и интерпретациях событий прошлого. Ранее табуированные темы о предвоенных репрессиях, просчетах командования в начале войны, сложностях восстановления экономики в послевоенные годы стали проникать в средства массовой информации, общественную жизнь, научные работы исследователей. В рассказе информантки, яркой представительницы советского времени появляются подобные сюжеты как следствие восприятия социальной практики индивидуальным опытом: *«И такие враги и здесь были. И, собственно... как раз тоже было вредительство огромное внутри страны. И так, я, в общем-то, никогда это никому не говорила, все равно у меня тоже репрессия, наверное, была в семье. Это муж моей тети»*⁴.

Фраза *«я в общем-то это никому не говорила»* показательна в нескольких отношениях. Во-первых, упоминание запретных сведений в публичном дискурсе (а интервью может быть примером такого дискурса именно благодаря его назначению – это сознательно формируемый источник для анализа прошлого, и информант отдает себе отчет в том, что его речь будет использована в научных целях в дальнейшем, а значит выйдет за рамки «информант-интервьюер») демонстрирует изменение российского общественного мнения в сравнении с советским на некоторые темы прошлого (в частности, темы о предателях и репрессированных родственниках). Также такая формулировка может быть расценена и как желание информантки «встроиться» в существующую модель вспоминания прошлого. Таким образом, время создания нарратива влияет на характер самого

² Малышева М. Интерактивное интервьюирование и нетрадиционные способы интерпретации данных // Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях: Материалы семинаров / Под ред. М. Малышевой. М., 1997. С. 103.

³ Устная история и биография: женский взгляд. / Ред. и сост. Е.Ю. Мещеркина. М., 2004. С. 8.

⁴ Интервью с Г.С. Оленской // Архив Устной истории СНО КубГУ, интервью [Ф. ДВ-08. Д. № ИР06]. Информант родилась в 1934 г. в г. Краснодаре, имеет высшее образование, интервью проходило в квартире информантки. Общая продолжительность интервью 108 мин.; Интервьюер - Реброва И.В.; транскрипция Нищенко Н., Ожунь Е.

диалога и становится своеобразным мостом между существующей социальной практикой и ее усвоением и дальнейшей репрезентацией в нарративе информантки.

Влияние времени проведения интервью прослеживается и в эмоциональных оценках событий прошлого. Информантка цитирует письмо бойца Красной армии. Будучи пионеркой, после освобождения Краснодара Галина Станиславовна переписывалась с солдатами, ребята всем классом посылали на фронт теплые вещи, справлялись об их здоровье, а в ответ получали письма-благодарности. Информантка цитирует сохранившееся письмо солдата и параллельно делает комментарии: *«Вот, когда будешь писать ответ, напиши какую-нибудь новинку из песни». Вот, пожалуйста, человек берет Берлин, а новинку из песни, из кинофильмов. «Ведь в этой проклятой Германии так отстаешь от жизни. Бои, бои и еще раз бои. Так хочется посмотреть кино. Здесь тоже весна, но весна суровая, военная. Нет такой красавицы весны как у нас на Родине, на привольной нашей Кубани. [плачет] Заканчиваю. Привет Краснодарцам. Да здравствуют пионеры и пионерки»⁵.*

Четкая грань между *«проклятой Германией»* и *«привольной нашей Кубанью»* усвоена ребенком войны на века. Не смотря на трансформацию отношения к Германии как к стране-противнице в годы войны и в настоящее время, в риторике рассказчицы постоянно присутствует деление на «своих» и «чужих», «наших» и «врагов». Оппозиция «свой/чужой» лежит в основе всех человеческих взаимоотношений и в основе культуры в целом. Присутствие «чужих» в картине мира, противопоставление себя «чужим» объективно способствует внутреннему сплочению и мобилизации группы любого рода. Действительно, оно делает менее значимыми все ее внутренние различия и противоречия по сравнению с различиями и противоречиями группы с «чужими».

Вот пример эмоционального описания встречи советского солдата на освобожденной от оккупации Краснодарской земле: *«Вот вошли наши [здесь далее выделение мое – И.Р.] когда в Краснодар утром рано тоже, помню, побежали все. Мы ждали же уже этого освобождения. И вот шли солдаты, боже мой, вот, я не знаю, мне они казались вообще какими-то витязями. Неизвестно откуда, с небес сошедшие. И красивые все такие. Мы похватили все, что у нас было. Там кто-то тащит брагу варенную, кто-то початок кукурузы, кто-то лепешки тащит, кто-то кашу в каком-то горшочке. Ну что у кого было, кто-то семечки жаренные целый кулек, то мы им сьем, а они достают из карманов... и сахар в основном давали. Вот у них такие пакетики были и там сахар-рафинад. И они значит нам. Нет! Ешь, ешь, у нас еще есть, у нас еще есть. И какие цветы им мы там полевые все около затона нарвали. Снова побежали, снова им всем давали, кидали в них. Прямо это был такой счастливый день, но я даже вам передать не могу»⁶.*

Следующая цитата показывает отношение с «чужим», не своим: *«Я ходила в этот детский сад как раз и потом там немецкая часть стояла. Была кухня немецкая и у самых ворот стояли эти огромные чаны. Они выбрасывали туда все. Ну, вот, чистят все и выбрасывают туда. И мы с ведерками все малышня значит туда, все выбираем, выбираем в эти ведерки свои. Вывозить им не приходилось»⁷.*

Мифологема «свой/чужой» получает свое проявление в оппозиции «наши – не наши» / «мы – враги». Долгое время в массовом сознании советского общества образ врага-фашиста ассоциировался с образом врага-немца. Для массового сознания в России этот образ дает травматический предел человеческого. В пропагандистской риторике гитлеровцы всегда служили абсолютной мерой негативного: редукция к этим образам означала безусловные характеристики бесчеловечного, аморального и злого⁸. В последнее время образ врага связывается с фашизмом, а не с национальной принадлежностью побежденных в Великой Отечественной войне.

Вообще, воспоминания фронтовиков и жителей оккупированной территории могут дать цельное представление об образе врага, «Чужого». На его формирование боль-

⁵ Интервью с Г.С. Оленской

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интерграции // Образ врага / Сост. Л. Гудков. М., 2005. С. 59.

шое влияние оказали официальная идеология и массовая пропаганда, частью которой была ненависть к фашистам-немцам. Доминирующей чертой массового сознания советского общества было активное неприятие политики и практики оккупантов, их идеологии и морали⁹. Психологическая природа противостояния как формы выражения мыслей и поступков людей вытекала из сущности самой войны. По мнению Е.Зубковой, только на войне психологическая конструкция «мы/они» существует в чистом виде обоюдного неприятия. Императив «Убей его!» был главным принципом «науки ненависти», которую на войне прошло большинство участников военных действий. «Они» воспринимались как враждебное сообщество, ничего общего не имеющее с тем, что объединялось понятием «мы»¹⁰. Данное мифологическое восприятие образа врага отложилось прежде всего в письменных послевоенных воспоминаниях, где присутствуют эмоционально-негативные описания врага – «изверги», «фрицы», «фашисты», «мародеры», «враги человечества»¹¹.

«Чужие» вызывали у детей, прежде всего, страх, опасность, угрозу для жизни: «А немцев часто видели вообще? Приходилось сталкиваться? - Приходилось. Приходилось, конечно. Но мы старались избежать как-то этого, понимаете, мы их боялись»¹².

Само по себе существование «чужого» и «чужих» угрожает в восприятии индивида и группы значимости и самому существованию «меня» и «своих». По этой причине единственной возможной и оправданной реакцией на «чужого» в рамках такого рода бинарной оппозиции являются отторжение и агрессия. «Чужой» обязательно должен быть в результате подобной агрессии побежден, унижен, уничтожен морально, символически, а в идеальной ситуации – и физически¹³. «Чужой» отмечает внешние границы «своих», пределы понимания и идентичности группы. От врага можно защититься, укрыться, уйти или победить его. Но в любом случае враг представляет собой апеллятивный фактор, мобилизующий всех членов сообщества к солидарности и сплочению вокруг власти или группового авторитета, который гарантирует условия безопасности и избавления от угрозы уничтожения¹⁴. Поэтому информантка большое внимание отводит освобождению города Краснодара от оккупантов. Радость встречи освободителей, «своих» и изгнание «чужих» в устных воспоминаниях становится своего рода мифологемой победы добра над злом.

Там не менее, настоящая ситуация в отношении общества к врагу постепенно размывается: в четко негативные конструкты речи о враге влетают и иные образы немца, который мог помогать, угощать детей сладостями, тосковать по своей семье. В устных рассказах действуют не идеальные, деиндивидуализированные персонажи, обладающие какими-то характеристиками в силу своей принадлежности к одной из партий, а живые люди, поступающие тем или иным образом в силу собственной индивидуальности и создававшихся обстоятельств¹⁵.

Этой своей принципиальной инаковостью «другой» вызывает у субъекта не столько отчуждение и агрессию, как в случае с «чужим», сколько заинтересованное внимание¹⁶.

«А был у меня такой случай: значит, выбираю я шкурки все и вдруг не заметила, немец подходит и так меня по голове гладит. Я вскочила сразу, испугалась. Он мне что-то говорит, говорит. А я думаю: сейчас он меня убьет. Он, значит, полез в карман и достает шоколадку, плитку шоколада и мне протягивает. Думаю, что это отравка. Это отравка. Думаю, но если не возьму, он меня застрелит. Я, значит, беру и говорю «данке, данке»¹⁷. Он улыбается. Прихожу домой, держу за кончик [шоколадку],

⁹ Малышева Е.М. Социоэтнические компоненты массового общественного сознания в годы Великой Отечественной войны: патриотизм, интернационализм и коллаборационизм // Информационно-аналитический сборник / Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований. Отдел истории. Вып. 4. Майкоп, 2001. С. 166.

¹⁰ Зубкова Е. Общественная атмосфера после войны (1945–1946 гг.) // Свободная мысль. 1992. № 6. С. 6.

¹¹ См., напр.: Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1384. Л. 7.

¹² Интервью с Г.С. Оленской ...

¹³ Дубоссарская М.Л. Свой-чужой-другой: к постановке проблемы // Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. №54. С. 168.

¹⁴ Гудков Л. Идеологема «врага»... С. 15.

¹⁵ Кормина Ж., Штырков С. Никто не забыт, ничто не забыто. История оккупации в устных свидетельствах // Память о войне 60 лет спустя. М., 2005. С. 223.

¹⁶ Дубоссарская М.Л. Свой-чужой-другой ... С. 170.

¹⁷ Нем. danke – спасибо.

говору: «мама, вот мне немец дал. Это, наверное, отравка». - «Да, нет. У него, наверное, такая же дочка, похожая на тебя. Вот он ее вспомнил и решил тебе дать». Ну **всякие же немцы бывают. Не все же фашисты»¹⁸.**

Примечательно, что подобные рассказы о положительном образе врага стали проникать в нарратив в постперестроечное время. Официальная история войны пережила кризис в интерпретации в процессе распада Советского государства и формирования российской идеологии. То, что раньше говорить было нельзя, вдруг стало всеобщим достоянием. Образ врага также претерпел некоторые изменения. Эта трансформация явно прослеживается в риторике информантки. Фраза «не все же фашисты» как бы легитимирует и наполняет разными смыслами образ врага.

Важным планом выражения дискурса является репрезентация. Социальные агенты в любой социальной практике производят репрезентации других практик, а также «рефлексивные» репрезентации их собственной практики (т.е. той, в поле которой они находятся в конкретный период). Они «реконтекстуализируют» другие практики¹⁹ – т.е., они инкорпорируют их в собственную практику.

Как видно, устное интервью – это один из вариантов репрезентации социальной жизни информантки. Рассказывая о событиях Второй мировой войны, Галина Станиславовна так или иначе использует язык современности, ее нарратив несет информацию как о прошлом (в частности, о периоде войны), так и о настоящем (времени проведения интервью). Изменение эмоциональных и смысловых оценок образа врага в риторике – наглядный тому пример.

На протяжении всего интервью информантка влетала в рассказ о войне (непосредственная тема беседы) информацию из официальных источников, средств массовой информации. Такие слои текста устного интервью преследуют несколько целей. Апелляция к общеизвестным фактам, рассказы о героях войны призваны придать большую значимость рассказу информанта, усилить его роль в войне. Также, такие мини-рассказы говорят о работе государственной идеологии, о влиянии и присвоении коллективной памяти о событиях прошлого на индивидуальном уровне. При анализе подобных дискурсов у исследователей стоит задача выявления и разведения коллективного и индивидуального уровней памяти, изучения причин апелляции информантов к официальному, властному дискурсу.

MEMORY ABOUT THE SECOND WORLD WAR IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY: INDIVIDUAL DISCOURSE IN THE CONTEXT OF STATE IDEOLOGY

I.V. REBROVA

*Kuban State
Technological University,
Krasnodar*

e-mail: karavan5@mail.ru

This article is an attempt to use the methodology of the critical discourse analysis in the interpretation of the oral history stories about the Second World War. The main source of the article is one oral history interview with the child of the war. The text of the interview becomes the main source to understand and interpret the present life, demonstrates the mechanisms of penetration of social practices in the narrative of the war. The methodology of critical discourse analysis raises the following research questions: how social practices affect the language of the narrative story-tellers, and more, why can the current model of understanding the history of the Second World War in contemporary Russian society, and how this model "get along" with the individual experiences of past events in the story of the informant.

Keywords: the Second World War, oral history, critical discourse analysis, individual and collective memory.

¹⁸ Интервью с Г.С. Оленской ...

¹⁹ Bernstein B., *The Structuring of Pedagogic Discourse*. London, 1990; Chouliarakis L., and N. Fairclough. *Discourse in Late Modernity*. Edinburgh, 1999.

УДК 281.9 (470.323) «1920–1930»

ПРАВОСЛАВНОЕ СООБЩЕСТВО КУРСКОГО КРАЯ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ 1920-Х–1930-Х ГГ. *

А.Ю. БУНИН*Курская государственная сельскохозяйственная академия имени профессора И.И. Иванова**e-mail: abunin46@rambler.ru*

Основанное на рассмотрении важнейших аспектов историографии проблемы и использовании методов социальной и локальной истории, исследование положения православного сообщества Курского края в условиях советской антирелигиозной политики 1920-х–1930-х гг. показало, что в этот период Русская Православная Церковь, несмотря на атеистическую пропаганду и репрессии государственной власти, продолжала оставаться одним из значимых центров духовной жизни многих жителей региона. На основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов анализируются формы внебогослужебной деятельности духовенства, виды борьбы государства с Церковью и ее влиянием на население, отношение верующих к изменению векторов антицерковного курса власти и социально-правового положения РПЦ.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, православное сообщество, духовенство, верующие, миряне, внебогослужебная деятельность духовенства, Курский край, Советское государство, антирелигиозная политика, атеистическая пропаганда, репрессии, антисоветская агитация.

В советской исторической науке Русская Православная Церковь периода 1920–1930-х гг. характеризовалась как контрреволюционный элемент¹; зарубежные историки оценивали поиск высшего церковного руководства приемлемой формы сосуществования с «безбожной» властью как сотрудничество с ней²; на современном этапе РПЦ показывается нейтральной силой в отношениях с большевистским государством и его противниками³. Парадигмой данного исследования стало положение о том, что в первые десятилетия коммунистического режима Церковь, являясь носителем многовековой культурно-религиозной традиции, продолжала оказывать существенное влияние на жизнь народа, что стало одной из причин церковно-государственного конфликта⁴. В статье православное сообщество Курского края 1920–1930-х гг. рассматривается в социально-культурном и пространственном измерениях. В первом случае оно анализируется как отдельная группа общества (духовенство и миряне), во втором – как локальная общность, существовавшая в разные исторические периоды на территории Курской губернии, Белгородского, Курского, Львовского округов Центрально-Черноземной области, Курской области.

В 1920-е гг. Советское государство в борьбе с Церковью осуществляло антирелигиозную пропаганду. Однако в Курском крае религиозные настроения в целом не были поколеблены атеистической деятельностью, поскольку она осуществлялась нерегулярно, что обуславливалось отсутствием необходимого количества квалифицированных «антирели-

* Статья подготовлена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Государственный контракт № 14.А18.21.0052.

¹ См., напр.: Плаксин Р.Ю. Крах церковной контрреволюции. 1917–1923. М., 1968.; Гордиенко Н.С. Православие в советском обществе. Основные этапы эволюции // Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 617–647 и др.

² См., напр.: Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. М., 2007.

³ См., напр.: Пospelовский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 52–56 и др.; Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 2000. С. 72, 78.

⁴ Емельянов С.Н., Ильина З.Д., Карнаевич В.Г. Православная культура и государство (духовные и материальные потери) // Курский край: культура и культурно-историческое наследие. Т. XV. Курск, 2002. С. 263–290.

гиозников» (а во многих уездах и отсутствием таковых), в качестве которых зачастую выступали не обладавшие соответствующим образованием и подготовкой коммунисты и комсомольцы⁵. Вместе с тем, Курский губком РКП(б) пытался усилить «безбожную» работу в регионе. В частности, для подготовки пропагандистов в 1923 г. стали создаваться кружки (в 1923–1925 гг. их насчитывалось 12–13)⁶, деятельность которых осложнялось из-за «сезонности» их работы, недостатка преподавателей, дефицита средств и литературы⁷.

В 1920-е гг. в крае атеистическая пропаганда осуществлялась в различных формах (лекции, диспуты, доклады, театральные постановки, распространение и издание литературы)⁸ и в связи с нехваткой пропагандистов, в основном, проводилась в городах (в уездах она носила эпизодический характер)⁹. Она зависела от сезонного фактора, т.е. периода полевых работ, в которых были заняты селяне и партийно-советский актив. Наряду с этим, природный фактор (например, неурожай 1924 г.) становился причиной отказа от использования тех форм антирелигиозной работы (диспуты, суды и т.п.), которые в условиях роста религиозности населения могли оскорбить чувства верующих¹⁰.

По крайней мере, до конца 1920-х гг. в регионе атеистическая пропаганда часто проводилась в виде массовых кампаний: они разворачивались во время Рождества, Пасхи и Троицы¹¹. Первый опыт проведения «комсомольского рождества» оказался отрицательным. Так, антирождественский карнавал, организованный в декабре 1922 г. – январе 1923 г. в г. Курске, в целом принял «шуточный» характер в умах обывательских». Впоследствии кампании приобрели «в целом научно-деловой углубленный характер». В 1923–1927 гг. их основным содержанием являлась организация в период церковных праздников докладов, диспутов, лекций и театральных постановок¹².

Основная часть православного сообщества рассматривала театрализованные карнавалы, «суды» над Богом, религией и т.п. как оскорбление своих религиозных чувств (в феврале 1923 г. в Курском уезде)¹³. Эти мероприятия также способствовали разжиганию межконфессиональных и межнациональных конфликтов. Так, проведенный в январе 1923 г. в г. Курске антирождественский карнавал, главные роли в котором исполняли евреи, спровоцировал у верующих антисемитские настроения: «Почему осмеивают только нашу веру...?», «Зачем осмеивали в карнавале нашего, а не еврейского Бога?». Вместе с тем профессионально подготовленная кампания могла расколоть население на сторонников и противников православия, что, в частности, произошло в Суджанском уезде после организованного в январе 1924 г. «комсомольского рождества»¹⁴.

В 1920-е гг. многие жители Курской губернии продолжали следовать религиозному календарю и соблюдать обряды Церкви. Так, в октябре – ноябре 1923 г. крестьяне вместо революционных праздников отмечали православные. В январе 1928 г. население г. Щигры и Стакановской волости Щигровского уезда праздновало Рождество. В 1927 г. крестьяне Ивановской волости Львовского уезда крестили 75,7 % новорожденных, по церковной традиции заключили 67,3 % браков, провели 89,2 % похорон¹⁵.

Вследствие стабилизации в начале 1920-х гг. политической ситуации в Советской России курское православное духовенство вновь получило возможность осуществлять

⁵ См.: Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П–65. Оп. 1. Д. 359, 360, 448, 449, 527, 528, 631, 633, 746, 781.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 611. Л. 31; ГАОПИКО. Ф. П–65. Оп. 1. Д. 359. Л. 11 об, 207; Д. 527. Л. 40; Д. 633. Л. 7.

⁷ Там же. Ф. П–65. Оп. 1. Д. 359. Л. 29, 104 об, 128; Д. 360. Л. 144 об; Д. 449. Л. 28 об, 34 об, 60, 108–108 об, 120; Д. 527. Л. 41, 76, 127 об–128.

⁸ Там же. Ф. П–65. Оп. 1. Д. 359. Л. 8 об–9, 11 об, 23, 28 об–29, 134; Д. 360. Л. 71 об; Д. 448. Л. 82; Д. 449. Л. 37 об; Д. 527. Л. 40; Д. 528. Л. 16, 19, 24; Д. 631. Л. 209; Д. 633. Л. 42; Д. 750. Л. 66.

⁹ Там же. Ф. П–65. Оп. 1. Д. 359. Л. 8 об, 85, 94, 132; Д. 360. Л. 8, 11 об, 14 об, 20 об, 30 об, 36, 39, 55, 90, 98 об, 113, 135 об, 137, 148; Д. 528. Л. 14; Д. 633. Л. 140.

¹⁰ Там же. Ф. П–65. Оп. 1. Д. 359. Л. 128, 130, 147; Д. 360. Л. 105 об, 111; Д. 362. Л. 16; Д. 448. Л. 82–82 об; Д. 449. Л. 71; Д. 527. Л. 54; Д. 528. Л. 24.

¹¹ См.: Там же. Ф. П–65. Оп. 1. Д. 359, 360, 448, 449, 527, 528, 631, 633, 746, 750.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 611. Л. 60–61; ГАОПИКО. Ф. П–65. Оп. 1. Д. 359. Л. 16, 28 об, 134; Д. 360. Л. 71 об; Д. 449. Л. 22, 37 об; Д. 527. Л. 105, 110, 114, 128, 205; Д. 746. Л. 105–106.

¹³ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р–325. Оп. 2-с. Д. 6. Л. 9.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р–325. Оп. 2-с. Д. 6. Л. 2, 4, 5 об, 22 об; ГАОПИКО. Ф. П–65. Оп. 1. Д. 449. Л. 22.

¹⁵ ГАКО. Ф. Р–325. Оп. 2-с. Д. 6. Л. 71, 74; ГАОПИКО. Ф. П–65. Оп. 1. Д. 750. Л. 40, 66, 71.

внебогослужебную деятельность (проповедничество, просветительство, миссионерство, благотворительность), нередко превращавшуюся в антисоветскую агитацию. В проповедях, беседах, воззваниях духовенство, миряне (в частности, в 1923 г. в г. Курске, Курском уезде иереи Л. Иваницкий, М.И. Коровин, прихожане и монашествующие курских Знаменского, Свято-Троицкого монастырей, летом 1928 г. в г. Курске, Обоянском, Фатежском районах Курского округа священники) призывали верующих защищать православие, не допускать закрытия храмов и обителей, оставаться в лоне Церкви¹⁶. Несмотря на недовольство населения, в 1922–1926 гг. власти ликвидировали в Курской губернии 12 пустынь и монастырей¹⁷. Клирики проповедовали против атеистического и материалистического учений. В частности, во второй половине 1924 г. «за антисоветскую агитацию на религиозной подкладке» и против атеизма судебному преследованию подверглись архиепископ, епископ и пять священников. В 1928 г. в Щигровском уезде священнослужитель произносил проповеди «о вреде материализма» и против радио. В марте 1929 г. священник, «кулаки», учитель агитировали среди жителей с. Любостань Большесолдатского района Львовского округа против культурно-просветительной работы другого педагога¹⁸.

В Курском крае часть духовенства, активно участвовала в агитации против Советской власти (в 1923 г. в Чаплыгинской, Чермошнрянской, Муравлевской, Казацкой волостях Курского уезда)¹⁹. «Церковники» агитировали против экономической политики государства, в частности налогообложения (в мае 1923 г. в Касовецкой волости Курского уезда²⁰), хлебозаготовок (в 1928–1929 гг. в Солнцевском, Свободинском, Фатежском районах Курского округа²¹), вступления в колхозы (в июле 1929 г. в Белгородском районе того же округа²²), нелегально участвовали в отчетно-предвыборных кампаниях советов (в декабре 1928 г. в Бесединском, Тимском районах Курского округа²³).

У населения региона были распространены антисоветские взгляды, принимавшие религиозную окраску, что выражалось в ожидании апокалипсиса и росте антисемитизма. Например, в сентябре 1923 г. в Курской губернии циркулировали слухи о существовании «соглашения коммунистов с капиталистами», целью которого является уничтожение в стране крестьянского хозяйства и религии²⁴. В обстановке преследования клира и активных мирян, обновленческого раскола, снижения уровня религиозности народа и под влиянием проповедей священников в 1923 г. у верующих г. Курска, а также Рождественской волости Курского уезда возникли апокалипсические настроения, на основе которых сформировалось убеждение, что православным христианам не остается ничего иного, как «или помирать, или восставать»²⁵. Часть духовенства поддерживала антисемитизм жителей края. Так, в феврале – апреле 1923 г. священник Соколов убеждал жителей с. Знаменское Рождественской волости Курского уезда в том, что государственная власть, находящаяся в руках евреев, стремится уничтожить Церковь, для священнослужителей которой установили обременительное налогообложение. Священник Спасской церкви г. Курска в мае 1923 г. в беседе с верующими отмечал, что, если раньше Россия испытывала гнет царизма, то в настоящее время – «жидов», поэтому необходима активная поддержка пастырь Церквей как центра духовно-нравственной жизни общества²⁶. Вследствие проводившейся духовенством и «кулацкими группировками» в 1928 г. агитации православная общественность рассматривала неурожай и ужесточение хлебозаготовительной кампании,

¹⁶ ГАКО. Ф. Р–325. Оп. 2-с. Д. 6. Л. 4, 16 об, 20 об, 53, 59; ГАОПИКО. Ф. П–79. Оп. 1. Д. 406. Л. 127.

¹⁷ См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р–1235. Оп. 59. Д. 42. Л. 123, 125–130, 132–132 об, 134; Д. 45. Л. 82; ГАКО. Ф. Р–325. Оп. 2-с. Д. 7. Л. 310, 314, 399, 403–404 об; ГАОПИКО. Ф. П–65. Оп. 1. Д. 528. Л. 36; Арцыбашева Т.Н. Православный Курский край. Курск, 2002. С. 31, 107, 108, 110–111, 113, 116, 120.

¹⁸ ГАОПИКО. Ф. П–65. Оп. 1. Д. 528. Л. 18; Д. 781. Л. 122 об; Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Курской области (АУФСБ РФ КО). Ф. 10. Оп. 3. Д. 4. Л. 29.

¹⁹ ГАКО. Ф. Р–325. Оп. 2-с. Д. 6. Л. 8 об, 9, 16 об, 26 об, 34 об, 47, 63.

²⁰ Там же. Л. 31.

²¹ ГАОПИКО. Ф. П–79. Оп. 1. Д. 406. Л. 131, 137; АУФСБ РФ КО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 1. Л. 27.

²² АУФСБ РФ КО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 8. Л. 16.

²³ ГАОПИКО. Ф. П–11. Оп. 1. Д. 135. Л. 25; Ф. П–79. Оп. 1. Д. 66. Л. 105, 235.

²⁴ ГАКО. Ф. Р–325. Оп. 2-с. Д. 6. Л. 55.

²⁵ Там же. Л. 22 об, 44.

²⁶ Там же. Л. 16 об, 22 об, 31.

как «божье наказание за грехи человечества» (Подгородищенская волость Курского уезда, г. Курск)²⁷.

В 1920 г. в Курской епархии началось восстановление системы религиозно-нравственного просвещения. Так, с 1 августа стали проводиться в Сергиево-Казанском соборе г. Курска воскресные беседы и чтения. В 1921 г. беседы организовывались в городской Михайловской церкви и Николаевском храме пригородной Стрелецкой слободы. 14 января 1922 г. митрополит Курский и Обоянский Назарий (Кириллов) разрешил Курской религиозно-просветительной комиссии возобновить беседы и чтения, по крайней мере, в соборных церквях уездных городов. По-видимому, это начинание в будущем имело определенный успех, поскольку в 1928 г. – начале 1929 г. в г. Курске священники проводили публичные лекции, посвященные религиозным и научным вопросам²⁸.

Не ранее середины 1921 г. в регионе возродилась деятельность внутренней миссии, что было связано, с одной стороны, с увеличением численности общин баптистов и евангельских христиан (в том числе вследствие перехода части паствы в сектантство, как в «правильную» веру, после обновленческого раскола), активизации их «благовестничества»²⁹, а с другой – появился новый идеологический противник в лице государственного аппарата антирелигиозной пропаганды. В 1921 г. начала восстанавливаться приходская и благочинная миссии, в частности в Белгородском викариатстве, возобновилось проведение курсов, собраний по повышению профессионального уровня миссионерства духовенства³⁰. В 1923–1925 гг. в Старооскольском, Путивльском и других уездах состоялись диспуты с участием священников, атеистов и сектантов (однако в 1925 г. инициатива в организации дискуссий стала исходить, главным образом, от сектантов)³¹. В 1920-е гг. отношение населения, например Борисовского, Курского и Старооскольского уездов, к сектантству было различным – от толерантного до враждебного³².

В начале 1929 г. сильно ужесточилась религиозная политика государства. Кардинально изменилось законодательство, значительно ограничившее функционирование церковных учреждений и установившее вместо «свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды» «свободу религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды»³³. К середине 1929 г. в регионе, как в целом по стране, закрытие церквей приняло массовый характер, которое осуществлялось в большинстве случаев против желания верующих, что провоцировало их волнения (в марте в г. Короче Белгородского округа, в апреле в Кореневском районе Львовского округа)³⁴.

В связи с многочисленными протестами против ликвидации храмов 5 июня 1929 г. ЦК ВКП(б) разослал региональным парторганизациям директиву об использовании в борьбе с «религиозными предрассудками» в основном идеологических средств³⁵. Вместе с тем в Курском крае продолжалось насильственное закрытие церквей, которое в конце 1929 – начале 1930 г. достигло значительных масштабов (к январю 1930 г. только в Львовском округе из 260 храмов перестали действовать более 150³⁶). Антицерковная политика местных парторганов вызвала крупные волнения верующих. Лишь в декабре 1929 г. в ЦЧО на этой почве состоялось 10 выступлений³⁷. Подобные события произошли

²⁷ ГАОПИКО. Ф. П–79. Оп. 1. Д. 406. Л. 127, 131, 140.

²⁸ ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 279. Л. 1–2 об, 10–10 об; ГАОПИКО. Ф. П–11. Оп. 1. Д. 135. Л. 25; Ф. П–79. Оп. 1. Д. 406. Л. 126, 127, 137.

²⁹ См.: ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 254; ГАОПИКО. Ф. П–65. Оп. 1. Д. 528. Л. 3, 5, 26–27, 31.

³⁰ ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 254. Л. 3.

³¹ ГАОПИКО. Ф. П–65. Оп. 1. Д. 360. Л. 30 об, 71 об, 82; Д. 448. Л. 82; Д. 528. Л. 4, 31.

³² Там же. Д. 528. Л. 16 об, 22, 43.

³³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 – 1986). Т.5. М., 1984. С. 307–312; Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 157–158; ГАОПИКО. Ф. П–79. Оп. 1. Д. 218. Л. 20–21.

³⁴ ГАОПИКО. Ф. П–79. Оп. 1. Д. 221. Л. 72; АУФСБ РФ КО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 4. Л. 11, 31; Д. 5. Л. 13–14.

³⁵ Там же. Л. 72.

³⁶ Там же. Ф. П–11. Оп. 1. Д. 47. Л. 115; Д. 120. Л. 120.

³⁷ АУФСБ РФ КО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 12. Л. 10, 12.

в октябре 1929 – феврале 1930 гг. в Суджанском, Глушковском, Кореневском, Иванинском, Хомутовском районах Львовского округа³⁸.

В связи с проводившейся на рубеже 1929–1930 гг. хлебозаготовительной кампанией и сплошной коллективизацией борьба населения за свои религиозные права приобрела политический характер. Часть священников и мирян активизировали антисоветскую агитацию (по свержению большевистской власти, против хлебозаготовок, колхозного строительства, за открытие храмов) и деятельность (организация крестьянских выступлений, покушения на жизнь актива, поджоги личного имущества советских и других работников). Такая ситуация сложилась осенью – зимой 1929/30 г. в Коньшевском и Михайловском районах Львовского округа³⁹.

14 марта 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении», в котором осуждалась насильственная ликвидация церквей. Львовский окружком потребовал от партийных и советских организаций открыть административно закрытые храмы и разрешал в остальных совершение богослужений до особого распоряжения облисполкома об их упразднении. Вместе с тем, райкомы и райисполкомы не выполняли распоряжения вышестоящих инстанций⁴⁰, что спровоцировало в марте – мае 1930 г. новую волну массовых протестов крестьян, выступавших с требованием открытия церквей. Так, волнения прошли в Иванинском, Больше-солдатском, Кореневском, Михайловском, Хомутовском, Глушковском, Дмитриевском районах Львовского округа⁴¹.

В 1930-е гг. государство окончательно избирает репрессии и политику «воинствующего безбожия» как приоритетные направления в борьбе с РПЦ. В Курском крае органы ОГПУ-НКВД раскрыли деятельность крупных «контрреволюционных церковно-монархических организаций»: в 1932 г. – «Ревнителей церкви», в 1933 г. – «Группы освобождения церкви», в 1935 г. – группы «церковников» во главе с архиепископом Онуфрием (Гагалюком). По чекистской версии, они вели агитацию за восстановление монархии, против Советской власти, колхозного строительства и других хозяйственно-политических кампаний, организовывали крестьянские восстания и др. В 1937 г. в Курской области была ликвидирована «контрреволюционная церковная фашистско-террористическая» структура. Ее задачей являлось «объединение всех церковных течений для борьбы с Советской Властью в единый фронт, с целью свержения Советского строя и установления в стране фашистского режима» через совершение терактов на руководителей ВКП(б) и правительства⁴². В регионе продолжился курс на массовое закрытие церквей: до 1917 г. их насчитывалось 1700, в 1935 г. – 727 г., в 1937 г. – 476.⁴³

Православное сообщество Курского края 1920–1930-х гг. представляло собой не аморфную группу населения, а активную часть общества, которая приспособилась к быстро изменявшейся исторической ситуации и отстаивала свои интересы с целью сохранения Церкви и христианских ценностей. Оно, находясь в условиях проведения Советской властью целенаправленного курса по разрушению традиционного жизненного уклада социума, формировавшегося в течение многих веков, и насаждению новой (секуляризованной) культуры, оказало пассивное и активное сопротивление антирелигиозной и антицерковной политике государства.

³⁸ ГАОПИКО. Ф. П–11. Оп. 1. Д. 27. Л. 428, 538, 590, 619; Д. 47. Л. 115.

³⁹ ГАОПИКО. Ф. П–11. Оп. 1. Д. 27. Л. 504, 589; Д. 177. Л. 187.

⁴⁰ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 5. М., 1984. С. 104; ГАОПИКО. Ф. П–11. Оп. 1. Д. 162. Л. 35, 40, 41 об.

⁴¹ ГАОПИКО. Ф. П–11. Оп. 1. Д. 27. Л. 580, 610, 670; Д. 141. Л. 244 об.

⁴² Беспартотный Б.Д., Ильина З.Д., Карнаевич В.Г. Культура и власть: из рассекреченных архивов ВЧК-ОГПУ-НКВД. Курск, 1998. С. 104–106, 109, 119–130, 132–136, 163–164; Ильина З.Д., Карнаевич В.Г. Религия и власть: из рассекреченных архивов Курского ОГПУ // Клио. 2000. № 2 (11). С. 260–265; Карнаевич В.Г., Реутов В.В. Новомученики и исповедники земли Курской. Курск, 2006. С. 37–49.

⁴³ Беспартотный Б.Д., Ильина З.Д., Карнаевич В.Г. Культура и власть... С. 103.

ORTHODOX SOCIETY OF KURSK REGION IN THE PERIOD OF SOVIET ANTIRELIGIOUS POLICY IN 1920S–1930S

A. Yu. BUNIN

*Kursk State Agricultural
Academy after I.I. Ivanov*

e-mail: abunin46@rambler.ru

Made on the analysis of main aspects of historiography and the usage of methods of social and local history, the research of the position of orthodox society of Kursk region in the period of soviet antireligious policy 1920's – 1930's years showed, that in this period Russian Orthodox Church, in spite of atheistic propaganda and repressions of the state power, continued to be one of the main centers of spiritual life for many people of the region. On the basis of firstly introduced into the scientific circulation archival documents the author analyses forms of separate activities of clergy, forms of state fight with church and its influence on population, attitude of believers to the change of direction of state antichurch policy and socio-legal position of Russian Orthodox Church.

Keywords: Russian Orthodox Church, orthodox society, clergy, believers, laity, separate activities of clergy, Kursk region, Soviet state, antireligious policy, atheistic propaganda, repressions, anti-Soviet agitation.

УДК 94(47).084.5

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ С ОППОЗИЦИЕЙ В ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ СОВЕТСКОЙ ПРОВИНЦИИ В 1925-1926 ГГ.: «ДЕЛО ГРУППЫ НЕЧАЕВА» В БЕЛГОРОДСКОМ УЕЗДНОМ КОМИТЕТЕ ВКП(Б) КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Е.Ю. ПРОКОФЬЕВА

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: prokofjevaeu@mail.ru

Публикация содержит аннотированный автором текст документов из фондов Государственного архива новейшей истории Белгородской области (ГАНИБО), впервые вводящихся в научный оборот. Автором представлены материалы по «делу группы Нечаева», в частности, полные тексты Стенограммы доклада секретаря Курского губкома ВКП(б) Лепы «Об оппозиционной подпольной работе некоторых товарищей в Белгородской уездной партийной организации» и Постановления объединенного Пленума Курского губкома ВКП(б) и губернской Контрольной комиссии от 28-30 сентября 1926 г. Содержательная часть публикуемых документов, несомненно, важна для углубленного исследования вопросов, связанных с подбором и расстановкой кадров в партийно-государственных органах сверху донизу, а также механизма принятия советской властью решений в центре, оценка и качество их исполнения региональными чиновниками на местах.

Ключевые слова: «Нечаевщина», «антипартийная группа», «новая оппозиция», «объединенная троцкистско-зиновьевская оппозиция», Белгородский уком ВКП(б), Курский губком ВКП(б), губернская партийная контрольная комиссия (ГКК), рабочий-выдвиженец, социальное происхождение, социальное положение.

В чем должны выражаться в кратких словах наши практические задачи в связи с Белгородским делом, в связи со всей подпольной фракционной оппозиционной работой? – Партия, товарищи, не может больше терпеть фракционных выступлений, не может допустить подпольную фракционную работу оппозиции, не может разрешить некоторым группам нарушать единство партии. Надо решительно заявить: кто против партии борется – тот будет вне партии. Партия должна сейчас наиболее непримиримых, проводящих несмотря на все указания партии, несмотря на все предупреждения, подпольную фракционную работу элементов из своих рядов исключить. Довольно игратьсь вопросами партийного единства. Раскола нет и не будет, а разлагающих партию, мешающих творческой работе, ведущих подкоп против партии – мы должны от партии отсечь! Товарищи, которые по своей неосознанности вели работу, или которые потом искренне сознаются в своих ошибках, в своем участии в работе оппозиционных групп, к этим товарищам, без всякого сомнения, должна быть более мягкая линия. Этим товарищам мы должны перевоспитывать в духе ленинизма, в духе принципов большевистского партийного строительства.

Но не только в этом наша задача. Мы должны во-первых идти по линии поднятия активности широких партийных масс в деле обсуждения важнейших вопросов политики и работы партии. Мы должны прислушиваться к критике партийных масс. Во-вторых, мы должны последовательно проводить выборность партийных органов, должны принять более решительные меры к выдвижению новых сил на руководящую работу, мы должны расширять партийный актив. Необходимо усилить работу с партийным активом, повысить его квалификацию и поднять его теоретический уровень, добиваться во всей работе его сплочения вокруг партийных органов. В-третьих – надо усилить изучение ленинизма, необходимо углубить разъяснительную работу о решениях партии, партийного съезда и пленумов, среди широких партийных масс. В-четвертых – надо ставить эти вопросы и на общих собраниях беспартийных рабочих и крестьян. Мы не должны в своих выступлениях среди беспартийных рабочих и крестьян апеллировать к беспартийным массам. Это

было бы вредно и недопустимо. Но разъяснять, что делается в партии рабочего класса, какие разногласия существуют, разъяснять решения – мы должны и обязаны. Только таким образом мы сумеем вовлечь широкие рабочие массы в дело социалистического строительства.

Вот те практические задачи, которые составляют основу вопроса о проведении внутри-партийной демократии. Работа оппозиции объективно мешает нам развернуть внутри-партийную демократию, не только тем, что они отвлекают наше внимание от этих задач необходимостью борьбы против раскола, – не только тем, что они не оказывают нам помощи в этом деле. Разве это называется последовательное проведение внутри-партийной демократии, когда мы должны были командировать в Белгород новых работников, чтобы их кооптировать в состав УК? Кто виноват в этом?¹ Ведь нас на это толкают, заставляют это делать. Уездная организация не могла дольше доверить руководство организацией Нечаеву и другим, должна была постановить об откомандировании этих товарищей из уездной организации, должна была просить Губком о присылке новых работников, потому что местный актив слаб, что с активом мало работали. Сейчас оппозиция нас очень ругает за то, что мы плохо проводим внутри-партийную демократию, но как мы будем ее проводить, когда нам приходится не только думать о нашей работе, созидательной, творческой работе, но столько времени приходится употреблять на разбор этих грязных дел. Не без ущерба непосредственному партийному руководству, проведению внутри-партийной демократии все это Нечаевское дело. Мы добрую неделю потеряли на этом деле - комиссия Губкома, представители ГKK ездили в Белгород, а здесь неоднократные заседания для разбора этого дела. Да, оппозиция, вернее блок оппозиций, заключенный по Заявлению Зиновьева с Троцким всерьез и надолго мешает нам сейчас проводить внутри-партийную демократию. Товарищи, вся работа, работа с активом, работа по проведению внутри-партийной демократии возможна будет только тогда, если партия будет единой, если основы партийного единства не будут колебать оппозиционеры, тогда, когда каждый член партии будет чувствовать ответственность за судьбы партии, за работу своей ячейки, своего Райкома, Укома, Губкома, когда на ряду с этим будет крепка партийная дисциплина. Совершенно правильно заявляет Июльский Пленум, что «без твердой партийной дисциплины, без подчинения меньшинства большинству партия оказалась бы неспособной выполнить исторические задачи, возложенные на нее Октябрьской Революцией, сохранить и укрепить мощь диктатуры пролетариата и тем самым обеспечить победу социализма. ЦК и ЦКК выражают твердую уверенность в том, что наша партия найдет в себе достаточно сил, чтобы дать отпор всем попыткам нарушения единства партии, дать отпор всяким попыткам раскола и разложения партии. Против фракций и фракционной борьбы, мешающих партии руководить великим строительством социализма! За единство и сплоченность ленинской партии!» (Бурные аплодисменты).

Источник: ГАНИБО. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 411. Л. 3-9.

Полная машинописная заверенная копия (без сокращений). Текст угасает.

№ 2

Постановление Объединенного Пленума Курского Губкома и ГубКК ВКП(б) по делу т.т. Нечаева Николая Васильевича, Поль Михаила Аркадьевича, Биткиной Серафимы Васильевны, Воронина Михаила Арефьевича, Ежкиной-Нечаевой Веры Александровны, Бочарова Владимира Илларионовича, Быкова Ивана Михайловича. -30 сентября 1926 г.

1. Слушали: Дело Нечаева Николая Васильевича, 29 лет, в ВКП(б) с 1915 г., (п/билет № ...62712) [в тексте неразборчиво – Е.П.], партвзысканиям никогда не подвергался. Бывший рабочий, из крестьян, женат, окончил сельскую школу и 2 курса Свердловского университета. С апреля 1919 г. по октябрь 1920 года служил в Красной Армии на ад-

¹ Лепа оправдывается, поскольку секретари волкомов ВКП(б) высказывали недовольство «недемократическими» методами решения «дела Нечаева». Так, секретарь Корочанского волкома Попов на XIХ уездной партконференции заявил: «Вопрос о «нечаевщине» разрешен не так. Сняли Нечаева, после чего пошли оргвыводы, нужно бы этот вопрос проработать в низах не после решения губкома, а до этого решения...» // Государственный архив новейшей истории Белгородской области (ГАНИБО). Ф.1791. Оп.1. Д.482. Л.4.

министративной, политической должностях; с октября 1920 г. по январь 1922 г. включительно был секретарем Вологодского Губкома ВКП(б). С января по август 1922 г. работал в Пятигорске, сначала на должности зав. орготделом, затем секретарем Губкома, после этого учился в Свердловском университете², а с июля 1924 г по май 1925 г. был в Ростове н/Дону на должности инструктора Крайкома. С июня по декабрь 1925 г. включительно работал в Курске на должности инструктора Губкома, а с января 1926 г. в белгородской уездной организации, сначала зав. орготделом, затем секретарем Укома. В настоящее время находится в распоряжении Курского Губкома. Имеет орден Красного Знамени.

Обвиняется в том, что:

1). Он в своей работе официально проводил линию ЦК, будучи руководителем Белгородской Уорганизации и сознательно вел подпольную организационную работу оппозиции направленную к расколу партии.

2). Перенес данную работу за пределы Городской организации, ведя индивидуальную обработку членов партии в духе оппозиции в низовых ячейках, как то: обрабатывал т. Поль и приступил к обработке т. Лозина, Невинского и Малюкова.

3). С этой же целью вел обработку тов. Маслова, написав Маслову записку в Москву к Серебрякову, а также будучи в Кисловодске Нечаев пытался обработать в этом же направлении и секретаря Уфимского 1-го Горрайкома т. Мертешева [вероятно ошибка, правильно – Мартышева – Е.П.], давал последнему для чтения секретный оппозиционный материал и, кроме этого, адрес в Москву к т. Сапронову и какому-то Смирнову (адреса следующие: 2-й Дом Советов, кв.505 – Сапронов и Ананьевский пер. д. №5, кв.2 – Иванов, тел. 2-55-57).

4). Что в организационных целях оппозиционной работы Нечаев держал письменную и живую связь с лидерами оппозиции в Москве и получал от них секретный материал оппозиции и что для этой же цели перепечатывал и распространял среди членов партии однобоко-оппозиционный материал. Также Нечаев, будучи на квартире у тов. Перепелица выкрал у него книгу с материалами «о разногласиях по некоторым спорным вопросам» с надписью на обложке: «Только для членов XIV партсъезда», которую тов. Перепелица привез со Съезда. Однако, распространяя версию в Губкоме, что Перепелица эту книгу утерял. И в оппозиционных целях эта брошюра была также машинисткой Укома перепечатана в 2-х экземплярах.

5). Что, будучи документально изобличен в ведении организационной работы оппозиции и связи с Москвой т. Нечаев на допросе в ГЧК был неискренен в своих показаниях, отрицая доказанные факты и не признавая своей ошибки и вины в том, что он в действительности проводил. (Докладчик тов. Володин в присутствии Нечаева).

1. Постановили: Считать установленным:

1). Что т. Нечаев в своей работе официально проводил линию ЦК, вместе с этим сознательно вел в Белгородской организации подпольную организационную работу оппозиции, направленную к расколу партии.

2). а) Получал от лидера оппозиции в Москве секретный однобоко-оппозиционный материал и перепечатывал его.

б) Делал выписки из стенограммы Пленума ЦК и ЦКК из речей оппозиционеров; давал перепечатывать беспартийной машинистке Укома и все это распространял среди членов партии.

в) Украл у т. Перепелицы (член съезда) брошюру «О разногласиях по некоторым спорным вопросам», предназначенную только для членов XIV партсъезда, также перепечатал ее в 2-х экземплярах.

3). Что Нечаев вел обработку в оппозиционных целях следующих членов партии Белгородской организации тт. Поль, Биткиной, Воронина, Ежкиной, Бочарова и Быкова, давая им для чтения секретный оппозиционный материал и ведя разговоры в этом же духе.

Вместе с этим Нечаев распространял свое влияние не только в уезде, но и за пределами губернии, обрабатывая т.т. Маслова и секретаря Уфимского 1-го Горрайкома Мертешева [опечатка в тексте, вероятно правильно – Мартышева – Е.П.].

² Курсы для руководящего состава партийно-советских и профсоюзных работников в г. Курске.

4). Что будучи ярким сторонником троцкистской оппозиции с 1923 г. не заявил об этом организации и тем вводил ее в заблуждение.

Исходя из всего вышеизложенного, Нечаева, как обманувшего доверие Губпарторганизации и за ведение подпольной организационной работы оппозиции, ведущей к расколу партии – ИСКЛЮЧИТЬ из рядов ВКП(б)*.

2. Слушали: Поль Михаил Аркадьевич, 1900 года рождения, в ВКП(б) с 1920 года, Белгородской Урганизации (п/билет № 459828); из рабочих, женат, окончил рабфак, в Красной Армии служил с 1919 г. по 1922 г. на политической должности. Партвзысканиям не подвергался. В настоящее время работает в качестве администратора сахарного завода.

Обвиняется в том, что кроме Нечаева проводил также организационную работу оппозиции в чем на допросе и признался, раскаиваясь в своей ошибке. (Докладчик тов. Володин в присутствии Поль).

2. Постановили: Т. Поль – за то, что проводил организационную работу оппозиции в Белгородской организации заслуживает исключения из рядов ВКП(б), но, принимая во внимание, что он сознался в своей ошибке и раскаялся – объявить строгий выговор.

3. Слушали: Биткина Серафима Васильевна 27-ми лет, в ВКП(б) с 1919 г. Белгородской Урганизации, (п/билет № 129672), замужняя, из рабочих, по профессии кожевница. Окончила Свердловский Университет. В настоящее время на должности уполномоченного по рабочей медицине.

Обвиняется в том, что: вместе с тов. Бочаровым, попав под обработку тов. Нечаева, читая даваемый им однобоко-оппозиционный материал и зная об оппозиционности Нечаева не сообщила в соответствующие парторганы и тем самым, не пресекла в корне организационную работу оппозиции, которую вел Нечаев. (Докладчик тов. Володин в присутствии Биткиной).

3. Постановили: Т. Биткиной за то, что получая от Нечаева оппозиционный материал и зная о его распространении не сообщила в соответствующие парторганы объявить строгий выговор.

4. Слушали: Воронин Михаил Арефьевич, 27-ми лет, в ВКП(б) с 1919 г., (п/билет № 923151), партвзысканиям не подвергался, рабочий, из крестьян, окончил Свердловский Университет. Служил с апреля 1919 г. по ноябрь 1922 г. в Красной Армии, с 1922 г. по 1925 г. учился в Свердловском Университете и затем работал в Белгородской организации. Последнее время занимал должность Зав.Орготделом Укома.

Обвиняется в том, что: просматривая оппозиционный материал, данный ему его женой т. Биткиной, полученный последней от Нечаева он не только сам не сообщил в соответствующий парторган (так в тексте), но и т. Биткиной отсоветовал это делать. (Докладчик т. Володин в присутствии Воронина).

4. Постановили: Т.Воронину за то, что, получая от Нечаева оппозиционный материал, зная о его распространении и не придав значения распространению, не сообщил об этом в соответствующие парторганы – объявить выговор со снятием с руководящей партийной работы на 2 года.

5. Слушали: Ежкина – Нечаева Вера Алесандровна, 22-х лет, член ВКП(б) с 1924 г., а кандидат с 1921 г. Белгородской организации (п/билет № 698756), замужняя, дочь крестьянина, образование среднее, в настоящее время состоит в должности информатора белгородского Укома. Партвзысканиям не подвергалась.

Обвиняется в том, что: не была искренна в своих показаниях перед ГКК, скрыв то, что она получила от т. Нечаева в Курске с нарочным предупредительное письмо и вообще не дала откровенных показаний, как это подобает члену партии, о действиях Нечаева. (Докладчик тов. Володин в присутствии Ежкиной).

5. Постановили: За неоткровенность в своих показаниях ГКК и скрывание получения предупредительного письма от т.Нечаева – объявить выговор.

* В конце Постановления по Нечаеву на странице карандашом от руки сделаны пометы, однако прочесть их невозможно из-за угасшего текста.

6. Слушали: Бочаров Владимир Илларионович 1893 г. рождения, член ВКП(б) с 1920 г. Белгородской организации (п/билет № 96222), сын рабочего, образование низшее, женат, по профессии техник-строитель, в 1917 г. состоял в партии эсеров центра, до 1911 г учился, затем по 1916 г. работал в качестве техника на железной дороге и в Земстве, с 1916 г. по 1918 г. служил в армии и с 1918 г. работал в советских учреждениях на разных должностях. В настоящее время занимает должность Зав. АПО Белгородского Укома. В 1921 г. было поставлено на вид за несвоевременную уплату членских взносов.

Обвиняется в том, что: попав вместе с Биткиной под обработку т. Нечаева, читая даваемый им однобоко-оппозиционный материал и зная об оппозиционности Нечаева не сообщил в соответствующие парторганы и, тем самым, не пресек в корне организационную работу оппозиции, которую вел т. Нечаев. (Доклад тов. Володина в присутствии т. Бочарова).

6. Постановили: Т. Бочарову за то, что получая от Нечаева оппозиционный материал и зная о его распространении скрыл это и не сообщил в соответствующие парторганы – объявить строгий выговор.

7. Слушали: Быков Иван Михайлович, 39 лет, в ВКП(б) с 1917 г., Белгородской организации (п/билет № 21843), рабочий, из крестьян, образование сельское, женат. С 1919 г. по 1920 г. служил добровольно в Красной Армии на должности политработника, а с 1920 г. работал на советской работе, занимая должности от пред. ВИКа, а затем зам. пред ГИКа. В настоящее время состоит на должности пред. Белгородского УИКа. Партвзысканиям не подвергался.

Обвиняется в том, что: читая данный ему Нечаевым однобоко-оппозиционный материал, отпечатанный на пишущей машинке, не придав ему особого значения, также не сообщил в соответствующие парторганы об этом. Наряду с этим Быков подвергался обработке со стороны т. Нечаева так и со стороны тов. Пузакова. (Докладчик тов. Володин в присутствии тов. Быкова).

7. Постановили: Тов. Быкову за то, что получая от т. Нечаева оппозиционный материал и зная о его распространении скрыл это и не сообщил в соответствующие парторганы – объявить строгий выговор.³

Источник: ГАНИБО. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 411. Л. 10-11.

Полная машинописная заверенная копия (без сокращений). Текст утасает.

(Начало в №№ 7(126). Выпуск 22, 13 (132). Выпуск 23. Окончание)

FROM THE HISTORY OF THE FIGHT WITH THE UNDERGROUND OPPOSITION IN THE PARTY ORGANIZATIONS OF THE SOVIET PROVINCE IN 1925-1926: «THE CASE OF THE NECHAEV'S GROUP» IN BELGOROD COMMITTEE OF THE KURSK PROVINCE

E.Yu. PROKOFIEVA

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
prokofievaeu@mail.ru*

The paper suggests annotated by the author and firstly used in press text of the documents from the State archives of the Modern history of the Belgorod Region. Materials of the «case of the Nechaev's group» i.e. all texts of the short-hand report of the secretary of Kursk Committee Lepa «About the opposite underground activity of some mates in Belgorod Party organization» and Resolution of the united Plenum of Kursk Committee and Control Committee of 28-30 of September 1926 are given in the paper. Documents published are by all means important for deep research of the problems of selection and placing of personnel in Party and state bodies from top to bottom and the mechanism of making decisions of the Soviet power in the center.

Keywords: «nechaevshina», «contrparty group», «new opposition», «united Trotsky-Zinoviev- opposition», Belgorod Committee, Kkursk Committee, party control committee, worker promoted, social nature, social position.

³ В источнике нет постановления о Пузакове и каких-либо сведений о его дальнейшей судьбе.

УДК 94 (479.22)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ГРУЗИИ И ПРОБЛЕМА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЮЖНЫХ ОСЕТИН В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА

У.Ш. ТЕДЕЕВА*Северо-Осетинская медицинская академия, г. Владикавказ**e-mail: Tedeeva76@mail.ru*

В статье рассматриваются особенности национальной политики Грузии в 1920-е годы. Раскрываются этапы борьбы южных осетин в отстаивании права на национальное самоопределение, а также пути решения обозначенной проблемы.

Ключевые слова: право на самоопределение, национальный вопрос, объединение южных и северных осетин, национальные меньшинства Грузии, Закавказье, Грузинская Советская Социалистическая Республика, Южная Осетия.

В начале XX в. на территории Тифлисской и Кутаисской губернии, Батумской области и Сухумского округа кроме грузинского народа (на тот период 1 милл. 600 800 тыс. душ) жили еще и другие национальности. Из них по своему количественному составу наиболее значительными являлись: армяне (400-500 тыс.), русские (250-300 тыс.), осетины (70-80 тыс.), абхазцы (100 тыс.), татары, турки, греки, евреи и, наконец, аджарцы (150 тыс.) или омусульманившиеся грузины Батумской области¹. Все эти народности на территории Грузии являлись, таким образом, более или менее значительными меньшинствами. Большею частью все эти национальности, за исключением абхазцев и аджарцев, жили рассеяно, хотя местами некоторые из них, как, например, армяне, осетины и татары, представляли более или менее компактные массы.

Национального вопроса в Грузии до Февральской революции как такового не существовало. С 1907 по 1917 гг. он начал здесь подробно дебатироваться в прессе. Особенно много писали меньшевики, но эти дебаты не имели никакого значения, за исключением, быть может, того, что они показали явный уклон грузинских меньшевиков (Н. Жордания, А. Чхенкели и др.) в сторону национализма, шовинизма, причем, одни, как Н. Жордания, стояли за национально-культурную автономию, другие же, как А. Чхенкели, за национально-территориальную. Начиная с Февральской революции, грузинские меньшевики все больше склонялись к национализму (национальный совет Грузии, национальные полки и т.д.). Одновременно в одном и том же городе образуются по несколько национальных Советов и национальных полков. Так, в Тифлисе в конце 1917 г. и в начале 1918 г. одновременно существовали Национальные Советы и национальные воинские части: грузин, армян, русских, осетин, греков и т.д. Все эти Советы играли роль национальных правительств, которые положили начало грузинскому шовинизму. Главнейшими идеологами подобного шовинистического направления были три партии: меньшевиков, дашнакцаканов и мусаватистов. После распада Закавказского Сейма каждая из этих партий оказалась во главе национально-буржуазного правительства: меньшевики – в Грузии, дашнаки – в Армении и мусаватисты – в Азербайджане. Не переставая враждовать между собой, каждая из этих партий в пределах территории своей республики вела систематическую войну против национальных меньшинств. Дашнаки выдворяли из пределов Армении татар, мусаватисты – армян, грузинские меньшевики – армян, татар и осетин, а все вместе русских. Тысячи и десятки тысяч семейств насильственным образом выбрасывались из своих домов, их грабили, избивали и заставляли бежать в неведомые места. Грузинские меньшевики, равно как дашнаки и мусаватисты, задались целью освободить территорию своих республик от других национальностей². Для Закавказья, которая было населена народами разных национальностей, подобная политика казалась невозможной. Но, несмотря на пролитую кровь, разграбление и уничтожение семейств, издевательства, шовинистическим партиям не удалось достичь своей цели. Хотя, многие

¹ Дни господства меньшевиков в Грузии. Документы и материалы / сост. Г. Девдариани. Тифлис, 1931. С. 231.

² Там же. С. 232.

селения и деревни были сожжены и уничтожены, десятки тысяч людей были насильственным образом выселены из насиженных мест. На национальные меньшинства Закавказья посыпались всякого рода гонения, преследования, репрессии; они фактически были лишены всех гражданских прав. В такое положение в Грузии попали русские, армяне, осетины, абхазы, аджарцы, татары и т.д.

О «демократичности республики» высказывался еще «отец» грузинской демократии Н. Жордания: «У нас в Закавказье очень много наций, частью перемешанных друг с другом. Как каждой из этих наций дать самоуправление, так, чтобы она не мешала другой? Это основная и самая трудная проблема. На основании чего мы можем решить эту проблему? Я должен сказать, что единственное основание, единственный базис, на котором мы можем строить эту постройку, – есть равноправие наций. Если какая –нибудь партия или нация поставит нам требования великодержавного характера, – а великодержавные требования могут ставить и маленькие нации, если у нас будут требования империалистические, – мы должны сказать, что у нас, несомненно, национального мира не будет»³.

Так говорил Н. Жордания еще в феврале 1918 г. на заседании Закавказского сейма, еще в ту пору, когда грузинские меньшевики предполагали создать Закавказское государство, и они не представляли еще в какую форму оно выльется, составленное из столь разнородных этнически и конфессионально элементов. С уверенностью можно предположить, что тогда он мечтал не о равноправии закавказских народов, ни о том, чтобы ни один из этих народов не проявлял великодержавных или империалистических стремлений, а совсем наоборот, он ничего бы не имел против, если бы грузины поглотили бы все остальные народности: и армян, и русских, и татар, и осетин и т.д. Но сам Н. Жордания боялся того, что в той закулисной игре, которая была затеяна грузинскими меньшевиками, армянскими дашнаками и азербайджанскими мусаватистами друг против друга, сам грузинский народ окажется «жертвой империалистических стремлений какой-либо другой нации».

После распада Закавказского Сейма и образования отдельных закавказских республик политика меньшевиков выразилась, во-первых, в стремлении расширить территорию Грузии за счет территорий соседних республик; во-вторых, сделать грузинский народ, или скорее его верхи, великодержавной нацией по отношению ко всем другим народностям, издавна населяющим территорию Грузии⁴. «Грузия для Грузии», – таков был основной лозунг грузинского меньшевистского правительства, который объединил и меньшевиков, и национал-демократов, и дворян. Все граждане Грузии оказались подразделенными на две категории: грузин и негрузин. Во вновь образовавшемся «демократическом» государстве граждан последней категории, т.е. негрузин, стали называть пришельцами, пришедшими в Грузию с коварными целями, обвиняли их в измене Грузии, называли подкупленными агентами, – словом всячески старались оклеветать их перед грузинским народом. Даже революционные восстания крестьян приписывали тайным козням то армян, то осетин, замысливших якобы разрушить молодое государство с целью отнятия у грузин всего их достояния.

Южной Осетии, прежде всего, пришлось непосредственно столкнуться с великодержавными стремлениями грузинских меньшевиков. Когда они без санкции народа объявили Грузию независимым государством, то жители юга Осетии, хорошо зная то враждебное отношение, проявленное к ним как раз перед этим событием, решили отстаивать свою автономию, которой фактически за время революции они уже пользовались. Но «демократическая» республика Грузии не могла примириться с тем, что осетины придерживаются советской ориентации. Почти с первого же дня своего появления «независимое» грузинское государство вступило в открытый конфликт с осетинским народом. Оно считало, что Осетия должна забыть об автономии и войти в рамки грузинской государственности и признать суверенность и великодержавность грузинского народа; осетины должны были отказаться от употребления своего языка в школе, в деловых сношениях и т. д. Началась борьба между осетинским народом, добивающимся самоопреде-

³ Дни господства меньшевиков в Грузии. Документы и материалы / сост. Г. Девдариани. Тифлис, 1931. С. 235.

⁴ Там же. С. 236.

ления, дарованного всем народностям российской революцией, и грузинскими меньшевиками, которые не давали возможность воспользоваться этим завоеванием всем национальным меньшинствам. С другой стороны, на заседании парламента Грузии 18 февраля 1918 г. Н. Жордания говорил о создании истинной демократии в Грузии, где «народ становится властителем и господином собственной жизни, которая создается на новой, дарованной революцией почве»⁵. В своей речи он также заявлял о том, что они желают всем народностям, населяющим Грузию «не насильственного их присоединения, а добровольного союза, основанного, однако, на признании с их стороны демократической Грузии». При этом, зная о том, что окраины отличаются от центра в культурном отношении, и считаясь с этим, правительство постановило предоставить этим окраинам автономию во внутренней своей жизни при одном условии: сохранения стратегической, исторической и экономической целостности Грузии: «...мы все их (национальных меньшинств) требования, касающиеся автономии, как бы ни была она широка, можем принять. Не можем принять лишь одного: отделения от нас...»⁶.

Но, ни одно из этих обещаний не было выполнено правительством Грузии. Наоборот, наблюдались систематические захваты грузинскими меньшевиками окраин, насильственного их присоединения к Грузии, войны с соседями, кровавые расправы с национальными меньшинствами. Не в малой степени именно эта политика Грузии по отношению к национальным меньшинствам стала причиной возникновения необходимости после провозглашения Советской власти в Южной Осетии образования автономной области и в ее объединении с Северной Осетией. Вопрос объединения всей Осетии, который обсуждался еще в 1917 г., а особое внимание ему стало уделяться в 1924-1925 гг., носил то административный, то культурно-просветительский, то религиозный характер.

Первый съезд народов Южной и Северной Осетии состоялся в 1917 г. Съезд заслушал доклад Н. Джигоева по вопросу объединения южных и северных осетин, вследствие которого была вынесена следующая резолюция: «Обсудив вопрос об объединении Южной и Северной Осетии, съезд делегатов всей Осетии признал, что объединение это возможно только в области культурно-просветительских задач. Что касается политического объединения, то таковое нельзя рассматривать вне зависимости от решения общего политического устройства всего Российского государства. Если же кавказские народы получают территориально-национальные автономии, то осетинам Северной и Южной Осетии предоставляется право на самоопределение»⁷.

Непосредственной разработкой путей решения этой проблемы занимались С. Такоев и К. Бутаев, а также «Осетинский Социалистический Союз», проект программы которого составили Г. Гагкаев и М. Гадиев. В программе, в частности, говорилось о том, что «тот факт, что единое тело Осетии рассечено и Осетия в настоящее время представляет две половины, совершенно разобщенные друг от друга, является продуктом исторического процесса, происходящего на фоне столкновений и войн разных человеческих групп. В открываемый русской революцией исторический период перед нами во весь рост встала сознательная историческая задача – воссоединить Осетию и, образовав единый национальный организм, создать общенациональную основу для прогрессивного развития осетинского народа»⁸.

Для достижения своей основной цели Союз ставил перед собой следующие задачи: «1. Установление демократической федеративной республики; 2. Автономия единой Осетии с законодательными органами, избранными на основании всеобщего равного прямого тайного, пропорционального избирательного права для местного законодательства, а также разработки и развития законов, издаваемых российским парламентом; 3. В целях уничтожения результатов самодержавной завоевательной политики, Осетинский Социалистический Союз требует признания земель и лесов, отобранных в российскую казну, собственностью осетинского народа; 4. Широкое развитие осетинской нацио-

⁵ Дни господства меньшевиков в Грузии. Документы и материалы / сост. Г. Девдариани. Тифлис, 1931. С. 239.

⁶ Там же. С. 239.

⁷ Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее ЦГА РСО-А). Ф. 224. Оп.1. Д. 265. Л. 6-10.

⁸ Горская жизнь. 1917. 25-27 октября.

нальной культуры как единственного пути к развитию общественности и общему поднятию культуры масс в Осетии»⁹.

А проект устава «Осетинского Национального Совета» гласил, что: «Учреждаемый во Владикавказе Осетинский Национальный Совет имеет своей целью: 1. Объединить всех осетин, признающих необходимость взаимного сближения на экономической основе при полном уважении их политических воззрений; 2. Деятельность Совета распространяется на всю Осетию – как на Северную, так и на Южную; 3. По вопросам общесетинским или чрезвычайным созывается сессия Всесоюзного национального Совета»¹⁰.

Эти документы взяты из фонда Г.В. Баева. Глубоко обеспокоенный судьбой своего народа, он не обошел вниманием и проблему разделенности Осетии. Его интерес в возможности проведения дороги через Кавказский хребет, в подготовке педагогических кадров и специалистов для Южной Осетии был очень велик. Среди документов Г.В. Баева есть также один из проектов объединения Северной и Южной Осетии: «1. Административное объединение для осуществления общекультурных задач: а). Национальная школа в пределах средней; б). Общая почта; в). Суд на родном языке; г). Общее санитарное положение; 2. Представительство в Учредительном собрании; 3. Осетинское епископство для Северной и Южной Осетии: а). Выборное начало духовенства; б). Богослужение на осетинском языке; в). В церковно-административном отношении осетинское духовенство подчиняется русской церкви»¹¹.

Шаг за шагом сторонники объединения продвигались к цели. Вопрос о культурно-просветительном объединении Осетии очередной раз официально рассматривался на первом съезде деятелей по народному образованию Осетии, который проходил в Цхинвали с 19 по 23 августа 1924 г. На съезде было сказано о том, что «...осетинский народ до настоящего времени не составлял единой административной единицы. В силу географического положения и расселения осетинского народа Осетия распалась на две автономные области, которые территориально сопредельны и разделяет их только Кавказский хребет (Юго-Осетинская автономная область входит в состав Грузинской Советской Социалистической Республики, а через нее в Закавказскую Федерацию, Северо-Осетинская автономная область же входит в состав РСФСР). Кроме того, довольно большая часть осетинского народа, как на севере, так и на юге, численностью до 50 тысяч человек остается вне автономных областей Осетии. Такие условия политического существования осетинского народа нельзя признать благоприятными для его культурного и национального развития»¹².

Самым важным вопросом, имевшим исключительное значение для культурного и национального развития осетин, съезд посчитал вопрос о согласовании культурно-просветительной работы в обеих частях Осетии, в целях которого первый объединенный съезд деятелей по народному образованию постановил осуществить: «Единую систему народного образования; единый литературный язык; единую графику, орфографию и десятичную систему счета; единый план издательства; объединение деятельности всех научных обществ и организаций Северной и Южной Осетии в один исследовательский институт»¹³. Съезд также выразил желание и готовность созывать в будущем подобные объединенные съезды деятелей по народному образованию. Но он оказался первым и последним подобного рода форумом, хотя и были попытки созвать и второй съезд. Значительную роль, наверное, в этом сыграли события последующего 1925 г.

10 июня 1925 г. на заседании президиума ЦИКа Северо-Осетинской автономной области К. Борукаев и С. Такоев отчитались о своей поездке в Ростов и Москву, где они наряду с другими проблемами решали и вопрос об объединении Осетии. По сути дела он был решен в пользу объединения. Формы же объединения должны были рассмотреть на заседании Северо-Кавказского ЦИКа и бюро крайкома ВКП(б) в Ростове. Они состоялись в один и тот же день – 12 июля 1925 г. На заседании Президиума ЦИК Северо-Осетинской

⁹ Горская жизнь. 1917. 25-27 октября.

¹⁰ ЦГА РСФСР-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 265. Л. 7-9.

¹¹ Там же. Д. 274. Л. 6.

¹² ЦГА РСФСР-А. Фр. 49. Оп. 1. Д. 584. Л. 15.

¹³ Там же. Л. 3-6.

автономной области с докладом о поездке в Ростов и Москву выступил председатель Президиума К. Борукаев. Его выступление касалось вопросов об объединении севера и юга Осетии, в котором он отметил, что этот вопрос, в принципе, был предрешен еще первым съездом Совета Северо-Осетинской автономной области, а формы объединения поручалось определить Исполнительному комитету. «Само объединение, – по мнению К. Борукаева, – должно произойти в составе Грузинской Социалистической Советской республики по настоянию представителей Южной Осетинской автономной области, которые были связаны наказом съезда Советов области о том, чтобы на объединение с Северной Осетией идти при обязательном условии вхождения всей Осетии в состав Грузинской Советской Социалистической Республики»¹⁴.

Заседание Большого Президиума Северо-Кавказского ЦИКа 12 июля 1925 г. по докладу С. Такоева «Об объединении Северо-Осетинской и Южно-Осетинской автономных областей» было постановлено: «1. Не возражать против объединения Северо-Осетинской и Южно-Осетинской автономных областей со вхождением нового административного образования в состав ССРГ. 2. Не возражать против нахождения административного центра объединенной Осетии в городе Владикавказе»¹⁵.

На седьмом Пленуме бюро Северо-Кавказского крайкома РКП (б) 12 июля 1925 г. по этому же вопросу выступил А.И. Микоян. Он, в частности, отметил: «В плоскости разрешения стоит вопрос об Осетии. Имеется два осетинских объединения: одно объединение Северо-Осетинское, входящее в состав СССР, другое Южное. Их отделяет хребет, но промежуточных других народностей между ними нет. Товарищи осетины, как северные, так и южные, высказались на своих съездах за объединение. Бюро Крайкома, обсуждая этот вопрос, считает с точки зрения самоопределения национальностей, что это предложение осетинской нации приемлемо»¹⁶. По мнению А.И. Микояна «бюро Крайкома не закрывало глаза и на ряд препятствий на этом пути, которые могут отразиться некоторым нарушением того равновесия, взаимоотношения национальных сил, которые находятся у нас на Северном Кавказе»¹⁷. Поэтому он считал необходимым предотвратить угрозы и опасности, тем более что всякие затруднения (экономические, социальные), были менее значимы, чем политические. Секретарь Крайкома указывал и на то, что «разрешение этого вопроса возможно политически, считаясь с тем, что это объединение вызывает необходимость перехода в состав Грузии»¹⁸. Он предложил два пути разрешения этой проблемы: или объединение Северной и Южной Осетии в составе РСФСР, или в составе Грузии. И тут же дал объяснение своему предложению: «Может быть, с точки зрения экономической и политической им было бы лучше быть в составе РСФСР, но с точки зрения общей политики, придется им быть в составе Грузии»¹⁹.

Югоосетинская позиция в вопросе объединения с Грузией склонялась к тому, что союз с Грузией представляет собой с политической точки зрения несправедливый акт, который послужит причиной постоянных конфликтов, и этот акт не будет обоснован также и с точки зрения культурной жизни.

Для Грузии же факт образования на территории Южной Осетии автономной единицы и ее интеграции в состав ГССР формировали так называемую «осетинскую проблему»²⁰, поскольку автономный статус Южной Осетии ограничивал грузинский и закреплял осетинский этнический контроль в регионе и обеспечивал выражение прав осетинского этноса. Поэтому Грузия расценила факт образования Юго-Осетинской автономной области как «нанесение большого урона территориальной целостности Грузии, осуществленное без разрешения грузинского народа, против воли и интересов...»²¹.

Так решалась судьба Южной Осетии в 20-е годы XX века, плоды «политики предотвращения угроз и опасностей» которой дадут о себе знать в конце XX – начале

¹⁴ ЦГА РСО-А. Фр. 97. Оп. 1. Д. 37. Л. 72.

¹⁵ Там же. Фр. 47. Оп. 1. Д. 450. Ч. I. Л. 120.

¹⁶ Государственный архив Ростовской области. Ф. 7. Оп. 1. Д. 95. Л. 20.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 21.

¹⁹ Там же.

²⁰ Осетинский вопрос / сост. А. Бакрадзе и О. Чубинидзе. Тбилиси, 1994. С. 76.

²¹ Из истории взаимоотношений грузинского и осетинского народов (Заключение комиссии по изучению статуса Юго-Осетинской области). Тбилиси, 1991. С. 109.

XXI столетия. В итоге ни в одну из вышеперечисленных форм объединения югоосетинский народ не вошел.

Интерес исследователей к проблеме национального самоопределения южных осетин, а также к национальному вопросу в Грузии не ослабевал и позже. В начале 90-х гг. XX в. – на заре демократизации всего советского общества – был сделан значительный прорыв в изучении проблематики грузино-осетинских взаимоотношений в целом, национального самоопределения в частности. В конце прошлого столетия появляются работы, различные как по исследовательскому уровню, так и своей политической направленности. Среди них выделяется ряд грузинских публикаций, авторы которых ставили перед собой цель доказать, что осетины являются якобы «пришельцами» и «гостями», поселившимися на территории Грузии XVII-XVIII вв.²² По мнению этих авторов, Осетия представляет собой лишь географическое понятие и ее территория будто является исконной землей Грузии. По их утверждению, до 1922 г. «осетины не имели этнополитического и этнотерриториального образования».²³ Причину обострения межнациональных отношений в Грузии они видели в политике Центра и «местных сепаратистских сил», которые хотели создать свое национальное государство, что было недопустимо с точки зрения грузинского правительства. Работы грузинских исследователей представляют собой явную фальсификацию исторических фактов не только в области формирования южной ветви осетинского народа, но и характера развития взаимоотношений Грузии с Российским государством в целом.

В противовес грузинским авторам, исследователями Южной Осетии были изданы научные труды, основная цель которых – восстановить историческую правду о подлинных взаимоотношениях двух народов с древних времен до конца советской власти в Грузии и показать на исторических фактах право югоосетинского народа на самоопределение.²⁴

С середины 1990-х гг. предметом исследования осетинских историков становятся непосредственно грузино-осетинский конфликт 1989-1992 гг. и постконфликтное развитие Южной Осетии. В свет выходят работы, освещающие один из сложных периодов в истории юга Осетии – осуществление грузинским националистическим правительством третьего геноцида, в условиях которого происходило становление и развитие югоосетинской государственности.²⁵ В этом направлении особый интерес вызывает книга экс-президента Республики Южная Осетия Л.А. Чибирова,²⁶ описавшего «кровопролитный развод Южной Осетии с Грузией». В книге воспроизводятся основные вехи истории Южной Осетии, ранее малоизвестных массовому читателю; почти детально высвечиваются наиболее значимые события последнего десятилетия минувшего века, ознаменовавшего собой нелегкий путь строительства собственной государственности в истории южной ветви осетинского народа.

²² Итонишвили В. Из истории грузино-осетинских отношений (на груз. яз.). Тбилиси, 1995; Ментешавили А.М. Исторические предпосылки современного сепаратизма в Грузии. Тбилиси, 1998; Его же. Из истории взаимоотношений грузинского, абхазского и осетинского народов (1918-1921 гг.). Тбилиси, 1990. Исторические и политико-правовые аспекты грузино-осетинского конфликта и основные пути его урегулирования / сост. Г. Жоржолиани, Л. Матарадзе и др. Тбилиси, 1992; Хоштария-Броссе Э.В. Межнациональные отношения в Грузии – причины конфликтов и пути их преодоления (на груз. яз.). Тбилиси, 1993; Цотнишвили М.М. Осетинское сепаратистское движение в Грузии и его сущность (на груз. яз.). Тбилиси, 1998; Из истории взаимоотношений грузинского и осетинского народов (Заключение комиссии по изучению статуса Юго-Осетинской области) (на груз. яз.). Тбилиси, 1991; Гвасалия Дж. Шида Картли и осетинский вопрос (на груз. яз.). Тбилиси, 1997.

²³ Исторические и политико-правовые аспекты грузино-осетинского конфликта и основные пути его урегулирования / сост. Г. Жоржолиани, Л. Матарадзе и др. Тбилиси, 1992. С. 6.

²⁴ Чочиев А.Р. Осетия перед выбором. Цхинвал, 1992; Дзидзоев В.Д. Национальная политика: уроки опыта. Владикавказ, 2002; Маргиев В.И. Правовой статус Юго-Осетинской автономной области (становление, развитие, перспективы). Цхинвал, 1990; Его же. К вопросу о статусе Южной Осетии // Дарьял. 1993. № 3.

²⁵ Южная Осетия. 1988-1992. Хроника событий грузинской агрессии / сост. Б.Е. Чочиев, М.К. Джигоев. Цхинвал, 1996; Южная Осетия: 10 лет Республике / отв. ред. К.Г. Дзугаев. Владикавказ, 2000; Цховребов И.Н. Герои Осетии и жертвы геноцида. Цхинвал, 1996; Пять лет Республике Южная Осетия: Официальные материалы / сост. Б.К. Харебов. Цхинвал, 1996; Сиукаев Н.В. Две трагедии Южной Осетии. Владикавказ, 1994; Торчинов В.А., Киснев М.Ш. Осетия: историко-этнографический справочник. СПб. - Владикавказ, 1998; Пухаев К.П. К вопросу о геноциде // Южная Осетия. 2004. 28 августа.

²⁶ Чибиров Л.А. О времени, о людях, о себе. (Записки первого президента Республики Южная Осетия). Владикавказ, 2004.

И только в начале XXI столетия южным осетинам удалось решить вопрос национального самоопределения. События августа 2008 г. позволили Президенту РЮО, основываясь на результатах референдумов и решениях республиканского парламента, очередной раз обратиться к России с просьбой о признании государственного суверенитета Южной Осетии. Совет Федерации и Государственная Дума РФ поддержали его обращение. Исходя из сложившейся ситуации, России необходимо было принять решение. И она ее приняла – 26 августа 2008 г. Президент РФ Д.А. Медведев подписал Указ о признании РФ независимости Южной Осетии, и призвала другие государства последовать ее примеру, поскольку «это единственная возможность сохранить жизни людей»²⁷. Независимость Южной Осетии была также признана Никарагуа, Сербской Краиной (Хорватия) и Гагаузией (Молдавия).

Сегодня Республика Южная Осетия обладает всеми атрибутами государственности: компактным населением, территорией, всенародно и демократически избранными органами верховной власти. Ею осуществляется также независимая внутри и внешнеполитическая деятельность. Окончательное признание международной правосубъектности Республики Южная Осетия не только обеспечит безопасное существование, но и позволит сделать дополнительные шаги в сторону сближения ее с Грузией путем установления равных межгосударственных отношений на договорной основе, что, в свою очередь, будет способствовать стабилизации происходящих сегодня на юге России процессов, и вместе с тем, позволит Южной Осетии стать связующим звеном между Закавказьем и Россией, а также региона в целом.

THE NATIONAL MATTER IN GEORGIA. PROBLEM OF SOUTH OSSETIANS' SELF-DETERMINATION IN THE 1920S

U. Sh. TEDEEVA

*North-Ossetian State Medical
Academy, Vladikavkaz*

e-mail: Tedeeva76@mail.ru

The article analyses the peculiarities of the national policy in 1920-s. The article also reveals the stages of struggle of the South Ossetians for self-assertion the right of the national self-determination and the methods of solution of this problem.

Keywords: right to self-determination, nationalities issue, integration of South and North Ossetians, national minorities of Georgia, Soviet Georgia, Transcaucasia, South Ossetia.

²⁷ Ныхас. 2008. 20 сентября.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 324 (470+571)''2005/2011''

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО ОФОРМЛЕННОГО ДОМИНИРОВАНИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ АКТОРОВ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ (2005-2011 гг.)

Н.Б. ЧУВИЛИНА

*Башкирская академия
государственной службы
и управления при Президенте
Республики Башкортостан,
г. Уфа*

e-mail: bagsu@rb.ru

В статье рассматриваются тенденции развития российских региональных электоральных процессов в период 2005-2011 гг. Выделены тенденции эволюции российских региональных электоральных процессов в части изменения институционального контекста и нормативно-правовой базы региональных выборов, влияния внешних и внутренних акторов и факторов, влияния акторов со стороны государства и со стороны гражданского общества, элитных и неэлитных акторов, уровня демократизма региональных выборов, роли выборных процедур в процессе формирования региональной власти. Дана характеристика модели региональных электоральных процессов, утвердившейся в российских регионах в 2008-2010 гг.

Ключевые слова: региональные электоральные процессы, акторы и факторы региональных электоральных процессов.

Современные российские региональные электоральные процессы постсоветского периода прошли три этапа с соответствующими внутренними периодами: этап генезиса региональных электоральных процессов (1986–ноябрь 1993 гг.); этап развития региональных электоральных процессов в условиях институционализации региональных политических систем и режимов (декабрь 1993–1999 гг.); этап развития региональных электоральных процессов в условиях централизации власти в Российской Федерации (с 2000 г. по настоящее время).

Современный этап развития региональных электоральных процессов включал два периода: период развития региональных электоральных процессов в условиях ограничения политической субъектности регионов России (2000–2004 гг.); период развития региональных электоральных процессов в условиях институционально оформленного доминирования федеральных акторов в региональных политико-властных процессах (с 2005 г.). Тенденции развития региональных электоральных процессов, имевшие место в течение второго периода, являются предметом нашего исследования в данной статье.

Переход к периоду развития региональных электоральных процессов, начавшемуся с января 2005 г., обуславливался кардинальным изменением внутренних политико-институциональных условий региональных политических процессов, связанных с отменой Президентом страны в декабре 2004 г. процедуры выборности глав исполнительной

власти регионов. Отмена губернаторских выборов изменила формат российского федерализма, характер взаимоотношений и реальные практики взаимодействий федеральной власти и региональных элит, закрепила политическое доминирование федеральных акторов в региональной политике¹.

На федеральном уровне политики в 2005–2011 гг. развивались процессы: усиления моноцентризма властной системы (в 2005–2007 гг.); сращения государства и крупного бизнеса, усиления роли в экономике государственных корпораций, а в них – роли высшей государственной бюрократии; отказа крупного федерального бизнеса от автономных электоральных стратегий после осени 2003 г., концентрации экономических акторов в рамках «Единой России»; сохранения и упрочения контроля над федеральным парламентом «партии власти» в конце 2007 г., передачи власти в стране в январе 2008 г. новому президенту при оформлении второго центра власти в лице премьер-министра.

Тенденции региональных политических процессов в 2005–2011 гг. состояли в ограничении политической автономии глав регионов, интеграции их в федеральный механизм управления региональными выборами в качестве инструмента данной системы. Одновременно в 2005–2011 гг. в регионах происходили усиление концентрации власти в руках глав регионов, сокращение политического плюрализма и конкуренции в региональной политике, встраивание местного самоуправления в губернаторские «вертикали власти» посредством массовой отмены выборов мэров и перехода к системе назначаемых сити-менеджеров.

Региональные электоральные процессы в период 2005–2011 гг. развивались в ходе следующих тенденций.

Первой тенденцией стало усиление государственного влияния на ход и результаты региональных выборов нормативно-правовыми и институциональными способами.

Данная тенденция развивалась усилиями федеральной власти, правящих региональных элит, отдельных парламентских партий² в ходе изменения закона «О политических партиях», федерального и регионального избирательного законодательства, законодательства о СМИ, об экстремистской деятельности.

Так, повышенные в декабре 2004 г. требования к численности членов партий и к численности региональных отделений³ стали нормативной основой для реформирования партийной системы страны.

С одной стороны, завышенные нормы численности партийных членов вызвали сокращение общего числа партий, сузили возможности для возникновения новых партий. С другой стороны, в условиях организационной неразвитости и ресурсной ограниченности партий, явно завышенные требования к численности членов давали в руки государства мощный рычаг воздействия на партии⁴.

Государство активно использовало этот рычаг воздействия на партии как в части сокращения их числа, так и в части управления их поведением⁵. Так, число партий в партийной системе страны сократилось с 30 в 2006 г. до 14 в 2007 г. и до 7 партий в 2009 г.

Поправки в избирательное законодательство в 2005–2007 гг., включавшие переход к единому дню голосования на региональных выборах (21.07.2005 г.), отмену права избирательных объединений образовывать избирательные блоки (21.07.2005 г.)⁶, уже-

¹ См.: Ковалев. В.А. Федерализм и российская политика в рамках «управляемой демократии»: последствия отмены губернаторских выборов // Демократия, управление, культура: проблемные измерения современной политики. М., 2006. С. 139.

² «Единой Россией», ЛДПР, «Родиной». См.: Любарев А.Е. Хронология изменений российского избирательного законодательства, 1988–2009 // Рос. электоральное обозрение, 2009. № 2. С. 16–18.

³ О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях»: федер. закон от 20.12.2004 № 168-ФЗ // Российская газета, № 286, 24.12.2004.

⁴ См.: Кынев А.В. Зачистка от демократии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vibory.ru/analyt/kynev-5.htm>

⁵ Кынев А.В., Любарев А.Е. Принудительная эволюция. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2009/12/09_a_3296147.shtml

⁶ О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации»: федер. закон от 21 июля 2005 г. № 93-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2005. № 30. Ст. 3104.

сточение норм регистрации кандидатов и партийных списков и установление жесткой альтернативы в процедуре регистрации – или подписи избирателей, или залог (2005 г.)⁷, запрет на агитацию против соперников на телеканалах, ужесточение правил финансирования избирательных кампаний (2006 г.)⁸, запрет партиям выдвигать в качестве кандидатов членов других партий (2006 г.)⁹, отмена избирательного залога (2009 г.)¹⁰, усиливали неравенство условий участия в выборах для различных партийных акторов.

В частности, запрет избирательных блоков и запрет на включение в партийные списки членов других партий лишали партии возможностей проведения коалиционной политики. Введение жесткой альтернативы – подписи или залог – лишило партии возможности страховки от не допуска к выборам в результате отказа в регистрации. Запрет на агитацию против своих соперников на телеканалах¹¹, сужал поле риторики оппозиционных партий.

После устранения региональных избирательных блоков с арен региональных выборов результаты «партии власти» стали расти и по результативности она прочно закрепилась на первом месте. В то же время, идеологические партии – КПРФ, СПС, «Яблоко» утратили возможность расширения электоральной базы за счет союзников, оказались «зажатыми» в рамках своих «ядерных» электоратов.

Ужесточение требований к процедуре номинации кандидатов и партийных списков создавали возможности избирательным комиссиям влиять на состав участников региональных выборов, а положения, увеличивающие долю государственных служащих в составе избирательных комиссий с одной трети до половины, ослабляли автономию избирательных комиссий от региональной исполнительной власти¹².

Новые нормы партийного законодательства объективно работали в направлении снижения альтернатив партийного выбора для избирателей. Кроме того, сама конструкция партийной системы, созданная методами электоральной инженерии к концу 2006 г., выступала мощным механизмом манипулирования электоральным выбором избирателей.

Так, в течение 2005–2009 гг. из партийной системы были вытеснены независимые партийные структуры – «Российская партия пенсионеров», «Родина» (образца 2006 г.), СПС и заменены лояльными «Справедливой России», «Патриотами России» (2004 г.), «Правым делом» (2008 г.).

Ослабляли влияние граждан на результаты региональных выборов предоставленные субъектам федерации возможности не допускать на региональные выборы общественные объединения для организации независимого наблюдения на выборах (2005 г.)¹³;

⁷ Имеется в виду сокращение допустимого процента недостоверных и недействительных подписей с 25% от необходимого числа подписей до 5% на федеральных и до 10% на региональных и местных выборах при одновременном сокращении допустимого количества «запасных» подписей (2005 г.). Реализовано в: О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации»: федер. закон от 21 июля 2005 г. № 93-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2005. № 30. Ст. 3104.

⁸ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления ограничений на осуществление некоммерческими организациями пожертвований политическим партиям, их региональным отделениям, а также в избирательные фонды, фонды референдума: федер. закон от 30 дек. 2006 г. № 274-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2007. № 1. Ст. 37.

⁹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка выдвижения кандидатов на выборные должности в органах государственной власти»: федер. закон от 12 июля 2006 года № 106 – ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2006, № 2. Ст. 3124.

¹⁰ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с отменой избирательного залога при проведении выборов: федер. закон от 9 февраля 2009 года № 3-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2009. № 7. Ст. 771.

¹¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации»: федер. закон от 5 декабря 2006 года № 225-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 5303.

¹² О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 21 июля 2005 года № 93-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2005, № 30. Ст. 3104.

¹³ О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 21 июля 2005. № 93 – ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2005. № 30. Ст. 3104.

отмена строки «против всех» в избирательных бюллетенях¹⁴ и отмена порога явки на выборах (5.12.2006)¹⁵; запрет политическим партиям выдвигать в качестве кандидатов членов других партий.

Вклад региональных правящих элит в развитие рассматриваемой тенденции состоял в повышении максимальных размеров избирательных фондов и повышении избирательных залогов для политических партий (2006–2007 гг.), переходах от смешанных избирательных систем на выборах депутатов региональных парламентов к пропорциональным избирательным системам (2005–2008 гг.) в ряде регионов, во введении метода Имперали при распределении мандатов, дающего преимущества партии-победительнице выборов (2007–2008 гг.), и отмене институтов общественных наблюдателей в региональных законах¹⁶.

Закономерным итогом изменений нормативно-правовых и институциональных условий региональных выборов стало снижение уровня конкуренции, выдвижение «партии власти» на роль лидирующего партийного актора региональных выборов (с осени 2006 г.) и утверждение ее доминирующим партийным актором в 2008–2010 гг., ослабление роли других партий и электората.

Кроме того, в 2006–2009 гг. явно обозначился тренд сокращения регионального партийного плюрализма¹⁷, маргинализации в регионах отделений парламентских партий – КПРФ, «Справедливой России» и ЛДПР (2008–2010 гг.).

В 2009–2010 гг. характер нормативно-правовой базы по инициативе Президента страны был несколько скорректирован реализацией отдельных мер, направленных на ограниченное выравнивание условий участия в региональных выборах для партий, представленных в региональных парламентах¹⁸.

Второй тенденцией электоральных процессов в 2005–2011 гг. стало утверждение федеральной исполнительной власти в качестве доминирующего актора и превращение ее деятельности в доминирующий фактор региональных электоральных процессов.

Стать доминирующим актором региональных выборов федеральной власти удалось посредством изменения принципа формирования региональной исполнительной власти, усиления контроля государства над партиями, создания партийной системы с доминирующим положением в ней «партии власти», изменения нормативно-правовой базы региональных выборов в направлении усиления возможностей избирательных комиссий влиять на ход и результаты избирательных кампаний.

Тенденция развивалась за счет встраивания глав регионов в «вертикаль» исполнительной власти, снижения уровня политической автономии крупного федерального и регионального бизнеса, ослабления роли региональных отделений партий, не аффилированных с властью, и неуклонного усиления роли «Единой России».

¹⁴ Федеральный закон от 21.07.2005 № 93 – ФЗ разрешил исключать графу «против всех» на региональных выборах региональным законодателям. Эксперты отмечали, что «отмена строки «против всех» была четко направлена на лишение избирателя наиболее осмысленного способа протеста против нарушения его прав». Источник: Мониторинг демократических процедур Независимого института выборов. // А.В. Иванченко, А.Е. Любарев, А.В. Кынев и др. / Бюллетень № 2, февраль 2007 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vibory.ru/>

¹⁵ См.: Мониторинг демократических процедур Независимого института выборов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vibory.ru/> (дата обращения 13.07.2010); О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 5 дек. 2006 года № 225-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 5303.

¹⁶ См.: Любарев А.Е. Изменения избирательного законодательства в 2004–2007 годах // Рос. электоральное обозрение. 2007. № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.irena.org.ru/index.php?option=content&task=view&id=339>

¹⁷ Кынев А.В. Партизация всей страны. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2008/02/29_x_2653040.shtml

¹⁸ В 2009–2010 г. по инициативе Президента Д.А. Медведева были реализованы новеллы избирательного законодательства, предусматривающие гарантии для всех партий, представленных в законодательном собрании любого региона фракцией или одним депутатом, равного доступа в региональные СМИ, получение партиями, набравшими менее 7%, но более 5% голосов на региональных выборах по одному мандату в парламентах субъектов Федерации, бесплатного эфирного времени и права не собирать подписи избирателей.

В частности, превращение глав регионов в агентов федеральной власти в региональных выборах осуществлялось через отмену губернаторских выборов, лишение глав регионов возможностей проводить альтернативные электоральные стратегии на региональных выборах вследствие отмены региональных избирательных блоков, интеграцию губернаторского корпуса в структуру «Единой России», установление зависимости назначения глав регионов от электоральных результатов «Единой России».

Интерес крупного федерального бизнеса к губернаторским выборам угас после дела «Юкоса». Однако роль крупного федерального бизнеса в региональных парламентских выборах в 2005–2010 гг. сохранялась достаточно высокой. В отдельных субъектах Федерации заметной была роль общероссийских кампаний «второго эшелона». В 2004–2006 гг. заметную и достаточно автономную роль в ряде регионов стал играть средний бизнес, реализуя свое политическое участие через «Российскую партию пенсионеров» (РПП), партию «Родина», «Народную Волю» ЛДПР, АПР, иногда – КПРФ, СПС, РПЖ и избирательные блоки. Заметен на региональных выборах в 2005–2007 гг. был и малый бизнес, чаще всего, представленный в списках КПРФ и «Яблока»¹⁹.

В течение 2006–2007 гг. происходила переориентация электорального участия крупного и части среднего бизнеса с различных партий и блоков на «Единую Россию», что закономерно ослабляло автономию и влияние данных акторов региональных выборов.

Ослабление роли идеологических партий и усиление роли «партий власти» в региональных электоральных процессах развивались в ходе: последовательного сокращения количества «малых» парламентских и непарламентских независимых от власти партийных участников региональных выборов и расширения до двух числа «провластных» партий (ЕР и СР (с начала 2007 г.)); последовательного снижения активности участия «малых» парламентских и непарламентских партий; усиления роли крупных парламентских партий и ослабления роли «малых» парламентских и непарламентских партий в 2006–2009 гг.; ослабления роли КПРФ, ЛДПР, «Яблока» в 2006–2010 гг., распада СПС в начале 2008 г.; возрастания влияния «Единой России» с осени 2005 г. и превращения ее в доминирующего партийного актора региональных выборов с осени 2007 г.

Так, в 2005 г. в региональных выборах по мажоритарному и по пропорциональному сегментам как автономно, так и в составе блоков приняли участие 29 партий²⁰, в 2006 г. – 28 партий²¹, в 2007 г. – 15 партий весной и 10 осенью (всего – 17)²², в 2008 г. – 11 в весенней сессии²³ и 9 – в осенней²⁴, в 2009 – 5 весной²⁵ и 7 осенью²⁶. В выборах 2010 г. и весны 2011 г. участвовали все 7 партий, но участие непарламентских партий, как правило, ограничивалось единичными регионами (списки) или отдельными одномандатниками²⁷.

В то же время после запрета региональных избирательных блоков в региональных выборах усиливалась роль крупных парламентских партий. В 2005–2007 гг. они стали стабильно проходить в региональные парламенты и формировать собственные фракции. Однако ослабление КПРФ, «Справедливой России», ЛДПР в результате думских выборов 2007 г., повышение проходных барьеров на региональных выборах и активизация административного ресурса обусловили ослабление их результатов в региональных выборах в

¹⁹ Кынев А.В. Партизация всей страны. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2008/02/29_x_2653040.shtml

²⁰ Выборы в Российской Федерации 2005. Электоральная статистика. М., 2006. С. 37–53.

²¹ Выборы в Российской Федерации. 2006. Электоральная статистика. М., 2007. С. 42–63.

²² Данные приводятся по: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://golosov.livejournal.com/?skip=20>

²³ Указано число зарегистрированных списков по пропорциональной системе. Источник: Малые партии не находят себе места на выборах // Коммерсантъ. 2008. № 15 от 1.02.

²⁴ Результаты региональных выборов в сравнении с результатами выборов в Госдуму 2 декабря 2007 года // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1040899>

²⁵ Результаты региональных выборов в сравнении с результатами выборов в Госдуму 2 декабря 2007 года // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1040899>

²⁶ Итоги выборов депутатов региональных парламентов // Коммерсантъ. 2009. № 190 (4245) от 13.10. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1255211>

²⁷ См.: Сборов А. Отбирательное право // Коммерсантъ-Власть. 2009. № 36 (840) от 14.09. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/Doc/1234043>; Сборов А. Отбирательное право – 2 // Коммерсантъ-Власть. 2010. № 46 (859) от 15.02. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1319015>

2008–2009 гг.²⁸ В 2010–2011 гг. на волне развивающегося экономического кризиса их результативность несколько возросла²⁹, но не поколебала доминирование «Единой России».

В то же время на региональных выборах 2005–2007 гг. росли результаты «Единой России»: начиная со второй половины 2005 г. она стала побеждать во всех региональных избирательных кампаниях³⁰. С 2006 г. разрывы в голосах избирателей, набранных «Единой Россией» и ее ближайшими соперниками, стали двух и более чем двухразовыми³¹. С декабрьской сессии региональных выборов 2007 г. «Единая Россия» больше уже не знала поражений и стала набирать голосов избирателей больше, чем все ее соперники вместе взятые.

Утверждение федеральной исполнительной власти в качестве доминирующего актора региональных электоральных процессов, монополизация региональных электоральных полей «Единой Россией», аккумулировавшей в своих рядах региональные правящие элитные группы, крупный региональный бизнес и некоторых представителей среднего бизнеса, ослабление результатов независимых от власти партий, роли независимых кандидатов и электората стали причинами развития *тенденции усиления роли элитных и государственных акторов и ослабления влияния неэлитных акторов со стороны гражданского общества*.

В частности, ослабление роли независимых кандидатов из среды гражданского общества проявлялось в сокращении представительства независимых непартийных кандидатов в региональных парламентах и происходило вследствие роста электоральной активности партий по мажоритарному сегменту избирательных систем, усиления неравенства условий для независимых кандидатов и партийных выдвиженцев из-за преференций парламентским партиям в процессе номинации кандидатов в одномандатных округах, а также из-за перехода к чисто пропорциональным избирательным системам в ряде регионов в 2007–2009 гг.³².

Ослабление влияния фактора электорального выбора в 2006–2011 гг. происходило: за счет повышения уровня проходных барьеров и перехода к методу Империи в ряде регионов, корректировавших выбор избирателей в пользу партии-победительницы выборов; посредством ограничения партийных альтернатив выбора по пропорциональному сегменту за счет «сужения» партийной системы, запрета избирательных блоков, сопровождавшихся вытеснением независимых кандидатов партийными выдвиженцами в одномандатных округах; за счет селекции одномандатников на этапе регистрации и расширения применения «грязных» технологий.

Итогом развития тенденции усиления роли элитных акторов и акторов со стороны государства и ослабления роли неэлитных акторов со стороны гражданского общества в 2006–2007 гг. стало доминирование акторов со стороны государства и элитных акторов в региональных электоральных процессах и утверждение малозначимой роли электората, независимых кандидатов и всех партий, кроме «Единой России» в 2008–2011 гг.

Следующей тенденцией стало *сужение демократизма региональных электоральных процессов*.

²⁸ Результаты СР в 2008–2010 гг. колебались, но при этом партия ни разу не достигла своего результата весны 2007 г. В 2007 г. средний процент голосов за список СР весной составлял 15,3 %, осенью 9,85%, в 2008 г. весной – 7,34 %, осенью 8,124 %, в 2009 г. весной – 10,04 %, осенью – 7,65%, весной 2010 г. – 12,18 %. Средний уровень поддержки КПРФ на региональных выборах в 2007 г. в целом составлял 15,43 % (в осенних выборах 2007 г. – 14,13 %), а в выборах 2008 г. средний уровень поддержки КПРФ составил 13,6 % весной и 10,65 % осенью. Осенью 2008 г. партия не прошла в парламенты сразу двух регионов из пяти. В 2008 г., несмотря на незначительное повышение средних результатов голосования за список по сравнению с 2007 г., ЛДПР не смогла преодолеть проходной барьер в 4 регионах из 11.

²⁹ Средний уровень голосования за КПРФ весной 2010 г. составил 29,74 %, весной 2009 г. поднялся до 17,46 %, а осенью 2009 г. – 16,95% против 13,6 % и 10,6 % весной и осенью 2008 г., средний уровень голосования за «Справедливую Россию» весной 2010 г. составил 12,18%, весной 2009 г. 10,06 %, осенью 2009 г. – 7,65% против 6,7 % и 8,12 % (весна–осень 2008 г.). Также весной 2010 г. поднялся средний уровень поддержки ЛДПР до 13,4%.

³⁰ Единичным исключением была победа «Справедливой России» в Ставропольском крае 11.03.2007 г.

³¹ Исключением из 43 региональных кампаний 2006–2007 гг. были 3 случая, включавшие выборы в Ставропольском крае 11.03.2007 г. (первое место у СР), выборы в Орловской области 11.03.2007 г. (39 % у ЕР и 23,8 % у КПРФ), выборы в парламент Республики Тыва 8.10.2006 г. (46,4 % у ЕР и 32,3% у РПЖ).

³² Кынев А.В. Партизация всей страны // Газета.Ру. 2008. от 20.02. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2008/02/29_x_2653040.shtml

Данная тенденция проявлялась в сокращении разнообразия и числа партийных участников региональных выборов, в снижении уровня альтернативности и конкуренции, в усилении неравенства условий для партий, реализуемого средствами административного ресурса.

Сокращение разнообразия партийных акторов стало следствием реализации системы мер нормативно-правового, институционального, электорально-инжинирингового и административного характера по переконструированию партийной системы перед думскими выборами 2007 г. (слияние РПП, «Родины» и РПЖ в «Справедливую Россию»), а также следствием разгромных результатов большинства партий в думских выборах 2007 г. (фактор думских выборов 2007 г.).

Снижение уровня альтернативности и конкуренции проявлялось как в уменьшении числа конкурирующих партийных списков и числа конкурирующих кандидатов в одномандатных округах, так и в усилении предсказуемости результатов выборов депутатов региональных парламентов.

Это было следствием сокращения числа партий в партийной системе, снижения уровня автономии всех партий³³, возрастания использования административного ресурса на региональных выборах в 2006–2007 гг.³⁴

В 2005–2007 гг. административный ресурс работал в направлении недопущения до выборов партийных списков «малых» партий³⁵. В 2008–2011 гг. объектами его усилий стали уже парламентские партии – КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР и одномандатники. В октябре 2009 г. административный произвол на региональных выборах вызвал думский демарш КПРФ, «Справедливой России», ЛДПР и обращение лидеров партий к Президенту страны с требованием остановить губернаторский административный ресурс на региональных выборах.

Ограничение свободы, инструментализация партий и управляемая конкуренция отражали *дальнейшую инструментализацию выборов правящими элитами. Это стало пятой тенденцией региональных электоральных процессов в 2005–2011 гг.*

Модель региональных электоральных процессов 2009–2010 гг. характеризовалась:

- нормативно-правовой базой региональных выборов, утверждающей главную роль партий в качестве акторов региональных выборов, отличающейся высоким уровнем регламентации избирательных процедур и жесткими санкциями за их нарушение; институциональным контекстом региональных выборов в форме смешанных и пропорциональных избирательных систем с высокими проходными барьерами;
- доминирующей ролью внешних акторов и факторов и второстепенной ролью внутренних акторов и факторов во всех регионах страны;
- более значимым влиянием государства по сравнению с гражданскими институтами и гражданскими акторами, доминирующей ролью элитных акторов и невлиятельной – неэлитных;
- участием федерального и регионального крупного и среднего бизнеса в региональных выборах в рамках федеральной «партии власти»;
- партийным характером региональных электоральных процессов, отличающимся малозначимой ролью «идеологических» партий, не обладающих властной поддержкой, и доминированием в них общефедеральной «партии власти», инструментализмом роли партий, выступающих механизмом воспроизводства у власти правящих элит и высокостатусных элитных групп;

³³ См. Голосов Г.В. Краткий курс истории КПРФ // Блог Г.В. Голосова «Электоральная инженерия» на сайте Slon.ru. Пост от 08.11.10. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slon.ru/blogs/ggolosov/post/491656/>

³⁴ См.: Голосов Г.В. Хроника деградации 26.04.10 // Газета.Ру. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2010/04/26_x_3357723.shtml; Иванченко А.И., Любарев А.В. Указ соч. С. 183–186; Любарев А.Е. Препятствия для свободной конкуренции на выборах: законодательство и правоприменительная практика. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.irena.org.ru/index.php?option=content&task=view&id=340>

³⁵ См.: Кынев А.В. Правила ограниченной конкуренции. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2008/09/10_x_2835580.shtml; Макаркин А.В. «Смешанная» избирательная система в российских регионах // Pro et Contra. 2006. № 1. С. 104–114.

– ограниченно конкурентным и высоко предсказуемым характером региональных выборов, обусловливающих несопоставимостью ресурсов «партии власти и других партий, применением административных методов влияния на ход и результаты региональных выборов;

– ограниченной ролью выборных процедур в процессе формирования региональной власти.

Политическими следствиями утверждения вышеозначенной модели региональных электоральных процессов стали:

– усиление отчуждения власти и общества, сужение публичного пространства в российских регионах;

– авторитаризация региональных политических режимов, перекрытие каналов связи власти и общества, сдерживание социальной и политической динамики региональных политий;

– институциональный кризис, рост недоверия в обществе к выборам, парламентаризму, партиям, ослабление эффективности региональной власти.

С осени 2012 г. в российских регионах начинается новый период развития региональных электоральных процессов. Его начало связано с возвращением прямых выборов глав регионов.

Переход от назначаемости к выборности губернаторов – проявление усиления роли внутрирегиональных акторов в региональных электоральных процессах. Однако введение муниципального фильтра объективно работает в пользу более значимой роли региональных правящих элит и партии, контролирующей муниципалитеты, и ограничивает электоральные возможности избирателей и партий, не аффилированных с федеральной и региональной властью.

Как будут складываться предпосылки перехода к новому этапу развития региональных электоральных процессов покажет время.

EVOLUTION OF THE RUSSIAN REGIONAL ELECTORAL PROCESSES UNDER CONDITIONS OF INSTITUTIONALLY FORMED DOMINANCE OF FEDERAL ACTORS IN REGIONAL POLITICAL PROCESSES (2005-2011)

N.B. CHUVILINA

Bashkir Academy of Public Administration and Management under the President of the Republic of Bashkortostan, Ufa

e-mail: bagsu@rb.ru

Tendencies of development of Russian regional electoral processes in 2005-2011 are discussed in the article. Tendencies of Russian regional electoral processes evolution are singled out in regards to amendment of institutional context and normative legal basis of regional elections, influence of internal and external actors and factors, influence from the state and from the civil society, elite and non-elite actors, level of democratism of regional elections and role of election procedures in forming regional authorities. A description of the model of regional electoral processes, which applies to Russian regions in 2008-2010, is provided.

Keywords: regional electoral processes, actors and factors of regional electoral processes.

УДК 329(470+571)“2012.04/07”

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В АПРЕЛЕ-ИЮЛЕ 2012 г. ***А.М. МАКСИМОВ***Институт управления,
г. Архангельск**e-mail: amm15nov@yandex.ru*

Вступление в силу новой редакции закона «О политических партиях» открыло широкие возможности партийного строительства для оппозиционных акторов и обозначило начало нового этапа в развитии российской многопартийности. В статье исследуется влияние, которое оказывают изменения в партийной системе на формы политического участия, степень конкурентности выборов и перспективы расширения диапазона политических сил, представленных в органах государственной власти

Ключевые слова: партийная система, партийное строительство, политическое участие, политическая конкуренция, избирательная кампания.

Очередной электоральный цикл, завершившийся в марте 2012 г. выборами Президента РФ, сопровождался беспрецедентным для последнего десятилетия всплеском протестных выступлений. Масштабность акций протеста, разнообразие социального состава их участников, демонстрация различными оппозиционными политическими объединениями способности к координации действий и сплоченности, а также ярко выраженная политизация требований протестующих стали серьезным вызовом правящей элите. Ответом с ее стороны стала череда законодательских инициатив, направленная на частичное изменение институционального дизайна современной российской политической системы. Одним из значимых изменений такого рода можно считать либерализацию законодательства о политических партиях.

В настоящее время в России политические партии согласно закону являются единственным видом общественных объединений, обладающих правом выдвигать списки кандидатов на должности депутатов Государственной думы и депутатов законодательных органов субъектов РФ. Таким образом, партийные каналы являются основными при комплектовании депутатского корпуса на федеральном и региональном уровнях. Существенна роль партийных организаций и при выдвижении кандидатов на должности Президента РФ и глав регионов. Все это делает актуальным исследование текущего этапа эволюции российской партийной системы, в особенности тех процессов, которые мы можем наблюдать с весны 2012 г.

В настоящей статье автором поставлен ряд взаимосвязанных задач: 1) представить описание количественных и, если таковые имеются, качественных изменений в партийной системе РФ; 2) выявить логическую связь этих изменений и их краткосрочных последствий с правовыми новациями в отношении массовых публичных мероприятий, выборов в органы государственной власти, регулирования деятельности НКО; 3) предложить гипотетический сценарий, демонстрирующий влияния описанных изменений в партийной системе на электоральные процессы осенью 2012 г.

В функциональном отношении политическая партия, как известно, является организацией, обеспечивающей агрегацию и артикуляцию интересов определенных социальных общностей, а также представительство этих общностей в органах государственной власти¹. Однако в России реальное функционирование политических партий позволяет характеризовать их скорее как электоральные «машины», обеспечивающие лишь продвижение в государственные структуры отдельных персон или политических «кланов»². Отсюда сравнительно низкие индексы доверия парламентским партиям. В то же время правовой статус политических партий в России делает их, по крайней мере, потенциаль-

* Статья подготовлена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Государственный контракт № 14.А18.21.0100.

¹ Михалева Г.М. Российские партии в контексте трансформации. М., 2009. С. 16.

² Пшизова С.Н. Демократия и политический рынок в сравнительной перспективе (II) // Полис. 2000. № 3. С. 15.

но, оптимальным институтом из числа тех, которые призваны опосредовать отношения между государственной бюрократией и населением страны.

Результаты выборов показали, что российская партийная система не способна адекватно реализовывать функцию репрезентации социальных интересов при сохранении институциональных ограничений, затрудняющих создание новых партий и легальное участие непарламентской оппозиции в борьбе за власть. Несмотря на то, что расстановка сил в Государственной думе принципиально не изменилась, руководство страны получило достаточно внятный сигнал об изменении общественных настроений, что проявилось в итогах голосования. «Единая Россия», сохраняя положение доминантной партии, оказалась заложником жесткой зависимости от Кремля. Будучи структурой, созданной для поддержки правительственного курса в законодательных органах всех уровней власти³, именно она стала объектом общественной критики за провалы во внутренней политике, коррупционные скандалы и нерешенность множества социально-экономических проблем. Ее электоральная поддержка в целом по стране упала с 64,30% в 2007 г. до 49,32%, причем во многих регионах этот показатель был еще ниже. Более чем в полтора раза по сравнению с предыдущими парламентскими выборами возросло число проголосовавших за КПРФ и «Справедливую Россию»⁴, сумевших привлечь часть протестного электората.

В таких условиях 2 апреля 2012 г. была принята новая редакция федерального закона «О политических партиях»⁵. Изменения, внесенные в законопроект, теоретически предоставляют непарламентской оппозиции реальные возможности для успешного партийного строительства и мобилизации общественной (в том числе и электоральной) поддержки, а гражданам – более широкий набор политических программ и новых лидеров. Потому неудивительно, что в течение 3,5 месяцев после принятия поправок к закону общее число политических партий увеличилось с 7 до 33, и этот список продолжает пополняться⁶.

Новые партийные организации можно разделить на две принципиально отличные группы. К первой относятся партии, либо воссоздаваемые после длительного пребывания в ином статусе («Демократическая партия» А.В. Богданова, «Гражданская сила» А.Ю. Рязкина, «Российская партия пенсионеров» бывшего члена «Справедливой России» И.Л. Зотова, «Российский общенародный союз» С.Н. Бабурина), либо складывающиеся на основе активно участвующих в политической жизни страны движений и коалиций («Республиканская партия», в состав которой вошел актив незарегистрированной «Партии народной свободы» (ПарНас), движения «Солидарность» и некоторых других объединений; «Альянс Зеленых – Народная партия», включившая актив движения «Зеленая Альтернатива» О.Л. Митволя). Вторая группа представлена партиями, создаваемыми «с нуля». Среди такого рода партий имеются проекты, созданные, по всей вероятности, для электоральной поддержки кандидатов, лояльных нынешнему руководству страны, но нежелающих ассоциировать себя с дискредитированной «Единой Россией». В их числе, например, «Молодая Россия» под руководством активиста Корпуса наблюдателей «За чистые выборы» Н.Н. Столярчука и «Умная Россия», возглавляемая бывшим федеральным комиссаром движения «Наши» Н.С. Боровиковым. В целом же связь большинства партий из второй группы с какими-либо общественно-политическими силами неочевидна, однако используемые ими названия-маркеры и содержание партийных программ позволяют сделать некоторые предположения. Представляется, в частности, что вне зависимости от субъективной мотивации лидеров некоторых новых партий, в ходе избирательных кампаний они объективно будут выступать в качестве спойлеров по отношению

³ Михалева Г.М. Указ. соч. С. 49

⁴ О результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого созыва: Постановление ЦИК РФ от 8 декабря 2007 № 72/591-5 // Российская газета. 2007. 11 декабря; О результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва: Постановление ЦИК РФ от 9 декабря 2011 № 70/576-6 // Российская газета. 2011. 10 декабря.

⁵ О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях»: Федеральный закон от 2 апреля 2012 № 28-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 15. Ст. 1721.

⁶ Список зарегистрированных политических партий // Министерство юстиции РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.minjust.ru/nko/gosreg/partii/spisok>.

к кандидатам от оппозиции. Так, например, имеются две новые партии, именующие себя коммунистическими, и, очевидно, что при условии активной агитационно-пропагандистской работы в ходе региональных и муниципальных выборов они вполне способны привлечь часть электората КПРФ. То же самое можно утверждать в отношении потенциальных избирателей «Справедливой России», за голоса которых могут побороться «Социал-демократическая партия России», партия «За справедливость!», партия «Социальной защиты», не говоря уже о «Российской партии пенсионеров». В свою очередь, такие организации как «Союз горожан» или «Партия социальных сетей», по-видимому, планируют конструировать свой публичный имидж, эксплуатируя темы «рассерженных горожан» и блоггеров-оппозиционеров.

Обобщая, можно утверждать, что последние изменения в законодательстве позволили российской многопартийности выйти на новый виток развития. Приобретение значительным количеством общественно-политических объединений статуса партии создает предпосылки для изменения форм политического участия граждан и борьбы за перераспределение властных ресурсов. В особенности это касается непарламентской оппозиции, которой открылись реальные возможности участия в электоральных процессах: если ранее в отсутствии таких возможностей основной акцент в ее политической деятельности ставился на организацию акций протеста, кампаний в печати и прочих форм критики политического режима, то отныне основные ресурсы оппозиции, по крайней мере, ее либерального крыла, будут направлены на реализацию целей и задач избирательных кампаний.

Многократное увеличение общего количества партий, большинство из которых примет участие в региональных и муниципальных выборах 14 октября 2012 г., потенциально может вызвать ряд электоральных эффектов. Во-первых, номинально более широкий ассортимент политических объединений, которые будут представлены избирателям на предстоящих выборах, делает сами выборы формально более конкурентными, чем прежде, а их результаты вследствие этого – более легитимными, что в текущей ситуации, безусловно, будет способствовать укреплению политических позиций правящей элиты. Во-вторых, вполне вероятным представляется некоторое снижение электоральной поддержки кандидатов от парламентской оппозиции. Прежде всего, это относится к КПРФ и «Справедливой России»: заметно улучшив свой результат на выборах в Государственную думу в 2011 г., эти партии вполне могли бы рассчитывать на привлечение протестного электората в тех субъектах РФ, где поддержка доминантной «Единой России» явно ниже, чем в среднем по стране. К таким регионам относятся Новгородская и Рязанская области, где идет подготовка к губернаторским выборам, а также Сахалинская область, в которой состоятся выборы депутатов областной Думы. Однако наличие нескольких новых партий-спойлеров, приведет не к упрочению конкурентных позиций левых сил в противостоянии доминирующей партии, а к борьбе между старыми и новыми левыми (позиционирующими себя как «левые») партиями за голоса одних и тех же групп избирателей. Несмотря на то, что несравнимо большая ресурсообеспеченность «Справедливой России» или КПРФ не оставляет новым партиям шансов на успех, кандидаты от данных парламентских партий, как указывалось выше, могут лишиться некоторого количества голосов. В-третьих, активность вновь созданных партий в ходе ближайшей избирательной кампании поможет им решить задачи первичного позиционирования на политическом рынке современной России, формирования публичного имиджа и обеспечение лояльности целевых групп избирателей. Это позволит наиболее перспективным из новых партий получить большую электоральную поддержку уже на следующих региональных и муниципальных выборах в 2013 г.

Что же касается эффективности участия новых партий в избирательной кампании осени 2012 г., то эксперты выражают сомнения в наличии у кандидатов реальных шансов на победу на губернаторских выборах, а в случае выборов в законодательные органы субъектов РФ прогнозируют в целом скромные результаты⁷. При этом в качестве негативных факторов отмечаются не только институционально-правовые барьеры вроде «фильтров» для кандидатов на должность главы региона⁸, но и дефицит ресурсов у

⁷ Новые партии не созданы для выборов // Коммерсантъ. 2012. 5 июля.

⁸ О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан

большинства новых «игроков» на политической арене для организации масштабной информационной кампании и систематической работы с избирателями. Участие в выборах в органы местного самоуправления может быть более результативно для наиболее активных новых партий, хотя на муниципальном уровне существенную роль играют специфические локальные и ситуативные факторы, что потребует от кандидатов и их штабов известной гибкости в тактике предвыборной борьбы. Теоретически новые партии могли бы увеличить свой электоральный потенциал посредством механизма межпартийных коалиций с целью координации действий по продвижению согласованных кандидатов. И хотя информация о создании подобных коалиций фигурирует в пресс-релизах информационных агентств, нет оснований полагать, что в ходе осенней избирательной кампании они продемонстрируют свою жизнеспособность⁹.

На фоне либерализации законодательства о политических партиях и возврата, пусть и с известными оговорками, к прямым выборам глав регионов диссонансом выступает ужесточение санкций за нарушения во время массовых политических акций¹⁰ и дополнительные меры контроля в отношении общественно-политических объединений, получающих спонсорскую помощь из-за рубежа¹¹. Однако нам эти противоречия представляются сугубо внешними, а логика законотворческих инициатив руководства страны вполне поддается рациональной реконструкции.

В условиях нарастания масштабов протестных выступлений в конце 2011 – начале 2012 гг. перед правящей элитой встала необходимость найти политически приемлемый способ нейтрализовать протестные настроения среди населения крупных городов. Следование исключительно репрессивной тактике в подобной ситуации обычно чревато делегитимацией существующего политического режима и опасностью международной изоляции¹². Более тонкое решение заключалось в институционализации политического протеста через механизм межпартийной конкуренции. Правовое закрепление широких возможностей партийного строительства и участия оппозиции в предвыборной борьбе ни в коей мере не угрожает положению «Единой России» как доминантной партии по причине значительной асимметричности в распределении финансовых, кадровых, информационных и прочих видов ресурсов между ней и всеми остальными акторами. В то же время такая мера позволила переориентировать многих оппозиционных активистов с организации массовых политических акций на решение вопросов по созданию и развитию партийных структур и обеспечению их участия в избирательном процессе. Кроме того, участие в выборах вывело на передний план партикулярные интересы отдельных политических лидеров и организаций в ущерб консолидации оппозиционных сил на почве критики существующего политического режима. Одновременно с этим упрощение процедуры регистрации партий обострило противоречия между отдельными фракциями в некоторых из уже существовавших к тому времени партий – этот процесс затронул «Правое дело» и, в меньшей степени, «Справедливую Россию».

Вместе с тем значительная часть деятелей непарламентской оппозиции, особенно из числа наиболее радикально настроенных, не демонстрировала явных намерений форсировать партийное строительство, а продолжала следовать стратегии митинговой демократии, поскольку именно руководство уличными акциями гражданского протеста сформировало их публичный имидж и позволило приобрести определенный политический капитал.

Подводя предварительные итоги исследования эволюции партийной системы РФ в первой половине 2012 г. необходимо отметить один принципиальный момент: реали-

Российской Федерации»: Федеральный закон от 2 мая 2012 № 40-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 19. Ст. 2274.

⁹ См., например: Новые партии – новая коалиция // Интерфакс. 2012. 18 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.interfax.ru/txt.asp?id=256264&sec=1476>

¹⁰ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»: Федеральный закон от 8 июня 2012 г. № 65-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 24. Ст. 3082.

¹¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента: Федеральный закон от 20 июля 2012 № 120-ФЗ // Российская газета. 2012. 23 июля.

¹² Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции к иерархии // Полис. 2008. № 5. С. 139.

зация потенциала политических партий как эффективного института представительной демократии невозможна без комплексной реформы избирательной системы. В экспертном сообществе уже высказывались идеи о необходимости таких мер, как возврат к смешанной системе выборов на всех уровнях государственной власти, снижение заградительного барьера и возвращение графы «против всех», разрешение непартийным общественным объединениям формировать списки кандидатов в депутаты, а партиям – образовывать избирательные блоки¹³. В настоящее время никаких инициатив со стороны руководства страны в этом направлении не замечено. Следовательно, говорить о том, что увеличение числа легально действующих партий и их участие в электоральных процессах будут способствовать складыванию в России конкурентной политической системы, преждевременно.

THE EVOLUTION OF THE RUSSIAN PARTY SYSTEM IN APRIL-JULY 2012

A.M. MAXIMOV

*Management Institute,
Arhangelsk*

e-mail: ammi5nov@yandex.ru

The implementation of the new version of the law on political parties in Russia gave the oppositional actors the large-scale means of party building and indicated the beginning of the new period in the development of the multi-party system in Russia. The article researches the influence the changes in political system exert on forms of political participation, level of competitiveness of elections and the outlook for expansion of the political forces' range in government authorities.

Keywords: party system, party development, political participation, political competition, electoral campaign.

¹³ Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в современной России: эволюция и деволуция. М., 2011. С. 765-766.

УДК 32.019.5(470+571)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИЗАЦИЕЙ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ***М.В. ДАНИЛОВ***Саратовский государственный
университет имени
Н.Г. Чернышевского**e-mail: super9999@yandex.ru*

В статье рассматривается процесс и механизмы политизации молодого поколения как технологии политического управления. На основе материалов Избирательной комиссии Саратовской области с помощью корреляционного анализа исследуются действия власти по вовлечению молодежи в политику.

Ключевые слова: политизация, молодежь, выборы, политическое управление.

Среди многообразия форм политического участия, наиболее массовым способом вовлечения населения в политику остаются выборы. Вовлечение граждан в избирательный процесс является одной из центральных технологий политизации общества. Можно уверенно говорить, что электоральные формы являются квинтэссенцией участия человека в политической жизни. Все прочие виды политической активности в качестве итога, цели предполагают реализацию электоральных процедур как основного способа овладения властью в условиях представительной демократии. Выборы – тот «перекресток», на котором сходятся потоки институционализированного и стихийного участия, рациональной и иррациональной деятельности людей.

Политизация общества посредством вовлечения граждан в избирательный процесс, понимаемая как технология политического управления, основана на принципе мобилизационного участия в политическом пространстве. Именно в мобилизационном характере политизации раскрывается сущность давления политической элиты на неполитический социум. Мобилизационный характер электоральной политизации проявляется в соревновании элит, неудовлетворенных своим положением в иерархии властных отношений, либо стремящихся сохранить устраивающий их статус-кво, за электорат и его перетягивание на свою сторону посредством использования различных политических технологий. Как свидетельствует опыт российских выборов, электоральный процесс всегда воспринимался отечественными политическими элитами, не как стихия с непредсказуемыми результатами, а как процедуры, подверженные внешнему формирующему и корректирующему воздействию.

Институтами, реализующими данную технологию, выступают избирательные комиссии различного уровня. Тот факт, что наиболее массовая, электоральная форма политического участия оказывается в фокусе внимания государственных структур, свидетельствует о стремлении элиты контролировать политическую активность населения и направлять ее по тем каналам, которые соответствуют моделям политизации, выгодным власти. В качестве примера управляемой политизации общества могут служить программы «Правового просвещения избирателей и повышения профессиональной подготовки организаторов выборов и референдумов». Проведем анализ того, что включали в себя и как реализовывались данные программы на территории Саратовской области.

Программы правового просвещения принимались в Саратовской области, начиная с 1996 года. Они включали в себя долгосрочные и оперативные мероприятия образовательного, информационного и организационного характера, направленные на создание разнообразных полномасштабных форм правового просвещения и обучения всех участников избирательного процесса в Саратовской области. Одним из важнейших разделов данных программ выступает «Правовое просвещение избирателей». В программе 2005–2008 годов указывалось: «Принимая во внимание, что с каждым новым избирательным циклом в выборы включается новое поколение граждан, ведущее место в процессе правового просвещения избирателей занимает подготовка молодежи к участию в

* Статья подготовлена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Государственный контракт № 14.А18.21.0100.

избирательном процессе: повышение правовой культуры и гражданской активности молодежи, развитие умений и навыков ораторского мастерства, культуры ведения публичных дискуссий, знаний основных положений избирательного законодательства Российской Федерации»¹. Данная установка выражалась в целом комплексе мероприятий:

- был реализован проект «Музейные технологии и избирательный процесс», включавший в себя подготовку и размещение стационарной экспозиции в Саратовском областном музее краеведения, посвященной истории выборов в Саратовской области; экспозиции по избирательной тематике в краеведческих музеях муниципальных образований области;

- совместно с Министерством культуры был запущен проект «Библиотеки в правовом просвещении избирателей», заключающийся в организации тематических выставок в библиотеках г. Саратова и муниципальных библиотеках; организации клубов молодых избирателей при муниципальных библиотеках; обеспечении нормативно-правовой литературой по избирательному праву библиотек области; проведении ежегодного конкурса среди библиотек области по повышению гражданско-правовой культуры избирателей;

- совместно с Министерством образования в Саратовской области были проведены конкурсы, олимпиады, деловые игры молодых и будущих избирателей по тематике избирательного права, избирательного процесса, гражданско-правовой тематике, в том числе ежегодный конкурс среди студентов и аспирантов Саратовской области на лучшую работу по вопросам избирательного права и избирательного процесса, социологическим проблемам проведения выборов и референдумов; конкурс молодежного предвыборного плаката; конкурс школьных сочинений на темы предстоящих выборов органов местного самоуправления, депутатов Саратовской областной Думы, депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого созыва, Президента Российской Федерации;

- изготовлены и распространены среди избирателей информационные материалы, листовки, брошюры с разъяснениями основных положений избирательного законодательства;

- проведены консультативные семинары по избирательному праву и избирательному процессу для учителей, ведущих курсы «Правоведение», «Конституция Российской Федерации»;

- организовано прохождение студентами высших учебных заведений производственной практики в избирательной комиссии Саратовской области, соответствующих территориальных избирательных комиссиях;

- организованы и проведены совместно с Секретариатом Круглого стола молодежных и детских общественных объединений г. Саратова дискуссионных форумов среди молодежи Саратовской области по проблемам участия молодежи в политической жизни общества;

- создана база данных из числа старшеклассников, студентов, аспирантов – победителей и активных участников мероприятий, проводимых избирательной комиссией Саратовской области, молодежных активистов для занесения их в кадровый резерв избирательных комиссий².

Как видим, представленный перечень достаточно внушителен и включает в себя достаточно широкий спектр мер по воздействию на политическую активность избирателей. Однако не трудно заметить и основной пробел в используемых технологиях политизации: фактически единственной целевой группой была молодежь. С одной стороны вовлечение молодежи в электоральный процесс, обучение основам знаний о выборах является, безусловно, положительным начинанием. В то же время, с позиций политических

¹ Программа правового просвещения избирателей и повышения профессиональной подготовки организаторов выборов и референдумов в Саратовской области на 2005-2008 годы. Утверждена Постановлением Избирательной комиссии Саратовской области от 27 декабря 2004 года №01-10/40-П.

² Комплекс мер по реализации Программы правового просвещения избирателей и повышения профессиональной подготовки организаторов выборов и референдумов в Саратовской области на 2005-2008 годы. Приложение к Программе правового просвещения избирателей и повышения профессиональной подготовки организаторов выборов и референдумов в Саратовской области на 2005-2008 годы, утвержденной постановлением избирательной комиссии Саратовской области от 27 декабря 2004 года № 01-10/40 - П.

технологий, ориентация только на молодежь была ошибочной, поскольку молодое поколение является крайне недисциплинированной группой избирателей. И в следующей программе, рассчитанной на 2009-2012 годы, это обстоятельство было учтено. Как было заявлено в программе «Одной из причин возникновения конфликтных ситуаций при проведении выборов в органы государственной власти и местного самоуправления власти является низкий уровень правовых знаний и информированности о деятельности указанных органов, не только у молодежи, но и у участников избирательного процесса более старшего возраста. В связи с этим, ряд мероприятий Программы направлен именно на эту категорию избирателей»³.

Однако конкретный перечень мероприятий, призванных реализовать на практике установки данной программы оказался вновь ориентированным в подавляющем большинстве случаев на молодежь, повторяя основные положения предыдущего документа. Политизация других групп избирателей предполагалась посредством таких действий, как:

- изготовление и распространение среди избирателей информационных материалов, листовок, брошюр с разъяснениями основных положений избирательного законодательства;
- подготовка и размещение в салонах общественного транспорта информационных материалов, содержащих основные положения избирательного законодательства, информацию о предстоящих выборах. Размещение аналогичной информации на объектах наружной рекламы;
- разработка и реализация плана мероприятий по обеспечению избирательных прав лиц с ограниченными физическими возможностями⁴.

Одной из наиболее волнующих политтехнологов проблем является связь между результатами голосования и возрастом избирателей. Своеобразной антитезой участию молодежи в электоральном процессе является активность в нем пенсионеров. Воздействие на нужные демографические группы становится центральным направлением приложения управленческих усилий. Ниже приведены данные проведенного парного корреляционного анализа данных государственной статистики о численности пенсионеров (на 1000 чел. населения) в регионах России и официальных сведений о явке на выборы в разрезе субъектов федерации на временном интервале 1990-2011 годов. Исходная предпосылка заключалась в том, что, чем выше доля пенсионеров, тем ниже влияние молодого поколения на ход и итоги голосования.

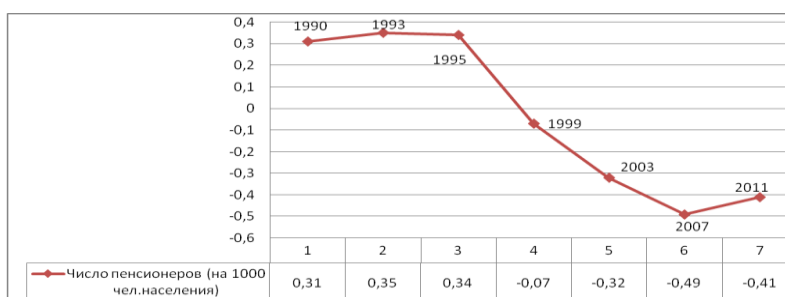

Рис. Изменение коэффициента корреляции между явкой на парламентские выборы и числом пенсионеров (на 1000 человек населения)

На графике показана динамика зависимости уровня электорального вовлечения в политику в связи с таким показателем, как старость/молодость региона, определяемым долей пенсионеров. В 2000-е годы произошло кардинальное изменение направленности связи между явкой на выборы и долей пенсионеров в регионе по сравнению с 1990-ми го-

³ О Программе правового просвещения избирателей и повышения профессиональной подготовки организаторов выборов и референдумов в Саратовской области на 2009-2012 годы. Постановление Избирательной комиссии Саратовской области от 26 декабря 2008 года № 01-09/102-П.

⁴ Комплекс мер по реализации Программы правового просвещения избирателей и повышения профессиональной подготовки организаторов выборов и референдумов в Саратовской области на 2009-2012 годы. Постановление Избирательной комиссии Саратовской области от 26 декабря 2008 года № 01-09/102-П.

дами. В 1990-е годы мы наблюдаем наличие устойчивой положительной связи: чем выше доля пенсионеров в регионе, тем выше в нем явка на парламентские выборы. В 2000-е годы происходит изменение ситуации на прямо противоположную: молодые регионы (прежде всего республики Северного Кавказа) показывают более дисциплинированное участие в голосованиях. Помимо «северокавказского» фактора, на такой расклад повлиял процесс смены поколений пенсионеров, связанный с тем, что политизированные пенсионеры 1990-х, были «разбавлены» деполитизированными пенсионерами 2000-х.

Дополнительные исследования корреляций между количеством пенсионеров и результатами парламентских выборов 2007 и 2011 годов показали, что пенсионеры остаются главным сегментом электоральной поддержки оппозиции. Так, коэффициент корреляции между голосованием за «Единую Россию» и долей пенсионеров в регионе в 2007 году составил $r=-0,53$, а в 2011 году – $r=-0,49$. Однако благодаря тому, что явка на выборы и доля пенсионеров в населении регионов находятся в обратной зависимости, негативное влияние оппозиционности пенсионного электората в 2000-е годы было компенсировано чрезвычайно высокой явкой в молодых регионах.

Анализ процесса вовлечения молодых граждан в политику убеждает нас в том, что рассматривать данный процесс нужно не как стихийный и спонтанный, а как технологически управляемый. Мы имеем в виду возможность использования политизации населения для достижения неполитических целей либо мобилизации неполитических ресурсов ради политических интересов, для чего нужны соответствующие инструменты. В случае с выборами таким инструментом, переводящим вовлечение граждан в политику в регулируемые и управляемые рамки, является так называемый административный ресурс. Административный ресурс выступает в качестве способа стимуляции политической мобилизации там и тогда, когда это необходимо правящей элите, а также может оказывать демобилизующее воздействие в тех случаях, когда неконтролируемый рост политического участия угрожает стабильности властно-элитной конструкции. В 2000-е годы был осуществлен ряд мероприятий, направленных на расширение возможностей административного регулирования явки как формального (переход на пропорциональную систему избрания Государственной Думы, увеличение заградительного барьера, запрет на создание избирательных блоков, отмена графы «против всех» в бюллетенях и порога явки), так и неформального плана (борьба за явку там, где это необходимо, организация победы нужной партии или кандидата). Такие нормативные основания задают институциональные условия «ручного» управления вовлечением граждан в электоральные процедуры.

SOME ASPECTS OF THE MANAGEMENT THE POLITICIZATION OF YOUTH IN RUSSIA

M.V. DANILOV

*Saratov Chernyshevsky
State University*

e-mail: super9999@yandex.ru

The paper presents an understanding of the process and mechanisms of politicizing the younger generation as the technology of political management. On materials of the Electoral Commission the Saratov region and on the basis of correlation analysis examined the government's actions to involve young people in politics.

Keywords: politicization, political management, elections, youth.

УДК 323.2

СПРОС НА ИНФОРМАЦИОННУЮ ОТКРЫТОСТЬ ВЛАСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ***Д.Б. БОТАЛОВА***Институт развития свободы информации, г. Санкт-Петербург**e-mail: dbotalova@svobodainfo.org*

В данной статье рассматривается феномен информационной открытости власти. Выявляются основные особенности спроса на информационную открытость власти в молодежной среде (на примере студенчества). Доказывается зависимость спроса на информационную открытость власти от уровня политической культуры.

Ключевые слова: информационная открытость власти, политическая культура, транспарентность власти.

Конец XX – начало XXI вв. ознаменовались интенсивным развитием глобального информационного общества, характеризующимся становлением нового социального порядка, в котором основным ресурсом является **информация**. В соответствии с «духом времени» происходит трансформация и модернизация многих общественных и политических институтов в сторону формирования их информационной открытости и прозрачности.

Международным, национальным и региональным социально-политическим трендом, особенно актуализировавшимся в последнее десятилетие, становится борьба за свободный доступ к официальной информации и правительственным документам. Данное право является необходимым условием демократического контроля граждан над властными институтами с целью формирования их истинной, а не декларативной подотчетности перед населением. Благодаря информационной прозрачности и транспарентности политической власти укрепляется, прежде всего, справедливая вера людей в то, что государство не должно являться «черным ящиком», поскольку суть формальных институтов, к которым относятся, в первую очередь, органы государственной власти, заключается в публичности и открытости, исключающей свойства латентности и закрытости. Негативная «культура секретности» и соответствующий ей устаревший тип мышления, распространенный в российской действительности, сопровождающий деятельность многих чиновников и политиков, должен полностью искорениться с осознанием того, что информация, которой они пользуются, принадлежит в первую очередь общественности, поскольку граждане имеют полное право на ее получение. С каждым годом все большее количество государств разрабатывают и принимают законы, создающие и гарантирующие институт доступа к официальной информации, что вносит решающий вклад в формирование так называемой позитивной «культуры открытости»¹.

Таким образом, доступ к публичной информации во всем мире стал необходимым условием цивилизованного развития и реализации следующих основных макросоциальных задач: во-первых, снижение коррупционности власти за счет повышения ее социальной ответственности и подотчетности; во-вторых, повышение эффективности и качества публичного управления; в-третьих, обеспечение личных, социальных и гражданских прав людей в области доступа к информации; в-четвертых, повышение информированности населения о состоянии общества и органах государства; в-пятых, формирование политической и правовой культуры, а также социальной активности граждан как основных предпосылок демократического участия. Данный институт способствует контролю деятельности государственных органов, конструктивному влиянию на принятие и реализацию их решений со стороны общественности².

Сегодня изучением вопросов, связанных с феноменом информационной открытости власти, занимается все большее число российских ученых и исследователей. Практи-

* Статья подготовлена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Государственный контракт № 14.А18.21.0100.

¹ Афанасьев М.Н. Императив постиндустриальной демократии – информационная открытость власти // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 111–117.

² Афанасьева О.В. Доступ к информации как институт национального государства // Полис. 2010. № 5. С. 146–154.

ческие направления повышения информационной открытости и прозрачности власти находятся в фокусе интересов не только деятелей властной элиты и государственного аппарата, принимающих активное участие в текущем российском политическом процессе, но в первую очередь, представителей гражданского общества.

Несмотря на повышение интереса к исследованию феномена информационной открытости власти, состояние научной разработанности указанной проблемы не достаточно. Практически неизученными остаются проблемы спроса на информационную открытость власти в молодежной среде, а также вопросы способов формирования этого спроса. От решения проблемы повышения политической культуры молодежи, а также формирования спроса на информационную открытость власти зависит, будут ли в нашем обществе доминировать демократические ценности, верховенство права, а также законопослушные граждане, знающие и умеющие отстаивать свои права в правовой форме. На наш взгляд, формирование спроса на информационную открытость власти в молодежной среде способно внести решающий вклад в укрепление гражданского контроля над работой органов власти, являющегося базовым элементом демократии.

Следует определиться с тем, что же понимается под информационной открытостью власти. В настоящее время в российской науке отсутствует единое каноническое определение данного понятия. На наш взгляд, информационная открытость власти представляет собой организационно-правовой режим деятельности властных институтов, обеспечивающий любым субъектам (гражданам, организациям) возможность получать необходимый и достаточный объем информации (сведений) о своей структуре, целях, задачах, а также существенных условиях деятельности.

Ученые выделяют три основных уровня информационной открытости власти:

– **Первый уровень.** Элементарный доступ к социально-политической информации. Информационная открытость определяется как возможность получения сведений о деятельности органов государственной власти посредством гарантированного доступа к носителям информации (различным носителям информации), на которых фиксируются решения, затрагивающие общественно значимые вопросы.

– **Второй уровень.** Доступность не только информации как таковой, но и доступ к процессу принятия решений, их причин и предполагаемых результатов. Такое знание необходимо для реализации ответственности тех, кто непосредственно принимает решения в сфере общественных интересов. Данный более глубокий уровень открытости в значительной степени обусловлен первым, то есть свободным доступом к информации.

– **Третий уровень.** Открытость процесса принятия решений для участия представителей гражданского общества (неправительственных и невластных групп). Именно в этом заключается феномен демократического участия и народовластия. В данном случае немаловажное влияние оказывает высокая политическая культура населения, а также потребности населения принимать участие в принятии данных решений.

Институт доступа к официальной информации закреплен в ст. 29 Конституции РФ: «Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом». В Стратегии развития информационного общества в РФ от 7 февраля 2008 года № Пр-212 сказано, что «обеспечение гарантированного свободного доступа граждан к информации является одной из важнейших задач государства». С 1 января 2010 года вступил в силу долгожданный Федеральный закон РФ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», который окончательно закрепил рассматриваемое неотъемлемое право граждан³.

Важным механизмом, призванным обеспечивать информационную открытость органов государственной власти, являются их электронные информационные ресурсы. Так, большинство органов государственной власти РФ имеют свои веб-представительства, позволяющие внести значительный вклад в реализацию права граждан на доступ к официальной информации в РФ. Отражение деятельности органов власти на официальных сайтах, безусловно, является чрезвычайно прогрессивным механизмом. Однако, согласно

³ Афанасьева О.В. Доступ к информации: российское и международное законодательство // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 118–134.

результатам исследований, средний уровень информационной открытости органов власти РФ составляет не более 50 %. Одними из самых закрытых органов власти в России являются органы судебной системы. Так, например, по данным мониторинга, проведенного в 2011 году Институтом развития свободы информации (ИРСИ), средний уровень информационной открытости судов общей юрисдикции составил лишь 26% .

Большинство ученых склонны считать, что информационная открытость власти возникает и укрепляется благодаря множеству факторов, среди которых отмечается, в том числе, наличие среди населения спроса на нее. При этом информационная открытость власти относится к основополагающим требованиям демократической политической системы⁴.

С целью выявления особенностей спроса на информационную открытость власти в молодежной среде в 2012 году нами было проведено социологическое исследование – анкетный опрос среди студентов трех вузов в г. Санкт-Петербург. Выборка составила 550 студентов, квотированных по таким параметрам генеральной совокупности как пол, возраст и специальность.

Согласно проведенному исследованию, 58,7% респондентов считают проблему информационной открытости власти важной для современной России.

Опрос показал, что большинство респондентов – 60,5% – оценивают степень информационной открытости власти в России как низкую; 32,2% – как среднюю, и лишь 3% считают ее высокой. Остальные респонденты затруднились ответить на этот вопрос (4,3%). Как видно, большинство респондентов считают степень открытости российской власти низкой. Это связано с тем, что часть решений властных структур закрыта от общества, а также с высокой степенью дистанцированности власти от населения и высокой степенью коррупции.

Также в ходе исследования была поставлена цель измерения спроса на информационную открытость власти в молодежной среде. Высокий спрос отмечается у 48 % респондентов, средний – 33,9%, а низкий – 18,1%. Было выявлено, что более высокий спрос отмечается у студентов гуманитарных специальностей (преимущественно у студентов, обучающихся по специальностям «Политология», «Юриспруденция»). Низкий спрос отмечается у студентов, обучающихся по техническим специальностям.

Кроме того, нас интересовал вопрос: какую информацию хотели бы получить студенты о деятельности органов власти? В большей степени нуждаются в данных о доходах государственных и муниципальных служащих (60,7%); перечне услуг, которые предоставляют органы государственной и муниципальной власти (45,2%), в информации о работе с обращениями граждан (40,1%); структуре органа власти, его задачах и функциях (31,9%) и др.

К основным причинам неудовлетворительной информированности населения о деятельности органов власти является, с точки зрения респондентов, отсутствие интереса со стороны населения к подобной информации (48,6%), закрытость органов власти от населения, недоступность информации (45,4%). Отсутствие интереса населения к информации о деятельности органов власти можно, в частности, объяснить тем, что граждане не удовлетворены той информацией, которая к ним поступает, и часто не доверяют ей.

В процессе исследования мы также попытались определить корреляционную зависимость между ценностями, характерными для либеральной и консервативной идеологии и уровнем спроса на информационную открытость власти.

Для определения идеологической направленности студентов нами было использовано тестирование ценностных систем (на основе 33 пунктов), на взгляд неспециалиста, не имеющих никакого отношения к идеологии, однако несущих в себе латентное отношение к ней. На основании выбранных респондентом понятий вырисовывался «мировоззренческий портрет», свидетельствующий о преобладании либо либеральных взглядов, ценностями которых являются: 1) свобода; 2) индивидуализм; 3) прогресс; 4) космополитизм; 5) гедонизм. Либо консервативных взглядов, ценностями которых являются: 1) дисциплина; 2) семья; 3) ответственность; 4) патриотизм; 5) традиция.

⁴ Allen C. Lynch. How Russia is not ruled: reflections on Russian political development. Cambridge. 2005. P. 276.

Определив направленность идеологических предпочтений студентов методом тестирования ценностных систем, мы пришли к выводу, что у 71% респондентов преобладают ценности либеральной направленности, а у 29% - консервативной. При этом ни один из студентов, отвечая на открытый вопрос о приверженности определенной идеологии, не смог четко сформулировать свое политическое мировоззрение и не квалифицировал свою идеологию как законченную систему взглядов (то есть никто из респондентов не причислил себя ни к консерватору, ни к либералу).

Нами были получены данные, свидетельствующие о наличии небольшой связи между изучаемыми переменными:

Таблица

Зависимость между переменными «Идеологическая направленность» и «Уровень спроса на информационную открытость власти»

Спрос	Либерал	Консерватор
	%	%
Высокий	76	51
Низкий	24	49
Всего	100	100

Таким образом, результаты исследования показали, что среди консерваторов в большей степени распространен низкий спрос на информационную открытость власти, а среди либералов прослеживается обратная тенденция. Данные выводы доказывают наличие некоторой (небольшой) зависимости между политическими ценностями и феноменом спроса на информационную открытость власти.

Также в процессе исследования была выявлена очень высокая степень корреляции между уровнем развития политической культуры и уровнем спроса на информационную открытость (так, значение коэффициента корреляции Спирмена между этими двумя переменными составило 0,9, что свидетельствует об очень высокой степени зависимости). Таким образом, мы выявили, что формирование высокой политической культуры студентов способствует среди прочего также повышению спроса на информационную открытость власти.

Студенческая молодёжь является интеллектуальным, социальным, политическим ресурсом общества. От решения проблемы развития их политической культуры, а также формирования спроса на информационную открытость власти зависит, будут ли в нашем обществе доминировать законопослушные граждане, знающие и умеющие отстаивать свои права в правовой форме. Именно поэтому в молодежной среде необходимо уделять особое внимание формированию высокой политической культуры. При этом необходимо учитывать различные компоненты политической культуры учащихся:

- «когнитивные ориентации», т.е. знания, веру относительно политической системы, ее ролей и обязанностей;
- «аффективные ориентации», или чувства относительно политической системы, ее ролей, ее работы;
- «оценочные ориентации» – суждения и мнения учащихся о политических субъектах, которые обычно представляют собой комбинацию ценностных стандартов и критериев, информации и чувств.

В целом, необходимо отметить следующие способы повышения спроса на информационную открытость власти в молодежной среде (на примере студенчества):

- усвоение политических знаний, их осмысление, развитие самостоятельности политических оценок, анализ личного опыта; развитие умений оценивать политические события, вести политическую дискуссию (следует использовать такие ресурсы как содержательно-структурный, методико-технологический, человеческий);
- развитие политических ценностей и ориентаций, воспитание политических способностей и потребностей, что выражается в предъявлении ценностей студенту, создании эмоционального отношения к изучению политики, создании условий для ярких переживаний, доведении ситуации до уровня успеха (определяющие ресурсы – воспитательно-образовательный и человеческий);

– участие студентов в общественно-политической жизни вуза, страны (определяющие ресурсы – информационный, человеческий).

Основными показателями развития высокого спроса студентов на информационную открытость власти являются:

– заинтересованность студентов, включающая стремление к информированности о феномене информационной открытости власти, включая реализацию прав на доступ к официальной информации;

-- знания основ и механизмов доступа к публичной информации;

– наличие потребностей, связанных с реализацией права на доступ к официальной информации;

– положительная оценка роли информационной открытости власти для социальных и политических процессов и др.

THE DEMAND OF GOVERNMENT INFORMATION OPENNESS AMONG YOUNG GENERATION

D.B. BOTALOVA

*Institute for Information
Freedom Development,
St. Petersburg*

e-mail: dbotalova@svobodainfo.org

This article describes the phenomenon of information openness of the authorities. Moreover it identifies the main features of the demand for government information openness among young people (for example, students). And approving the dependence of the demand for government information openness on the political culture level.

Keywords: information openness of the authorities, political culture, transparency of power.

УДК [323.2: 37.035.4](470.32)

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ЛЕГАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ МОЛОДЕЖИ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО РЕГИОНА*

Р.В. САВЕНКОВ*Воронежский государственный
университет**e-mail: rvsav@yandex.ru*

В статье автор обосновывает тезис, что формирование потребности в политическом участии молодежи в современной России требуют от государства обратить особое внимание на создание эффективной системы формирования культуры легального политического действия.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, легальное политическое действие, политическая культура, политическая социализация.

Рационально-активистская модель социального действия по «освоению» имеющихся политических и экономических ресурсов является одной из фундаментальных основ современного, демократически организованного общества. Если граждане теряют возможность участвовать в политической жизни, то становится практически невозможным определить, является государственное устройство той или иной страны демократическим или нет, поскольку утрачивается главный критерий, позволяющий отличать подлинно демократический процесс от формального ритуала, систематического манипулирования и управляемого согласия¹.

Массовые протесты в крупных городах России против фальсификации итогов выборов в декабре 2011 года, весной 2012 года продемонстрировали способность горожан организовано и легально выражать свои политические предпочтения. В то же время, столкновения с полицией во время «Марша миллионов» (май 2012 г.) свидетельствуют о перспективе массовой поддержки нелегальных и «полулегальных» форм политического действия.

Молодые люди в возрасте от 17 до 25 лет, как правило, являются носителями протестных мнений и более других социально-демографических групп склонны к нарушению правил политического участия и общественного порядка. Традиционно молодежь, как возрастная группа в целом, более других возрастных когорт ориентирована на новации и прогресс. К тому же молодыми россиянами более других освоены новые коммуникативные возможности социальных сетей в Интернет. Молодые люди имеют высокую мотивацию к общению, готовность к организованным действиям по защите «высоких идеалов» и критичное отношение к любой действующей власти. Кроме того, молодые люди имеют достаточно свободного времени для общественной активности.

Для того, чтобы политическая активность молодежи не привела к дестабилизации всей политической системы, необходимо эффективное функционирование институтов политической социализации. Политическая социализация – процесс включения человека в политическую систему. С точки зрения системы в процессе политической социализации происходит воспроизводство её институтов, осуществляется преимущество важнейших политических ценностей. Необходимость этого процесса для сохранения системы связана, прежде всего, с приходом в политику новых поколений.

Человеку для его становления в качестве гражданина необходимо получить систему политических ценностей, идей, в которые он может верить, и ориентации в политической среде, которые позволят ему адаптироваться к ней. Политическая социализация на уровне индивида представляет собой перевод требований системы в структуру личности, интериоризацию её ключевых политико-культурных элементов².

Результат политической социализации проявляется в двух аспектах. *Во-первых*, бесперебойное функционирование политической системы при смене поколений в поли-

* Статья подготовлена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Государственный контракт № 14.А18.21.0100.

¹ Коэн Д. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 28-29.

² Шестопап Е.Б. Политическая психология. М., 2010. С. 241-242.

тике. При этом взаимодействие политики и человека имеет конкретно-исторический характер. Каждая политическая система вырабатывает свои специфические механизмы вовлечения личности в политику. Каждому типу политического устройства соответствует определенный идеал «политического человека», гражданина. Политическое сознание и поведение во многом определяется этим эталоном, транслируемым институтами и агентствами политической социализации.

Во-вторых – зрелый гражданин, который не подвержен колебаниям политической конъюнктуры, способен к принятию самостоятельных решений. Стержнем его личности станут выработанные в ходе политической социализации базовые убеждения и принципы, позволяющие сохранить личностную устойчивость³.

Наиболее активной социальной группой, обладающей всеми необходимыми ресурсами для политического действия является молодежь (17-25 лет). Формирование ценностей легального политического действия у этой социально-демографической группы является первоочередной задачей институтов политической социализации и органов государственной власти.

По мнению европейских экспертов, молодежь все меньше и меньше инвестирует свою энергию в общественно-политическую сферу жизни общества, недостаточно активна на местном уровне; деятельность общественно-политических организаций по вовлечению молодежи в системные отношения современного социума мало эффективна⁴.

Состояние общества в целом, гражданского общества и демократии в современной России большинством политологов оценивается как переходное⁵.

Одной из ключевых проблем низкой автономной политической активности граждан является недостаток веры в эффективность легального действия «простых людей» и отсутствие автономной личности. Как верно указывает С. Пшизова, граждане при реализации своего права на политическое участие исходят из практического и здравого подхода, направленного на обеспечение собственной безопасности и благополучия. Благополучие современного человека зависит не от абстрактного государства, не от общества и общественного мнения, а от непосредственного начальства. Отсутствие альтернативных институтов, к которым можно было бы обратиться за защитой не оставляют обычному человеку выбора, который вынужден поступать так, как требует непосредственный начальник. «Современная российская политическая культура, носителями которой являются в равной мере, как управляющие, так и управляемые, отличается низким уровнем веры в потенциальную влияние отдельного человека в сочетании с убежденностью в силе властной, т.е. бюрократической вертикали»⁶.

Подчиненность «начальству» увеличивает дистанцию разделяющее открытое проявление лояльности властям от реальных настроений россиян, обеспечивает сомнительную легитимность режима, основанную на административных ограничениях. Современные средства массовой коммуникации позволяют этим настроениям реализовываться в альтернативных, нередко виртуальных формах активности, часто существующим параллельно формальным и официозным. Особенно интенсивно развивается в этом отношении молодежная среда, где при общей непопулярности традиционных каналов и способов политической активности возникают неформальные объединения небольших групп, совершающих социально значимые действия, порой политической направленности. Такая активность сохраняет индивидуальный, неиерархизированный характер, и, что особенно важно для российских граждан, позволяет им избегать административных рисков⁷.

Однако, социологи и политологи фиксируют формирование элементов «гражданской культуры» (Г. Алмонд) у жителей крупных городов. В обществе стал формироваться запрос на новое качество жизни, мало отличающееся от запроса граждан европейских стран. Его сущность связана с возможностью личностной самореализации, с формирова-

³ Шестопал Е.Б. Политическая психология. М., 2010. С. 248-249.

⁴ Коряковцева О.А. Государственная молодежная политика как фактор общественно-политической активации молодежи в постсоветской России: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Ярославль, 2010. С. 4.

⁵ Quo vadis? Перспективы становления гражданского общества в России (Часть I) // Политические исследования. 2012. № 2. С. 117-140.

⁶ Пшизова С.Н. От «гражданского общества» к «сообществу потребителей»: политический консьюмеризм в сравнительной перспективе // Политические исследования. 2009. №1. С. 102.

⁷ Там же. 114-115.

нием ценностей доверия, ответственности и общественной солидарности. Несмотря на издержки последних двух десятилетий большинство россиян сохраняют приверженность базовым демократическим ценностям и институтам⁸.

Переходное состояние институтов политической сферы отражается на механизмах политической социализации. По мнению Е. Шестопаля в России наблюдается кризис политической социализации во всех возрастных группах; ресоциализация затруднена идеологическими причинами: новые демократические ценности, приобретя официальный статус, не получили адекватной реализации в повседневной жизни индивидов; ресоциализация происходит как многослойный процесс, когда детский опыт преломляется несколько раз⁹.

В постсоветской России институты политической социализации рядовых граждан оказались полностью утраченными без какой-либо замены новыми. Формирование политической идентичности, усвоение политических ценностей и политических убеждений гражданина, развитие политических качеств личности было отдано на откуп стихии политического процесса в кризисном обществе¹⁰.

Общественные организации не в состоянии проводить систематическую работу по формированию полноценной культуры легального политического действия. В этой работе необходимо реальное участие органов государственной власти. В то же время, такое участие не должно вызывать внутреннего сопротивления, т.к. в молодежной среде уже сформировалось устойчивое недоверие ко всем (даже положительным) действиям власти.

Государственные институты региональной власти имеют похожие функции, как в Белгородской¹¹, так и Воронежской областях¹². В рамках департамента образования, культуры и молодежной политики *Белгородской области* функционирует управление по делам молодежи. Его начальник является заместителем начальника департамента. В структуру управления входят отделы, связанные с политической социализацией:

- отдел организационно-массовой работы;
- отдел духовно-нравственного воспитания молодежи;
- отдел по работе с молодежными и детскими общественными организациями и профилактике негативных явлений в молодежной среде, военно-патриотическому, гражданскому воспитанию и допризывной подготовке молодежи.

В департаменте образования, науки и молодежной политике *Воронежской области* функционируют два отдела, задействованные в социализации молодежи: отдел аналитического обеспечения и мониторинга молодежной политики и отдел проектно-программной деятельности в молодежной среде. Курирует молодежную политику в Воронежской области – заместитель руководителя департамента образования, науки и молодежной политики Воронежской области.

При региональных органах государственной власти функционируют подведомственные учреждения: областное государственное учреждение «Центр молодежных инициатив» (Белгородская область), государственное учреждение «Областной молодежный центр» (Воронежская область).

Целям политической социализации способствуют реализуемые в регионах проекты:

1. Организуется отбор и отправка молодых лидеров на общероссийский форум «Селигер»;
2. Выездные ежегодные молодежные форумы «Нежеголь» (Белгородская область), «Молгород» (Воронежская область);
3. Созданы и функционируют Молодежные правительства.

Субъектами политической социализации в регионах остаются молодежные общественные организации. В Белгородской области зарегистрировано 15 структурных подразделений федеральных, областных и местных молодежных и детских общественных

⁸ Петухов В.В. Гражданское участие в контексте политической модернизации России // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 48 – 49.

⁹ Шестопаля Е.Б. Указ. соч. С. 244-245.

¹⁰ Головин Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. СПб., 2004. С. 5.

¹¹ Молодежный портал Белгородской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.portal-31.ru/>

¹² Портал Молодежь Воронежской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mol36.ru/>

организаций и объединений; в Воронежской области – 41 общественная организация. Кроме того, в Воронежской области функционирует «Дом молодежи», на базе которого возможна реализация молодежных инициатив незарегистрированных организаций.

Результатом деятельности указанных институтов политической социализации должны стать активные и сознательные граждане, а не только общественные организации, поскольку последние достаточно легко имитировать. Гражданин, для равноправного диалога с государством должен обладать тремя качествами:

1. Самостоятельностью сознания и способностью целеполагания (осознания своих собственных интересов и возможностью построения стратегий их реализации);
2. Самостоятельностью воли, позволяющей самостоятельно организовывать свои действия, реализовывать собственные интересы и жизненные стратегии;
3. Ресурсной самостоятельностью, или возможностью обеспечить свои действия и достижение своих целей необходимыми ресурсами, наличием разного вида «капиталов», в том числе собственности¹³.

Как показывают результаты социологических исследований, в сознании молодых людей причудливым образом «сочетаются модернистские и традиционалистские ориентации»¹⁴. По этой причине при формировании в молодежной среде гражданских качеств исключительная роль в переходный период должна принадлежать государству, которая реализуется в соответствующей государственной молодежной политике.

Необходимо:

1. Разработать системную государственную программу мероприятий по формированию «гражданской культуры» (по аналогии с программой Центральной избирательной комиссии РФ, направленной на формирование электоральной культуры, но с системой оценки её эффективности);
2. Инициировать создание сети молодежных инициатив (организаций, интернет-сообществ), формирующих «гражданскую культуру» в молодежной среде на основе современных коммуникативных и мобилизационных технологий.

Современное государство для сохранения своей стабильности должно реализовывать эффективную государственную политику в области политической социализации по формированию современного человека. Современный человек – это активный гражданин, с развитым чувством социальной ответственности, внутренне независимый и интеллектуально самостоятельный, открытый всему новому, отличающийся толерантностью к окружающим и уважительным отношением к законам¹⁵. Задача российской власти в настоящий момент – научить граждан пользоваться законными средствами политического участия и, главное, сформировать веру в эффективность этих средств.

Итак, процессы, происходящие в сегодняшней России, требуют от государства обратить особое внимание на создание эффективной системы формирования культуры легального политического действия.

PROBLEMS OF FORMATION OF CULTURE OF LEGAL POLITICAL ACTION OF YOUTH OF CENTRAL BLACK EARTH REGION

R.V. SAVENKOV

Voronezh State University

e-mail: rvsav@yandex.ru

In article the author proves the thesis, that formation of requirement for political participation of youth in today's Russia demand from the state to pay special attention on creation of effective system of formation of culture of legal political action.

Keywords: state youth policy, a legal political action, political culture, political socialization.

¹³ Какабадзе Ш.Ш. Институт гражданского участия: проверка деятельностью субъектов // Политические исследования. 2011. № 3. С. 98.

¹⁴ Ядова М.А. Современное и традиционное в ценностях постсоветской молодежи // Социологические исследования. 2012. №1. С. 121.

¹⁵ Там же. С. 115.

УДК [324:37.035.4](470.324)

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЁЖИ (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ) *

И.А. ЗВЕРЕВА*Воронежский
государственный университет**e-mail: zver-irina@yandex.ru*

Статья посвящена анализу механизмов повышения электоральной культуры молодёжи общественными организациями Воронежской области. Автор рассматривает соответствующие наиболее популярные технологии и способы их совершенствования.

Ключевые слова: электоральная культура, общественные организации, Молодёжный парламент, Молодёжные избирательные комиссии, электоральный процесс.

Проблема повышения электоральной активности граждан, и в особенности молодёжи, достаточно широко освещена в современной научной литературе. Богатый эмпирический материал появляется в период избирательных кампаний и после самих выборов, в которых правомерность тех или иных действий всех участников конкретного избирательного цикла контролируются самими кандидатами, партиями или правозащитными организациями, а избирательные комиссии и социологические службы отслеживают параметры явки избирателей тех или иных групп (в первую очередь, именно по возрастным параметрам).

На современном этапе развития политической науки в западных странах значительное внимание уделяется изучению факторов, влияющих на уровень электоральной активности граждан. Исследования по этой тематике ведутся в трех основных направлениях. В рамках первого направления изучается связь абсентеизма с политической системой в целом. Иными словами, в фокусе внимания авторов прибывает вопрос о влиянии институциональных факторов на уровень электоральной активности граждан. Основными проблемами исследований здесь выступают следующие: вопрос об угрозах низкой явки для демократии, проблема общей тенденции к снижению уровня явки в развитых странах, влияние институционального дизайна на электоральную активность граждан и т.д. Во втором направлении исследований данной темы уделяется внимание факторам, влияющим на абсентеизм избирателей на индивидуальном уровне. Здесь в центре внимания исследователей находится вопрос изучения связи между определенными качествами индивида (возрастом, полом, образованием и т.д.) и уровнем его электоральной активности. В рамках третьего направления ученые изучают воздействие социальных сетей на электоральную активность граждан. По мнению представителей данного направления, плотность социальных сетей оказывает положительное влияние на явку избирателей: чем плотнее социальная сеть, тем выше электоральная активность граждан¹.

Абсентеизм можно расценивать не только как нечто негативное. Так, по мнению ряда авторов, в некоторых странах он свидетельствует скорее о доверии избирателей к решениям той части населения, что участвует в выборах – примером такой страны является Швейцария². Однако принцип свободного участия в выборах принят не во всех странах. Там, где участие в выборах рассматривается, прежде всего, как гражданский долг, применяется обязательный вотум – законодательно установленная обязанность участия в выборах³.

Эффективность обязательного вотума, его достоинства и недостатки – тема дискуссионная. Тем не менее, стоит учитывать, что многими участниками политического

* Статья подготовлена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Государственный контракт № 14.А18.21.0100.

¹ Сидоркина Е.В. Феномен абсентеизма на парламентских и президентских выборах в России: Автореф. дис. ... к. полит. наук. М., 2008. С.5.

² Подробнее см.: Андреева Г.Н. Избирательное право в России и в зарубежных странах. М., 2010. С. 173.

³ Подробнее см.: Головин А.Г. Избирательное право России. М., 2007. С. 101.; Андреева Г.Н. Указ. соч. С. 173-175.

процесса в целом и избирательного в частности предлагают различные механизмы привлечения населения к участию в выборах.

Не рассматривая методы, нарушающие избирательное законодательство – например, подкуп избирателей, попробуем обратить внимание на наиболее эффективные и часто применяемые способы.

Прежде всего, это просвещение избирателей. Оно предполагает разъяснение им таких основополагающих вопросов: почему важно принимать участие в голосовании, почему голосование должно быть тайным и по какой причине необходимо обеспечить безопасность голосующих, почему результаты голосования должны уважаться всеми сторонами. Оно также должно помочь избирателям различать политических конкурентов с тем, чтобы иметь возможность сделать осознанный выбор. Эти достаточно сложные элементы гражданского просвещения не должны теряться в общей информации о том, где, когда и как избиратель должен зарегистрироваться и проголосовать. Задача гражданского просвещения избирателей в равной степени открывает поле деятельности для правительства, электоральных органов, политических конкурентов, средств массовой информации, неправительственных организаций⁴.

Избирателю требуется знать хотя бы основные принципы избирательного права, порядок заполнения бюллетеня для голосования и саму природу голосования. Обучение этим элементарным знаниям должно проводиться регулярно до начала избирательной кампании и в ходе самой кампании. Большим подспорьем в правовом просвещении избирателей являются информационные буклеты. Результат такой просветительской деятельности налицо: там, где избиратели охвачены правовым всеобучем, резко падает и число неправильно заполненных (т. е. недействительных) бюллетеней. К тому же правовая грамотность избирателей создает правовую среду, затрудняющую различного рода манипуляции и нарушения процедуры голосования⁵. Достаточно интересным исследованием на эту тему является работа американских учёных, посвящённых президентским выборам в США и скандалу, возникшему при подсчёте голосов за Дж. Буша-мл. и А. Гора. Так проведённые ими исследования в населённых пунктах Флориды показали, что часть избирателей просто запутались при сложной системе голосования и проголосовала вовсе не за того кандидата, за которого они думали, что голосуют⁶.

Одним из важнейших направлений в деятельности по правовому воспитанию избирателей, повышению их правовой культуры, вовлечению их к участию в выборах является работа с молодёжью.

Повышение электоральной активности молодёжи – это многоаспектный процесс. В первую очередь, молодёжь – это та категория, которая в значительной степени склонна к абсентеизму. Во-вторых, молодёжь особенно подвержена различным негативным влияниям, в том числе и неформальных групп с асоциальной направленностью.

Молодёжь, как правило, не стремится к активному участию в политической жизни. В то же время, последние выборы и последовавшие за ними события также показывают, что среди участников оппозиционных акций – больше четверти составляет именно молодёжь⁷.

Отдельной интересной темой при рассмотрении электоральной активности молодёжи можно выделить проекты общественных организаций, посвящённые донесению до избирателей информации о выборах. К таким проектам относится, например, выпущенные несколько лет назад Ассоциацией в защиту прав избирателей «Голос» материалы из серии «Закон о выборах депутатов Госдумы в картинках для взрослых и детей», включающие в себя календарики, наклейки, памятки и значки про выборы. Существенный плюс этого проекта – популяризация законодательства о выборах, в лёгкой и доступной

⁴ Мерло П. Электоральная практика, права человека и общественное доверие к демократической системе // Политические исследования. 1995. №4. С.130.

⁵ Ковлер А.И. Избирательные права российских граждан: нормы права и политическая практика (проблемы реализации избирательных прав граждан). [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ihtik.lib.ru/edu_220pr2005

⁶ Подробнее см.: Jacobson A. J. The longest night: polemics and perspectives on election 2000. California, 2002.

⁷ Кто вышел на Проспект Сахарова 24 декабря. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/politics/50318.html>

форме донесение важных сведений, которые легко запоминаются. Существенный минус – некоторые картинки и соответствующие подписи к ним носили скорее эмоционально окрашенный характер, особенно в плане критики некоторых законодательных нововведений, например, отмены возможности наблюдения за выборами общественными организациями, переход на полностью пропорциональную систему и т.п. Возможно, здесь стоило разграничить кампании по популяризации избирательного законодательства и его критики со стороны субъектов гражданского общества.

Принципиально новым направлением в деятельности избирательных комиссий стало формирование молодёжных избирательных комиссий. Не являясь общественной организацией в юридическом смысле, молодёжные избирательные комиссии, тем не менее, представляют собой объединения молодёжи, активно вовлечённой в электоральный процесс. Молодёжные избирательные комиссии, созданные при избирательных комиссиях субъектов РФ, призваны выполнять две основные функции:

- способствовать в повышении правовой культуры молодых избирателей посредством проведения мероприятий при курировании со стороны избирательной комиссии;
- служить кадровой основой для избирательных комиссий различного уровня.

В частности, на территории Воронежской области уже несколько лет ведёт работу Молодёжная избирательная комиссия Воронежской области.

Последнее время центральное место среди механизмов правового воспитания молодых избирателей, развития их правовой культуры занимает становление молодёжного парламентаризма. Молодёжный парламентаризм является важным механизмом социализации и развития правовой и политической культуры молодых граждан. И воспитательный аспект молодёжного парламентаризма не менее, а может быть, и более важен, чем представительство прав и интересов молодёжи. В последние годы всё большую популярность приобретают такие формы работы с молодёжью, как создание школьных молодёжных парламентов, школьных республик, дум, правительств и т.д., где их участники в игровой форме постигают азы избирательного права и избирательного процесса⁸.

Через молодёжные парламентские структуры возможно повышение электоральной грамотности молодёжи по двум направлениям:

1. Повышение электоральной грамотности самих участников молодёжных парламентских структур через процедуру избрания в молодёжный парламент. Такая форма характерна в основном для школьных парламентских структур, когда учащиеся избирают учеников своей же школы в «парламент». В рамках подобной формы работы у школьников, в первую очередь, формируется представление о важности своего голоса на выборах, необходимости эффективной работы избранной структуры и др. Серьёзным минусом подобной формы является то, что на школьном уровне созданная структура «органов власти» иногда настолько отличается от реально существующей схемы на федеральном или региональном уровне, что теряется функция усвоения первичных знаний о политической системе. Ещё одним отрицательным моментом является то, что подобная форма избрания молодёжных парламентских структур на основе «всеобщего и равного избирательного права» практически не характерна для региональных молодёжных парламентских структур.

2. Работа, проводимая по повышению электоральной грамотности самими представителями молодёжных парламентских структур по отношению к остальной молодёжи. Может проводиться как исключительно молодёжной парламентской структурой, так и совместно с избирательными комиссиями, органами по делам молодёжи и т.д. Данная форма работы, как правило, представляет собой выпуск тематических пособий, проведение различных семинаров, организацию избрания школьных парламентских структур.

Молодёжный парламент Воронежской области интересен в этом вопросе тем, что в его состав непосредственно входят представители молодёжных организаций региона, что, безусловно, усиливает работу как самих организаций, так и Молодёжного парламента в целом.

⁸ Чертков А.Н. Региональный опыт функционирования «молодёжного парламентаризма» как механизм развития правовой культуры российских избирателей // Журнал российского права. 2008. №1. С.53 - 54.

Еще одним сходным направлением является проведение специальных ролевых игр по повышению электоральной грамотности молодежи. Данные мероприятия могут проводиться всеми субъектами процесса повышения электоральной грамотности, но основными организаторами, как правило, являются избирательные комиссии, молодежные парламентские структуры и / или общественные организации.

Еще одним направлением деятельности комиссий всех уровней является создание клубов молодых избирателей. Клубы молодых избирателей позволяют избирательным комиссиям вести работу со школьниками и студентами, активно интересующимися избирательным процессом, организовывать различные мероприятия, конкурсы и т.п.

Клубы избирателей могут также организовываться политическими партиями⁹ и общественными организациями. Однако работа политических партий с избирателями должна быть действительно работой по правовому просвещению и не сводиться исключительно к агитации за одну конкретную политическую партию.

Таким образом, повышение электоральной культуры и активности молодых граждан способствует процессу осознания важности института выборов в целом. Усвоение ими норм действующего избирательного права позволяет повысить доверие избирателей к процедуре выборов, облегчить им участие в них.

Исследователи отмечают, что при рассмотрении вопросов электоральной активности молодых граждан и их участия в выборах, в первую очередь, принято рассматривать аспект реализации молодежью активного избирательного права. В тоже время стремление молодых людей реализовать право быть избранными в наибольшей степени показательно в качестве индикатора политической активности их как граждан¹⁰.

Так, например, прошедшие выборы в Государственную Думу активизировали эту тенденцию, дали толчок к появлению новых механизмов этого процесса. В частности, в Воронежской области одна из политических партий не просто включила молодых представителей в список кандидатов, а реализовала проект «Молодежные праймериз-2011», дающий возможность целеустремленным молодым людям от 21 года до 35 лет включительно пройти конкурсный отбор и участвовать во внутрипартийном голосовании по определению кандидатов от «Единой России» в нижнюю палату парламента¹¹.

Таким образом, в процесс повышения электоральной активности молодежи вовлечено огромное количество акторов различного типа. Систематическая работа способствует повышению у молодежи уровня электоральной культуры, формирует готовность участия в выборах, в политической жизни в стране в целом.

Обобщая опыт по повышению электоральной культуры молодежи, мы сегодня смело можем говорить о наличии целенаправленного государственного участия в этом процессе. Участие органов государственной власти в повышении электоральной культуры позволяет в значительной мере систематизировать процесс, облечь его в правовые нормы, позволить разработать как типовые программы повышения электоральной культуры, так и программы, учитывающие местную специфику. Несмотря на разработку типовых положений, ряд регионов становится экспериментальными площадками по совершенствованию технологий – речь идет преимущественно об опробовании новых методик, в случае успешности получающих широкое распространение. Если еще 5 лет назад большая часть регионов не имела ни малейшего представления о молодежных парламентских структурах, или же они только начинали создаваться, то сегодня молодежные парламенты действуют не только во всех субъектах России на региональном уровне, но и активно работают на уровне муниципальном. Кроме того, сегодня уже достаточно распространёнными становятся методы формирования молодежных парламентских структур не на основе делегирования полномочий, а на основе осуществления практически

⁹ О работе клуба молодых избирателей при Старооскольском местном отделении ЛДПР. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

http://www.ldpr.ru/partiya/regrf/belgorodskaya_oblast/reg_events/klub_molodyh_izbiratelei/

¹⁰ Карпунин Д.С. Электоральная активность молодежи на выборах в представительные органы государственной власти: федеральный и региональный аспекты // Вестник ПАГС. 2009. №18. С. 73.

¹¹ Молодежь перестаёт быть частью электората, она включается в политическую жизнь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.er-duma.ru/press/47373>

полноценного избирательного процесса, что также позитивно сказывается на усвоении норм избирательного права молодыми людьми.

THE ROLE OF PUBLIC ORGANIZATIONS IN THE FORMATION OF ELECTORAL CULTURE OF YOUTH (ON THE EXAMPLE OF VORONEZH REGION)

I. A. ZVEREVA

Voronezh State University

e-mail: zver-irina@yandex.ru

The article focuses on the analysis of mechanisms for improving the electoral culture of youth by public organizations of Voronezh region. The author examines corresponding most popular technologies and ways of their perfection.

Keywords: electoral culture, public organizations, Youth Parliament, Youth Electoral Commission, electoral process.

УДК 323.2; 37.054.4

ЛОКАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ОСНОВЕ ИНТЕРВЬЮ ЖИТЕЛЕЙ ТВЕРСКОГО КРАЯ – УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В АФГАНИСТАНЕ)*

М.В. ФОМЕНКО

*Московский
государственный
университет
имени М.В. Ломоносова*

e-mail: fomenkomv@spa.msu.ru

Целью данной статьи является попытка, используя доступные литературу и источники, проанализировать влияние войны в Афганистане на складывание политической культуры советской молодежи через призму восприятия участников и очевидцев событий, а также осуществить сравнение их точек зрения с мнениями, утвердившимися в научных трудах.

Ключевые слова: политическая культура, локальный конфликт, воин-интернационалист, «афганский синдром», устные источники.

История локальных войн последних десятилетий наглядно показывает, что участие войск того или иного государства в военных действиях, особенно за пределами страны, может обернуться самыми различными последствиями. Война, неизбежно затрагивающая сферу политического и нравственного сознания населения, способна коренным образом изменить отношение рядовых граждан не только к конкретным руководителям, но и к правящему режиму. Таким образом, локальные конфликты способны напрямую влиять на формирование политической культуры целых поколений, меняя мировоззренческие ориентиры молодежи.

Необходимо отметить, что в арсенале ученых, изучающих современные политические процессы, присутствует тип источников, потенциал и информативные возможности которых еще недостаточно оценены исследователями в нашей стране. Это – устные источники – беседы с участниками событий, которые организует и осуществляет специалист. Именно сейчас, когда за плечами этих людей весьма солидный жизненный опыт, а острота эмоционального восприятия все чаще уступает место стремлению проанализировать происходившие когда-то события, наступил момент для подробного и тщательного, а главное, объективного изучения влияния афганского конфликта на складывание политической культуры с помощью устных источников.

Становление устной истории как направления историографии произошло в 50–60-е гг. XX столетия в США, Великобритании, Италии. Во всех этих странах исследователи обращались к устным источникам тогда, когда имеющихся в их распоряжении литературы и источниковой базы было явно недостаточно для изучения той или иной проблемы (например, биографии политиков и бизнесменов в США, этнографические исследования в Великобритании, движение Сопrotивления в Италии). При этом подчеркивались достоверность данного типа источников и их сходство с источниками личного происхождения и назначения.

В 2003–2005 гг. на историческом факультете Тверского государственного университета было начато исследование «Афганская война глазами участников и очевидцев». Подбор респондентов производился несколькими методами:

- поиск респондентов среди своих знакомых, друзей, родственников;
- методом «снежного кома», когда респонденты называли своих друзей, знакомых, принимавших участие в военных действиях в Афганистане;
- поиск через общественные организации (прежде всего – Клуб ветеранов войны в Афганистане, военно-патриотический Центр по воспитанию молодежи).

Для проведения исследования был разработан путеводитель – примерный план интервью, в котором определены наиболее важные темы и сформулированы ключевые

* Статья подготовлена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Государственный контракт № 14.А18.21.0100.

вопросы. Всего за период с ноября 2003 по апрель 2005 года было выявлено и опрошено более 40 респондентов различных категорий: офицеры, рядовые, медперсонал и т.д.

Путеводитель состоял из трех частей:

1. Жизнь респондента до войны в Афганистане (семья, учеба, досуг, служба, отношение к войне в Афганистане до службы);
2. Служба в Афганистане (вооружение, тактика ведения боевых действий, потери, взаимоотношения между военнослужащими, межнациональные отношения, бытовые условия, досуг, отношения с местным населением, награды);
3. Жизнь респондента после службы (какое значение имеет война в жизни и судьбе человека).

Предварительные встречи показали, что значительная часть «афганцев» относится к опросам настороженно, высказывались пожелания изменить фамилию при записи беседы, от ответов на некоторые вопросы уклонялись. Во многом данная ситуация обусловлена прежними установками о том, что любая информация о службе в Афганистане является государственной тайной. Не случайно, практически все респонденты отмечали, что в контингенте действовала цензура, письма проверялись, запрещалось фотографироваться (особенно на фоне боевой техники), еженедельно проводились политинформации, где разъяснялось, что «информация – это сильнейшее оружие и нельзя допускать ее передачи врагу». Эти установки отложились в памяти и поэтому любые вопросы о службе со стороны незнакомых людей вызывают подозрения. Однако данное обстоятельство не снижает, а скорее повышает ценность источников, полученных в результате проведенных опросов. Преодолев первоначальную подозрительность, «афганцы» способны ответить на многие вопросы.

Изучая влияние событий афганской войны на формирование основных элементов политической культуры молодых людей из СССР, участвовавших в конфликте, следует подчеркнуть, что на самоидентификацию советских граждан и их отношение к правящему на родине режиму могли влиять самые различные факторы. В частности, существенную роль играло физическое и психологическое состояние солдат и офицеров контингента. В свою очередь, данное состояние во многом зависело не только от характера боевых действий, но и от бытовых условий: размещения, проживания, питания и т.д.

В данном случае целесообразно процитировать опубликованное интервью генерал-майора Г. Уставщикова, бывшего командира дивизии: «Не могу смотреть на тушенку. На всю оставшуюся жизнь наелся в Афганистане. Кормили дивизию скверно. Овощей, фруктов не видели. Все шло из Союза в консервированном виде, быстро надоедало. Развивался сильнейший авитаминоз. Солдаты доходили буквально на глазах... На операциях крепкие парни теряли по пять-шесть килограммов. А полноценно восстановиться не могли. Пайки американской армии во Вьетнаме – малой емкости, веса, высокой калорийности – нам и не снились...»¹.

Данная цитата показывает, что одной из главных проблем личного состава контингента был авитаминоз. Причины подобной ситуации объясняются по-разному. Представители командования в первую очередь обращали внимание на объективные обстоятельства (например, климат). Но существуют и другие объяснения некачественного питания солдат. Свое мнение по данному поводу высказал один из респондентов, военный прокурор В.Л. Гуревич: «Воровали страшно. Афганистан показал все сиротство нашей армии (имеется в виду моральное состояние). В основном воровал командный состав. Что воровали? Продукты, продовольствие: тушенку, капусту и т.д. Был такой случай. Спрашиваю у солдата: “Как кормят? Что сегодня ели?” Тот: “Макароны по-флотски”. А я смотрю – голодный ведь. Заглянул в печь – а там паутина. Неделями солдаты были без горячей пищи, так как командиры крали»². Как мы видим, в данном случае акцент делается на вполне конкретные социальные пороки, являющиеся своеобразной характеристикой «нашей» (советской) армии.

Солдаты и офицеры сами пытались находить решение данной проблемы. По словам С.А. Нарышкина, «фрукты ели, но это было небезопасно, так как нас могли под-

¹ Гай Д., Снегирев В. Вторжение. Неизвестные страницы необъявленной войны. М., 1991. С. 34.

² Гуревич В.Л. Воспоминания / Записал М. В. Фоменко. Тверь, 2005. Машинопись. С. 2.

стерегать душманы. Поход за фруктами мог стоить нам жизни»³. Н.Д. Измestьев вспоминал: «Ели в основном баранину. Бывало, подойдешь к отаре и показываешь на пальцах: мол, 4 штуки надо, а тот головой мотает и только 2 дает»⁴. По всей видимости, для многих солдат и офицеров 40-й армии некоторые поступки, считавшиеся противозаконными «на гражданке», казались вполне допустимыми в условиях боевых действий в далекой стране. То, что в Советском Союзе бойцы, осуществлявшие подобные «изъятия», наверняка сами называли бы грабежом, в Афганистане становилось обыденным способом несколько разнообразить скудный паек. По сути, речь идет о кражах и вымогательстве, частично вызванных провалами в системе снабжения, частично – восприятием местного населения как потенциальных (а часто – вполне реальных) врагов, а всего «изъятых» у него – как трофеев.

За годы пребывания советских войск в Афганистане проблема их снабжения всеми необходимыми видами продовольствия так и не была решена на должном уровне. Это обстоятельство не могло не вызвать определенного недоверия солдат-призывников к своему высшему руководству, которое они впоследствии вполне могли переносить и в мирную жизнь.

Что касается такого немаловажного аспекта, как «во что солдат одет и обут», на чем он спит и т.д., то данную проблему часто вынуждены были решать сами солдаты и офицеры, активно используя трофейное снаряжение и проявляя личную изобретательность. Журналистка Е. Лосото в своей книге отмечала, что «лучший трофей в Афганистане – это солдатский спальник, изготовленный в ФРГ. Он в пять раз легче нашего и в два раза теплее»⁵. Осознание явного отставания своей страны в производстве товаров народного потребления, ощущавшееся многими еще в Союзе, в Афганистане только усилилось, что не могло не добавить очередной порции недоверия к режиму в сознании молодых людей.

Следует подчеркнуть, что, как правило, участники боевых действий в Афганистане охотно делятся воспоминаниями о том, как проводили свободное от выполнения служебных обязанностей время. Так, В.Г. Аполлонин описал приезд И.Д. Кобзона в одну из частей ОКСВА: «Один раз к нам с концертом даже приезжал Иосиф Кобзон. Это для нас было полной, но приятной неожиданностью. Мы были рады, что Родина нас не забывает. Иосиф Давыдович пел популярные свои песни и, вообще, песни о войне. Была возможность не то что с ним пообщаться, а и получить автограф. Он прилетел к нам на вертолете в обед. Мы все пообедали рядом с ним. Вечером был концерт. После него Иосиф Давыдович долго с нами разговаривал. Кто-то предложил поиграть в карты – и мы играли. Вообще, Иосиф Давыдович оказался очень общительным человеком. И очень веселым. А утром он улетел в другое место. Своим присутствием он очень поднял наше настроение»⁶. В целом, из этой и ряда других цитат можно сделать вывод о том, что командование контингента неплохо понимало значение досуга солдат и офицеров для поддержания высокого морального духа и предпринимало определенные шаги для улучшения агитационно-пропагандистской работы в войсках. Ощущение, что «Родина не забывает», положительно сказывалось на воспитании молодых людей.

Участие в боевых действиях непосредственным образом отражается на системе ценностей индивида, его представлениях о жизни и ее смысле, разрушает привычную структуру межличностных взаимоотношений. С другой стороны, многие представители командного состава относились к своему участию в конфликте как к работе, командировке. «Это была работа (не больше), к которой готовились долгие годы (всю жизнь)» – так высказался гвардии подполковник В.В. Кононенко⁷. Другой офицер, В.Н. Жаркин, «пошел добровольцем»⁸. И.В. Елисеев вспоминает, что некоторые командиры высказывались так: «Страны посмотрим, денег заработаем»⁹. Таким образом, люди с четко сло-

³ Нарышкин С.А. Воспоминания / Записал М. В. Фоменко. Тверь, 2005. Машинопись. С. 3.

⁴ Измestьев Н.Д. Воспоминания / Записал М. В. Фоменко. Тверь, 2005. Машинопись. С. 2.

⁵ Лосото Е. Командировка на войну. М., 1990. С.53.

⁶ Аполлонин В.Г. Воспоминания / Записал М. В. Фоменко. Тверь, 2005. Машинопись. С.5.

⁷ Кононенко В.В. Воспоминания / Записал М. В. Фоменко. Тверь, 2005. Машинопись. С.2.

⁸ Жаркин В. Н. Воспоминания / Записал М. В. Фоменко. Тверь, 2005. Машинопись. С. 1.

⁹ Елисеев И. В. Воспоминания / Записал М. В. Фоменко. Тверь, 2005. Машинопись. С.2.

жившейся политической культурой и социальной позицией относились к локальному конфликту существенно иначе, нежели молодые призывники с относительно небольшим жизненным опытом.

Крайне скупо делятся воины-интернационалисты воспоминаниями о фактах преступности в частях и соединениях контингента. Подробнее всего данный аспект освещен в интервью В.Л. Гуревича, для которого выявление подобных случаев входило в круг профессиональных обязанностей. По его мнению, одной из причин совершения преступлений солдатами ОКСВА была быстро появившаяся зависть к ассортименту товаров в Афганистане. «Когда наша молодежь (солдаты) увидела богатство этих комков (а такого в Союзе не было нигде, даже в столицах), разыграло чувство зависти, а потом вседозволенности – пошли грабежи, разбой. Мы реагировали только жесточайшим преследованием, уголовной ответственностью. Одних судили, высылали, но на их место приходили еще хуже. 10 лет так все и продолжалось»¹⁰. Ощущение отставания своей Родины от нищей азиатской страны в вопросах наполнения товарного рынка являлось одним из немаловажных факторов роста недоверия и озлобленности среди «афганцев», добавляя ряд деструктивных элементов в процесс складывания политической культуры молодых людей.

Анализируя политические процессы в таком многонациональном государстве, как Советский Союз, необходимо отдельно коснуться вопроса о межнациональных отношениях в контингенте. Что касается местного афганского населения, то, по словам В.Г. Аполлонина, взаимоотношения были «разные. Одни нам помогали продуктами, другие подсказывали, где есть моджахеды и сколько их, третьи не вмешивались, четвертые – редко – вставали на сторону моджахедов и вредили нам»¹¹. С другой стороны, С.А. Кузнецов вспоминал, что «гражданское население практически полностью было настроено против советских войск. К поддерживающим советский режим относились, как к “полицаям” в Великую Отечественную. Потому солдат из лагеря не выпускали»¹². Многие солдаты контингента относились к местным жителям крайне негативно. О.И. Агафонов так охарактеризовал их: «”Обезьяны”. Я не знаю, как они вообще могут что-то строить. Ведь не из чего, одни горы да камни. Промышленности нет, земледелия тоже. Я видел, как что-то пахали сохой, сеяли, но, по-моему, ничего и не выросло. Они очень отсталые, даже на водителя учатся 6 лет. По-моему, они только и делают, что воюют. Чтобы развлечься. Потому что больше там заниматься нечем»¹³.

Сложными были и межнациональные отношения внутри 40-й армии. Так, например, по словам С.А. Кузнецова, «узбеки были постоянной головной болью. Во время боя садились на землю, сжимали автоматы и твердили, что они мусульмане, за что их каждый раз били»¹⁴. С другой стороны, нельзя отрицать существование в контингенте истинного боевого братства, рожденного в ситуации, когда от спаянности интернационального коллектива зависит жизнь каждого из его членов.

Важным представляется вопрос об адаптации участников афганской войны к мирной жизни. Сложность данного процесса подчеркивалась многими респондентами, независимо от званий и срока службы. «Сначала дико было»¹⁵ – признался Н.Д. Измestьев. «10 зря прожитых лет»¹⁶ – так охарактеризовал конфликт в Афганистане С.А. Кузнецов. «Война ума не дает»¹⁷ – заключил В. В. Кононенко, для которого, как уже отмечалось, участие в боевых действиях было не более чем работой. «Считаю, что для государства эта война была абсолютно не нужна»¹⁸ – такой вывод сделал В.Г. Аполлонин, нейтрально относившийся ко многим тяготам военной службы. «Хорошая школа, дает очень много, но правда многих людей в судьбе поломала, конечно, не все выдерживают психологически»¹⁹ – так охарактеризовал войну А.А. Сиразетдинов. По всей видимости, подоб-

¹⁰ Гуревич В.Л. Воспоминания ... С. 3.

¹¹ Аполлонин В.Г. Воспоминания ... С.4.

¹² Кузнецов С.А. Воспоминания / Записал М. В. Фоменко. Тверь, 2005. Машинопись. С. 5.

¹³ Агафонов О. И. Воспоминания / Записал М. В. Фоменко. Тверь, 2005. Машинопись. С. 7.

¹⁴ Кузнецов С.А. Воспоминания ... С.6.

¹⁵ Измestьев Н.Д. Воспоминания ... С. 4.

¹⁶ Кузнецов С.А. Воспоминания ... С. 5.

¹⁷ Кононенко В.В. Воспоминания ... С.2.

¹⁸ Аполлонин В.Г. Воспоминания... С.6.

¹⁹ Сиразетдинов А.А. Воспоминания / Записал М. В. Фоменко. Тверь, 2005. Машинопись. С.5.

ная тональность высказываний связана с многочисленными сложностями переноса в мирную жизнь моральных, духовных установок, выработанных в условиях постоянного риска и взаимной жестокости.

Как показывает анализ комплекса интервью участников боевых действий – жителей Тверского края, реалии войны действительно оказали очень серьезное влияние на складывание различных элементов политической культуры. К сожалению, следует признать, что данное влияние оказалось преимущественно деструктивным. Как правило, лишь те респонденты, которые отправлялись на войну кадровыми офицерами или техническими специалистами, видели в ней какие-либо позитивные моменты (укрепление воинского братства, службы Родине, борьба с американским империализмом и т.д.). Что же касается солдат-призывников, то им, прежде всего, бросались в глаза такие обстоятельства, как непонятные цели войны, низкое качество продовольственного снабжения, ассортимент афганских лавок и магазинов, не шедший ни в какое сравнение с дефицитом, царившем в Союзе, сложности в межнациональных отношениях и т.д. Все это вносило свою лепту в процесс роста недоверия к официальным советским властям всех уровней, государственной пропаганде, вызывало массу проблем с вхождением в мирную жизнь.

С другой стороны, осознание всех трудностей, с которыми столкнулись воины-«афганцы» в ходе и после своего участия в боевых действиях, не снижает ценности тех мнений и оценок, которые были даны ими в интервью. В связи с этим следует подчеркнуть перспективность изучения политических процессов, происходивших в СССР в период афганской войны с привлечением все более широкого круга устных источников.

LOCAL CONFLICTS AND THEIR INFLUENCE ON THE FORMATION OF THE POLITICAL CULTURE OF THE SOVIET YOUTH (ON THE BASIS OF THE INTERVIEWS OF THE CITIZENS OF THE TVER' REGION – VETERANS OF THE WAR IN AFGHANISTAN)

M.V. FOMENKO

*Lomonosov Moscow
State University*

e-mail: fomenkomv@spa.msu.ru

The aim of that article is the attempt to analyze the influence of the war in Afghanistan on the formation of the political culture of the soviet youth through the prism of perception of participants and eyewitnesses of the events and to compare their points of view with the opinions of the researchers.

Keywords: political culture, local conflict, soldier-internationalist, «Afghan syndrome», oral sources.

УДК 323.1(470.57)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ И ОРИЕНТАЦИЙ РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ БАШКОРТОСТАНА: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ*

А.С. ЩЕРБАКОВ

*Северо-Западный институт
Российской академии народного
хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ,
г. Санкт-Петербург*

e-mail: as19792004@mail.ru

В статье обзорно обобщен опыт количественного анализа этнических процессов в отечественной и региональной (Башкирия) этнологии. Проанализированы некоторые особенности и тенденции этнических предпочтений и ориентаций русской молодежи Башкортостана.

Ключевые слова: русские, Башкортостан, идентичность, этничность, этносоциология, этнополитология.

Башкирская этнографическая экспедиция 1986 г. способствовала развитию в регионе этнологических исследований с использованием статистических и социологических методов¹.

Сам массив опросных листов включает в себе обширные статистико-этнографические данные по итогам исторического и культурного развития исследованных этнических общностей за советский период. Обработка массива стала возможна благодаря проекту «Этническая ситуация на Южном Урале на рубеже XX–XXI веков (Республика Башкортостан)» в рамках которого также был проведен и новый массовый опрос.

Это исследование, осуществленное в Республике Башкортостан в 2005–2006 г., было направлено на то, чтобы выяснить динамику развития ситуации в сфере этносоциального, этнокультурного и этноязыкового развития трех наиболее многочисленных этносов, проживающих на территории республики – башкир, русских и татар.

Исследование 2005 г. проводилось в 11 городах и 37 сельских населенных пунктах 33 административных районов Республики Башкортостан. Всего было опрошено 2548 человек, из них русских – 643 человека.

В настоящей статье представлен краткий анализ ответов трех групп русской молодежи на некоторые вопросы.

Отдельная группа вопросов была посвящена межэтническим отношениям и взаимодействиям в трудовых и учебных коллективах.

Таблица 1

Этнические предпочтения участников опроса в отношении возможного национального состава трудового/учебного коллектива, %

Предпочел (предпочла) бы работать в ... коллективе	Городские респонденты			Сельские респонденты		
	16 – 19 лет	20 – 24 года	25 – 29 лет	16 – 19 лет	20 – 24 года	25 – 29 лет
в башкирском	0	0	0	0	2	0
в татарском	0	0	0	0	0	0
в башкирско-татарском	0	0	0	0	2	0
в башкирско-русском	3,6	0	9,5	0	2	8
в татарско-русском	7,2	0	0	12	4	4
в русском	32,8	26,3	28,5	50	44	32
другой вариант	0	0	0	2	0	0
в любом: национальный состав не имеет значения	53,4	73,7	62	36	44	56

Представленная в табл. 1 информация свидетельствует об индифферентности к этническому составу трудовых/учебных коллективов в городской среде – от половины до

* Статья подготовлена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Государственный контракт № 14.А18.21.0100.

¹ Подробнее об этом см.: Сафин Ф.Г. Этноязыковые процессы в Башкортостане в XX столетии. М., 2000.

3/4 опрошенных той или иной возрастной когорты молодежи предпочли бы работать/учиться в любом коллективе. Похожая, но несколько иная ситуация среди респондентов-селян, там более высок удельный вес желающих работать/учиться в этнически однородном, русском коллективе. На наш взгляд, полученные данные подчеркивают особенности современной городской жизни – практически полностью лишенной этнической специфики.

При этом, согласно табл. 2, большинство как городских, так и сельских участников опроса считают, что этническая принадлежность не оказывает влияния на взаимоотношения в коллективе.

Таблица 2

Влияние национальной принадлежности, на отношения в коллективах, по мнению респондентов, %

"Думаю, что национальная принадлежность..."	Городские респонденты			Сельские респонденты		
	16 – 19 лет	20 – 24 года	25 – 29 лет	16 – 19 лет	20 – 24 года	25 – 29 лет
...положительно влияет на отношения в коллективе	21,4	11,1	4,7	17,6	8,1	12
...не влияет на отношения в коллективе	50	44,4	42,8	41,2	51	60
Трудно сказать	10,7	27,7	33,3	17,6	34,7	16
В смешанном коллективе работать труднее	17,8	16,6	19	23,5	6,1	12

При рассмотрении темы межэтнического взаимодействия респондентам были заданы вопросы и о национальном составе ближайшего дружеского окружения. Ответы на них представлены в табл. 3–4.

Таблица 3

Национальность ближайшего друга (подруги) респондентов, %

Национальность ближайшего друга (подруги)	Городские респонденты			Сельские респонденты		
	16 – 19 лет	20 – 24 года	25 – 29 лет	16 – 19 лет	20 – 24 года	25 – 29 лет
башкир (-ка)	34,4	21	33,3	2	12,5	8
татарин (-ка)	17,3	31,5	9,5	33,3	29	16
русский (-ая)	41,3	47,3	57,1	64,7	56,2	72
другая национальность	6,9	0	0	0	2	4

Таблица 4

Значение национальной принадлежности при выборе друга, %

Национальная принадлежность при выборе друга...	Городские респонденты			Сельские респонденты		
	16 – 19 лет	20 – 24 года	25 – 29 лет	16 – 19 лет	20 – 24 года	25 – 29 лет
не имеет никакого значения	80	80	61,9	74	66,7	56
имеет некоторое значение, но не существенное	16,7	5	33,3	22	25	40
имеет существенное значение	3,3	15	4,8	4	8,3	4

Ответы на вопросы об этнической принадлежности дружеского/приятельского окружения выявили следующую картину: с одной стороны, у большинства респондентов ближайший друг/подруга – русские по национальности, более высок этот показатель на селе – видимо, сказывается специфика расселения (см. табл. 3), но с другой стороны большинство опрошенных молодых горожан и селян отметили, что этническая принадлежность не имеет никакого значения при выборе друга/подруги. Особенно высок удельный вес таковых в городе, где, кстати, у большего, чем на селе, числа опрошенных ближайший друг/подруга оказались представителем башкирского этноса.

Еще несколько вопросов, на анализе которых хотелось бы остановиться, касаются этнической самоидентификации и самосознания.

Первый из анализируемых здесь вопросов касался возраста осознания своей национальной/этнической принадлежности. Распределение ответов на него представлено в табл. 5

Таблица 5

Возраст осознания своей национальной принадлежности, в %.

В каком возрасте Вы впервые осознали/ почувствовали свою нац. принадлежность	Городские респонденты			Сельские респонденты		
	16 – 19 лет	20 – 24 года	25 – 29 лет	16 – 19 лет	20 – 24 года	25 – 29 лет
до 5 лет	4,7	23	37,5	20,4	7,3	8,7
в 6 – 10 лет	62	30,7	31,2	50	41,4	56,5
в 11 – 15 лет	28,5	23	12,5	16	26,8	26
в 16 – 20 лет	4,7	15,3	12,5	13,6	19,5	0
в 21 – 25 лет	0	7,7	0	0	4,8	4,3
в 25 лет и старше	0	0	6,7	0	0	4,3

Признавая относительную условность подобного распределения (например, самые младшие участники опроса, в силу своего возраста, могли выбрать только три – четыре варианта из шести), необходимо все же отметить, что ответы информаторов дают основания предположить наличие определенной тенденции снижения от поколения к поколению значения национальной принадлежности как способа идентификации в обществе. Осознание своей национальной принадлежности в раннем детстве, на наш взгляд, происходит, прежде всего, под влиянием внешних обстоятельств: усвоение подобной информации от родителей и других старших родственников и, в целом, общее влияние окружающей среды.

Полученные данные показали следующую картину: большинство респондентов отметили, что впервые осознали свою национальной/этнической принадлежность в возрасте 6 – 10 лет. Среди горожан больше всего таковых из числа 16–19-летних, а вот среди опрошенных селян преобладают 25–29-летние. Причинами такого распределения может быть специфика городской среды, предполагающая более высокую плотность информационного обмена, межэтнические контакты уже с самого раннего возраста. По всей видимости, в сельской местности ситуация более этноиндифферентна.

Также участникам обследования было предложено перечислить все возможные способы этнической идентификации незнакомого человека («По каким признакам Вы узнаете в незнакомом человеке представителя своей национальности?»). При ответе, респондент мог выбрать любое количество предложенных вариантов. Их распределение представлено в табл. 6.

Таблица 6

Признаки, наиболее полно, по мнению респондентов, отражающие национальную принадлежность незнакомого человека (возможно несколько ответов), %

Каким образом Вы узнаете в незнакомом человеке представителя своей национальности?	Городские респонденты			Сельские респонденты		
	16 – 19 лет	20 – 24 года	25 – 29 лет	16 – 19 лет	20 – 24 года	25 – 29 лет
По одежде	4,5	13,3	17,6	2,1	2,3	4,3
По характерным чертам лица	7,2	43,3	52,9	53,1	45,2	52,1
По манере поведения	9	20	41,1	10,6	7,1	8,7
По религии	27,2	33,3	29,4	42,5	33,3	26
По языку	63,6	73,2	88,2	78,7	95,2	91,3
Другие признаки	0	0	5,9	0	0	0

Для подавляющего большинства участников обследования главным этноидентифицирующим признаком является язык. Полученный результат вполне понятен, учитывая нивелировку и утрату этнокультурной специфики перечисленными признаками. Также для респондентов немаловажным оказался внешний облик возможного незнакомца – характерные черты лица. Вероятно, это может быть следствием этнического состава населения региона: в Башкортостане проживают представители более 100 этнических общностей, однако 90% населения вместе составляют русские, башкиры и татары. В такой ситуации, действительно по внешнему облику этническую принадлежность определить не сложно. Тем более, что практически всё население региона владеет русским языком, а вот знание своих родных языков нерусскими народами в целом едва ли выше среднего.

Важным элементом этнического самосознания является ощущение связи со своим народом. Такая связь также выстраивается на основе тех признаков характеризующих сходство или различия этнических общностей. Участникам обследования предлагалось указать, что сближает их с людьми своей национальности, то есть в чем заключаются некие основания их этнической самоидентификации.

В отличие от ответов на многие предыдущие вопросы, показавшие значительное преобладание и даже доминирование языка, как основного критерия этнической идентификации (отличия или сходства между различными этническими общностями), в данном случае полученные результаты составили несколько иную картину. Большинство опрошенных во всех группах, за исключением 20–24-летних горожан отметили, что им сложно выразить словами, что сближает их с людьми своей национальности – это трудноуловимое чувство. При этом, немало отметивших в качестве этноинтегрирующего критерия национальные одежду, жилище, пищу, что в целом составляет сферу материальной культуры – см. табл. 7.

Таблица 7

**Признаки, сближающие с людьми своей национальности
(возможно несколько ответов), %**

Признаки	Городские респонденты			Сельские респонденты		
	16 – 19 лет	20 – 24 года	25 – 29 лет	16 – 19 лет	20 – 24 года	25 – 29 лет
Язык	16,6	10	12,5	13,1	0	0
Национальная одежда, жилище, пища	33,3	20	37,5	26,3	41,3	33,3
Национальные обычаи, обряды, привычки	0	20	0	5,2	3,4	20
Национальные песни, сказки, предания, творчество	8,3	20	0	18,4	24,1	26,7
Религия	8,3	15	0	13,1	17,2	13,3
Национальная литература и профессиональная культура	16,6	10	0	18,4	10,3	6,7
Это трудноуловимое чувство, его сложно выразить словами	58,3	20	75	47,3	58,6	66,7

Чем же можно объяснить выявленное преобладание материальной культуры над языком? Ведь, казалось бы, на сегодняшний день, элементы традиционной материальной культуры (особенно, такие как жилище и одежда) практически полностью исчезли из сферы повседневного бытования и употребления. Язык же, наоборот, остается, пожалуй, самым ярким внешним (воспринимаемым вербально) проявлением этнической принадлежности. И данные, полученные в ходе нашего исследования, подтверждают это. На наш взгляд, серьезного противоречия в отмеченной ситуации нет. Наверняка, переставшие быть частью актуальной культуры, элементы культуры традиционной сохраняются в памяти народа и являются, таким образом, своеобразным компонентом этнического самосознания. Иными словами, отвечая на поставленный нами вопрос о признаках, сближающих с людьми своей национальности, многие информаторы, возможно и проявили такую особую рефлексию этнического самосознания. При этом, не был забыт и язык, по итогам ответов занимающий в рейтинге перечисленных признаков вторую позицию (напомним, что респондент мог выбрать два и более вариантов). В целом же, ответы участников обследования на данный вопрос позволяют сделать вывод о средней интенсивности внутриэтнических связей у русской молодежи Башкортостана, поскольку большая часть опрошенных указала всего три-четыре этнических признака, роднящих их со своим народом.

Таким образом, критерии этнической дифференциации и интеграции в этническом самосознании далеко не всегда полностью совпадают.

Проведенный обзорный анализ позволяет предположить относительно низкий уровень этнической самоидентификации русской молодежи Башкортостана при сохранении этнического самосознания. В таких условиях свое значение может терять и сама этническая принадлежность, а отнесение себя, например, к русскому народу может носить не этнический, а гражданский смысл («русский, россиянин – гражданин Российской Фе-

дерации»). Думается, что отмеченные тенденции этнокультурных процессов вряд ли изменятся. В этой связи напрашивается вывод о возможном полном исчезновении, со временем, этнической принадлежности как одной из форм идентификации человека и, соответственно, этнических общностей (сначала малых, а затем более крупных). Однако, как известно, этого не происходит – дело в том, что в современных условиях могут изменяться сами механизмы формирования и функционирования этничности. Известны случаи, когда этничность, как свойство этноса, может сохраняться и бытийствовать даже при полной утрате всех критериев. Более того, уровень развития средств коммуникаций, быстрая распространяемость больших объемов информации делает возможным конструирование этничности. В этой ситуации этническая принадлежность может сохраняться даже в условиях урбанизации и глобализации. При этом, могут меняться гомогенные и функциональные характеристики этничности, поскольку этнос – динамическое явление и по своей сути – процесс.

SOME FEATURES AND TRENDS OF ETHNIC PREFERENCES AND ORIENTATIONS OF THE RUSSIAN YOUTH OF BASHKORTOSTAN: A QUANTITATIVE ANALYSIS

A.S. SHCHERBAKOV

The North-West Institute, Russian Academy of National Economy and Public Service at the RF President St. Petersburg

e-mail: as19792004@mail.ru

The article summarizes the experience of surveillance quantitative analysis of ethnic processes in the domestic and regional (Bashkiria) Ethnology. Analyzed some of the features and trends of ethnic preferences and orientations of the Russian youth of Bashkortostan.

Keywords: Russian, Bashkortostan, identity, ethnicity, ethno-sociology, ethnopolitical science.

УДК 323.2(470.316)

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ В ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ***А.В. СОКОЛОВ***Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова**e-mail: alex8119@mail.ru*

В статье рассматривается сущность гражданского участия, его формы и условия реализации. Приводится эмпирический материал социологического исследования по Ярославской области.

Ключевые слова: гражданская активность, гражданское участие, гражданское общество, общественная организация, протест, местное самоуправление.

К основным факторам, влияющим на активность граждан, исследователи чаще всего относят возраст и уровень доходов. Так, Е.Я. Сергеева, опираясь на данные отечественных социологических центров, утверждает, что наиболее аполитичны люди с наименьшими доходами. Основными факторами, определяющими характер политического участия и политические ориентации, она считает личностно-психологическую типологию избирателей и политических лидеров, принадлежность избирателей к определенным социально-профессиональным и демографическим группам, уровень доходов, национальность и место проживания, соответствующую деятельность государственных, политических институтов и СМИ, а также характер системы в стране на момент выборов¹.

Д.В. Гончаров объясняет политическое участие действием трех основных факторов — индивидуализированных условий социализации, мобилизацией индивидов со стороны организованных политических сил, социально-экономическим развитием наций. Он отслеживает отчетливую зависимость между степенью вовлеченности и показателями статусных и иных социально-демографических характеристик индивида. Как утверждает автор, связь между социально-экономическим развитием и уровнем участия отражает модель «стандартной социально-экономической мобилизации». Повышение уровня социально-экономического развития приводит к усложнению гражданских установок индивидов и затем к расширению масштабов участия. Положительное влияние оказывают рост доходов, повышение образовательного уровня, становление современной системы профессиональных ролей и структуры занятости².

По мнению Е.Я. Сергеевой, в основе сознательной мотивации российского абсентизма лежит не только недоверие к конкретным партиям и лидерам, но главным образом предубеждение населения против политики в целом³. В.С. Комаровский видит причины абсентизма российского избирателя в снижении роли представительных органов власти, распаде социальных связей и отчуждении от политики. По его утверждению, наибольшее число аполитичных людей встречается среди беднейших слоев общества⁴. Ю.Е. Растов считает абсентизм особым видом социального протеста⁵, тогда как Н.П. Поливаева отмечает, что значительной части населения России вообще несвойственно активное (неформатное) участие в политической жизни, поскольку ритуальная включенность россиян в какие-либо политические организации процессы на протяжении десятков лет сформировала определенный тип личности — конформиста⁶.

Главное условие гражданского участия — это прозрачность власти. Отечественные авторы неоднократно анализировали критерии прозрачности⁷. Для того чтобы власть

* Статья подготовлена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Государственный контракт № 14.А18.21.0100.

¹ Сергеева Е.Я. Политическое участие и политическая ориентация российского населения: методология исследования и прогнозирования: Автореф. дис. ... к. полит. наук. М., 1995. С. 18.

² Гончаров Д.В. Теория политического участия. М., 1997. С. 7.

³ Сергеева Е.Я. Указ. соч. С. 18.

⁴ Комаровский В.С. Демократия и выборы в России: теория и история вопроса // Социс. 1996. № 6. С.18-31.

⁵ Растов Ю.Е. Протестное поведение в регионе (на примере Алтайского края) // Социс. 1996. № 6. С. 40-49.

⁶ Поливаева Н.П. Политическое сознание россиян в 90-е годы: состояние и некоторые тенденции развития // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 1997. № 5. С.40.

⁷ См.: Публичная политика: вопросы мягкой безопасности в Балтийском регионе. СПб., 2004.

была прозрачной, она должна удовлетворять следующим критериям: открытости, понятности, возможности влияния.

С целью изучения гражданской активности в Ярославской области было проведено социологическое исследование с репрезентативной выборкой по полу, возрасту, территориям расселения населения.

Как показывают результаты опроса, активная гражданская позиция уважаема в нашем обществе – так считает каждый третий житель области. Еще треть жителей дают уверенную положительную оценку данному суждению (33,9%). Считают, что активная гражданская позиция не уважаема или скорее не уважаема 33,7% жителей, среди них большую часть составляют жители от 40 лет и более (59,8%). Вместе с этим, стоит отметить, что жители сельской местности в большей степени склонны высказывать отрицательные позиции в отношении гражданской активности, чем жители областного центра (41,1% против 29,9% соответственно).

С точкой зрения о том, что общественные организации успешно влияют на государственную политику в вопросах, затрагивающих их интересы, согласны 10,6% жителей области. Сомневаются, но скорее согласны с этим утверждением еще 34,9% населения. 36,2% скорее не согласны с тем, что общественные организации успешно влияют на государственную политику. Наиболее пессимистично относятся к данному утверждению жители малых и средних городов, а также сельской местности – таких ответов там более половины.

Как показывают результаты исследования, жители Ярославской области не уверены, что общественные организации успешно сотрудничают с Правительством в реализации политики в сфере своих интересов. Убеждены в конструктивности данного сотрудничества всего 15,3% респондентов. Еще 37,9% скорее согласны, чем не согласны. Не верит – 46,8% населения. Более половины опрошенных жителей сельской местности и малых и средних городов не согласны или скорее не согласны с данной позицией.

Чуть более половины опрошенных (55,5%) согласились с утверждением «Общественные организации могут предоставлять такие услуги, оказание которых невозможно со стороны государственных или бизнес структур». 75% респондентов положительно оценили тезис «Общественные организации пользуются вниманием средств массовой информации и используют его для освещения своей деятельности».

С утверждением о том, что общественные организации пользуются поддержкой общественного мнения согласились 67,8% опрошенных.

В целом в обществе сформировались позитивные оценки основных форм гражданской активности.

Подавляющее большинство респондентов (84,6%) позитивно относятся к волонтерству. Всего 2% отметили к нему свое негативное отношение. Еще 13,4% затруднились ответить.

К участию граждан в принятии решений положительно относятся 74,4% респондентов, затруднились поставить свою оценку 21,9%.

К делегированию своих представителей во властные структуры позитивно относятся 56,5% опрошенных. 8,1% оценили такое направление общественной деятельности негативно, а 35,4% участников опроса затруднились выразить свою оценку.

Положительно оценивают обращение за помощью в СМИ как направление социальной деятельности 65,2% опрошенных.

К формированию общественного мнения позитивно отнеслись 58,9% опрошенных, однако 33,3% затруднились в оценке данного феномена.

К проведению общественных акций позитивно относятся 63%, однако 27,8% затруднились оценить данное явление. Негативное отношение к гражданскому неповиновению высказали 44,3% опрошенных респондентов.

Создание общественных объединений положительно оценивают 62,4% опрошенных. 34,2% затруднились выразить свое отношение к данному процессу, а 3,4% отметили вариант «негативно».

Ровно половина опрошенных (50%) затруднились оценить межсекторное взаимодействие как направление общественной деятельности. Еще 44,1% отметили свое положительное отношение и всего 5,9% – отрицательное.

Наибольшие затруднения вызвала оценка лоббирования как направления общественной деятельности: 57,8% опрошенных не смогли выразить свое к нему отношение.

В тоже время, граждане не активно включены в различные формы управления и решения локальных проблем. Единственной формой гражданской активности, в которой участвует большинство населения области, являются выборы – всего 10,9% опрошенных отметили, что никогда не участвовали в выборах. Вместе с этим, выборы являются наиболее регулярной и распространенной формой активности граждан.

Около половины опрошенных заявили, что принимали участие в сходах, собраниях и конференциях граждан (47,6%), более трети жителей подавали обращения в органы управления (37,3%), еще 29,8% принимали участие в работе общественного территориального самоуправления (старосты, домкомы и пр.), четверть жителей участвовали в публичных слушаниях (25,8%).

Пятая часть жителей области заявили, что принимали участие в деятельности общественных организаций (18,9%), подавали обращения в СМИ (18,3%).

В акциях протеста, по данным опроса, принимали участие 17,3% жителей. Потенциально готовы принимать участие в акциях протеста более половины опрошенных. Наиболее привлекательной формой протеста являются обращения и заявления – 66,0% отметили, что готовы участвовать в данном мероприятии. Треть жителей готовы участвовать в пикетировании, забастовке или митинге против действия властей – 31,7%. Чуть менее четверти жителей – открыто критиковать власть, агитировать против нее – 23,3%. 12,9% жителей области готовы участвовать в работе оппозиционной политической партии. Непопулярным методом протеста в области являются акции неповиновения властям, т.е. сопротивления силовыми методами – 6,8%.

Жители Ярославской области в качестве наиболее действенных способов разрешения региональных проблем выбирают мягкие методы, основанные на диалоге, личной ответственности граждан – открытое обсуждение проблем выбирают 37,8% жителей, добросовестный труд на рабочем месте – 34,9%, обращение с жалобами – 24,6% респондентов (диаграмма). Всего 14,6% считают, что активные протестные методы способны решить региональные проблемы. Они в качестве способа выбрали проведение митингов, демонстраций, пикетов, забастовок. 19% населения не видят смысла в своем личном участии в решении данных проблем.

Диаграмма. Общественная оценка эффективности различных форм гражданской активности

Большинство респондентов склонны считать, что Правительство Ярославской области не прислушивается или скорее не прислушивается к общественному мнению при решении злободневных проблем – 54,2%. Умеренную положительную оценку дают 40,2% жителей области. Еще 5,7% отмечают, что Правительство прислушивается к общественному мнению. Жители областного центра в большей мере склонны позитивно оценивать позицию Правительства в отношении общественного мнения – более половины жителей города считают, что Правительство прислушивается к общественному мнению при решении проблем. Негативные оценки позиции Правительства характерны для сельской местности – почти треть населения считает, что Правительство не прислушивается к обще-

ственному мнению в решении проблем (30,8%). По сравнению с 2011 годом, количество респондентов, негативно оценивающих в этом аспекте Правительство, снизилось на 10,8%. При этом, на 1,5% также снизилось число положительных оценок. Однако существенно выросло число опрошенных, которые выразили мнение, что Правительство, скорее всего, прислушивается к обществу. В 2010 году таких ответов было 27,7%.

Относительное большинство респондентов (44,4%) считают, что местное самоуправление играет довольно значительную роль в жизни Ярославской области. 36,2% опрошенных отметили, что роль местного самоуправления незначительна. Вместе с этим, достаточно велика доля тех, кто считает, что местное самоуправление практически не играет никакой роли в жизни региона – 15,5%. 3,9% опрошенных считают, что роль органов местного самоуправления очень значительна. При этом стоит отметить, что негативные оценки значимости МСУ больше склонны давать жители сельской местности.

Более половины жителей области сомневаются в возможности отстаивать свои права перед местными или региональными органами власти – 54,5%, из них 18,3% придерживаются крайних негативных оценок. Верят, что смогут отстаивать свои законные права 10,6% опрошенных. Стоит отметить, что в Ярославле выше процент тех, кто верит в возможность отстаивать свои законные права, чем в районах, – 57,9%. Конформизм наиболее характерен для жителей сельской местности – 41,7% жителей данных районов отметили, что простой человек не может отстаивать свои законные права перед местными и региональными органами власти. Стоит отметить, что по сравнению с 2011 годом, количество респондентов, которые ответили, что верят в возможность отстаивать свои права перед органами власти, сократилось на 2,5%.

Исследование демонстрирует – активность граждан в жизни общества сравнительно низкая. Население Ярославской области не участвует в большинстве форм гражданской активности. Низкая гражданская активность объясняется многими факторами, например, отсутствие интереса у местных властей к проблемам граждан, использование общественной активности для реализации политических проектов, отличных от мнения граждан, так же социально-психологические установки граждан, которые проявляются в ощущении тотальной зависимости от власти, неготовности нести ответственность.

Стоит заметить, что в последние годы активность граждан заметно выросла. Граждане стали активнее участвовать в общественной жизни, защищать свои права. Это положительная тенденция, дающее толчок к развитию гражданского общества в целом, а так же его институтов. Заметно увеличился спектр форм участия, которые граждане используют, чтобы повлиять на принимаемые властные решения. Граждане стали активно сотрудничать друг с другом, создавая союзы, организации, где общими усилиями они могут участвовать в процессе принятия решения. Так же граждане активнее сотрудничают с другими общественными организациями и политическими партиями, что заметно увеличивает их шансы на положительный результат. Так же отмечают и крайние формы гражданского участия, а именно: голодовки, митинги, пикеты, что говорит о серьезных настроениях граждан и большом желании повлиять на вопрос любыми, даже крайними мерами.

CIVIC ENGAGEMENT IN THE Yaroslavl REGION

A.V. SOKOLOV

*Yaroslavl Demidov
State University*

e-mail: alex8119@mail.ru

The article deals with the essence of civil participation, its form and terms of implementation. The research provides empirical data of a sociological research of the Yaroslavl region.

Keywords: civic engagement, civic participation, civil society, public organization, protest, the local government.

УДК 323.2(47+57)''18/1917'

АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК И ОСОБЕННОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ*

В.В. ТАТОЧЕНКО*Ярославская государственная
медицинская академия**e-mail: tatochenko.84@mail.ru*

Статья посвящена исследованию основных существующих в отечественной европейском гуманитарном знании взглядов на проблему предпосылок и особенностей процесса формирования гражданского общества в дореволюционной России. Автор анализирует работы англо-американских, немецких и отечественных историков, политологов, обществоведов.

Ключевые слова: гражданское общество, дореволюционная Россия, гуманитарное знание, англо-американская историография, немецкая историография, отечественная историография.

В настоящее время тема гражданского общества является одной из самых популярных. Она обсуждается в прессе, на страницах интернет изданий и форумов, а также в научной литературе. Необходимость формирования в современной России правового государства и гражданского общества в качестве важных элементов и гарантов торжества демократии признается как представителями власти, так и общественности¹.

Вопросы генезиса института гражданского общества в дореволюционной России, рассматриваются в основном в двух ракурсах. В первом случае становление гражданского общества изучается через призму эволюции государства, его структур, основное внимание, сосредотачивается на деятельности правительства, начиная с Великих реформ 1860-х гг. Во втором случае становление гражданского общества рассматривается с точки зрения деятельности неправительственных обществ и организаций (за основу берется факт их постоянного увеличения), а также деятельности земств.

Первый подход унаследовало большинство современных политологов, которые пытаются найти истоки формирования демократических тенденций в российском обществе в далеком прошлом. К примеру, Б.Н. Миронов относил генезис гражданского общества в России к последней трети XVIII в. По его мнению, основные элементы гражданского общества в России сформировались к 1917 г. Это добровольные общественные ассоциации, критически мыслящая общественность, свободная пресса, политических партии и парламент. С начала XVIII в. российское общество претерпело длительную эволюцию, превратившись к 1917 г. из объекта в субъект государственного управления. Общественность смогла расширить свои социальные границы от привилегированных социальных групп до всего народа. Однако политическая модернизация имперской России оказалась не завершенной: во-первых, она была прервана Первой мировой войной; во-вторых, общество и государство так и не смогли прийти к консенсусу по целому ряду важнейших проблем и разрешить существующие противоречия мирным путем².

С.Л. Бяхчева высказывала предположение, что формирование гражданского общества в России происходило сложнее, чем на Западе и даже в ряде стран Востока. Исконно российскими институтами гражданского общества она называла древнерусское вече, различные религиозные и сословные организации (дворянские и купеческие соб-

* Статья подготовлена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Государственный контракт № 14.А18.21.0100.

¹ См.: Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации (2011 г.). М., 2012.; Зарубин А.Л. Менеджеры гражданского общества. М., 2006; Латышев П. Цель – гражданское общество // Родина. 2001. № 11. С. 168; Канунников А.А. Гражданское общество и бизнес: («круглый стол») // Современная Европа. 2006. № 3. С. 145-146; Кожевников О.А. Судебная защита прав граждан на объединение как показатель уровня развития гражданского общества в РФ // Юрист. 2006. № 5. С. 50-55.

² См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX века). Т. 2. СПб., 1999. С. 287.

рания, казачье самоуправление), а также территориальные структуры: мир (община) и управляющий ею сход, земства³.

Т.Н. Воронцова считала, что государство в России подавляло развитие общества. Развитие гражданского общества в России происходило колебательно, в зависимости от характера взаимодействия с властью: при усилении государство гражданское общество «замирало», при ослаблении – активизировалось, до революции оно было развито слабо⁴.

Представители второго подхода считали, что к 1917 г. гражданское общество в России находилось на стадии становления. Гражданские институты охватывали небольшую часть населения и были недостаточно развиты, а гражданские отношения – недостаточно зрелыми. К более или менее состоявшимся институтам они относят органы городского самоуправления, образованные в ходе Великих реформ, но утратившие после реформы 1892 г. значительную часть своей автономии и превратившиеся в формализованные бюрократические структуры нижнего уровня административного управления. Отдельно в данном контексте следует упомянуть и земства, однако их позитивную роль снижала оппозиционность правительству.

В.А. Зеленов и Ю.М. Резник рассмотрели проблему формирования идеи гражданского общества в русской правовой и социально-политической мысли. Их внимание привлек период с начала XVIII в. до современности. Так, В.А. Зеленов полагал, что взгляды русских просветителей XVIII в. Ивана Посошкова, Феофана Прокоповича, Якова Козельского, Семена Десницкого на природу гражданского общества были близки идеям западноевропейских мыслителей. В XIX в. идея гражданского общества разрабатывалась представителями русской философии и юриспруденции: П.И. Пестелем, Н.М. Муравьевым, Б.Н. Чичериним. Их взгляды также были близки западноевропейским⁵.

В.В. Шелохаев обратил особое внимание на проекты конституционно-демократической партии и а также партии «Союз 17 октября», целью которых как раз было формирование в России гражданского общества. По мнению исследователя, политическая программа кадетов предполагала больше возможностей для развития институтов общественного самоуправления, но, в тоже время, представители обеих партий выступали за демократизацию российского общества, гарантирование прав личности, создания условий для раскрытия творческого и духовного потенциала населения⁶.

А.С. Туманова оценивала зрелость гражданского общества в Российской империи сквозь призму изучения различных форм самоорганизации населения и среди факторов, сдерживавших либерально-демократическое развитие, назвала патерналистское отношение императора к частным обществам, а также слабое развитие права в дореволюционной России⁷.

Таким образом, следует отметить, что аргументы сторонников как первого, так и второго направлений не безупречны, вызывают массу вопросов (из-за сложности и неоднозначности самого изучаемого явления). Именно по этой причине большинство исследователей очень осторожно высказываются на предмет сформированности гражданского общества в дореволюционной России. И это не случайно, долгие годы история российского общества второй половины XIX – начала XX века изучалась через призму политического дискурса, а именно – процесса становления либерализма, в свою очередь связан-

³ См.: Бяхчева С.Л. Идеология гражданского общества и опыт России. Дисс. ... канд. филос. наук. М., 2006. С. 48, 51.

⁴ См.: Воронцова Т.Н. Становление российского гражданского общества и общественные объединения: социокультурные основания и специфика. Дисс. ... канд. филос. наук. Новочеркасск, 2004. С. 19-20.

⁵ См.: Зеленов В.А. Становление гражданского общества в России: оптимизация взаимодействия подсистем общества. Дисс. ... канд. социол. наук. Саратов, 2004.; Резник Ю.М. Резник Ю.М. Гражданское общество как феномен цивилизации. Часть 1. Идея гражданского общества в социальной мысли. М., 1993. С. 143-150.

⁶ См.: Шелохаев В.В. Шелохаев В.В. Либеральная модель // Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004. С. 228-258.

⁷ См.: Туманова А.С. Общественность и формы ее самоорганизации в имперской России конца XVIII - начала XX века // Отечественная история. 2007. № 6. С. 50-63; ее же. Общественные организации города Тамбова на рубеже XIX - XX вв.: опыт формирования гражданской самодеятельности // Роль общественных объединений в формировании институтов гражданского общества. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Тамбов, 4 октября 2001 г. Тамбов, С. 83-86; ее же. Самодержавие и общественные организации в России. 1905 – 1917 годы. Тамбов, 2002.

ного с борьбой общественности за расширение гражданских прав и свобод против бюрократического произвола.

Гораздо большую сложность представляет рассмотрение этих событий в рамках дискурса о гражданском обществе. Это связано с тем, что те элементы гражданского общества, которые принято связывать с дореволюционной Россией (органы земского самоуправления, разнообразные общества (взаимопомощи, научные, просветительские), благотворительные организации, а также профсоюзы, политические партии) многими исследователями рассматриваются как не в полной мере соответствующие общепринятым признакам институтов гражданского общества. К примеру, такой орган общественного самоуправления как земство, был очень ограничен в ходе контрреформы 1890 г., которая еще более усилила степень подчиненности земств государству (хотя земства, в целом, не отличались высокой политической активностью). Губернаторы на местах и Министерство внутренних дел обладали правом вето на постановления земских собраний. Вызывает нарекания и такой элемент гражданского общества профсоюзы: поскольку в дореволюционной России профсоюзное движение было во многом разрозненным, власти оставили в стране к 1910 г. лишь несколько десятков профсоюзных объединений⁸.

Не стоит также забывать, что в Российской империи имел место такой парадоксальный феномен как «гражданское общество без граждан», который, который подразумевает фактическое разделение нации по политическим, гражданским, правовым и ментальным различиям⁹.

В целом следует заметить, что более тщательное выявление признаков сформированности гражданского общества в дореволюционной России способно значительно расширить существующие представления о генезисе этого института в целом, поскольку позволит отойти от ограниченных представлений том, что Российская империя как политически и экономически отсталая страна априорно была не способна соответствовать прогрессивным тенденциям мирового политического процесса. Доказательство ограниченности такой позиции в свою очередь послужит аргументом в пользу наличия преемственности между дореволюционным и современным российским обществом.

Примером такого «свежего» взгляда на историю дореволюционной России и актуальности темы гражданских отношений в стране стало появление работ англо-американских и немецких историков. Первую группу представляют работы Д. Бредли, С. Кассоу, А. Кимбэлла, Н. Рааба, Д. Уортенвейлера, Д. Уеста, М. Фрем¹⁰.

В работе американского историка Дж. Бредли анализируется практика общественной жизни пореформенной Москвы. Ученый пришел к выводу о реальном существовании в стране основных элементов гражданского общества. Автор охарактеризовал российское гражданское общество как крайний вариант восточноевропейской модели, где социальная инициатива принадлежала не объединениям частных лиц, а бюрократическому государственному аппарату¹¹. А. Кимбэлл и М. Фрем высказали любопытную мысль, что русские кабаки и театры также могут быть институтами гражданского общества¹².

⁸ См.: Хорос В.Г. Зачатки гражданского общества до 1917 г. // Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. М., 1998. С. 44-50; Черных А.И. Гражданское общество в истории России // Гражданское общество: теория, история, современность. М., 1999. С. 68-84.

⁹ Ку А. С. Парадокс – гражданское общество без граждан // Социологические исследования. 2003. № 12. С. 11-20.

¹⁰ См.: Bradley J. Subjects into citizens: societies, civil society, and autocracy in tsarist Russia // American historical review. 2002. Vol. 107, № 4. P. 1094-1123; Frame M. School for citizens. Theatre and civil society in imperial Russia – New Haven, London; Kassow S. Russian unrealized civil society // Between tsar and people. Educated society and the quest for public identity in late imperial Russia. Princeton New Jersey, 1991. P. 367-371; Wartenweiler D. Civil Society and Academic Debate in Russia, 1905 – 1914. Oxford. 1999.; Кимбэлл А. Русское гражданское общество и политический кризис в эпоху Великих реформ. 1859-1863 // Великие реформы в России. 1856 – 1874. М., 1992. С. 260-282; Его же. Деревенский кабака как зародыш гражданского общества во второй половине XIX в. // Общественные науки и современность. 2004. № 6. С. 137-146; Рааб Н. Формирование гражданской идентичности в общественных организациях России (на примере Вольно-пожарных обществ). 1880-1905. // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2007. С. 263-295; Уэст Д. Предпринимательский дискурс и сфера гражданской идентичности в поздней имперской России: представления о буржуазии // Там же. С. 170-182.

¹¹ См.: Bradley J. Subjects into citizens ... P. 1094-1123.

¹² См.: Frame M. School for citizens ... 262 P.; Кимбэлл А. Деревенский кабака как зародыш гражданского общества ... С. 260-282.

Д. Уортенвейлер считал дебаты выдающихся представителей общественности – профессоров Московского и Санкт-Петербургского университетов в период между началом первой русской революции и концом Первой мировой войны – следствием развития в стране гражданского общества. По его мнению, русская общественность была локомотивом новых процессов, будущее гражданского общества в России автор связывал с либеральной моделью развития.

В работах большинства упомянутых англо-американских исследователей отмечается, что самодержавие оказывало сильное давление на общественно-политический процесс; что в российском обществе имел место конфликт новых форм мышления и патриархальной традиции. Именно с этими обстоятельствами она связывали тот факт, что гражданское общество в России ждала неудача, а также с тем, что представителей прогрессивной общественности – носителей элементов гражданского общества – в России по отношению к основной массе населения империи было меньшинство. Тем не менее, по оценкам западных исследователей, для формирования гражданского общества в России требовался более длительный период, ему «не хватило времени», несмотря на то, что в стране были сформированы его элементы.

Немецкие историки более обстоятельно изучали новые социальные процессы в дореволюционной России. Подобно англо-американским коллегам они так же считали, что тенденции формирования гражданского общества в дореволюционной России остались не реализованными. Вместе с тем они полагали, что в России было хорошо развита гражданская идентичность как важный поступательный этап в этом процессе¹³. Немецких историков, обращающихся к проблемам гражданского общества, можно условно поделить на «теоретиков» и «практиков».

Первую группу отличает большая методологическая подготовка при разработке вопросов. Теоретические доводы, преобладают над немногочисленными фактами, которые положены в основу исследований. В этом направлении работают Л. Хефнер, М. Хильдермайер, М. Бекер¹⁴. Из них лишь М. Хильдермайер считал, что гражданское общество было развито в России достаточно сильно, но, все же, недостаточно по сравнению с Западной Европой. К элементам гражданского общества дореволюционной России М. Хильдермайер отнес самодельные общества, институты городского и земского самоуправления, сферы благотворительности и частной инициативы, направленные на оказание помощи.¹⁵

Исследователи-«практики» Р. Линднер и Г. Хаусманн на основании анализа большого количества фактов пытались проникнуть в повседневность гражданских отношений России, за которыми стояли определенные люди и цели¹⁶. Для этих историков важен не только анализ деятельности институтов гражданского общества, но и примеры гражданской активности. Однако их исследования ограничивались лишь наиболее значимыми фактами русской жизни; сами исследователи ограничены признанием всемогущества самодержавия, отсюда следовал вывод о низком уровне развитии гражданского общества в России.

Основные противоречия, встречающиеся в работах зарубежных историков, сводятся к следующему. Признается, что институты гражданского общества в дореволюционной России существовали и действовали. Признается, что в России существовало много центров коммуникации, в которых действовали постоянные гражданские отношения.

¹³ См.: Пиетров-Энкер Б., Ульянова Г.Н. Модернизация, гражданское общество и гражданская идентичность: о концепте книги // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности ... С. 7-34.

¹⁴ См.: Becker M. Das Volk als Subjekt der Geschichte und die Zivilgesellschaft. Die nationale Frage bei dem russische Philosophen Wladimir Solowjow // Russlands langer Weg zur Gegenwart. Göttingen, 2001. S. 241-255; Häfner L. Gesellschaft als lokale Veranschaltung. Die Wolgastädte Kazan' und Saratov (1870-1914). Köln, 2004. S. 65-74, 163-171; Hildermeier M. Russland jder wie weit kam die Zivilgesellschaft? // Europäische Zivilgesellschaft in Ost und West. Begriff, Geschichte, Chancen. Frankfurt, 2000. S. 113-143.

¹⁵ См.: Хильдермайер М. Образованный слой и гражданское общество: развитие в России до 1917 г. в сравнительном отношении // Интеллигенция в истории: образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001. С. 62-64.

¹⁶ См.: Линднер Р. «... Центры культуры и гражданственности...» - коммуникация и гражданская идентичность в Екатеринославе. 1860-1914 гг. // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности ... С. 183 – 215; Хаусманн Г. Гражданское общество как социальное движение: пример студенческого движения в Новороссийском университете г. Одессы. 1905-1914 гг. // Там же. С. 239-262.

Общей точкой зрения является и то, что у представителей общественности, живших в городах, существовала гражданская идентичность. Однако анализ практической деятельности институтов гражданского общества часто сводится у немецких историков к обобщениям, «штампам» советских исследователей прошлого, негативно относящихся к самодержавию. Все авторы согласны, что Россия шла по пути догоняющей модернизации, а значит до многих процессов, которые уже были развиты в Европе, ей было далеко.

В целом, как отечественные, так и зарубежные исследователи полагают, что началом становления в России гражданского общества можно считать Великие реформы. Большинство исследователей признают, что к 1917 г. институты гражданского общества в России были. Однако сам непосредственный процесс становления институтов гражданского общества в дореволюционной России выглядит в трудах современных исследователей не в полной мере проясненным. Не последнюю роль в этом сыграло наследие фундаментальных общепризнанных работ советских и зарубежных историков, с их излишней, идеологизированностью.

THE ANALYSIS OF HISTORICAL PRECONDITIONS AND FEATURES OF THE CIVIL SOCIETY FORMATION IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

V.V. TATOCHENKO

Yaroslavl State Medical Academy

e-mail: tatochenko.84@mail.ru

The subject of the article is the historiography of one of the most important questions in the Pre-revolutionary Russia: formation of the civil society. The author analyzes the works of American, German and Russian historians, allocates the main directions of research subjects and makes a conclusion of an insufficient study of the question.

Keywords: civil society, pre-revolutionary Russia, American historiography, German historiography, Russian historiography.

УДК 327.56:1470+571:477"1992/1999"**«ГАЗОВЫЙ» КОНФЛИКТ МЕЖДУ РОССИЕЙ И УКРАИНОЙ:
ОПЫТ РАЗРЕШЕНИЯ В 1992 – 1999 ГГ. *****Е.А. МЕТЛЕНКО***Курский государственный
медицинский университет**e-mail: kathrin_kim@inbox.ru*

В статье дана ретроспектива первого десятилетия российско-украинского «газового» противостояния и представлены факторы, которые следует учитывать в случае нового витка конфликтности в этой области. Автор рассматривает механизм разрешения «газового» конфликта, сложившийся в 1990-е гг., и указывает на малую эффективность его применения при урегулировании споров.

Ключевые слова: российско-украинские отношения, поставки и транспортировка газа, экономическая взаимозависимость, «газовый» конфликт, урегулирование экономических споров.

Большинство существующих сегодня двусторонних проблем между Россией и Украиной имеют глубокие исторические корни. В этом отношении вопрос о «газовом» конфликте, который возобновляется с определенной периодичностью в течение двух десятилетий, не является исключением. Поэтому своевременным представляется создание исторической ретроспективы обозначенной проблемы и оценка возможностей применения исторического опыта урегулирования «газовых» противоречий в условиях реальной перспективы нового витка российско-украинского противостояния в данной сфере.

К моменту распада Советского Союза по украинской территории проходило порядка 95 % газотранзитных магистралей в Восточную и Западную Европу, что определяло ряд возможностей для независимой Украины¹. С одной стороны, это предоставляло чисто экономические выгоды: украинское правительство могло рассчитывать на значительные поступления в государственный бюджет за счет платы за транспортировку природного газа трубопроводным транспортом. В тоже время данное обстоятельство позволяло предположить гибкость России в вопросе о ценах на «голубое топливо» для самой Украины.

Первоначально бывшие советские республики, не исключая Украину, постоянно подтверждали готовность к полномасштабному экономическому сотрудничеству, в том числе к согласованной политике при взаиморасчетах за поставки энергоресурсов и их транзит. В августе 1992 г. были достигнуты первые договоренности непосредственно о поставках газа в Украину и транзит через её территорию, а так же о взаиморасчетах по этим операциям. Межправительственным соглашением на Украину был наложен ряд ограничений. Во-первых, в документе недвусмысленно оговаривалось, что транзитный газ «не подлежит распределению среди населения Украины». Во-вторых, недопоставка газа в третьи страны по вине Украины подразумевала полное возмещение Российской Федерации понесенных в связи с этим убытков. В-третьих, Украина лишалась права реэкспортировать полученный из России природный газ². В соглашении о ценах указывалось, что в случае инфляции или незапланированных колебаний установленных расценок на внутренних рынках размеры оплаты могут быть пересмотрены по согласованию сторон.

Со второй половины 1992 г. в двусторонних экономических отношениях все более остро стала проявляться проблема украинской задолженности за энергоресурсы, в первую очередь, за поставляемый на нужды украинского хозяйства природный газ. В целях решения этой проблемы украинское правительство воспользовалось механизмом полу-

* Статья подготовлена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Государственный контракт № 14.А18.21.0100.

¹ Сиденко В. Российский фактор в украинской политике социально-экономической и геоэкономической трансформации // Полис. М., 1998. № 3. С. 17.

² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины о поставках природного газа и транзите газа через территорию Украины от 20.08.1992 г. // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 24.08.1992. № 8. Ст. 542.

чения технических кредитов³. В связи с тем, что Украина не имела возможности расплачиваться по этим займам, страна постоянно просила об увеличении их размеров и о новых кредитах, а государственный долг Украины перед Россией неуклонно возрастал.

В начале августа 1993 г. Россия впервые в связи с неуплатой приостановила поставки газа в Украину на пять дней. 11 августа украинский премьер-министр в экстренном порядке прилетел в Москву с целью возобновления поставок. На встрече с В.С. Черномырдиным Л.Д. Кучма подтвердил готовность украинской стороны выполнять принятые обязательства, что позволило России гарантировать бесперебойные поставки. Но уже 26 августа РАО «Газпром» вновь заявило о 25-процентном сокращении поставок природного газа в Украину в связи с непрекращающимся ростом украинской задолженности. Осенью ситуация практически не изменилась. Задолженность государственных предприятий Украины, потреблявших 2/3 импортируемого из России природного газа, только возрастала, что заставило украинское правительство принять беспрецедентные меры – объявить об отключении неплательщиков от снабжения⁴. Однако, в отсутствие у неплательщиков финансовых средств, данный шаг оказался бесполезным.

В тоже время, практически сразу выяснилось, что сокращение поставок российского газа в Украину является малоэффективным механизмом для возврата долгов. Напомним, что основная часть пути «голубого топлива» к европейским потребителям проходила именно по территории Украины, что позволяло украинской стороне беспрепятственно осуществлять несанкционированный отбор российского экспортного газа на собственные нужды.

Безвыходность сложившейся ситуации заставляла и российское правительство, и РАО «Газпром» искать альтернативные варианты разрешения сложившейся ситуации. Одним из наиболее приемлемых для российской компании способов погашения задолженностей государствами-контрагентами был частичный переход контроля над составлявшими значительную ценность объектами собственности. В частности, в октябре 1993 г. российский газовый гигант предложил погасить долги Украины путем сдачи в долгосрочную аренду ряда объектов украинской газотранспортной системы⁵. Украинская сторона не желала соглашаться на такое предложение, так как это могло поставить страну в крайне сложное положение в случае нового прекращения подачи газа.

Таким образом, 1993 г. следует считать отправной точкой в развитии открытого «газового» конфликта между Российской Федерацией и Украиной. С одной стороны, он отчетливо продемонстрировал финансовую несостоятельность государств постсоветского пространства и, несмотря на многочисленные амбициозные заявления представителей политических элит, их полную неготовность к переходу на рыночные условия взаиморасчетов при поставках энергоносителей. С другой стороны, выяснилась зависимость России от ряда новых независимых государств, в частности, в газовой сфере – от Украины, которая в условиях финансового хаоса воспользовалась единственным имевшимся у нее преимуществом – своим геоэкономическим расположением.

В феврале 1994 г., после длительного обсуждения между Россией и Украиной, было подписано ключевое для газовой отрасли соглашение. В качестве основных исполнителей по реализации экспорта природного газа в Украину и его транзита по украинской территории в нем фигурировали РАО «Газпром» и производственное объединение «Укр-газпром». Особенно подчеркивалось, что объемы экспортного газа, поступающего на территорию Украины и выходящего с ее территории, должны были совпадать.

Одновременно газовый кризис между Россией и Украиной усугублялся. 16 - 17 февраля 1994 г., т.е. в разгар холодного периода, РАО «Газпром» прекратило экспорт природного газа в Украину. Март также начался с заявления РАО «Газпром» об остановке подачи газа в Украину. Однако прошедшие вскоре переговоры украинского правительства и руководства компании привели к продлению срока поставок до 10 апреля и разработке до этого момента графика погашения задолженности за 1993 г. и начало

³ Технический кредит – межгосударственный денежный кредит, предоставляемый для закупки определенных товаров, который может быть погашен либо обратными поставками товаров, либо оформлением государственной задолженности.

⁴ Смирнов К. Украина пытается погасить долг «Газпрому» // Коммерсантъ. 1993. 15 сентября.

⁵ Салимов М. «Газпром» решил компенсировать свои убытки // Коммерсантъ. 1993. 8 октября.

1994 г. Следует отметить, что принципиальный вопрос о форме оплаты вновь отстояла Украина, добившись права производить ее либо в денежной форме, либо поставками товаров, но не передачей объектов газотранспортной системы⁶.

Таким образом, несмотря на корпоративные экономические интересы РАО «Газпром», оно постоянно оказывалось «заложником» политического диалога между Россией и Украиной. По итогам «газового» противостояния в 1994 г., компания так и не добилась возврата долгов за энергоносители, которые к тому моменту приближались к двум млрд. долларов. Наоборот, по итогам межправительственных переговоров в ноябре 1994 г. Украина получил гарантии поставок газа на декабрь 1994 г. и на весь 1995 г. Причиной такого поворота послужило намерение украинской стороны уступить в споре о зарубежных активах бывшего СССР.

Долговой кризис по поставкам российского природного газа в Украину усугубился на рубеже 1994–1995 гг. В ходе прямых переговоров между украинским правительством и РАО «Газпром» стороны договорились о реструктуризации долга Украины путем выпуска последней государственных облигаций с рассрочкой платежей на 12 лет и их передачи российской корпорации⁷.

Осенью 1995 г. в Украине разгорелся очередной топливно-энергетический кризис, связанный с приближением отопительного сезона. Более чем 50-процентное отсутствие оплаты за энергоресурсы внутренними потребителями автоматически увеличивало внешние долги Украины, в первую очередь, перед Российской Федерацией. В этой связи украинское руководство предприняло попытку развести оплату импортируемого из России газа и плату за транзит топлива в Европу. В этих целях планировалось передать большую часть распределения газа между украинскими потребителями нескольким третьим лицам, а газотранспортную систему по-прежнему оставить в управлении ОА «Укргазпром».

Перспектива замены одного крупного должника большим количеством более мелких российскому газовому монополисту была невыгодна, но обе стороны пошли на компромисс. Теперь вместо одного контрагента в Украине – АО «Укргазпром» – газовый гигант обязался работать еще с восьмью компаниями по реализации «голубого топлива» украинским потребителям⁸.

Как и предполагалось, уже в феврале-марте 1996 г. стало очевидно, что государственные органы и хозяйствующие субъекты Украины не выполняют достигнутые по поводу оплаты газа договоренности⁹.

К концу 1997 г. Правительство Украины приняло принципиальное решение об объединении нефтяного и газового секторов, создав на базе «Укргазпрома» и «Укрнефти» холдинг «Нафтогаз Украины». Руководство страны объясняло данное мероприятие внутренней целесообразностью. Однако основной причиной, как представляется, оставалась острая необходимость возврата долгов за природный газ в отсутствие средств.

Несмотря на многочисленные громкие заявления представителей российской власти и газовой отрасли, Украина продолжала несанкционированный отбор газа сверх установленных объемов. Так, по данным РАО «Газпром» только в декабре 1997 г. Украина превысила допустимый лимит газа на 660 млн. м³, что в денежном выражении составляло 48 млн. \$¹⁰.

В начале 1998 г. стороны разработали и подписали детальную программу экономического сотрудничества на период с 1998 г. по 2007 г.¹¹, которая предоставляла российским компаниям возможность принять участие в приватизации украинского энергетиче-

⁶ Арутюнов Н. Форма оплаты – любая? // Коммерсантъ Власть. 1994. № 9.

⁷ Угода між Урядом України і Російським акціонерним товариством «Газпром» про принципи врегулювання заборгованості України за поставку російського природного газу в 1994 році і забезпечення поточних платежів за поставку природного газу в 1995 році від 18.03.1995 р. // Офіційний вісник України. 2007. № 83. С. 74.

⁸ Пивоваров А. Украинские коммерсанты получили право на экспорт российского газа // Коммерсант 1996. 2 февраля.

⁹ Борис Ельцин: Ярослав Мудрый – великий русский или великий украинский? (Полный текст радиообращения президента 21 ноября) // Коммерсантъ. 1997. 22 ноября.

¹⁰ Гавриш О., Охотин Н. Несанкционированный отбор акций // Коммерсантъ. 1997. 6 декабря.

¹¹ Договор между Российской Федерацией и Украиной об экономическом сотрудничестве на 1998 – 2007 годы от 27.02.1998 // Дипломатический вестник. 1998. № 4. С. 37 – 43.

ского комплекса путем приобретения акций формировавшегося «Нафтогаза Украины». Вскоре в России наступил период «правительственной чехарды», закончившийся приходом на пост Председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина. Вследствие этого в 1999 г. ОАО «Газпром» оказалось в центре внутривнутриполитических событий, и вопрос о возврате долгов Украины за газ временно отошел на второй план.

Таким образом, история поставок и транспортировки энергоносителей по трубопроводам украинского государства в 1990-е гг. демонстрирует, что никакие политические аргументы и договоренности, заключенные соглашения и громкие заявления не могут остановить ставший обыденным несанкционированный отбор российского экспортного газа. Поэтому краеугольным камнем российской «газовой» политики на исходе 1999 г. стала диверсификация путей транзита «голубого топлива» в европейские страны в обход украинской территории.

Что касается попыток разрешения проявлявшегося «газового» конфликта, с 1993 г. в общих чертах прослеживается следующий механизм:

а) российская компания-монополист РАО «Газпром» заявляет о перекрытии поставок газа (реже – действительно перекрывает поставки) в Украину, накопившую огромные долги за энергоресурсы;

б) проходит серия прямых переговоров между РАО «Газпром» и украинским правительством, причем, параллельно, решается какой-либо острый вопрос взаимоотношений России и Украины;

в) украинское государство идет на уступки во внешнеполитическом вопросе и, как правило, получает гарантии дальнейших поставок природного газа и встречные шаги по финансовым аспектам (выдаче государственного кредита, реструктуризации долгов и т.д.);

г) Украина начинает затягивать (в основном, ссылаясь на внутривнутригосударственные проблемы) выполнение взятых на себя обязательств и продолжает несанкционированный отбор газа. С этого момента начинался новый цикл.

С приходом к власти в Российской Федерации В.В. Путина подходы к «энергетическим взаимоотношениям» с Украиной претерпели некоторые изменения. В определенной степени это было связано с преодолением «комплекса старшего брата», который в 1990-е гг. скептически оценивал политические амбиции «младших братьев», но всегда оказывал экономическую помощь в ущерб собственным интересам и раздражался по поводу неуступчивости в политических вопросах. В этой связи следует согласиться с положением, что именно этот концепт (комплекс) породил «иждивенчество» Украины в нефтегазовом вопросе¹².

По нашему убеждению, на современном этапе при урегулировании споров между Россией и Украиной в нефтегазовой области следует учитывать:

крайнюю степень экономической взаимозависимости двух стран;

малую эффективность использования экономических рычагов при решении политических вопросов, а, в ряде случаев, «обратный эффект» от их использования;

необходимость применения механизмов, разработанных международной практикой разрешения экономических споров с привлечением третьей стороны в качестве гаранта выполнения обязательств;

проработку асимметричных вариантов реагирования на нелегальные действия противоположной стороны, одним из которых является работа над альтернативными путями доставки российских энергоресурсов в зарубежные страны;

реальность выполнения достигнутых договоренностей при сложившейся внутренней экономической и политической конъюнктуре, как в собственном государстве, так и в государстве-контрагенте;

двойственность личностного фактора при разрешении межгосударственных противоречий.

Таким образом, в наши дни при разрешении проблем с поставками и транспортировкой энергоносителей в российско-украинских отношениях, в первую очередь, следует учитывать негативный опыт и стремиться к отказу от неэффективных методов взаимодействия.

¹² Мошес А.Л. Россия – Украина: проблемы взаимоотношений// Современная Европа. 2000. № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ieras.ru/journal/journal3.2000/7.htm>

THE “GAS” CONFLICT BETWEEN RUSSIA AND UKRAINE: THE EXPERIENCE OF CONFLICT RESOLUTION IN 1992 – 1999

E.A. METLENKO

Kursk State Medical University

e-mail: kathrin_kim@inbox.ru

The article shows the first decade of Russian-Ukrainian “gas” conflict retrospective and represents the factors should be taken into account in case of new confrontation round in this field. The author suggests the “gas” conflict resolution mechanism formed during 1900th and points out its’ low effectiveness.

Keywords: Russian-Ukrainian relations, gas supply and transportation, the economic interdependence, the “gas” conflict, the economic conflict resolution.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Антонов Е.А.** – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института МВД России, доктор философских наук
- Болгов К.Н.** – аспирант кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Болгов Н.Н.** – заведующий кафедрой всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук, профессор
- Боталова Д.Б.** – эксперт Института развития свободы информации, кандидат политических наук, г. Санкт-Петербург
- Бунин А.Ю.** – доцент кафедры истории государства и права Курской государственной сельскохозяйственной академии имени профессора И.И. Иванова, кандидат исторических наук
- Вепренцева Т.А.** – доцент кафедры истории и культурологии Тульского государственного университета, кандидат исторических наук
- Данилов М.В.** – доцент кафедры политических наук Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, кандидат политических наук
- Демаков И.С.** – аспирант Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук
- Демичев К.А.** – заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Университета Российской академии образования, Нижегородский филиал, кандидат исторических наук
- Дзюбан В.В.** – доцент кафедры философии, истории и социологии Брянского государственного технического университета, кандидат педагогических наук
- Дудка А.И.** – доцент кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Житенев Т.Е.** – доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социальных дисциплин Волжского университета имени В.Н. Татищева, кандидат исторических наук, г. Тольятти
- Зверева И.А.** – аспирант кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета
- Змитрякова Ю.О.** – соискатель кафедры истории древнего мира и средних веков Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета
- Золотухина Ю.В.** – аспирант кафедры российской истории Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Киселев С.А.** – аспирант кафедры философии, истории и социологии Брянского государственного технического университета
- Короченский А.П.** – декан факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук, профессор
- Максимов А.М.** – доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Института управления, кандидат политических наук, г. Архангельск

- Малай В.В.** – профессор кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук
- Малкин С.Г.** – доцент кафедры всеобщей истории Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, кандидат исторических наук, г. Самара
- Масленников А.А.** – профессор кафедры всеобщей истории и археологии Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого, доктор исторических наук
- Метленко Е.А.** – преподаватель медико-фармацевтического колледжа Курского государственного медицинского университета
- Мошкин А.Н.** – профессор кафедры российской истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук
- Панов А.Р.** – профессор кафедры всемирной истории Арзамасского государственного педагогического института имени А.П. Гайдара, доктор исторических наук, доцент
- Польская С.А.** – доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Ставропольского государственного университета, кандидат исторических наук
- Прокофьева Е.Ю.** – доцент кафедры российской и всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Реброва И.В.** – доцент кафедры истории и социальных коммуникаций Кубанского государственного технологического университета, кандидат исторических наук, магистр социологии, г. Краснодар
- Савенков Р.В.** – доцент кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета, кандидат политических наук
- Соколов А.В.** – доцент кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова, кандидат политических наук
- Таточенко В.В.** – старший преподаватель кафедры истории и философии Ярославской государственной медицинской академии, кандидат исторических наук
- Тедеева У.Ш.** – старший преподаватель кафедры гуманитарных, социальных и экономических наук Северо-Осетинской медицинской академии, кандидат исторических наук, г. Владикавказ
- Фоменко М.В.** – старший преподаватель кафедры политической истории Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук
- Черкашина О.Н.** – соискатель кафедры российской истории Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Чувиллина Н.Б.** – профессор кафедры политологии, социологии и философии Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан, доктор политических наук, г. Уфа
- Щербаков А.С.** – доцент кафедры истории и мировой политики Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат исторических наук, г. Санкт-Петербург
- Ярцев С.В.** – доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого, кандидат исторических наук

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в двух экземплярах:

- по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный национальный исследовательский университет;
- по электронной почте редакторам разделов: «Актуальные вопросы отечественной истории» – shatohin@bsu.edu.ru (Шатохин Иван Тихонович – заместитель главного редактора); «Актуальные вопросы всеобщей истории» – bolgov@bsu.edu.ru (Болгов Николай Николаевич); «Актуальные вопросы политологии» – Shilov@bsu.edu.ru (Шилов Владимир Николаевич – заместитель главного редактора); «Актуальные проблемы экономики» – Lomovceva@bsu.edu.ru (Ломовцева Ольга Алексеевна – заместитель главного редактора); ответственный секретарь серии журнала – vasilenko_v@bsu.edu.ru (Василенко Виктория Викторовна); сайт журнала: <http://unid.bsu.edu.ru/unid/res/pub/index.php>.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлегией не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ИНФОРМАТИКА» ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГУ»

В материалы включается следующая информация:

1) УДК научной статьи; 2) аннотация статьи (не более 1200 знаков); 3) ключевые слова; 4) сведения об авторах (Ф.И.О., должность с указанием места работы (без сокращений), ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны); 5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук); 6) текст статьи; 7) ссылки.	}	<p>на русском
и английском
языках</p>
	}	<p>на русском
языке</p>

Технические требования к оформлению текста

1. Текст набирается в Microsoft Word 2000/2003. Лист – А4, портретный. Без переносов.
2. Поля:
 - правое – 1,5 см;
 - левое – 3,0 см;
 - нижнее – 2,0 см;
 - верхнее – 2,0 см.
3. Шрифт:
 - гарнитура: текст – **Georgia**; УДК, название, ФИО автора – **Impact**;
 - размер: в тексте – **11 пт**; в таблице – **9 пт**; в названии – **14 пт**.
4. Абзац:
 - отступ 1,25 мм, выравнивание – по ширине;
 - межстрочный интервал – одинарный.
5. Ссылки:
 - номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
 - нумерация – автоматическая, сквозная;
 - текст сноски внизу каждой страницы;
 - размер шрифта – 9 пт.
6. Объем статей: до **8 страниц (Georgia, 11 пт)**.
7. Формулы набираются в «Редакторе формул» Word, допускается оформление формул только в одну строку, не принимаются формулы, выполненные в виде рисунков, формулы отделяются от текста пустой строкой.
8. Требования к оформлению статей, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи

УДК 65.01

КЛЮЧЕВЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЮ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ^{*}

А. В. ИВАНОВ¹**Л. Н. ПЕТРОВ²**¹⁾ *Департамент экономического развития Белгородской области*²⁾ *Белгородский государственный национальный исследовательский университет**e-mail: bor@bsu.edu.ru*

При выборе пути инновационного развития необходимо учитывать возможные риски и ограничения социально-экономического развития, продуцированные перспективами постепенного вступления России в единое мировое экономическое пространство. В работе рассмотрены ключевые вызовы развитию России и регионов на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: глобализация, вызовы развитию, риски и ограничения социально-экономического развития, региональная политика.

В последние годы в российском обществе обозначился явный дефицит долгосрочного (на 10-15 и более лет) видения перспектив развития национальной экономики¹.

KEY CHALLENGES TO REGION DEVELOPMENT IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

A. V. IVANOV¹**L. N. PETROV²**¹⁾ *Department of Economic Development, Belgorod Region*²⁾ *Belgorod National Research University**e-mail: bo@bsu.edu.ru*

Choosing a way of innovative development it is necessary to take into account the risks and restrictions of socio-economic development, produced by prospects of the gradual introduction of Russia into the whole world economic space. There considered key challenges to development of Russia and its regions for the long-term prospect.

Keywords: globalization, challenges to development, risks and restrictions of socio-economic development, regional policy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов А.В.

- кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и права Белгородского государственного университета 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: dizelsnab@mail.ru, тел. 33-22-44

¹ Караганов С.А. XXI век и интересы России // Современная Европа. 2004. №3. С. 6; Айналов Д.В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900. С. 2.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на 2-х страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Расположение начала таблицы.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Продолжение таблицы, расположенное на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру под рисунком.

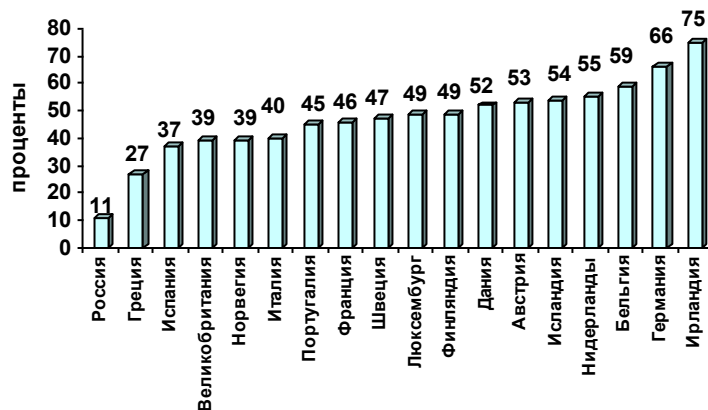

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

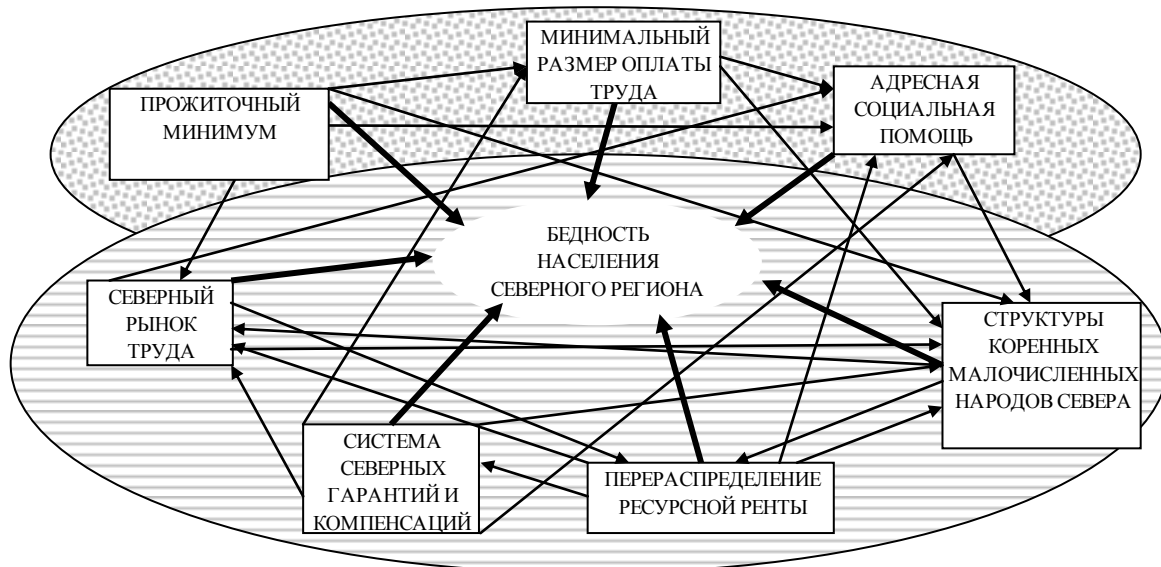

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.

За публикацию рукописи в журнале «Научные ведомости Белгородского государственного университета» плата с авторов не взимается.